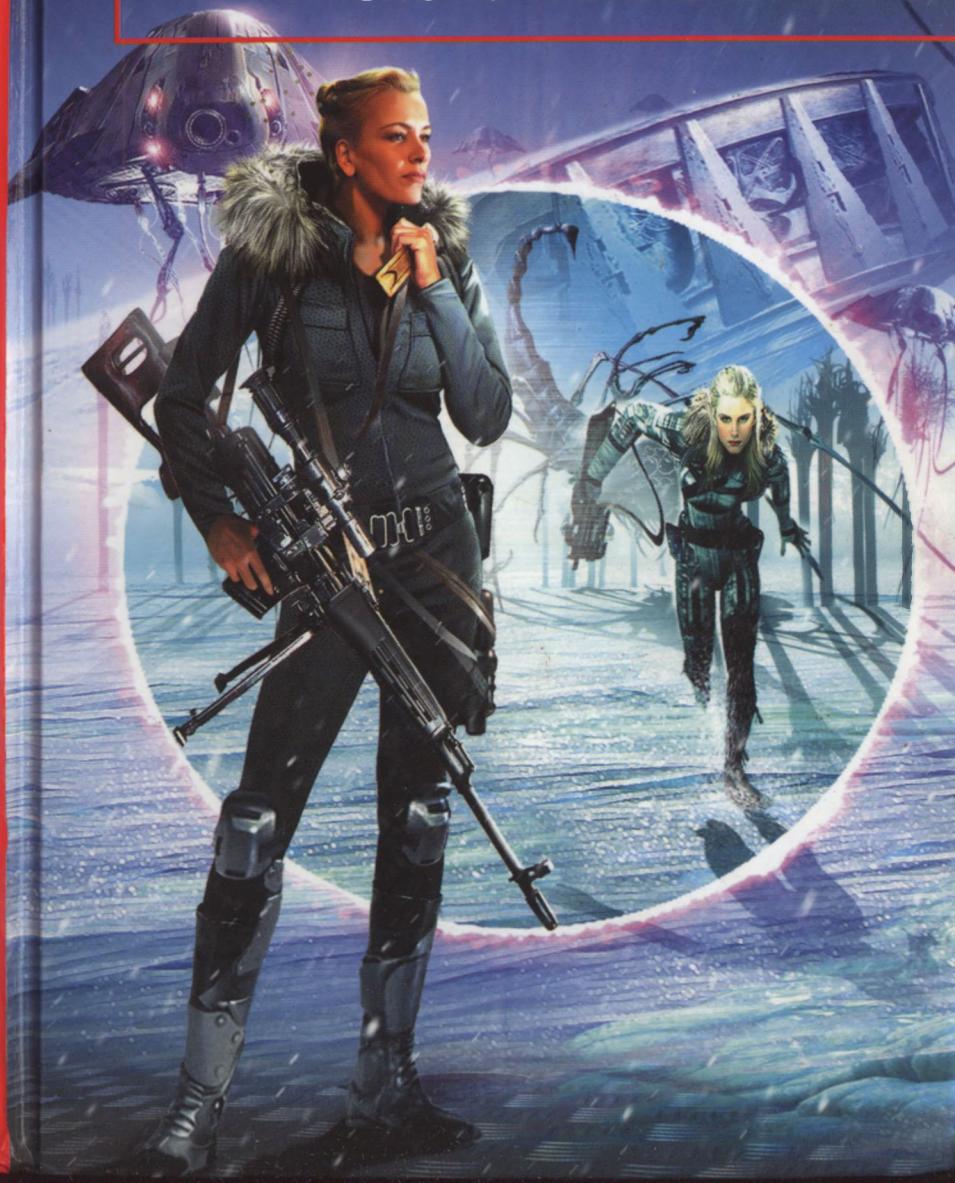

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

СКОРО ПОЛНОЧЬ. Том 2

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

СКОРО ПОЛНОЧЬ. Том 2

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА
БРЕМЯ ЖИВЫХ
ДАЛЬШЕ ФРОНТА
ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ
СКОРПИОН В ЯНТАРЕ
ЛОВИТЕ КОНСКИЙ ТОПОТ
СКОРО ПОЛНОЧЬ

ТОМ ПЕРВЫЙ
АФРИКА ГРЕЗ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

ТОМ ВТОРОЙ
ВСЕМ СМЕРТЬЯМ НАЗЛО

**ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ**

**СКОРО
ПОЛНОЧЬ**

ТОМ ВТОРОЙ
**ВСЕМ СМЕРТЯМ
НАЗЛО**

ЭКСМО
МОСКВА
2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-45

Оформление серии *E. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете А. Дубовика

3-45 Звягинцев В. А. Скоро полночь : фантастический роман : в 2 т. Т. 2 : Всем смертным назло / Василий Звягинцев. — М. : Эксмо, 2009. — 448 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-39131-8 (т. 2)
ISBN 978-5-699-39134-9

Где бы они ни появились в надежде на тихое пристанище, через некоторое время туда приходит война, и неважно, в какой из реальностей Новиков, Левашов, Шульгин и их соратники по «Андреевскому братству» оказываются на этот раз. Что это — страшная закономерность, жестокая судьба или гипотетические Держатели Мира снова и снова решают проверить их на прочность или выявить пресловутый предел возможностей? Калейдоскоп миров и времен на этот раз переносит друзей из охваченного боями Трансваала на Валгаллу, в одночасье превратившуюся в «поле брани», заставляя наконец принять решение о последнем и решительном сражении с дутярами, чье нарушение угрожает самому существованию человечества. Однако не все так просто и однозначно, и победа в битве не всегда означает выигранную войну...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-39131-8 (т. 2)
ISBN 978-5-699-39134-9

© Звягинцев В. Д., 2009
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо» 2009

Приводят одного, взамен берут другого
И никому не говорят ни слова.
Нам тайны не откроют никогда,
Что было — будет повторяться снова.

О. Хайям

ГЛАВА 1

орт Росс-3 был хорош тем, что, выстроенный на краю Земли в начале двадцатых годов XX века, он представлялся настоящим убежищем. Сюда не мог проникнуть ни один посторонний, хоть друг, хоть враг. У друзей, специально не приглашенных, отсутствовали нужные транспортные средства. Самолеты из Европы на такое расстояние не летали, пароходом только до Веллингтона добираться месяц, а потом — или каботажное судно нужно фрахтовать, или на лошадях пятьсот километров через горы, в которых без проводника дороги не найдешь.

Врагам, попытавшимся проникнуть в форт, пришлось бы еще хуже. Оборонительные сооружения с моря и с суши были непреодолимы в гораздо большей степени, чем линия Маннергейма суворой зимой — для пехотных батальонов.

Поэтому, вернувшись в тот самый коттедж, где они с Аллой провели первые дни после спасения из Калифорнии своего мира, Ростокин испытал ни с чем не сравнимое чувство облегчения и покоя.

Не так уж трудно им пришлось, в сравнении с командой Новикова, а все же... Это приблизительно то же самое, как нормальному человеку возвратиться после ночной прогулки по трущобам старой Москвы или кварталам Гарлема. Ничего особенного не случилось. Увидел, конечно, несколько безобразных сцен, участником которых не захотел бы оказаться, но ни пистолет, ни

кастет не пригодился, и лицо без ссадин, и зубы все на месте.

Тяжелая дверь квартиры затворилась, этаж у тебя шестой, а внизу, у парадной, швейцар дежурит, здоровенный дворник поблизости от него, с костяным свистком поверх фартука, готовый вызвать пронзительной трелью сразу четырех городовых с ближних перекрестков. То есть жизнь снова стала такой надежной и спокойной, как и положено.

— Может, давай Виктора к нам позовем? — спросил Игорь у Аллы, когда они закончили раскладывать по полкам стенного шкафа свои немногочисленные дорожные вещи. — Посидим за чаем, разберемся, как дальше жить будем...

По крыше и козырькам подоконников забарабанили редкие капли, очень быстро слившиеся в сплошной дождь, обычный для этой местности.

— Глупости ты говоришь, милый, — ответила ему Алла, слишком многому, на взгляд Ростокина, научившаяся у своих старших подруг. — Камин лучше наверху разожги, а я сейчас... Тут же сауна есть.

Она начала раздеваться прямо посередине комнаты, не устраивая стриптиза, а просто как у себя дома, без свидетелей, в беспорядке бросая на диван детали туалета.

Но выглядело это не менее возбуждающее. Игорь не раз задумывался на подобную тему. Ему казалось, что авторы «фильмов для мужчин» делают большую ошибку, придумывая совершенно нежизненные сценарии. Куда интереснее для массового зрителя были бы сексуальные эпизоды, «совершенно случайно» происходящие с нормальными женщинами и даже девушками. «Ах, это ведь произошло так неожиданно! Я и не подумала...»

Только ему, военному корреспонденту, никогда не удавалось выкроить времени, чтобы взять вдруг и напи-

сать нечто подобное, и найти издателя, согласного столь изысканные тексты купить.

— Неужели ты до сих пор не понял, — спрашивала Алла, балансируя на одной ноге и стягивая с другой длинные, украшенные несколькими ярусами кружев панталончики. Тех аскетических трусиков-плавок, что носили подруги, рожденные в XX веке, она так и не смогла принять в качестве подходящих *нормальной* женщины.

— Мне все посторонние люди ужасно надоели. И их пароход, и постоянная необходимость изображать себя членом какого-то общества. Виктора тоже видеть не хочу. Чего еще и он сюда приперся?! И звать его к нам не смей! Приготовь что-нибудь на двоих. А я быстро. И сам за мной не лезь. Мне одной побыть надо!

Резко дергая тугими ягодицами и покачивая великолепными грудями, Алла широкими шагами пересекла гостиную, зашлепала босыми ногами по лестнице в полуподвал, где помещался домашний спортивно-оздоровительный комплекс. Тренажерный зал, небольшой, всего лишь пятнадцатиметровый, бассейн, питающийся ледяной родниковой водой, сауна, еще кое-какие процедурные помещения.

«Вот зараза, — подумал Ростокин, рассматривая этикетки выставленных в баре бутылок. — Ничем ее не перевоспитаешь. Напиться бы сейчас, ей назло, и завалиться спать. Так ни хрена не выйдет. Еще больше разорется и все равно сделает по-своему... Так стоит ли? Придется ужин готовить».

Его раздражение несколько поумерилось, когда Алла вернулась, распаренная, закутанная в яркий махровый халат, с головой, обернутой полотенцем наподобие тюрбана. Игорь подумал, что, пожалуй, и вправду неплохо будет сегодня обойтись без гостей. Погода за окнами располагает к тихим домашним радостям.

— Я наверх. Приведу себя в порядок, а ты через полчасика поднимайся.

Чтобы не терять времени зря, Игорь смешал себе сложный коктейль и позвонил Шульгину. Александр ответил не сразу. Неужели тоже принужден исполнять супружеский долг? Если так, то неудобно. Однако голос Шульгина был бодрым и свежим.

— Что там у тебя? Я думал, ты с дороги отдоыхаешь.

— Собираюсь только. Тут очередная мысль в голову пришла. По поводу Шатт-Урха. Он сейчас где, кстати?

— В специально отведенном помещении. В отличие от нас, ему компания не требуется. Очередную партию видеоматериалов, специально отобранных, мы ему отгрузили, ими он и занимается. Никуда не денется. А ты чего хотел сказать?

— Да вот подумал — перед тем, как снова допрашивать, надо, чтобы Олег со Скуратовым с той техникой, что у вас имеется, повозились. Нечто типа транслятора этакого собрать. Ты же с чекистами работал, понимаешь, о чем я? Наверняка ведь можно на базе той информации, что у всех поднакопилась, а особенно у Ларисы лично, специальный ментальный пакет подготовить. Для воздействия на психику гостя. Я даже сценарий готов набросать...

— Интересно. Я, правда, чтобы не заморачиваться, хотел сразу на Удолина выйти, Урха ему сдать и навсегда от этой проблемы избавиться. Но если ты считаешь... Хорошо, я Олегу скажу. Приятно видеть, что офицеры о долге службы в любой обстановке помнят. «О воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, и паки¹ ото сна восстав, читай усиленно Устав...»

А если попроще — перестал бы ты хоть на ближайшие сутки о разных глупостях думать. Как будто больше заняться нечем!

Слова Шульгина прозвучали с таким убийственным сарказмом, что Игорь едва не втянул голову в плечи.

¹ Паки — снова (церковнославянск.).

Умеет же человек, ничего обидного не сказав, заставить чувствовать себя настолько не в своей тарелке...

Так ведь и прав Александр Иванович, как всегда прав. Если есть дело — неделями спать не позволит, исключительно за счет силы убеждения и личного примера. А если дела неотложного нет — отдохай и развлекайся на всю катушку, «в меру своей фантазии и испорченности». Это тоже фраза из его дежурного набора.

Тем более, обстановка вокруг какова! За окнами и в каминной трубе завывает ветер, свежий, переходящий в крепкий. Дождь струится по оконным стеклам, в свете уличных фонарей серебристые водяные потоки мчатся по брускатке мостовой вниз, к набережной. Хорошо, что нет никакой необходимости выходить на улицу сейчас. И завтра с утра тоже. Спи сколько влезет, больше не думая о чужой войне, длящейся (длившейся) по ту сторону океана двадцать пять лет назад.

Однако при мысли о том, что друг Виктор брошен, предоставлен самому себе в еще одном чужом для него мире, Игорю стало не по себе. Даже постель ему согреть некому.

Разумеется, проблема, легко решаемая в нынешних условиях, для тридцатипятилетнего, видного собой мужика. Не сегодня, конечно, но в ближайшие дни.

«Вольнонаемное» население форта превышало триста человек. В большинстве — люди двадцать первого — двадцать четвертого годов, в том числе и кое-кто из бывших офицеров, категорически не захотевших после окончания Гражданской иметь какое-либо отношение к военной службе. Ни к какой, в ударном ли батальоне Басманова, или в строевых частях армии и флота Югороссии. Смертельно уставшие от войн, революций, в плоть и кровь вошедшего ожидания новых потрясений.

Они согласились уехать на край света для выполнения обычной работы, как во все времена находились желающие отправиться хоть в Якутск и Анадырь, хоть в Австралию или на Фолклендские острова. И не только ради очень хорошей зарплаты. Людей влекло новое, возможность испытать себя в необычных условиях.

Наравне с ними в Новую Зеландию пожелало отправиться немалое количество граждан и гражданок из двухтысячных годов обеих реальностей. Одни, из постсоветской России, — желающие обещанных благоустроенной и покоя, другие — подданные Олега Константиновича — наоборот, в поисках острых ощущений, поскольку каждой романтически настроенной личности была обещана возможность оказаться в мире Чарли Чаплина, Дины Дурбин, Греты Гарбо и Аль-Капоне.

По этой причине среди новопоселенцев форта было достаточно молодых женщин, от двадцати до тридцати лет, с высшим гуманитарным, как правило, образованием. И медицинским. Инженерши, математички и теорфизички на приглашения вербовщиков обычно не откликались.

Игорь в заботе о друге ошибся, применив к нему собственное отношение к жизни. Одиночеством Скуратов не мучился. Он не мог оторваться от полок, забытых изумительными книгами.

Новиков, куда больше понимая в людских характерах, определил гостя на жительство в укрепленный замок, высившийся над поселком и фьордом. Тот был, конечно, невелик, но не так уж и мал.

Сто метров по переднему фасаду, пятьдесят — по боковым. Пять этажей главного корпуса, четыре тридцатиметровые башни по углам, внутренний двор с галереями, фонтанами, садом и клумбами. В то время, когда он возводился, у Антона технических проблем не

возникало, и он посодействовал — так же, как и с «Валгаллой».

Потребовались только эскизы и указания по ходу оформления интерьеров, чем увлеченно занималась Наталья. А ей-то как здорово: учили хрущевки проектировать, на работе реально — лестницы в пятиэтажке нарисовать доверяли. И вдруг — берись, дорогая, что хочешь строй, хоть Кёльнский собор, только не за четыреста лет, а уложись в полгода.

Она и уложилась. Выстроила для «Братства» дом на горе, похожий на все сразу.

Андрей объяснил Скуратову — независимо от того, что память всех персональных и Самого Главного компьютера содержала неограниченные объемы информации, целый этаж здесь отведен под настоящую, набитую бумажными книгами библиотеку.

Захочет ли кто-нибудь искать нужный том сначала в каталогах, а потом на бесконечной протяженности высоченных стеллажах, или нет — совершенно неважно. Сам факт обладания таким количеством реальных раритетов создавал особенное ощущение. Воплощение детских мечтаний о возможности доступа к любым книгам, сколько их есть на свете.

Скуратов, увидев теряющиеся в полумраке проходы между полками, аж заурчал непроизвольно. И едва удержался от желания немедленно броситься в недра сокровищницы. Как будто мало он в своей жизни видел библиотек, и академий разных наук, и Главную Российскую, Британскую, Конгресса САСШ тоже. Но это ведь библиотека другого мира! Любая изданная после тысячи девятьсот пятого года книга чем-то да отличается от своих аналогов, а уж после двадцатого или тридцатого... Перед ним расстилается безграничное поле неизведенных знаний!

— Подожди, Виктор Викторович, успеешь, — мягко

сказал Новиков, под руку выводя академика из книгохранилища в хорошо освещенную просторную комнату. — Я тебя в курс введу. Вот здесь, где мы стоим, — это абонементный отдел. Справа, как видишь, каталог, алфавитный и систематический. Все очень просто. Разберешься?

— Вы что обо мне думаете?

— Мне думать незачем. Давно надоело. Я за других переживаю, у которых этот процесс еще не завершился. Вот тут разные буквы написаны — это алфавитный. Нажмешь «Т» — всех авторов, кто имел удовольствие с этой литерой начинаться, на экранчике перечислять начнет. Фамилия, имя, отчество, потом заглавие труда. Как у нас в тюремной библиотеке было написано: «Братва! Знаете, Толстых было много. Если не в падлу, называйте, пожалуйста, инициалы».

— При чем тут тюрьма? — оторопело спросил Скуратов.

— Да ни при чем. Просто к слову.

Новиков с прежней наставительной интонацией объяснил, как пользоваться систематическим каталогом, сообщил, что этажом ниже есть жилые комнаты, где можно кратковременно отдохнуть или поселиться постоянно.

— Жильцов, кроме вас, здесь пока нет, однако горничная на месте. Позвоните, вот кнопочка — сделает что нужно. На первом этаже управляющий, тоже придет по первому зову. Теперь понятно?

— Спасибо, понятно, — ответил Виктор. Чувствовалось, что внимание Новикова и его заботливо-поучающий тон его несколько раздражают. Он к такому не привык, последние годы сам изрекал непререкаемые истины, а ему почтительно внимали.

— Тогда занимайтесь. Наши домашние телефоны — вот они, — Андрей положил на столик карточку, где были переписаны двузначные номера всех членов «Братства», ныне в форте присутствующих. — Общий

завтрак — с десяти до одиннадцати в ресторане второго этажа этого здания. Теперь позвольте откланяться. Желаю приятного времяпрепровождения.

«Кажется, несколько хамовато я себя держал», — думал Новиков, спускаясь по широкой лестнице. Но раскаяния не испытывал. Что он был очень утомлен и издерган всем предыдущим, объяснять не стоит. А тут ему на голову (так уж он воспринимал свою не добровольную, навязанную со стороны роль в «Братстве» — волей-неволей, но отвечать за все) свалился еще и Скуратов.

«Такие ребята привыкли воображать о себе больше, чем заслуживают. Ну, лауреат, ну — компьютерный гений! И что? Понять можно, человек, очутившийся в новой компании, пытается обозначить, даже и неявно, что он «альфа», а не «бета» или тем более «омега». Так никто ведь и не возражал.

Просто здесь так не принято. Правильно сказал грубый генерал Кутепов, когда Врангель предложил Берестина ему в начальники: «Погоны я вижу, а человека за ними — еще нет!» Хорошо, Алексей быстренько сумел доказать противоположное.

Новиков был не очень справедлив к новому товарищу. Скуратов ни разу не попытался словом или жестом показать свое превосходство, но что-то такое улавливалось в его поведении, почему Андрей и произвел своеобразную профилактику. Сам понимая, что ведет себя не слишком хорошо. Не зря ведь многие люди его недолюбливают. Та же Лариса.

Однако интуиция подсказывала. С другим человеком он, может быть, и не стал бы пережимать. А здесь нужно. Пусть и еще одно поймет: в суровое время попал, не пожалеют просто так, пряничком не угостят, по головке не погладят. Как в казарме по первому году службы.

А все остальные «дамы и господа» пусть остаются милыми и деликатными. Для контраста.

«А я ведь совсем недавно таким не был, — продолжал рефлектировать Новиков. — Ростокина мы с Иркой приняли, как младшего братишку с девушкой его, и ни разу я не озабочился их нравственными принципами. Может, я Скуратова как возможного соперника воспринял, отчего и подавелся? Да нет, не похоже, точек пересечения у нас с ним нет. Значит, я, как взводный старшина, просто захотел рявкнуть на того, кто из строя на полшага высыпался? И это не мой характер. Берестинский, воронцовский, но никак не мой. Так что же? Опять потянуло сквознячком из могилы?»

Тьфу! Дурацкие мысли его охватили, наверняка — последствия недолеченной депрессии.

Еще одно дело оставалось сделать, а потом можно и отдохнуть. Он сразу проводил Скуратова в библиотеку, не представив его предварительно смотрительнице гостевых помещений. Гостей здесь бывало не так много, но как раз это ее устраивало. Меньше хлопот. Отработает срок контракта, вернется в родной Ростов, на скопленные средства откроет собственное заведение, замуж выйдет. Лет ей немного, тридцать пять только осенью исполнится.

— Здравствуйте, Нина Семеновна, — сказал Андрей из прихожей. Хозяйка лежала на диване в большом зале, положив длинные полные ноги на изогнутую спинку, и смотрела какой-то фильм по телевизору. Видеозапись, конечно, эфирного телевидения здесь не было, и еще лет сорок не будет.

Услышав голос, она сначала повернула голову, потом вскочила, как солдат по тревоге:

— Вернулись, Андрей Дмитриевич? Сколько же вас не было? И с моря не погудели, и так не предупредили? А я тут валяюсь...

— Ну вот и зашел. Предупредить. У вас все нормально?

— А что здесь может случиться? — Голос у нее был низковатый, волнующий очень многих мужчин. Да и в остальном женщина она была видная, крупная, с привлекательным лицом и пышными длинными волосами.

— Да мало ли...

— Это у вас все время что-то происходит, а у нас дни тянутся и тянутся. Беспространно. Море шумит, до-ждик льется. Если б не заработка — давно бы сбежала с вашей каторги. Простите, Андрей Дмитриевич. От тоски книжки начала читать. Недавно этого — Мельника-Печерского... Ну-удно, а как-то успокаивает...

— Что-то ты, Нина, в меланхолию впала, — усмехнулся Новиков, доставая из кармана сигарету. — Наверняка тебе надо жалованье повысить, а то в Ростове, небось, дома дорожают... А вместо Мельникова-Печерского Артура Миллера почитать.

— Вам винца налить, Андрей Дмитриевич, или покрепче чего? — словно бы пропустила мимо ушей прельстительную фразу домоправительница.

— Давай покрепче. И себе тоже...

Выслушав обычные жалобы на скучную здешнюю жизнь, Андрей покивал сочувственно, пообещал, что теперь станет веселее.

— Да как же вы в дом вошли, что с вахты мне не сказали? Кто там дежурит, Женяка, что ли? Ну я ему покажу!

— Да при чем тут Женяка, я сзади зашел, со своим ключом. Гостя тебе привел. Он сейчас в библиотеке. Виктор Викторович зовут. Ты через полчасика поднимись, посмотри, как ему там. Время позднее, спать скоро надо. Комнату человеку приготовьте. Ты одна здесь дежуришь?

— Еще Маринка, только, наверное, в клуб побежала. На танцы... — сказано это было с почти неуловимой двусмысленной иронией.

— Значит, сама займись.

Новиков допил рюмку, пару раз затянулся сигаретой перед тем, как затушить ее в пепельнице.

— Он, гость наш, мужчина очень почтенный, большой ученый...

— Старый, значит?

— Чего вдруг? Наших лет. Но — ученый. Академик, между прочим. И — из дальних краев.

— Американец?

— Опять ты спешишь. Русский, натуральный. Но в Югороссии никогда не был. Так ты вот что... Прояви к человеку внимание. Номер ему подбери получше, перекус сообрази, разговором займи... Только... — изобразил он озабоченность. — Есть у меня сведения, что до женского пола он чересчур падкий. Так ты с ним поаккуратней. Если вдруг чего — сразу бить не надо. На словах объяснись. А то представляешь — завтра общий торжественный обед, и у дорогого гостя — фингал под глазом... Уловила?

— Ох, Андрей Дмитриевич, — Нина притворно вздохнула, изображая глубокую печаль, — опять вы свои шуточки шутите? Когда это я кого-то била? Ну, правда, в Ростове пацаны меня остерегались, так то ж когда было!

Глаза у нее блеснули ведьмовскими искрами. Новикова Нина Семеновна, как мадам Грицацуева Бендера, «уважала», но совсем не боялась. Любила с ним пошутить, а и иногда и на серьезные темы, под настроение, порассуждать.

«Да, Скуратову можно позавидовать, в любом раскладе, — подумал Андрей. — Если не ошибется в схеме поведения, сумеет на Нину впечатление произвести, его ждет много интересного помимо библиофильских утех».

Новиков притворил за собой массивную калитку и начал спускаться по каменной лестнице от замка к своему коттеджу, ближайшему на центральной улице.

Дождь хлестал по надвинутому до самых бровей капюшону плаща. Хорошо, что сапоги он надел высокие, не-промокаемые. Можно не обращать внимания на потоки воды и глубокие лужи.

Как там в две тысячи пятьдесят шестом романтические отношения принято завязывать — неизвестно, у Андрея случая выяснить не было, не Ростокина же с Аллой об этом расспрашивать. Но одинокая женщина из тысяча девятьсот двадцать пятого, если интерес почувствует, найдет способ преодолеть культурологический барьер.

Пойдет все так, как он предполагает, Скуратова можно будет привязать. На ближайший отрезок времени. Нина Семеновна — дама того типа, что способна увлечь почти любого мужчину и интуитивно знает, как вываживать крупную рыбу спиннингом. Если что — для себя. Прикажут — для начальства.

Андрей не знал, зачем ему нужна еще и эта интрига, но столько в жизни было всяких неожиданностей, что появление в угрожающий *период* постороннего человека, настроенного включиться в спаянную компанию, не могло не внушить определенной тревоги.

Если есть возможность переключить внимание нового фигуранта, пусть ненадолго и на незначительную цель, — это нужно сделать. Выйдет холостой выстрел — не беда. Он в любом случае получит дополнительную информацию, а «подозреваемому» не нанесет никакого морального или физического вреда. Испытает ли при этом сам фигурант удовольствие или разочарование — вопрос из другой плоскости.

Тут Новиков не ошибся. Пока Нина, заинтригованная начальником, переодевалась для встречи с редким, да еще и высокопоставленным гостем в служебный костюм старшей администраторши: ярко-vasильковый обтягивающий костюм, юбка чуть выше приятно-круг-

лыж колен, двубортный китель с золотыми пуговицами, кружевная, просвечивающая где надо блузка, Скуратов успел нагрести с полок десяток толстых книг, одни названия которых вызывали у него внутреннюю дрожь исследователя. Уселся за ближайший стол и начал их жадно перелистывать.

Совершенно не подозревая, какую суматоху вызвал.

Маринка, оторванная от танцев, готовила «специальному гостю» лучшие из имеющихся апартаментов. Повар, поставленный в условия жесткого цейтнота, изобретал ужин, обрадовавший бы и случайно заехавшего сюда наследника французского престола.

И это все при том, что Нина означенного гостя еще не видела. Так тем интереснее. Андрею Дмитриевичу она в любом случае угодит, а что в результате получится — особая статья.

ГЛАВА 2

«Служба охраны реальности» (СОР), достаточно долго функционировавшая в качестве одного из подразделений «Братства», в какой-то момент, как показалось, себя изжила. По той причине, что в результате самоустраниния Игроков и целого ряда связанных с этим фактом явлений мир «1925» словно бы стабилизовался, и никакие «нечеловеческого происхождения» потрясения ему больше не угрожали. Изучение доступными методами характеристик ближних Узлов Сети показало, что все возможные перемены отныне будут осуществляться только в рамках зафиксированного континуума и смогут затрагивать лишь государственное и политическое устройство действующей реальности, но никак не ее физические основы.

Тогда же были открыты пути в оба мира «2004/05», сосуществующие «борт к борту», но резко отличающиеся своим общественным строем, темпами истори-

ческого и технического прогресса, при этом настолько конгруэнтные, что перемещение между ними не составляло почти никакого труда. При не совсем понятном механизме этого странного *совмещения* оно позволяло с минимальными усилиями переправлять в обе стороны практически неограниченное количество людей и боевой техники. Что и привело однажды к небольшому вооруженному конфликту с участием представителей сразу трех реальностей¹.

Состоялось даже специальное заседание, принявшее решение о негласном упразднении «СОР» и преобразовании ее в «Комитет Активной Реконструкции Реальностей». Тогда эта тема показалась актуальной, и, нужно отметить, несколько проведенных активных операций имели явный успех. Только вот никакой более-менее понятной теории, хотя бы приблизительно объясняющей физический механизм взаимоотношений между «братскими мирами», создать не удалось. Теории, пригодной даже не для прогнозирования, просто для осознания смысла периодически возникающих парадоксов асинхронно текущего там и тут времени. Бывало, что оно совпадало до секунд, потом вдруг начинало стремительно ускользать в одном континууме и тормозиться в другом. И наоборот, естественно.

С таким же примерно явлением «неоднородности времени» наши герои столкнулись только что, оказавшись в окрестностях земли дагонов и базы дутгиров. И это говорило о том, что налицо явления одного порядка. Но по-прежнему оставалось непонятным — искусственного происхождения эти деформации или носят вполне естественный характер.

К счастью, все основатели, они же «действующие лица и исполнители» «СОР» и «КАРР», сейчас были на месте и могли беспрепятственно провести очередное заседание. Новиков именовался «администратором»,

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

Шульгин сам для себя придумал должность «старшего оперуполномоченного». На вопрос Дмитрия, кто будет младшим, он здраво ответил, что за этой категорией дело не станет. Соответственно, Воронцов назвался «начальником тыла», а Левашов — «техническим директором».

Все это имело оттенок привычной ролевой игры, но с глубоким внутренним смыслом. Никто не хотел, чтобы их занятие выглядело слишком всерьез. Стоит только вообразить себя действительными вершителями судеб мира (не одного вдобавок), как случится то, что случалось уже тысячи раз в любой из известных историй.

Пока Маркс и Энгельс, Плеханов, Ленин и их единомышленники, да и Гитлер с соратниками забавлялись дискуссиями в пивных или благополучных мещанских квартирах, писали заумные статьи, не слишком понятные даже авторам, создавали «партии нового типа» с сотней членов, вреда от этого не было почти никакого. А вот когда кое-кто из названных персонажей решал, что пора брать власть, и со страстной верой в свое великое предназначение принимался за «переделку общества», тут и начиналось...

Одно дело — исправить некие явные ошибки истории, пресечь постороннее злонамеренное вмешательство в ее ход, да хотя бы проверить на практике собственные социopsихологические теории, после чего отойти в сторонку, предоставив событиям развиваться по своим внутренним законам, и совсем другое — по-настоящему захватить власть (плевое дело, с их возможностями), хотя бы «в одной, отдельно взятой стране» и более уже ни на что не отвлекаться. До конца — победного или наоборот, неважно. Как Сталин, Гитлер, Мао, Пол Пот...

На такое ни один из членов «Братства» согласен не был.

Две параллельные улицы поселка были совершенно пусты, и окна большинства коттеджей не светились. Почти в половине из них никто не жил, строили их впрок, в расчете, что население форта будет увеличиваться естественным образом и за счет притока иммигрантов: из основной и параллельных реальностей. В других хозяева уже отошли ко сну. Здесь было принято рано ложиться и рано вставать.

Новиков спустился до самой набережной, постоял, любяясь прибоем и вслушиваясь в гул и грохот разбивающихся о скалы волн. Фьорд обычно сохранял безмятежную гладкость водной поверхности, но иногда, при определенном направлении ветра, в нем разыгрывался почти настоящий шторм.

Хорошо было курить, пряча сигарету в кулаке, под защитой глубокого капюшона, и думать о вещах совсем нейтральных. Кое-что вспоминать из своей «человеческой» жизни, оставшейся за перевалами времен.

Андрей швырнул догоревший окурок вниз, пошел обратно, по такой же крутой и безлюдной параллельной улице. Только на первой дома были из красного кирпича, а на этой — из желтого.

Давным-давно, даже страшно вспомнить когда, он любил бродить по ночной Москве под моросящим дождем, подняв воротник плаща, засунув руки в карманы, воображая себя кем-то вроде местного Алены Делона, который на следующем перекрестке обязательно встретит ту самую девушку, которая никак не попадалась днем.

Это было еще до того, как он действительно встретил Ирину, и именно ночью. Только дождя в тот раз не было. Наверное, уже в молодости он умел создавать локальные мыслеформы, не подозревая об этом.

Андрей поднялся на высокое крыльцо коттеджа, одного из свободных, но всегда готовых к приему гостей. Захочется, например, как сейчас, в преферанс поиграть, так не идти же в семейный дом, где самая госте-

приимная хозяйка рано или поздно не выдержит громких разговоров и всепроникающего табачного дыма.

Для подобных целей подходили и многочисленные помещения замка, но вчетвером лучше собраться в более приватной обстановке.

В прихожей на вешалках уже висели обсыхающие плащи, на полу ровненько, будто в казарме, выстроились штормовые сапоги.

Новиков добавил к ним свои, выбрал домашние туфли по вкусу, поднялся по двухмаршевой лестнице с резными балюсинами.

В обширном зале с пылающим камином во всю стену его появление встретили приветственными возгласами. Будто год не виделись. Кстати, ватманский лист с художественно нарисованной «пулей» уже лежал на ломберном столике. Рядом — нераспечатанная колода карт и все необходимые для правильной игры аксессуары.

— Что, прямо сейчас и начнем? — спросил Андрей.

— А чего ждать? — хищно усмехнулся Шульгин, неизвестно перебирая пальцами, будто уже начал сдавать карты. — Мы сколько не играли?

Новиков прикинул. Выходило, что давненько.

— Сейчас доложу, — поднялся Левашов, взял со стола, открыл в нужном месте толстый ежедневник. — Вот-с, такого-то месяца, числа, независимого года... Год и два месяца, судари мои. И в последний раз господин Новиков изволили проиграть ровно девять тысяч рублей ноль-ноль копеек. Думаю, желают отыграться.

— Давненько не брал я фишек в руки, — вздохнул Андрей. Поиграть захотелось невыносимо. Взять со стола свои десять карт, неторопливо раскрыть, пробежать глазами, оценить, соображая, а что же там в прикупе для нас интересного? И так далее...

А у игроков их забавы, наверное, вызывали еще более сильные эмоции.

Теперь — мы за них.

Шульгин с треском распечатал колоду, Дмитрий взялся за пробку коньячной бутылки. Тоже традиция — за начало игры по первой, а потом — только за сыгранный мизер, и никак иначе. Зато курить можно и нужно постоянно, для маскировки эмоций. С этой целью кто-то приготовил и даже раскрыл большую коробку сигар.

— А поговорить? — спросил Андрей, смягчая известную фразу из анекдота. Известно ведь, что за преферансом ни о чем, не связанном с игрой, говорить невозможно. Или игра останавливается, к всеобщему раздражению.

— Есть о чем? — лениво спросил Шульгин. — До утра не терпится?

— Как тебе сказать... — Новиков грел озябшие на дожде и ветру руки, думая, что лучше бы ему правда помолчать, хотя бы сегодня. Завтра тоже будет день.

— Судя по тебе, — сказал Воронцов, — ты по улицам долго бродил?

— Не очень и долго. Полчаса, пожалуй. До этого личную жизнь Скуратова устраивал...

— Ух ты, — восхитился Шульгин. — С Ниной познакомил?

— Не с Маринкой, сам понимаешь.

— Амбец мужику, — скорбно вздохнул Левашов. Все знали о мечте Нины Семеновны подыскать себе мужа, состоятельного и положительного во всех отношениях.

— Думаю, наоборот, — сказал Воронцов. — В меру согретый женским вниманием, господин академик станет гораздо более пластичным материалом для твоих экспериментов. А то слишком много вокруг манящих, но недоступных раздражителей. Я такой типаж знаю, с повышенным гормональным фоном... Кстати, что вы вообще о нем думаете? Ввели в коллектив, а отношение?

— Отношение — это к тебе, ваше превосходительство, — почти ткнул Дмитрию в грудь незажженной сигарой Шульгин. — Ты его в деле видел. Мы — нет.

— В деле — хорош, по мнению Антона. Не каждый морпех наших времен в сравнение идет. Не трус, нервы — крепкие, в этом я сам убедился. И Игорь за него поручился. А что с понтами — ты хоть недельку нобелевским лауреатом был? Целым институтом заправлял? А он — три года уже.

— Да. Спорить не берусь. Правда, и он вряд ли фронтами и флотами командовал.

— Естественно.

На недолгий момент все замолчали. Каждый по-своему применял к личному опыту сказанное.

— И до чего во время одинокой прогулки над морем додумался? — спросил Андрея Воронцов, как бы без связи с предыдущим.

— Натурально — ни до чего хорошего. Как будто в наших условиях хорошее имеет онтологический¹ смысл.

— Как же иначе? Если бы оно такого смысла не имело, мы бы уже друг друга давно перестреляли. В спину. Помнишь рассказ «Мешок»? — Сашке тема понравилась.

— Вы, интеллигенты, не заткнетесь ли? Играть будем? — Левашов снова проявил свой взрывной характер. Он мог терпеть очень долго, но до определенного края. — Если у тебя, Андрюша, — сказано это было со всей возможной едкостью, — нет самой свежей информации о готовящемся ядерном ударе, давай завязывай. Мы тоже до утра трепаться умеем. Ни о чем. Или опять знаешь что-то, чего мы прозевали?

Новиков подумал — на самом деле, какого черта? Что он грузит друзей собственными комплексами? Лично ему ситуация по-прежнему кажется критически-опасной. И Скуратов, невзирая на мнение Воронцова и рекомендации Ростокина, внушает ничем конкретным

¹Онтологический — имеющий отношение к философскому учению об основах бытия и познания.

не подкрепленную тревогу. Очень может быть — именно фактом своего одновременно внезапного и своевременного появления. С Замком он контактировал, довольно долго и без посредничества Антона... Так и что? Забыть все до утра. Тогда и скажет, что хочется. А сейчас...

— Давай, Саш, кидай до туга, кому сдавать...

Выпало как раз ему.

И больше уже никаких посторонних слов.

На этот раз Андрею карта шла, и в итоге он взял реванш за прошлый проигрыш. Сашка остался практически при своих, а Воронцов и Левашов подсели крепко.

Собрались расходиться в шестом часу утра. Как принято говорить «усталые, но довольные». На крыльце Шульгин, будто только что вспомнив, сказал о предложении Ростокина изготовить специальный прибор для воздействия на психику Шатт-Урха..

— Сделать можно, не вопрос, — ответил Левашов. — Только смысла не вижу. Антон Урх и так психологически сломал. Отвечать он будет. Остается грамотно вопросники составить. Я, например, пока плохо представляю, какие вопросы нужно задавать, чтобы получить полезные ответы.

— Ну и подумаем, каждый по своей теме. Спешить нам точно некуда.

— В том смысле, что если мы уже под прицелом, то суетиться поздно, — согласился Воронцов.

На этой оптимистической ноте и расстались.

...Шатт-Урх, как и рассчитывал Левашов, проявил полную готовность к сотрудничеству. Гораздо большую, чем в начале знакомства. Тогда он рассматривал себя как высшее по отношению к партнерам существо, независимо от понесенных его расой поражений в каждом из случившихся боестолкновений. По-своему он

был прав, в пределах имевшейся у него на тот момент информации. Как были правы те, кто организовал попытку свержения Олега Константиновича в две тысячи пятом. Способность перемещаться между мирами, воздействовать на психику аборигенов, совокупно с громадным военно-техническим превосходством делали шансы на успех абсолютно стопроцентными.

Как тогда Шульгин и Берестин с Басмановым сумели ввести в игру не предусмотренные противником факторы, так и Антон вверг Шатт-Урха в тягостное недоумение, а затем и в панику. Дуггур понял, что его представления о *другом человечестве* не имеют ничего общего с реальностью. До него дошло, что люди (а он не имел оснований считать форзейля представителем иной расы и неземных цивилизаций) превосходят дуггуров не просто технически, а именно интеллектуально. И вширь, и вглубь. Количественно и качественно.

Количественно — потому, что несколько миллиардов индивидуально мыслящих особей всегда смогут придумать гораздо больше оригинальных идей и методик, чем несколько тысяч урарикуэра, как бы ни был гениален каждый из них.

Качественно — тут и объяснять ничего не нужно. За несколько минут прямого общения человек не только нашел самое уязвимое место в цивилизации дуггуров, но и выяснил механизм ее уничтожения, вернее — превращения в массу бессмысленных, ничем, кроме взаимного пищевого интереса, не связанных особей.

С таким противником вступить в открытую конфронтацию — прямое самоубийство.

О том, что Антон блефовал, догадаться Шатт-Урх не мог, все по той же особенности присущего ему *способа мышления*.

Кроме того, очутившись в каменном строении, где его заточили до следующего раунда переговоров, Шатт-Урх почувствовал себя узником камеры, которая в его мире использовалась в двояких целях. И для наказания

провинившихся мыслящих, и для решения специфических научных проблем особо подготовленными личностями.

Проще говоря — аналог обычной сурдокамеры, широко использующейся на этой Земле последние несколько тысяч лет. Йоги, добровольно замуровывающиеся в глубоких пещерах, умели достигать там высших уровней просветления. Космонавты, готовившиеся к первым одиночным полетам, проверяли устойчивость своей психики. А простые, не склонные к самопознанию люди, лишенные свободы и сенсорных ощущений, довольно быстро повреждались в уме. Часто — не обратимо.

Здесь, в форте, дуттур-урагиуэра оказался лишен главного — ментальной связи с соотечественниками и единомышленниками. И это оказалось страшным испытанием. Ни фильмы, ни книги, бумажные и электронные, ни прекрасные виды из окон на горы и море не компенсировали страшной, глухой пустоты мирового эфира.

Как это могло случиться, он не понимал. Совсем недавно, когда его доставили с берега на плывущее по морю судно, даже после взрыва плазменной бомбы он оставался в пределах своей ноосферы, и вдруг — как обрезало. О переходе в реальность, не имеющую «мостов и перемычек» с другими, доступными проникновению дуттуротов, Шатт-Урх не подозревал.

Двенадцати здешних часов хватило, чтобы превратить по-своему отважного интеллектуала в тварь дражащую. Он был готов на все, чтобы вернуться в свой, наполненный мозговыми излучениями миллионов мыслящих, мир. Да пусть и немыслящих.

Человек, сидящий в одиночке, рад общению с воробьем, прилетающим к его окну, с крысой, по ночам вылезающей из своей норы под нарами, с тараканом, на крайний случай.

Об этом и пошла речь, когда Шатт-Урха пригласили для очередной беседы.

Его ждали Новиков, Шульгин, Левашов, Воронцов, а также Антон и Скуратов. Синклит вполне достаточный для обсуждения любых могущих возникнуть тем.

Тот эффект, на который пожаловался дуттур, свидетельствовал о том, что в настоящий момент никакой связи между этой реальностью и его миром нет. Как выяснилось чуть позже — и не было. Отчего так получилось — не совсем понятно. Так непонятного в природе куда больше, чем объяснимого.

Но сам по себе факт весьма обнадеживающий и заодно опровергающий основополагающую идею Арчибальда о том, что дуттуры непременно нагрянут в двадцать пятый год, чтобы окончательно разделаться с врагами¹.

На самом ли деле он этого опасался или использовал угрозу как повод сначала заманить полюбившихся ему людей «в гости», а затем убедить или заставить отправиться в прошлый век? Новиков все больше укреплялся в мысли, что со стороны Арчибальда имела место довольно тщательно спланированная провокация. Но пока держал эту догадку при себе, рассчитывая чуть позже обсудить ее со Скуратовым, надеясь, что тот сумеет взглянуть на проблему под недоступным им углом.

Антон, которому единодушно поручили исполнять роль ведущего (слишком яркое впечатление он сумел произвести на парламентера), сообщил Шатт-Урху, что эфирная связь с его миром прервана специально, особым способом, чтобы предотвратить возможность повторной агрессии.

— Не дай бог, если на этот раз твои друзья точнее прицелятся...

Дуттур помнил, как говорящий с ним Антон совсем недавно продемонстрировал свою способность ставить

¹ См. роман «Ловите конский топот».

ментальный блок вокруг собственного мозга. Он и сейчас не слышал его и тех, кто побывал на станции и оставил там отпечатки своих ментаграмм. Но в тот раз эфир извне оставался открытym. Оказывается, люди могут и такое. Возможно, они научились этому только что, исследуя захваченного в плен старшего пятерки итакуатиара.

— Они мне не друзья, — с интонацией, намекающей на пренебрежение к тем, кого имел в виду Антон, ответил Шатт-Урх. — Я уже говорил, тапурукуара не относятся к моей варне, мы с ними никогда не поддерживали прямых отношений. Все контакты между кастами и варнами происходят только через Рорайма.

— Не слишком гибко, ноrationально, — отметил Шульгин. — А то мало ли о чем вояки с учеными через голову начальства сговориться могут.

— Мы не можем рисковать, — продолжал Антон. — Вдруг имел место не эксцесс исполнителей, а целенаправленная акция, санкционированная с самого верха вашей общественной пирамиды? Лучше подождем немного, разберемся. Пока исходим из того, что нам объявлена тотальная война. Или, допустим, у вас случился государственный переворот, собственная гражданская война или что-нибудь еще, вроде бунта «неразумных». По своим ведь просто так плазменные бомбы не швыряют.

В общем, мы постараемся помочь тебе, чем сможем, но для этого нам нужна полная информация. Мы в долг не останемся. Убедимся, что для тебя и нас это безопасно, — переправим обратно. Куда скажешь...

Перед началом допроса согласились, что историю, биологию, сравнительную генетику и прочие интересные темы затрагивать пока не стоит. Раз обстановка фронтовая, так и спрашивать следует о вещах, к ней относящихся. Вопросы при этом следует задавать беспо-

рядочно, перескакивая с темы на тему, чтобы подследственный не имел времени на подготовку вытекающих из общей логики ответов.

— Ты предупредил, что повторного удара по месту нашей стоянки можно ожидать примерно через три часа. Как ты определил этот срок?

— Очень просто. Я знаю стандартное время прохождения запроса от старейшин варн до Рорайма, принятия решений и сообщения ответа. Если бы кто-то из тапурукуара использовал бомбу по собственному усмотрению, нас бы давно не было в живых.

— Значит, рораймы все же санкционировали агрессию?

— Действие было совершено с их согласия, теперь я уверен. Сначала я не поверил в это, но потом долго думал...

— Как ты считаешь, почему?

— Не могу ответить. Не знаю, какие доводы приводились «за» и «против». Видимо, Совет решил, что данное решение — самое рациональное.

— Они не учитывали возможности возмездия с нашей стороны? — вмешался Шульгин.

Шатт-Урх задумался. Обычно он отвечал мгновенно, а сейчас пауза затянулась. Видимо, из-за блока он не мог извлекать из памяти собеседников готовые словесные конструкции, относящиеся к заданному вопросу, и ему сейчас пришлось формулировать ответ самостоятельно.

Когда он заговорил, стало видно, что он на самом деле испытывает затруднения, смысловые и стилистические.

— Мне кажется, такая возможность не рассматривалась. Я не зря говорил: «Если бы мне было позволено выступить на Рорайма...» В совете не так много мыслящих, хорошо знающих привычки и обычай людей. Вернее, хорошо их не знает никто. Я — один из самых осведомленных. Подобных мне наберется дюжина, две —

уже нет. Другие, мне кажется, рассуждали так: «Каждое действие встречает противодействие на сопоставимом уровне. При наших встречах с людьми они никогда не продолжали боевые действия после завершения... эпизода. Во время боя на станции люди убили несколько мыслящих и использовали взрывчатое вещество. Мы ответим тем же. На этом все закончится. До... следующего столкновения».

— А ты думаешь иначе?

— Да, теперь я думаю иначе. Особенно изучив историю. Когда я вызвался прилететь на встречу с вами, я понимал уже, что между нами все время происходят... недоразумения. Я решил, что, появившись сразу после... конфликта, откровенно поговорив с глазу на глаз, сумею убедить людей в отсутствии с нашей стороны намерения враждовать бесконечно. Как знак... доброй воли, я хотел предъявить вам наш отказ от... равнозначного ответа. Я надеялся, что сумею организовать встречу ваших представителей с Рорайма...

Шульгин неожиданно засмеялся.

— Что это с тобой? — удивился Левашов.

— «Сказку о тройке» вспомнил. Насчет реморализации клопов и переключение их с паразитизма на равноправный симбиоз с человечеством. Так этот тоже — клоп-говорун! Он донесет до своих ценную мысль, что с людьми воевать не стоит. И кто же его послушает?

— Зря ты так. Человек ради идеи жизнью рискнул, да и идея не такая уж бессмысленная, — ответил Воронцов.

— Продолжай, Антон, — сказал Новиков.

— Ты говоришь — дюжина ученых, хоть что-то знающих о мире людей. Как же так можно? Особенно, если вы собирались вторгаться на территории, занятые миллиардами совсем иначе устроенных существ. У нас бы таким делом занимались десятки специализированных организаций с тысячами сотрудников.

— У нас по-другому. Остальным это совсем не нужно. Каждый клан ученых занимается своей тематикой.

— Не выходит, — тут же отреагировал Шульгин. — Те наблюдатели на станции признались, что они изучают Землю не одно столетие. И направляли экспедиции не только к нам, а и на другие планеты, где тоже пришлось немного пострелять и померяться в силе телепатических способностей.

— Это совсем другое, — сделал отстраняющий жест Шатт-Урх. — Исследователи изучают совсем не так, как мы, и — не то! Я ведь говорил уже — большинство особей руководствуются только инстинктами. И еще некоторыми способностями, для которых в ваших языках нет названий. У вас ведь есть пчелы?

— Конечно, — удивился Антон.

— Они строят соты, собирают мед, поддерживают дисциплину и порядок в своих дуплах?

— Да. Только ульев для себя делать не научились, вместо дупел, люди им помогают.

— Неважно. Но все остальное они делают хорошо, обеспечивают выживание своего вида, и качество кочечного продукта, меда, всегда совпадает с исходно заданным миллион лет назад?

— Так и есть, не спориши.

— А вы когда-нибудь видели написанный пчелой учебник — по архитектуре, навигации, органической химии?

— Ну, это мы еще у Энгельса читали, чем самая хорошая пчела отличается от самого плохого архитектора, — пришло время и Андрею поучаствовать в разговоре.

— Так наши ученые занимаются в основном тем, что «пишут учебники». Я свой написать, увы, не успел, — в голосе Шатт-Урха послышалась почти человеческая печаль.

— Значит, все, что случилось, — инстинктивные ре-

акции немыслящих существ? Включая межзвездный перелет? — впервые подал голос Скуратов.

Вместо дуттура ему ответил Воронцов:

— Нашел чему удивляться. А когда рыбы мальки через два океана приходят в нужное место точнее, чем мой штурман с дипломом высшего военно-морского училища? Давайте эту тему сворачивать. На досуге подробности обсудите. Следующий вопрос — какой у них мобилизационный потенциал? И мобресурсы, опять же.

Эти термины Антону пришлось долго растолковывать Шатт-Урху. Тем более, что даже поняв их общий смысл, тот очень долго не мог сообразить, как соотнести несопоставимое.

Если рассматривать количество живой силы, которая может быть привлечена к *тотальной войне*, дуттуры могли направить на Землю до ста миллионов особей, именуемых монстрами, и других, также приспособленных исключительно к войне. Под руководством нескольких десятков тысяч *полумыслящих*.

— Каким путем направить? Что за пути, пригодные для переброски таких масс живой силы?

— Есть летательные аппараты, вы их назвали «мездузами». Есть много межпространственных тоннелей. Расстояния между ними не превышают двух-трех сотен километров. Мы ими нередко пользуемся, но не в военных целях. До последнего времени не пользовались, — счел нужным уточнить дуттур.

Наконец они дошли до темы, одинаково всем интересной.

Вопросы пошли наперебой, Шатт-Урх едва успевал отвечать.

Никто не хотел употребить термин «реальность», чтобы не дать противнику нового знания. Он ведь, судя по всему, считал, что ГИП — единственная.

— Вас не удивляло, что при своих походах вы каждый раз попадали в места, очень различные по техническому развитию и образу жизни?

— Некому было замечать разницу. Я первый, кто получил доступ к систематизированному научному знанию о вашем мире. До этого мы пользовались разрозненными фактами, интерпретируемыми каждый раз с новой точки зрения.

Только теперь я понял, что каждый раз итакуатиара выводили таптурукуара в другое время и в места с другим общественным устройством. Они этого осознать и оценить не могли, в силу слишком незначительных, на их взгляд, различий. Как и причину постоянных неудач при попытках силового воздействия. До меня информация дошла слишком поздно. Да и если бы иначе — у меня не хватало данных, чтобы подготовить более правильные планы, а главное — обучающие ленты. Для низших.

— Ну и каков вывод, господин главный специалист? Ты, кстати, вправду самый главный в своей kontоре?

— Получается, что так. Потому я и отправился на встречу с вами. Дископланы, к счастью, хранились не в той пещере, которую вы взорвали, и я сумел, узнав о случившемся, легко до них добраться.

«Лариса, будь она здесь, непременно спросила бы, а кем были те, которые ее почти очаровали, — подумал Новиков. — И мы ей такую возможность непременно предоставим».

— Ваша война против людей имеет хоть какие-то шансы на успех? Сто миллионов немыслящих под руководством десяти тысяч полумыслящих. А кампанией будут руководить десять совсем мыслящих?

— Приблизительно так.

— Лихо. Один младший офицер на дивизию, и один генерал на десять тысяч дивизий! Навоюете...

Скуратов, постепенно входящий в систему отношений, позволил себе не согласиться с Шульгиным:

— Напрасно вы так думаете. Когда миллиарды огненных муравьев колоннами идут через сельву, они уничтожают на своем пути все. Только птицы могут

спастиесь. И обходятся без старших, и даже младших офицеров. Хватает пресловутых инстинктов и управляющих феромонов.

Кто-кто, а Новиков однажды нечто подобное в Южной Америке видел. В мелких масштабах, но все равно неприятно вспоминать. А если не муравьи, в полсантиметра каждый, а двухсоткилограммовые туши, в тех же количествах, вооруженные многоствольными митральезами?

О них он и спросил. Для какой, мол, цели у них, в мирной биологической цивилизации, разработано вполне механическое оружие, очень неплохо сконструированное? Значит, есть военная промышленность, металлургия, электроника, химия, есть инженеры-конструкторы, рабочие, способные собирать прецизионную технику, есть, наконец, цели, в которые можно и нужно стрелять.

— И тактика есть, — добавил Шульгин, исходя из собственного опыта, — хреновенькая, конечно, но не хуже, чем в итальянской армии.

— Бомбы, «боевые медузы», специально на живую дичь натасканные ракоскорпионы, — припомнил Антон свою коллизию в канализационном люке.

Похоже, они господина Шатт-Урха достали. Так правильно спланированный допрос на то и рассчитан, чтобы непременно подловить *пациента* на самой большой точке его сильно растревоженной души. На допрос даже ни в чем не виноватый человек приходит очень напряженным. Помня известную присказку: «Был бы человек, а статья найдется». А уж если есть что скрывать и чего бояться, он сам каким-то необъяснимым образом все ближе и ближе подводит разговор со следователем к «тому самому».

Хотя, казалось бы, заранее настройся и старательно обходи все ловушки. Выведи тему допроса за рамки навязываемых вопросов и не думай «о белой обезьяне». Но это очень мало кому удается.

— Вот теперь остановимся, ребята, и начнем говорить всерьез. Дайте, кто там поближе, нашему приятелю контурную карту Земли и карандаш, пусть он нам изобразит расположение их городов, центров военного производства, гарнизонов, транспортную сеть. И все это по ходу дела комментирует. Без всякой словесной туфты... — Шульгин опять попал в свою стихию. «Старший оперуполномоченный» межпланетного масштаба.

— И еще раз намекни ему, Антон, горячим утюгом в грудь, что обманывать нас или пытаться что-то скрыть — не надо. В случае чего, не имея достоверной информации, мы начнем ковровые бомбардировки просто по площадям. А если будем иметь точечные цели — кому-то да повезет из мирных жителей. Он наши фильмы смотрел — покажи еще раз. Гамбург, Кёльн, Дрезден, Токио. Можно и Хиросиму. Объясни, что так у землян выглядит «адекватный ответ».

Сашка встал, с удовольствием глядя на не понявшего его слова дуттура.

— Продолжайте, в общем. А мне нужно выйти. Олег, можно тебя на минуточку?

На крыльце, откуда был виден фьорд с «Валгаллой», судя по дымку над трубами, готовой в ближайший час выйти в открытое море, Левашов спросил:

— Что у тебя теперь? Я что-нибудь пропустил?

— Наверняка. Связь у тебя с Басмановым есть?

— Прямой, конечно же, нет. Можно на выбор — по узкому каналу Ирины универсблоком выйти на Сильвию с Берестиным, они переключат на Михаила. Или — опять пробой через СПВ. Тебе как?

— Сильно вроде бы не горит, а там кто его знает. Но если в пределах часа — давай, чтобы лишний раз пространство-время не тревожить, по кругу, через Сильвию.

— Что ты опять темнишь? Со мной — для чего?

— Да кто темнит? Мы с тобой одно и то же слушали. Просто о разном при этом думали...

— Опять?

— Как всегда. На военной кафедре хотя бы слышал, что есть такое понятие — «стремительное выдвижение полевых войск в зону тактического ядерного удара»? Кружки и разноцветные овалы рисовали, с учетом «среднего ветра», уровни заражения рассчитывали? Мне и показалось, что Урх вовремя проболтался. Если у них *такая армия*, то она непременно должна сейчас готовиться, а то и уже начать означенное выдвижение. И наши ребята вполне могут оказаться на острие наступления.

— Куда, зачем?

— А это ты у огненных муравьев спроси, когда встретишься.

— Ладно, пошли...

Ни о каких равноправных переговорах речи теперь не шло. Шатт-Урху была обещана вся возможная помощь для его возвращения домой. В обмен на полную и подробную информацию. То, что парламентер успел сообщить, к таковой имело довольно приблизительное отношение.

Как и первоначальные выводы Удолина. Кстати, отсутствие от него каких-либо сообщений беспокоило. Единственное оптимистическое объяснение сводилось к пресловутой неравномерности течения времени. Вдруг у Константина Васильевича после его перемещения на Валгаллу прошло всего полчаса-час?

Новиков, как философ и социолог по основной профессии, Ростокин — журналист и исследователь чужих миров, Скуратов — знаток нечеловеческих логик с удовольствием бы выслушали полный курс дуттурской истории-биологии. Только время погружаться в такие дебри не пришло.

Шатт-Урх готов был начать издалека, с сотого, может быть, века до нашей эры. Но это извращение нор-

мальной эволюции сейчас значения не имело. Важно было выяснить, что собой представляет нынешнее общество.

Его биолого-политическое устройство тоже, конечно, представляло огромный интерес, особенно для тех, кто захотел бы его посетить. С экскурсионными или дипломатическими целями. Организовано оно было весьма оригинально. Неразумные и псевдоразумные его компоненты, выведенные тысячелетиями искусственного отбора и генетических модификаций «исходного материала», обеспечивали физическое существование большинства и «экономический базис» цивилизации. «Надстройку» же составляло всего лишь несколько миллионов (по оценке Шатт-Урха, точными статданными он не располагал), вполне разумных. Но даже среди них существовала жесткая кастовая система.

Кое-что рациональное в таком устройстве жизни, пожалуй, найти было можно. Хотя бы в смысле сохранения экологии, исходного биогеоценоза и порядка политического устройства. Шатт-Урх утверждал, что «политики» у них нет и быть не может, но это оставалось, в лучшем случае, его личным заблуждением.

— Кажется, нас можно поздравить, — сказал Новиков. — Вывернуться вывернулись. Но нам этого, как всегда, мало. Так и что же мы собираемся спасать на этот раз? Неплохо бы наконец определиться. А то опять текучка заела. Честно собирались отсидеться в тихом уголке, да, похоже, снова не вышло.

— Да и не могло выйти, — ответил Воронцов. — Пора бы убедиться. Рубикон обычно переходят один раз.

— Ну а не сунься мы в эту Африку, предпочтя, скажем, Аргентину? — спросил Левашов.

— И что? — с веселым удивлением посмотрел на него Шульгин. — Если б мы даже решили честно пре-

даться «недеянию» и невмешательству, попытавшись заняться безобидным скотоводством в пампасах, кто-нибудь нас непременно бы достал. Как будто не пробовали уже. Тебе перечислить? — Он вытянул руку, готовясь загибать пальцы. — Монстры в Москву и Барселону сами пришли, я их не трогал. Твоя Лариса в Кисловодске попробовала пожить как хочется — ан тут же появились подруги из две тысячи пятого — монархического. Потом эта история с моими странствиями черт знает где, потом Валгалла. Визит Антона, Замок, Южная Африка. Мы до сих пор думаем, будто что-то в состоянии выбирать, а на самом деле все давно выбрано за нас...

— Тогда что нам остается? — наивно спросил Олег.

— Совершенно ничего. Поступать так, как подсказывает самая банальная житейская логика. Что мы, братцы, имеем? Если тщательно разобраться?

Кочевали по прериям, никого не трогали. Так? Тут же приперлись англичане, за сотню верст от мест, где им быть полагалось. Так? Им лично жить надоело или под заказ работали? Пришлось, не скрою, разобраться попросту, совсем не желая кого-то обижать.

Дальше. Встретили дагонов, только начали налаживать отношения — немедленно появились дуттуры. Тяжело было, но поучили уму-разуму в свойственном нам хамском стиле. Дух перевести не успели — к нам пришел Шатт-Урх. В тот момент, когда мы решили, что выбрались и возвращаемся домой. Мы никого обижать не собирались, согласны? И его не звали. Но теперь он здесь. Вот и давайте с ним работать. А что еще? — закончил тираду Шульгин, закуривая и глядя на Андрея с едва ли не издевательской усмешкой.

— Ты спросил — что на этот раз спасать будем? Себя, кого же еще? А заодно и те обстоятельства, которые делают жизнь осмысленной. Всегда, во всех войнах так было. Просто я надеюсь, что ты умнее царя Хаммурапи, потому и оправдания наших бесконечно-бессмыс-

ленных конфликтов в твоих устах должны звучать куда аргументированнее его тезисов: «Я сокрушу ваши дома, я возьму ваш скот, я убью всех мужчин, а женщин сделаю подстилкой моих воинов...» Мы хоть немного цивилизованнее? Однако какие бабы у их высших классов, я бы посмотрел. Вдруг — вроде Таис Афинской?

— Исчерпывающе. Ничего не возразишь, — согласился Новиков. — Хотя и немного примитивно. Спасение собственной шкуры — какая-то не очень возвышенная цель. Насчет баб — уже интереснее. А с Урхом работать надо. Антон уже начал. Не завидую я ему, когда «дед» Удолин подключится.

— Кому, Антону или Урху? — с интонацией, усвоенной скорее в начале ХХ, чем в середине ХХI века, спросил Ростокин.

— Да кто ж их знает, — с грустным, пристойным юродивому на паперти Успенского собора выражением лица и тоном оттуда же ответил Александр Иванович. — Живем в заколдованным этом лесу, откуда уйти невозможно...

ГЛАВА 3

Басманов не успел закончить дипломатическую беседу с президентом Трансваала Крюгером. В салон, отстранив движением руки часового, как будто это был простой привратник, невзирая на длинную винтовку у ноги и большой револьвер на поясе, почти ворвался тот самый Оноли, которому Михаил Федорович предписал отправиться вместе с пленными к месту расквартирования бригады. И заняться там «политическим сыском» на предмет непрохождения телеграммы.

— Господин полковник...

Нарушение протокола было вопиющим, но война и есть война. Зря отвлекать не станут.

— Простите, ваше высокопревосходительство, —

Басманов кое-как изобразил подходящую к слухаю почтительность. — Служба требует. Мы пока в зоне боевых действий. Я — строевик. Моя забота. А вы пока с господином Суториным продолжите обсуждать ваши стратегические перспективы.

Валерий Евгеньевич взглянул на Басманова осуждающе. Уж слишком бескомпромиссно, на его взгляд, говорил тридцатилетний полковник, пусть и облеченный немыслимой степенью власти, с семидесятилетним президентом.

Крюгер вальяжно сделал рукой одновременно и отстраняющий, и как бы предоставляющий карт-бланш жест. Кажется, он был даже рад, что этот настырный полковник исчезнет. Ненадолго, а лучше — вообще. Мысль мелькнула самым дальним краем сознания и тут же заполнила весь его объем. Действительно — зачем нам *такие союзники*?

Напористая манера Басманова его, очевидно, утомила. Для того чтобы осознать услышанное и найти подходящие слухаю ответы, требовалось достаточное время, например — вся ночь. И порядочная часть следующего дня. Сам по себе староголландский язык это предусматривает, одновременно являясь порождением издавна сложившегося стиля мышления.

А этот спешит, тараторит, за собственными словами не поспевая. Как новомодный пулемет «Максима» в сравнении с добрым старым дульнозарядным капсюльным ружьем.

— Чего тебе? — спросил полковник, когда они вышли в тамбур салон-вагона. — До разъезда еще далеко. Англичане взбунтовались или как?

— Простите, господин полковник, — старательно маскируя свое раздражение (*и этот себе позволяет, скривился Басманов*) подчеркнутой вежливостью, ска-

зал поручик. — Вас там к радиостанции просят. Из Кейптауна.

— Понял. Спасибо. А ты чего такой взвинченный? Задание не нравится?

— Не нравится, опять же прошу прощения. Тут, похоже, снова жареным пахнет, а вы меня в тыл...

— Каким жареным? — машинально спросил Басманов, прикидывая, каким образом ему переходить из этого поезда в свой. Стоп-кран, что ли, дергать? Он только сейчас удивился появлению Оноли, весь поглощенный переговорами с президентом.

— На сливочном масле, — дерзковато ответил поручик. Видать, дела и совсем плохие. Только он откуда это уже знает?

— Поезда мы состыковали. Не совсем удобно — с площадки вагона на тендер, потом по паровозной площадке мимо котла, а там уже и наша территория. Но пройти можно. Зато без остановки, — теперь уже ровным голосом ответил Оноли.

Радио до Кейптауна брало хорошо, Кирсанова было слышно без атмосферных помех.

— Что в твоих краях новенького? — спросил Павел.

— Все как всегда. Сейчас вот Крюгера от нападения бродячих англичан спас. Постреляли немного, пленных взяли, сидел с дедом, уму-разуму учил, пока ты не позвал. А у тебя?

— Выше всяческих похвал. Я тебе долго мозги полоскать не буду. С тобой Александр Иванович поговорить хочет.

— Откуда вдруг? Они же...

— Мне не объясняли. Связь идет через Лондон. Как это устроено — ваше дело. Я сейчас за синхронного переводчика работать буду. Он мне говорит, я тебе словно повторяю. И наоборот. Начали.

Никаким чудесам техники Басманов давно не удив-

лялся. Сразу сообразил, что Шульгин и все остальные сейчас где-то очень далеко, так далеко, что обычная радиосвязь недоступна, но до Лондона по какой-то специальной аппаратуре они достают. Хорошо хоть так. Не окончательно их реальности разделили. Рядом все. Но все равно труднопостижимо. Разговаривать по радио с далеким будущим...

Поздоровавшись, Александр попросил назвать нынешние географические координаты Басманова.

Михаил Федорович жестом потребовал у дежурного офицера планшет, пальцем нашел при свете неяркой лампочки место, которое они сейчас, примерно, проезжали. Пятнадцать километров до развилки на Данбарксфонтейн, где Оноли следовало покинуть отряд.

— Едем поездом вместе с президентом Крюгером в Блюмфонтейн. Большая часть бригады неподалеку от Данбарксфонтейна.

— Слушай меня внимательно, — слишком для него напряженным голосом сказал Кирсанов, дублируя Шульгина, — где-то в окрестностях именно этого места, куда черт тебя занес, может быть в ближайшее время, несколько юго- или северо-западнее, вторжение известных тебе персонажей. Монстров, короче говоря...

— Мать твою, — выдохнул Михаил. К сообщениям подобного рода он привык относиться правильно. Как фронтовой офицер.

«Настоящих» монстров Басманов видел только в кино. Барселонское побоище выглядело впечатляюще. Но других, в Москве тридцать восьмого, рассмотрел лично и вблизи. «Медузу» и ее «десантную партию». При этом воспоминаний на душе сделалось погано. Участниками встречи были находящийся при нем Ненадо и сидевший в Кейптауне, наверняка неподалеку от Кирсанова, Давыдов.

— Какой процент вероятности вторжения? — по привычке спросил Басманов.

— От пятидесяти до ста процентов. Очень может

быть, что они уже высадились. Вопрос только в том, ограничиваются они зачисткой территории вокруг последнего нашего бивуака или развернут наступление широким фронтом.

— А зачем? — неожиданно для себя спросил Михаил. Глупый для профессионала вопрос, но слишком он был удивлен и встревожен.

— Если бы я знал. Может быть, нас с тобой искать. Мы им там шороха навели, расквитаться хотят. А ты сейчас единственный, кто у них в списках мог оказаться. С остальными они не пересекались.

— Не только. Тут Ненадо со мной, Давыдов в Кейптауне. Они оба в Москве отметились.

— Тоже верно. Ну, будем надеяться, я просто перестраховываюсь. Будь начеку и убирайся оттуда как можно дальше и быстрее. Если что — Сильвия с Алексеем вас выдернут. Свяжись с ними. Ну и мы, если нужно, подключимся. Не беспокойся.

— Слушай, командир, а мне с ними воевать нечего, — вспомнив, как полного боекомплекта спаренного «КПВ» едва хватило, чтобы раздолбать всего лишь одну «медузу», сказал Басманов. — Только легкое стрелковое. «РПГ» немножко, «СПГ» чуть-чуть. У бригады на вооружении несколько скорострельных пушек. И все.

— Я не говорю — всерьез воевать. Глядишь — вообще обойдется. Но если вдруг... Как бы не пришлось тебе с англичанами мир заключать и вместе отражать агрессию. Сколько у тебя пленных?

— Человек сорок. Суммарно с теми, что раньше взяты.

— Кое-что. Повод для переговоров. И Крюгер с тобой едет?

— Или я с ним.

— Первое вернее. Тоже туз в рукаве.

Мысль о том, что вдруг придется прекращать эту войну и начинать новую, в общем строю с бывшим противником, поначалу показалась Басманову нелепой.

А впрочем... Не раз такое в истории случалось, особенно перед лицом одной на всех смертельной угрозы.

— Ты не нервничай, Михаил, — понял его состояние Шульгин. — Если начнется, мы, конечно, все бросим и к вам на подмогу немедленно явимся. Не сомневайся. А пока делай, что наметил. Связь через Лондон и Павла. Как сейчас. Иначе не выходит. Будь с ним в контакте.

— Если до Блюмфонтейна доедем — снова свяжусь.

— Если нет — тем более. На всякий случай имей в виду — у Белли на «Изумруде» есть несколько тяжелых ракет «Гранит». С подходящей дальностью. На крайний случай, конечно, но если цель будет того стоить — прикажешь. Он стрельнет. Заблаговременно на него настройся.

— Договоримся. Еще указания будут?

— Пока нет. Повторяю — пока это только наши предположения, но нужно быть готовым к любому варианту. Не впервые ведь.

— Так точно. Не впервые. Прорвемся.

— Значит, до встречи. Привет от всех.

— Взаимно.

Кирсанов прекратил трансляцию. Через несколько минут, пока он о чем-то разговаривал с Шульгиным, Михаил слушал треск и завывания в эфире. И размышлял. Верить опасениям старшего товарища очень не хотелось. Одно дело — принимать бой с *потусторонним* врагом в составе и при поддержке всего «Братства», с его технической мощью, совсем другое — встретиться с монстрами один на один.

— Ну и как тебе? — Теперь в наушниках слышался собственный голос Павла, с личными интонациями.

— Я бы сказал, как... Ты — поверил?

— Поверил, не поверил — какая разница? Нас не спросят. Что-то же их заставило довести до нас эту ин-

формацию. А кино про этих... я тоже видел. Приходили туда, могут и сюда. Какая разница?

— Да уж, утешил. Ну, я побежал, дел, как видишь, прибавилось. В случае чего — на тебя вся надежда. И по связи, и в дипломатии, если вправду придется с бриттами союз заключать.

— Не боись, управимся.

Тут они были на равных. В одинаковом дореволюционном чине и в нынешнем. По вопросам прерогатив и компетенций ни разу не пересекались, наоборот, помогали друг другу в меру сил и обстоятельств. Но главное — понимали один другого на общем эмоциональном уровне, не так, как каждый по отдельности Шульгина или Новикова.

Стоя на тормозной площадке вагона, Басманов всматривался в медленно ползущий мимо ночной пейзаж. Как теперь поступить? Наглевать на поиски виновников задержки телеграммы и целиком сосредоточиться на новой опасности? Или до последнего вести себя так, будто ничего не изменилось?

Наконец сделал выбор.

Крикнул внутрь вагона, чтобы подошли Ненадо и Оноли. Первым делом спросил у Валерьяна, каким это образом тот догадался, что «жареным запахло»?

— Тебе что, полковник Кирсанов раньше меня обстановку докладывает?

— Никак нет, Михаил Федорович. Чисто дедуктивным методом. Господин Кирсанов по пустякам вас тревожить не стал бы — первое. Тон его несколько нервозностью отдавал — второе. Спросил, как у нас дела, я ответил. А он мне: «Ну, это ерунда. Зови командира» — третье. Сапиенти — сат¹.

Ничего удивительного. Во все времена подчинен-

¹ Умному — достаточно (лат.).

ные ухитрялись узнавать даже сверхсекретную информацию раньше начальства.

Он вкратце пересказал офицерам суть предупреждения Шульгина.

Игнат Борисович нахмурился. Ни малейшего желания снова встречаться с «медузами» и прочими существами, имеющими к ним отношение, он не испытывал. С людьми любых ориентаций и убеждений — сколько угодно.

Оноли знал, о чем идет речь, только со слов того же Ненадо, сразу после боя в Москве поделившегося впечатлениями с близкими друзьями, к которым Валерьян относился.

И первый вопрос, который возник у ветеранов, — чем отбиваться будем?

— О том и речь, братцы, о том и речь, — ответил Басманов. — Со слов Александра Ивановича я знаю, винтовочная пуля трехлинейки их берет. Не наверняка, но при хорошем попадании убить можно.

— А автоматная? — спросил Оноли.

— Должна, из тех же обстоятельств. Особенно если очередью и кучно. Бронебойно-зажигательная — тем более. Особенно в башку.

— Мало их у нас, — посетовал Ненадо. — Пара ящиков всего. Да и те на всякий случай прихватили.

— Патронов вообще мало, — уточнил поручик. — Не на ту войну ехали. От тысячи чудищ из-за брони отобьемся, а там — все, господа, — развел он руками. — Барселоны — не обещаю, по причине отсутствия наличия танков... Или наличия отсутствия.

— Поэтому задание меняется, — сообщил Басманов. — Шпионов мы пока ловить не будем. Один из вас возьмет паровоз, без вагонов, и полным ходом погонит в бригаду. Три часа в один конец, подъем по тревоге, погрузка со всем снаряжением в любые вагоны, какие найдутся, и к нам, сюда вот. — Он указал место на кар-

те. — Или в Блюмфонтейн, если доберемся. Пушки на платформы, трубы на картечь. Кто поедет?

— Могу я, — после недолгого молчания сказал капитан. — По хозяйственной части я лучше, чем Валерьян, управлюсь.

Тут спорить было не с чем. Фельдфебельские привычки Ненадо, усвоенные еще в старой армии, были в этом случае куда полезнее, чем взрывной энтузиазм поручика, отважного, но не всегда умевшего управлять собой, не то чтобы сотнями равных чинами и боевым опытом офицеров.

Но и при себе Ненадо Басманову тоже хотелось оставить. По той же самой причине. Ну да ладно, поднадень он и сам управится. Оставалась у него надежда, что до укрепленного города отряд как-нибудь доедет.

— Значит, так и решили. Ты, Игнат Борисович, за комбрига поработаешь, а мы с тобой, поручик, здесь. Вы куда трофеейное английское оружие девали?

— Да там, в соседнем вагоне сложили.

— Отправь, Валерьян, толкового унтера, пусть наготове будет. Если что случится, чтобы снова раздать. У меня на пленных надежды больше, чем на буров. Все же культурная нация, обезьян с пулеметами не так испугаются. Да я и сам с ними поговорю. Вроде бы так, на общие темы, о жизни, о смерти, но в нужную сторону сориентирую. И вообще, кто-нибудь озабочился, чтобы их накормить, напоить, медпомощь оказать?

— Раненых перевязали, сам видел, — ответил Ненадо, — про остальное не интересовался. Тут в эшелоне свое, бурское начальство есть.

— Ладно, до разъезда потерпят. А потом, поручик, переведи пленных в наши вагоны...

— Будет сделано, Михаил Федорович. Я, если хотите знать, полностью с вами согласен в данном вопросе, — без должного почтения глядя на Басманова, ответил Оноли.

— Вот ты знаешь, Валерьян, я с тех пор, как в пятна-

дцатом году начали таких фенди¹ков¹, как ты, в нормальные части присылать, так и понял, что война проиграна. Уловил ход моей мысли?

— Так точно, ваше высокоблагородие. А кто же мешал вам, кадровым, без нашего участия войну проиграть? Дешевле бы обошлось.

Подобным образом Басманов позволял пикировать с собой только кавалерам «Царьградского креста». Да и то с глазу на глаз. В служебной обстановке спрашивал пожестче, чем с других.

Вернулся Сугорин от Крюгера, и Михаил рассказал ему все, что сам услышал от Шульгина с Кирсановым и успел обдумать.

— Вы меня продолжаете удивлять, — со странной интонацией сказал полковник. — Теперь у вас «Война миров» Уэллса намечается. На Англо-бурскую сагитировали, я согласился. Но о другом мы не договаривались.

— А я на что договаривался? Сдается мне, Валерий Евгеньевич, все степени вашей свободы были исчерпаны в восемьсот девяностом году? Когда вас в кадетский корпус родители送到了?

— В девяносто первом. В Первый Киевский.

— Извините, на год ошибся. Но каштаны на бульварах также цвели. Вот на этом и все. Меня — в девяносто шестом. Во Второй Петербургский имени Александра Третьего. С тех пор возможности выбора жизненного пути у нас с вами были достаточно ограничены. Не так?

— Не совсем ограничены... — Сугорин помолчал. — Но в общем вы правы. Вы можете сейчас вернуть меня на мою дачу в Одессе?

¹ «Фенди¹к» — пренебрежительное наименование прaporщиков военного времени. От немецкого «фенрих» — «кандидат в офицеры».

— Если вы этого действительно хотите — могу. Не прямо сейчас, но в ближайшие сутки сделаем. С положенным выходным пособием. До следующей мировой войны доживете безбедно. Море шумит, виноградные листья на веранду падают...

— Не будьте столь язвительным, — вскинул подбородок полковник. — Ваши манеры иногда... раздражают. И при этом...

— Да вот ведь в чем штука, получается, что и не хочу я возвращаться, — немного подумав, ответил Сугорин. — Интересно мне... Я не так давно в своей постели помереть собирался, раз на фронтах не пришлось, а после того, как вы меня своим магнитным браслетиком подлечили, — удивительная, слов нет, штучка, — так чего же и еще не повоевать?

Басманов как-то совсем забыл за повседневными служебными заботами, что после суточного курса лечения гомеостатом полковник превратился в абсолютно здорового человека, каких в девятнадцатом веке, считай, и не было. У кого скрытый туберкулез, у кого злокачественные глисты или просто общая анемия и дисбактериоз.

До полного омоложения дело не дошло, браслет он у полковника утром отобрал, но Сугорин теперь, не совсем это понимая (процесс подстройки психики к исправленной соматике занимает не один день), возвращался к уровню самоощущения тридцатипятилетнего примерно человека. И силы в нем бурлили, вроде как у всем известного Гиляровского, в шестьдесят лет вязавшего узлом железную кочергу. Или у министра царского двора графа Фредерикса, в восемьдесят сутками не слезавшего с седла на красносельских маневрах.

— Ну так и повоюем, — улыбнулся Михаил. — И жить — умирать и не жить — умирать. Да и вообще, как бы ни сложилось, много новых вариантов получается. Я вот подумал, вдруг правда мы с англичанами сможем о чем-то более интересном, чем текущая война, договориться?

Расставшись с Сугориным, полковник вернулся в отсек с радиостанцией. До окрестностей Дурбана, где мог сейчас находиться «Изумруд», связь доставала. И Белли откликнулся почти сразу.

Басманов, осведомившись, как там у него, пользуясь своим положением старшего по команде, попросил, чтобы крейсер вошел в гавань, сохраняя боеготовность номер один.

— А теперь еще вот что. Пятнадцать своих роботов перенастрой по той программе, что у нас для инструкторов по боевой подготовке применялась. Приставь к ним в качестве командира одного из крымских лейтенантов с боевым сухопутным опытом и немедленно отправь ко мне.

— К вам — куда?

— Поездом в Блюмфонтейн. Экстременным и на полной скорости. Помимо всяких расписаний. В Данбаркс-фонтейне должна грузиться в вагоны бригада под командованием Ненадо. Если твои успеют быстрее, пусть гонят, не задерживаясь. Из своих запасов вооружи их, как для войны в двадцать первом. Не году, а веке. «Гламя», «Васильки», «Мухи», «Шмели», «ПКМ» и боеприпасов по десять боекомплектов.

— Да что там у вас, Михаил Федорович? — не на шутку встревожился Белли. Команда звучала странно. С тем, о чем просил Басманов, можно было не только Кейптаун, всю Африку взять.

— Пока ничего, но поступила информация. Всякое может случитьсяся. Шульгин мне сказал, чтобы я тебе предложил все свои ракетные комплексы в готовность привести...

— Ого! — только и нашел, что ответить, Владимир.

— А на кой хрен они у тебя вообще? Раз есть, когда-нибудь и стрелять придется!

— Понял вас, Михаил Федорович.

— И дальше понимай. Полчаса на подготовку боевого приказа — и вперед!

В самом конце разговора, чтобы не оставлять Белли в полном недоумении и расстройстве, Басманов добавил: «Кино в Замке смотрел? Про Барселону. Ну вот что-то в этом роде и у нас ожидается. Ты, пожалуй, когда десант отправишь, лучше в море выходи. Куда-нибудь на траверз мыса Игольного. И маневрируй потихоньку в ожидании развития событий. От встречи с кем бы то ни было уклоняйся».

До Блюмфонтейна охрана Крюгера и бойцы Басманова доехали в большом напряжении, но спокойно. Сейчас этот небольшой сонный городишко, превратившись в прифронтовой, был переполнен вооруженными людьми, причем отличить бойцов относительно регулярных бурских формирований от неорганизованных «фрилансеров» было невозможно. Разве что по состоянию форменной одежды и оружия.

Будь здесь Яков Александрович Слащев — с соответствующими полномочиями, конечно, как в двадцатом году в Крыму — за сутки навел бы надлежащий порядок. Всех, кого возможно, поставил в строй, подкрепив организационные мероприятия несколькими показательными расстрелами или повешениями.

У Басманова таких прав, увы, не имелось, поэтому он, взаимодействуя с бурскими генералами, старался хотя бы отделить «агнцев от козлищ». Ввел подобие комендантской службы, патрулирование улиц и близких окрестностей, всех анархически настроенных бойцов вытеснил за пределы мест дислокации сохраняющих управляемость «командо».

Кое-что начало получаться, хотя не обходилось без эксцессов. Незначительных, по меркам семнадцатого-двадцатого годов. Он надеялся, что с подходом его бригады и нескольких тысяч бойцов Жубера, получивших навыки современной войны во время совместных действий с иностранными волонтерами, ему удастся сфор-

мировать ударную группировку, способную осуществить, в соразмерных масштабах, конечно, некое подобие Брусиловского прорыва на территорию Капской колонии.

За этими круглосуточными заботами предупреждение Шульгина незаметно отошло на задний план. Не забылось совсем, но потеряло свою остроту. Частые переговоры с Кирсановым, получаемая от него стратегическая информация тоже обнадеживали. Судя по всему, моральный настрой британской группировки и местных жителей не позволит им организовать устойчивую оборону на ближних подступах к Кейптауну. Ни Севастополя, ни Порт-Артура у них не получится. Только Сингапур, капитулировавший при первом появлении японцев на северном берегу пролива Кота-Бару.

Как только на станции остановился паровоз и два вагона с десантом «морской пехоты» из Дурбана, Басманов окончательно почувствовал себя хозяином положения. Флотский лейтенант Карцев, немного знакомый по боям за Новороссийск, весьма довольный тем, что снова оказался на фронте, представил ему своих орлов и доложил, какими силами и средствами располагает.

— В настоящем деле я своих ребят еще не видел, — честно признался лейтенант, — но слухи доходили, как же. Думается, я с ними без боя могу пройти через горы, войти в Кейптаун и навести там такого шороха, что господин Робертс сам с белым флагом на крыльце своего дворца выйдет.

— Не сейчас, Петр Лукич. Вы мне, честно сказать, пока для другого нужны. В качестве резерва Главного командования. Для поддержания внутреннего порядка в гарнизоне и для ведения дальней разведки по всем азимутам. А вводить ли их в регулярный бой или так обойдемся — потом видно будет.

— Как прикажете, Михаил Федорович. Мне и самому моментами кажется, что натравливать эти механизмы на живых людей — как-то неспортивно.

— Вы еще скажите — не по-божески. В шестнадцатом году, когда немцы по нам первый раз иприт применили, тоже показалось — конец света! А потом ничего, пообыкли. Противогазы появились, и нам химические снаряды подвезли. Стреляли за милую душу...

Взвод разместили в двухэтажном каменном здании на краю привокзальной площади, перенесли туда свое и английское оружие и боеприпасы. Офицеры отряда Оноли испытали неприкрытым восторг, увидев прибывшее подкрепление. Те, кто тренировался под руководством роботов-инструкторов по пути из Стамбула в Севастополь, знали их удивительные способности. Не в меньшей степени они обрадовались тому, что начальство наконец разрешило использовать настоящее оружие.

— Если бы нам позволили из «Васильков» и «Пламени» на Моддере пострелять, уже бы в кейптаунских кабаках шампанское пили и в Лондон дружеский визит готовили!

— Не увлекайтесь, господа, не увлекайтесь, — осадил энтузиастов полковник. — Это все на крайний случай. Сколько раз вам говорилось — слишком грубое вмешательство в текущий порядок вещей чревато...

— Подождем, когда снова, как в Москве, нас начнут супертанками давить? — чересчур громко сплюнул с губы приставшие табачные крошки Оноли. Уж он-то лучше всех помнил, каково это — подпускать к себе грохочущее, бьющее из пушки и пулеметов чудовище на пистолетный выстрел, да еще, выполняя просьбу командира, целить так, чтобы танк обезвредить, а экипаж живьем взять.

— Это уж как придется, — отрезал Басманов. — Тебе за что кресты, чины и жалованье дают? Надое-

ло — можешь опять в свой универ возвращаться. Восстановят на прежнем курсе, ручаюсь. Говорят, в России в адвокатах нехватка...

— Да что вы опять, ваше высокоблагородие?! Спросить нельзя...

Разница в возрасте у них была небольшая, но в чинах и положении — огромная. Кадровый капитан царской службы и вольноопределяющийся¹ военного времени — это вам не плотник супротив столяра, это вообще из других измерений.

— Все думалось — пронесет, пронесет, — говорил Басманов Сугорину, нервно сбивая стеком пыль с голенища. — Ах хрен!

Полчаса назад к северным заставам Блюмфонтейна на запаленных конях выскочили два трек-бура², выглядевших полусумасшедшими. Один — без шляпы, что для бура почти невероятно. Как без штанов. Но винтовки не бросили, хотя нагрудные патронташи были пусты.

Они и сообщили, отдохнувши и выглотав по полфляги самогона, имевшегося у бойцов оцепления, о появлении в вельде невиданных чудовищ.

Офицерские патрули, заблаговременно предупрежденные о необходимости докладывать «на самый

¹ Вольноопределяющийся — призванный в армию (или пошедший добровольно) выпускник среднего или студент высшего учебного заведения, имевший право выбирать род войск и место прохождения службы, носивший особый кант на солдатских погонах при офицерской форме одежды, по сдаче специального экзамена производившийся в чин подпоручика. Или без экзамена — при награждении любым орденом, в т.ч. солдатским Георгиевским крестом.

² Трек-бур — скотовод-кочевник, ведущий полуоседлый образ жизни. Нечто вроде ковбоя времен покорения Дальнего Запада САСШ.

верх» именно о не укладывающихся в привычные рамки событиях, немедленно доставили вестников в штаб.

Бурские командиры наверняка бы не поверили их сбивчивым и путанным показаниям, в лучшем случае разборки и бессмысленные словопрения затянулись бы на многие часы. Басманову же хватило нескольких секунд.

Он за руку подтащил бура, выгляделевшего посмекалистей, к столу с развернутой картой.

— Где? Покажи! Сколько их было?

К счастью, карту тот читать умел. Ткнул грязным пальцем.

— Тут. На правом берегу Моддера, недалеко от Босхофа. Несколько сотен. Мы гнали гурт в Фортеен-Стримс. Остановились на водопой, тут они и появились. Сначала мы подумали — с гор спустились обезьяны. Павианы ведь, известно, часто устраивают набеги на деревни кафров и зулусов. Только не павианы то были. Больше на горилл похоже. А откуда у нас здесь гориллы? Они там, за Лимпопо и Замбези...

Бежали эти обезьяны очень быстро. Бюргер и Ван Меер, они были на той стороне, начали стрелять. Мы собирались скакать им на помощь, да не успели. Обезьяны открыли ответный огонь, да такой, что я и на войне не слышал. Из пулеметов! Откуда у обезьян пулеметы? У меня глаз хороший, я увидел, что товарищей сразу убили. А нас они не видели, гурт заслонял и пыль.

Клотц кричит мне — сматываемся, я еще жить хочу. Ну мы и поскакали. Тут сбоку выскочило еще десяток или два. Мы стреляли на ходу. В нескольких попали. Так и покатились по земле...

— А по вам стреляли? — спросил Сугорин, наливая бурам по стаканчику настоящей водки.

— Еще как стреляли. Прямо воздух гудел над головами. Мне шляпу сбило.

— Везунчики, — сказал Басманов. — Вы садитесь, закуривайте. И что дальше было?

— Они гнались за нами мили две. Три раза мы останавливались в удобных местах, дать коням дух перевести, и стреляли, стреляли... Сдается, они все-таки испугались под конец. Слишком далеко от своих оторвались. Может, подумали, что мы их на засаду наводим. Отстали...

Бур дрожащими руками раскочегарил свою громадную трубку. В это время вмешался второй, по имени Клотц, надо понимать.

— Я еще что успел заметить. Когда мы уже поскакали, обезьяны начали жрать коров. Прямо кидались и рвали зубами. Как львы антилопу...

— Молодцы, ребята, — пожал им руки Басманов. — Наградить бы вас чем... Вот, возьмите, что ли, — он протянул на ладони пять или шесть русских золотых империалов¹, весьма уважаемых во всех концах света.

— Премного благодарны, господин. Новое стадо — мы тысячу голов гнали — за эти деньги не купить, конечно, зато на патроны хватит.

— Патронов мы даром сколько хотите дадим. Кстати, как тебя зовут?

— Де Веттер.

— Из чего вы отстреливались?

— Да вот из них, из «винчестеров», — бур качнул вперед старую винтовку, на которую опирался.

«Ага, — прикинул Басманов, — калибр от 12,5 до 14 миллиметров».

— И как? Убивает?

— Если попадешь, — ухмыльнулся порядочно подвыпивший бур. И никакой нужды в специальной психологической реабилитации, которую новомодные ратетели «прав человека» требуют для каждого солдата, хоть денек побывшего на фронте, хоть иракском, хоть чеченском, он явно не испытывал. — Бывало — с первого выстрела падали, иногда — два-три патрона потра-

¹ Монета в 15 рублей (1897 г.).

тишь. Но чтобы не подож, когда де Веттер стреляет, такого не случалось. Иначе как бы мы перед вами сейчас стояли?

Стояли они как раз не очень, но характер чувствовался. Одной рукой на стол опереться, другой на винтовку. И порядок.

— Угу, — кивнул Михаил. — Учтем. Пятнадцать миль, говорите? Ну ладно, идите, отдыхайте.

— Опять выходит, что наши друзья не ошибаются, — взял Сугорин папиросу из раскрытой коробки на столе. — И какое теперь будет решение?

Удивительно, но Басманов испытывал сейчас облегчение. Тягостные сомнения позади, остается действовать.

— Первым делом высыпаем боевое охранение. Под командой поручика Оноли, с ним трех *андроидов*. (Слово «робот» он при Сугорине отчего-то старался не употреблять.) Еще троих беру себе. Остальные — при вас. Где нашу бригаду черт носит? Пешком быстрее бы добрались!

По расчетам полковника, эшелон Ненадо должен был уже прибыть. Хорошо, что их путь лежит значительно восточнее места появления монстров.

— По телеграфу передали — поезд проследовал через последнюю станцию без остановки...

— Значит, часа через два с небольшим будут. Не затруднитесь лично встретить. Пушки снять с платформ немедленно и выкатывать на передовые позиции. Гарнизон поднимаем по тревоге. Я сейчас к Деларею. Надеюсь, поверит. Со мной — Оноли с полувзводом. До встречи.

«Одно плохо, — думал Михаил, — самого поганого броневичка у нас нет. Сейчас бы «МТЛБ» — съездил бы лично с монстрами за ручку поздороваться».

Чем острее обстановка, тем строже должна быть дисциплина — эту истину полковник усвоил с дней тяжелейшего отступления пятнадцатого года.

Шестнадцать офицеров с поручиком Оноли на правом фланге вытянулись в струнку посередине пыльного казарменного дворика. Форма не та, конечно, не настоящая корниловская, но сапоги у всех — что надо, не корявая обувка местной работы. При взгляде на башмаки, что буров, что англичан, Михаила охватывало едва скрываемое отвращение.

— Доплакался, господин поручик, — врастяжку сказал Басманов, выслушав рапорт, но не подав команды «вольно». — Никогда не слышал: «Язык кого до Киева доведет, кого до Шлиссельбурга»? Сильных ощущений не хватало? Хорошего оружия? Теперь будет. Слушать боевой приказ. Взводу принять со склада два «АГС», восемь «ПКМ». Штатное вооружение тоже оставить при себе. Боеприпасов — сколько на два фургона поместится. На все — полчаса. Вольно, разойдись. Поручик Оноли — ко мне!

Коротко объяснил Валерьяну, что от него требуется.

— Марш-броском выдвинуться на этот вот рубеж, — он чиркнул карандашом по карте в планшете поручика. — На пять километров вперед от первых бурских застав. Эти высотки, мне кажется, для засады очень подходят. Дефиле между ними насквозь простреливается, с флангов местность труднопроходимая...

— Для ваших монстров? — удивился поручик. — Как мне известно, они только что по отвесным стенкам бегать не умеют.

— Про стенки не знаю, но километровые полосы акации типа «гледича вооруженная», она же по-здесьнему «держидерево», любому живому существу способны доставить массу неприятностей. И чем оно тяжелее и чем быстрее бежит — тем хуже. Доходчиво? В остальном на месте разберешься. Я инициативу не ог-

раничиваю. Чтоб тебе веселее было, звено твоих старых знакомых дам в поддержку...

Басманов вытащил из карманчика портупеи командирский свисток, поднес к губам. Рация рацией, а такое примитивное средство связи в известных случаях тоже незаменимо. Например, когда звучит в ультразвуковом диапазоне.

Почти мгновенно у него за спиной возникли трое крепких парней, одетых в камуфляжи буро-зеленой раскраски и светло-шоколадные береты с бело-сине-красными эмалевыми щитками над левой бровью. Что по поводу столь экзотической униформы подумают местные, полковника больше не волновало. Зато свои ни с кем другим не спутают.

Басманов специально попросил Белли придать работам прежний, с островов памятный облик, и Оноли сразу узнал в лицо своих давних инструкторов. И они его узнали.

— Ну, Михаил Федорович...

— В тот раз они тебя муштровали, теперь ты ими по-командуешь...

Полковник произнес формулу, передающую роботов в полное распоряжение поручика и лиц, входящих в его отряд. По мере убывания чинов и должностей.

Над левым карманом одного из «инструкторов», запомнившегося Валерьяну тем, что именно он заставлял их кидаться между гусеницами летящей прямо на тебя и не собирающейся тормозить «САУ-100», на матерчатой ленточке было написано «Иванов». У двух других, естественно, «Петров» и «Сидоров».

— Опять шутите, господин полковник? — криво усмехнулся поручик.

— Если бы его звали «Паттон Фантон де Вирайон де Монтекукколи» (был в старой гвардии офицер и с такой фамилией, совершенно русский, нормально пьющий человек, Василий Петрович, кстати), вам стало бы

легче? Берите, что дают! Тем более, у вас во взводе однозначно не имеется. Не перепутаете.

Хоть так Басманов слегка отвел душу, без излишней строгости вновь поставив на место слишком много о себе понимающего поручика.

...Что там сейчас творилось в тылу, Валерьяна не интересовало. Шестнадцать офицеров, он семнадцатый, посланы встретить врага, кем бы он ни был. Саперные лопатки мелькают быстрее, чем ложки в солдатских руках у прибывшей с двухдневным опозданием полевой кухни. Видимость с вершины левого копье километров на десять вперед, по флангам чуть меньше: горизонт отроги Капских гор ограничивают, а ближе те самые полосы (очевидно, вдоль русел пересыхающих речек) не проходимой колючей акации.

Оноли, любивший в нормальной обстановке порисоваться умом, внешностью и гвардейскими манерами, сейчас стал тем самым офицером, которому начальство лишних чинов давать не любит, но если что — только на него и полагается. И вел он себя гораздо жестче, чем Басманов в аналогичной ситуации. Тому-то что — он полковник. А тут нужно и штабс-, и настоящим капитанам приказывать, да так, чтобы и мысли посторонней не возникло. Каховку многие подзабыли, а уж в «Москве-2005» тем более едва один из трех побывал!

И быстро приходится думать и решать — куда там гроссмейстеру на блицтурнире. Того в любом случае не застрелят.

К двум «АГС — Пламя» назначить четырех человек. Поставят гранатометы на позицию между зубьями торчащих из земли камней: с двух направлений перекроют подходы к лощине и ее саму почти на всем протяжении. Придется — обеспечат фланговый маневр.

К пулеметам — еще восемь. Жаль, но придется им и за первых, и за вторых номеров работать.

Два снайпера с «СВД» — для них общими силами открыли по несколько стрелковых ячеек, соединенных мелкими ходами сообщения.

Что остается? Он сам, при нем радист-порученец для связи со штабом и на любой другой случай. И толкового поручика с морским биноклем и взводной радиостанцией посадил на самом верху сопки, в хорошо укрытом от огня любого вида и почти недоступном для вражеской пехоты месте.

Его задача — ни на что не отвлекаясь, наблюдать за местностью и реальным рисунком боя. И докладывать, если командир в горячке что-то важное прозевает. Личная, между прочим, тактическая находка Валерьяна, мало кто из командиров куда более высоких звеньев до такого додумывался.

Двух роботов, вооруженных, кроме автоматов, помповыми дробовиками десятого калибра, заплечными мешками с гранатами типа «Ф-1», которые они могли прицельно (как классный городошник биту) бросать на сотню и более метров, Оноли послал на фланги, в засаду. На случай внезапного обходного маневра неприятеля.

Убедившись, что все нужное сделано или делается, поручик сел на землю, привалился спиной к теплому валуну, закурил.

По тому, как долго разминал папиросу, сообразил, что, несмотря ни на что, волнуется.

Да и как не волноваться?

С таким взводом, так вооруженным и на такой позиции, полк красных он бы спокойно встретил. Бывало куда хуже — в голой степи, с одними трехлинейками и по четыре обоймы на ствол. Однако выжили и победили.

Так там против них были «краснопузые и сиволапые», стрелять не умеющие и штыкового удара смер-

тельно боящиеся, а сейчас на подходе монстры, непонятные, бесчисленные и чудовищные. Коров живьем жрут — это ж только вообразить!

Папироса курилась хорошо, дым ее был крепок и ароматен. И тут везет. Бывало, перед боем радовался даже махорочкой, пополам с мусором из карманов, самокрутке.

Оноли приподнял длинные ресницы. Посмотрел на папиросу. На две затяжки точно хватит. А жизни — на сколько? У кого бы спросить?

В трех шагах, подобно мраморной фигуре из Летнего сада, застыл третий робот, ждущий приказа.

— Что ж, брат Иванов, — прочел Валерьян фамилию на куртке, — а тебе — в разведку. На полной скорости вперед, не забывая маскироваться. До соприкосновения с противником. Обнаружить, посчитать, вернуться, доложить. В скоротечный бой при необходимости вступать разрешаю. Но главная цель — доставить точные разведданные. Знаешь, с кем дело иметь придется?

— Так точно, господин поручик. Нам нужную информацию господин капитан второго ранга Белли на крейсере вложил. Справимся...

— Приятно слышать, — Оноли снял стетсоновскую шляпу, вытер лоб. Здесь солнце пригревало уже по-летнему. Январь начинается.

— Пленных брать не нужно, все равно они по-нашему ни бельмеса. Оружие принеси, если получится. Ну, с богом...

Оноли слышал, что митральезы в чужих руках не стреляют. Но ведь, как известно, на любую хитрость всегда есть кое-что с винтом. Вот и ему подумалось...

ГЛАВА 4

С прибытием бригады Басманов почувствовал себя гораздо увереннее. Теперь при любом развитии событий, за исключением варианта с нанесением противни-

ком ядерного удара, он рассчитывал твердо удерживать инициативу.

Немало изобретательности потребовалось ему, чтобы объяснить ситуацию собранным на совещание и инструктаж бурским командирам. Не скатываясь в мистику, но и не прибегая к терминологии, несовместимой с менталитетом плохо образованных и исповедующих ценности позапрошлого, то есть семнадцатого века, людей.

Пришлось наскоро сконструировать легенду в духе «Затерянного мира», благо центральные районы Африки до сих пор были исследованы немногим лучше, чем марсианские каналы. Живет, мол, где-то за рекой Замбези и пустыней Калахари, в местах, где не ступала нога европейца, странный народ, ведущий свое происхождение непосредственно от обезьян-горилл. Достиг какого-то уровня цивилизации, стало ему тесно в своих горах и джунглях, и двинулся он на поиски новых земель, рабов и продовольствия. Кто-то поверил, кто-то нет, но это не имело никакого значения.

Выжившие при встрече с монстрами буры никуда не делись, они бродили по городу и всем желающим пересказывали свою историю, с каждым часом разукрашивая ее все более живописными и леденящими кровь подробностями. На легенду Басманова работали и местные зулусы, кафры, бечуаны, готтентоты и бушмены. У каждого народа имелись свои сказки и мифы о всевозможной нечистой силе, колдунах, зомби и прочих врагах рода человеческого, которые без труда можно было интерпретировать в нужном направлении. Кроме того, многие туземцы имели более-менее достоверные сведения о реально существующих дагонах и об их недоступных обычному человеку землях, где происходят ужасные чудеса.

— Неужели вы действительно верите в эти басни? — спросил Басманова один из молодых, имеющих

национальное европейское образование бурских полководцев.

— С удовольствием бы не верил, — ответил полковник, — если бы мои друзья не видели эти существа своими глазами. И очень недавно.

— Где же эти друзья?

— По неотложным делам им перед самым началом войны пришлось уехать. Думаю, в скором времени в одном из научных изданий будут опубликованы материалы их исследований, с фотографиями.

— Сомнительно все это, очень сомнительно. Наш народ живет в этих краях больше двух веков, и ни о чем подобном никто никогда не слышал... Почему не предположить, что эти Клотц и Де Веттер — английские шпионы, посланные посеять панику и обратить наше внимание совсем в другую сторону?

Остальные участники совещания согласно закивали, поддерживая товарища одобрительными возгласами. Но не все. Пятидесятилетний начальник коммандо из Оранжевой, с бородой до пояса и тремя патронташами поверх выгоревшего до рыжины черного сюртука, пристукнул по полу каблуком грубого сапога.

— Де Веттера я знаю. И погибшего Бюргера тоже знал. Они не шпионы. Они двадцать лет занимаются своим ремеслом, никто не может сказать о них плохого слова. И если Де Веттер говорит, значит, что-то такое там было.

— Львы, — сказал кто-то. — Обычные львы напали на стадо, а трек-буры накануне выпили столько водки, что не смогли защитить ни себя, ни скот. А теперь придумали эти сказки.

Но позиция Басманова была выигрышной в любом случае. Мало того, что он знал правду, так еще и умел разговаривать с публикой такого уровня развития. Были у него в батарее, уже к концу Мировой войны, сорокалетние ратники второго разряда, из глухих сибирских сел. Староверы и «нивочтоневеры». Ничего,

справлялся и с ними невзирая на свой сравнительно юный возраст и столичное воспитание.

Михаил не стал кому-то что-то доказывать, приводя рациональные доводы. Усмехаясь своей русской улыбочкой, которая могла означать что угодно (так можно усмехаться и посылая на расстрел, и самому становясь к стенке), он щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся.

— Времени на диспуты, хоть научные, хоть религиозные, у меня нет. Война продолжается. Рассматриваемый вопрос дискуссионно не решается. Простейшее решение — любой из присутствующих вместе со мной поедет и посмотрит на месте. Монстры или не монстры, съеденное стадо мы в любом случае увидим. Ничего не найдем — проблема снимается автоматически. Со своими земляками поступите, как у вас принято. Найдем — другой разговор. В любом случае натурный эксперимент займет намного меньше времени, чем теологические и стратегические споры. Согласны? Кто поедет — вы, вы, или вы? — обращался он к самым недоверчивым (или — лично к нему враждебно настроенным). Таких хватало.

— Зачем именно нам? — спросил генерал Деларей, исполнявший должность начальника гарнизона Блюмфонтейна. — Пошлем обычный разъезд...

— Ничего не докажет при господствующем настроении. Вы и им с тем же успехом не поверите. Тем более, разъезд может не вернуться. Мы, ничего не узывав, потеряем еще несколько часов драгоценного времени.

— Я с вами согласен, полковник, — сказал, вставая, генерал Христиан Девет, мужчина лет сорока, с умным лицом и густыми, скобкой, усами, опускающимися ниже бритого подбородка.

Отважный человек, продолжавший вооруженную борьбу в хорошем агрессивном стиле даже после того, как президент Крюгер и многие военачальники в конце девяностого года сочли войну проигранной. Совер-

шивший с армией в две тысячи человек несколько успешных рейдов в глубь Капской колонии. И потом, уже после образования Южно-Африканского Союза, несколько раз устраивавший мятежи против правительства, требуя восстановления независимости бурских республик.

«Чистый Корнилов, — подумал Басманов, — такой же непреклонный и неожиданный в решениях».

— Хорошо, господин генерал. Я возьму с собой взвод, вы — сколько хотите. Что такое пятнадцатимильная прогулка? Ничего не найдем — так хоть поужинаем на свежем воздухе.

Взвод Михаила насчитывал десять офицеров, кадровых кавалеристов. «Ездащую пехоту» он с училищных времен не уважал. Всегда помнил слова из приказа шефа конной гвардии, великого князя Николая Николаевича: «Пехотному офицеру, едущему верхом, приближаясь к расположению кавалерийской части, следует сойти и вести коня в поводу, дабы своей посадкой не вызывать унизительного для чести мундира смеха нижних чинов».

Знал, что в случае встречи с монстрами нужны будут люди, не озабоченные прежде всего необходимостью не свалиться с седла, забывая о главном смысле своего существования.

На троих роботов он в этом смысле тоже полагался, они умеют все, что требует служба, и многое сверх того. С лейтенантом Карцевым и бригадой Ненадо андроидов оставалось девять. Хватит, чтобы при любом повороте событий удержать Блюмфонтейн, даже если буры побегут.

Девета сопровождали тридцать бойцов из его личного командо. Наверное, к рассказам очевидцев они отнеслись внимательно. Никто не имел при себе «маузеров», «ли-метфордов» и «эн菲尔дов», только одноза-

рядные нарезные ружья самых крупных калибров, вплоть до шестилинейных капсюльных, стреляющих крупными, как орех, свинцовыми безболочечными пулями.

Перед отъездом, от которого капитан Ненадо его изо всех сил отговаривал, Басманов велел Игнату Борисовичу всех пленных англичан, взятых при нападении на поезд и сдавшихся раньше, собрать в одном помещении, неподконтрольном бурам.

— Приведи их в порядок, позанимайся боевой подготовкой. Я с ними в поезде уже парой слов перекинулся. Намек на взаимопонимание есть. Начнутся бои на внешнем периметре, немедленно вооружи и включи в свою систему обороны. Контактов с бурами не допускай. Мне нужно, чтобы большинство из них выжили и своими глазами нового врага увидели.

— Да все понятно, Михаил Федорович. Только вы уж там под пули не лезьте. Я за две войны двенадцать командиров пережил. Тоже храбрее всех казаться хотели.

— Вечная память. А неужели не было, что не из головного азарта на смерть шли, а по крайней необходимости?

— Редко, господин полковник. Вот когда в Москве мы воевали, там близнецы-полковники в самую заваруху кидались, такую, что и мне страшно делалось, но всегда по делу, ничего не скажу...

«Надо же, — подумал Басманов, — какая чертова круговерть творилась, а этот своим фельдфебельским глазом приметил, что два Ляхова там было, а не один»¹.

— Не бойся за меня, Игнат, я ведь не только старый кадровый офицер, я еще и рейнджер Царьградского призыва. Забыл, как мы с тобой после десятиверстного марш-броска штурмполосу проходили?

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

— Ничего я не забыл. Нам сюда сейчас тех «САУ-100» батальон — не о чем беспокоиться было бы.

— Ладно-ладно, Игнат, не усугубляй, — похлопал Басманов капитана по плечу. — Не каждая пуля в лоб, — сказал эту присказку адмирала Нахимова, и тут же поморщился. Нахимова как раз и убило именно в лоб. Нагадал...

Через позицию Оноли кавалькада Басманова и Девета проследовала спокойно. Михаил заранее сообщил поручику о своем рейде, и тот замаскировал взвод так, что даже глазастые буры ничего необычного не заметили. А если бы заметили, Валерьян получил бы хорошую взбучку.

Он спросил у штаб-ротмистра бывшего Сумского гусарского полка Барабашова, ехавшего с ним стремя в стремя, видит ли он что-нибудь.

— Как же, Михаил Федорович. Из одного котелка кашу хлебали. Так бы не заметил, а если смотреть с нашей точки зрения, как бы я на месте Валерьяна распорядился — все как на ладони. Подтверждение требуется?

Однажды уже практически умерший¹ ротмистр был именно по-гусарски весел и беспечен, и при этом умен.

Почти не меняя позы в седле, он назвал Басманову все опорные пункты, где могли находиться (и действительно находились) рейнджеры Оноли.

— Место, господин полковник, выбрано просто замечательно. Я бы тоже здесь держался против черта, против дьявола, пока патронов хватит. Только вот, знаете, насчет отхода, если придется, не до конца продумано. Вот здесь я бы поставил в три линии минное заграждение типа «лягушка». Помните, нам показывали? Против двадцатигудовых, причем безмозглых монстров — в самый раз.

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

Басманов, разумеется, помнил. Хорошие мины. Сработывают как часы, выстреливая на двухметровую высоту килограммовый стакан из термита, наполненный сотней убойных элементов, разбрасываемых в радиусе двухсот метров разрывным зарядом. Да и сами термитные осколки способны и автомашину, и бронетранспортер зажечь, а уж что бывает при попадании в живой организм — говорить не хочется.

Только, к сожалению, в их арсенале таких мин не было. К оборонительной войне они не готовились. Ну что ж, всего не предусмотришь.

Немного приотстав от колонны, полковник свистком вызвал к себе Оноли.

— Выражаю, поручик, очередное благоволение. Нормально расположился. Что слышно?

— Пока ничего. Разведчик еще не вернулся.

— Давно ушел?

— Скоро час.

— И стрельбы не слышно было?

— Нет, Михаил Федорович. Да он, если что, больше руками и ножом поработает. Стрелять — в крайнем случае.

— Ну мы поехали. Если что — на тебя отходить будем. Я сейчас свою разведку тоже вышлю.

— Да зачем оно вам, господин полковник? Оставайтесь здесь, вместе ждать будем. Чего зря суетиться, подковы бить?

— Я не для себя. Мне нужно, чтобы буры прочувствовали...

— Тогда бог в помощь.

Два робота, шпорами горяча коней, унеслись вперед хорошим галопом, напомнив Басманову своей статью и манерой посадки кадровых кавалергардов четыр-

надцатого года, в развернутом строю атаковавших немцев под Каушеном.

Чуткими локаторами, настроенными на поиск и распознавание своих, разведчики через три километра засекли «Иванова», бежавшего в хорошем темпе распадком между поросших бурым кустарником холмиков полуверстой западнее. Выехали ему наперерез.

Следуя программе и исполняемой роли (в данном случае — волонтеров в небольших офицерских чинах), работы общались между собой на русском языке, причем — в нужной стилистике. Единственное, что они позволяли себе в отсутствие поблизости настоящих людей, так это намного ускоренный темп речи.

— Что-то видел?

— Все, что приказано. Существа типа «монстр» в количестве до пятисот особей. Существ других разновидностей не обнаружил. Механических средств, воздушных и сухопутных, при них нет. Доступные диапазоны эфира чистые.

— Чем занимаются?

— Закончили привал, готовятся к началу движения. Свидетели доложили верно. Они сожрали половину стада. Вторую половину оставили в живых. Двенадцать существ собираются гнать скот на северо-запад. Очевидно, там у них тыловая база, где требуется продовольствие.

— Как далеко до передового отряда?

— Передового отряда нет. Идут сплошной ордой. Последнее измерение — девять километров четыреста пятьдесят два метра до головной особи.

— Скорость на марше?

— От десяти до пятнадцати километров в час.

— Возвращайся к командиру, доложи. А мы проедем вперед. Твои сведения не полные. Посмотрим, как они реагируют на наше оружие.

Оба держали поперек седельных лук тяжелые снайперские винтовки «Взломщик», под патрон 12,7 мм, придуманный еще в тридцатые годы для «вечного» и в

XXI веке надежно работающего в любом конце света пулемета «ДШК»¹. Подольше служит, чем тот же «калашников», между прочим.

— Мне было разрешено вступать в бой только в крайних обстоятельствах.

— Тебя никто не упрекает. А мы своим делом займемся. Как макеты на полигоне, отстреляем всеми калибрами на всех дистанциях и под разными углами. И составим карточки-схемы. Это важно. У большинства буров стволы от 7 до 9 миллиметров. Ненадежно.

— Я пойду?

— Иди. По дороге встретишь командира Басманова, скажи, что ему лучше вернуться на позицию командира Оноли. Если мы не сумеем отогнать монстров, в открытом поле у людей меньше шансов, чем на высотах.

«Иванов» убежал, а конники, «Артем» и «Аскольд» (Белли с Карцевым, флотские офицеры, при именовании роботов не затрудняли себя оригинальными изысками. Начали называть их по алфавитному списку кораблей Российского флота), двинулись дальше.

Они действительно имели, кроме «Взломщиков», по «ли-метфорду» и «маузеру», основные винтовки англичан и буров, а также пистолеты «М-96», как написано в рекламе — «лучшее оружие для спортсменов и путешественников».

Хорошо тогда жилось «туристам». Вздумал по странствовать по миру — не нужно идти в агентство за путевкой и в ОВИР за паспортом, вместо этого — первым делом в оружейный магазин или к товарищу вроде лорда Джона Рокстона, который от щедрот снабдит тебя магазинкой с оптическим прицелом. И езжай хоть со станковым пулеметом через все границы, никто не удивится. Только в самых экзотических странах, вроде Андорры, могут ввозную пошлину попросить. Не заплатишь — и так пропустят, если докажешь необходимость.

¹ Дегтярева — Шпагина крупнокалиберный, обр. 1938 г.

Выслушав доклад «Иванова», Басманов подъехал к Девету.

— Через полчаса вы будете иметь возможность увидеть интересующие нас объекты. Мой разведчик советует для встречи отойти на пригодную для обороны позицию. Мы ее только что миновали. Разведчик и я сомневаемся, что ваши люди сохранят присутствие духа при встрече с врагом в чистом поле.

— Лично вы сомневаетесь? — В голосе генерала прозвучали агрессивные нотки.

— Минхер Христиан, я уже десятки раз говорил вам, Деларею, Кронье и самому президенту — мне ваши эмоции безразличны. Хотя бы вы в состоянии такое понять? Я не настоятель монастыря и не воспитатель евангелистской школы. Я помогаю людям, чье дело считаю справедливым. Но ни я, ни мои люди не собираемся заставлять вас делать то, чего вы делать не хотите. Если чудовища, несовместимые с вашей картиной мира, перебьют солдат, которых вы ведете, кое-кого сожрут, живыми или мертвыми, пожалуйста, не говорите, что в этом виноват я и мои офицеры, не сумевшие вас защитить и спасти. А прежде — убедить.

— Об этом не беспокойтесь. Мы благодарны всем, кто нам помогает, но свои проблемы позвольте нам самим и решать.

— Отлично, — в голосе Басманова прозвучало не совсем соответствующее моменту веселье. Что за беда? Товарищи по оружию очевидным образом полезли в бутылку. Как горцы какие-то, услышавшие *попerek* сказанное слово.

Теперь «будем посмотреть». С чистой совестью.

Он привстал на стременах. Голосом, легко перекрывавшим в былые времена беглый огонь батареи и звуки разрывов вражеских снарядов, скомандовал:

— В-взво-од, ко мне! Стать, спешиться. Коново-ды — убрать лошадей. Остальным — залечь. К бою!

— Езжайте, господин генерал, — указал рукой вперед полковник. — Первое для вас прикрытие — мои

разведчики. Второй рубеж — здесь. Третий — на копье, занятых поручиком Оноли. Дальше уже Блюмфонтейн. Если вернетесь — поделитесь впечатлениями...

Девет, очевидно, готов был согласиться с Басмановым, если бы его слова не были настолько издевательски-оскорбительны. Тут, конечно, и сам Михаил не проявил некоторой деликатности и терпимости. Буры, даже самые умные и воспитанные из них, находились на другом уровне развития и в другой психологической нише. А он, тридцативосьмилетний офицер, с совершенно иным воспитанием и жизненным опытом, считал, что мягкости в объяснении задачи и предельной жесткости в требовании ее исполнения достаточно для любого военнослужащего.

Применительно к русскому солдату и офицеру такая позиция была верной, даже — единственной верной. Но здесь — не срабатывало. Не было в самых архетипических слоях самосознания буров таких автоматически всплывающих максим: «Сам погибай, а товарища выручай», «На миру и смерть красна», «Или грудь в крестах, или голова в кустах», «Не мы первые, не мы последние», «Помирать — так с музыкой» и так далее и тому подобное. «Жизнь — копейка, а судьба — индейка», хотя Козьма Прутков в свое время спросил: «Не совсем понимаю, почему многие называют судьбу индейкою, а не какою-либо другой, более на судьбу похожею птицей?»

— Езжайте, — повторил он, закуривая папиросу. — Один наш мудрец интересно сказал: «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней подготовиться». Кое-какое время у вас еще есть.

Девет взглянул на него с откровенным недоумением, хлестнул лошадь плеткой и вынесся вперед, прокричав своим нечто на староголландском. Басманов не разобрал.

— Передохнем, братцы, — сказал он, спрыгивая с седла. — Только не здесь. Вон тот холмик мне больше нравится.

— Видал я дураков, господин полковник, — сплюнул Барабашов. — Точно так генерал Самсонов перед Танненбергом послал меня куда подальше, когда я привез ему сведения, что германская кавдивизия заняла Зенсбург, где только мы и могли соединиться с Ренненкампфом¹...

«Господи, какая древность, — подумал Басманов. — Вернее — наоборот! А я ведь тоже начинал войну неподалеку».

Сам он ощущал себя, как один из мелких князей, во главе дружины двигающейся к берегу Калки в 1223 году, знавший от половецких сакмагонов², что навстречу идут два тумена Субэдэй-Багатура. Чем кончилась та история — в книжках написано.

Смелые были князья, отчаянные! Две-три сотни верных воинов при каждом. Все в кольчугах и бронях. Шлемы на брови надвинуты, длинный меч у бедра, копье упирается в стремя, червленый щит на левой руке, еще булава или клевец³ к седлу приторочены. Лук с полусотней стрел в колчане за спиной. Сила!

Сила-то сила, но — против соседнего князька, или набега половецкой орды, хоть и в тысячу сабель. Вот и сейчас — в своем «войске» он уверен, а на самом деле — способно оно сдержать орду, или так и поляжет здесь, пусть и со славой?

— Ты возьми правее, вон на ту высотку, — сказал робот «Артем» «Аскольду». — А я — на эту.

До подхода врага оставалось двадцать минут. По их расчету.

¹ Имеются в виду приграничные бои в Восточной Пруссии в августе 1914 г.

² Сакмагон — следопыт, от слова «сакма» — след в степи (старорусск.).

³ Клевец — боевой двусторонний топор на длинной рукоятке. С одной стороны рубящее лезвие, с другой — длинное острье для прорубания шлемов и кольчуг.

Между холмами расстояние триста метров, правый выдвинут на семьдесят метров вперед по отношению к левому. Такого полигона специально не придумаешь. Сектора обстрела открываются изумительные.

Тем более эти носители флотских имен были абсолютно лишены того, что у людей называется «инстинкт самосохранения». Взамен — другое. Выполнить задание и вернуться, не допустив разрушения казенного организма. Ничего личного, только чувство долга и ответственности за вверенное имущество, каковым в данном случае считалось для относительно самостоятельного, взаимозаменяемого псевдомозга человекоподобное тело.

Пока вокруг не было людей (своих людей), они могли обходиться без звуковой речи, переговариваться в УКВ-диапазоне.

— Аскольд! Когда появится цель, начинаю я, с полутора километров из «Взломщика», — предложил «Артем». — Ты наблюдаешь за попаданиями и фиксируешь результат. Буду стрелять последовательно — в голову, в корпус, в нижние конечности. Когда расстояние сократится до восьмисот метров, работай ты. Из «маузера». Смотреть буду я. Не удержим до четырехсот — уходим. Согласен?

«Аскольд» возражений не имел. Лабораторная задача, о чем спорить.

И вот орда появилась на близком и плоском горизонте.

Андроиды историю Древнего мира не читали. Им не было, что и с чем сравнивать. Что битва на Каталаунских полях, что Куликовская, что Грюнвальд — безразлично. По вельду на них накатывалось многотысячное войско, состоящее неизвестно из кого. Роботов их принадлежность не волновала. Тех, кого нужно считать своими, они знали. Все прочие — враги, подлежащие

уничтожению помимо любых логических обоснований, которыми они тоже не заморачивались.

Но вот то, что «монстров» не пятьсот, а пять тысяч, по крайней мере было понятно навскидку. Причем глубина строя не просматривалась в пыльной мгле и тумане телесных испарений. «Иванов» ошибся. Принял авангард за главные силы.

«Артем», не испытывая нужды в дальномере, точно определил, когда первый ряд бегущих трусцой чудовищ, бурых, под цвет вельда, пересек намеченную линию. Выжал спуск винтовки, не обратив внимания на отдачу, способную слабого человека опрокинуть на спину.

Он не убивал, он экспериментировал.

Исходные данные: — пуля 12,7 мм, вес, скорость — штатные, дистанция — 1500 метров.

Цель первая: точка прицеливания — череп. Попадание — между глаз. Результат — полное разрушение. Объект упал на спину и прекратил произвольные и не-произвольные движения практически мгновенно.

Цель вторая, по видовой принадлежности аналогичная. Точка прицеливания — середина груди. Попадание — в точку прицеливания. Результат — объект упал на спину, около двадцати секунд совершая беспорядочные движения верхними конечностями. Обильное истечение крови из раневого и ротового отверстий.

Цель третья, аналогичная. Точка прицеливания — верхняя треть правой нижней конечности. Точка попадания — двадцать сантиметров выше коленного сустава. Результат — полный отрыв конечности, обильное кровотечение из стволовых сосудов, конвульсии, смерть.

Реакция окружающих — нулевая.

— Результат получен, положительный, — передал «Артем» «Аскольду». — Открываю огонь на поражение, прекращая фиксацию результата. Ты — изготавься.

Пока монстры пробежали отмеренные семьсот мет-

ров, «Артем» расстрелял почти весь имевшийся боезапас. В последнем магазине осталось три патрона. На всякий случай.

Он уложил штук пятьдесят, из первых рядов. Если известно, что «Взломщик» пробивает метровую кирпичную стену, еще не меньше сотни чудищ получили смертельные или надолго выводящие из строя ранения прошедшими навылет пулями. Только определить отсюда это было невозможно.

Неумолимое, безразличное к потерям движение слитной массы ужасных на вид существ могло бы повергнуть в панику кого угодно, только не роботов. Будь соответствующий приказ, они готовы встретить врага и врукопашную, исход которой трудно предсказать.

Но пока у них еще были винтовки. «Аскольд» выстрелил. Пуля в лоб с восьми сотен метров монстра повалила, но без разрушения черепа. При попаданиях в туловище и ноги эффект оказался незначительным. Только отдельные «объекты» удавалось вывести из строя четырьмя-пятью пулями в область сердца. Выяснив это, «Аскольд» забросил «маузер» за спину и прижался щекой к прикладу «Взломщика». Эксперименты закончены, результат негативный. Оружие стандартных калибров для борьбы с противником этого типа малоподходящее.

Теперь нужно просто работать.

Разряжавший одну за одной обоймы «ли-метфорда» «Артем» обратил внимание, что кое-какой результат их огонь возымел. Понесший сокрушительные потери центр строя начал замедлять движение, а фланги, наоборот, выдвигаться вперед. Робот не мог судить, вызвано ли это изменение тактики чьей-то командой или диктовалось примитивным инстинктом. Число погибших особей, источающих некие «феромоны смерти», превысило определенный предел и заставило остальных уклоняться от опасного места.

— Хватит, — передал «Артем» «Аскольду». — Поехали...

— Стой! Приближаются люди. Союзники.

Буры для них действительно были обозначены как «союзники», люди, которым следовало помочь в случае явной опасности, но приказы роботам они отдавать не могли. Только — просьбы, подлежащие исполнению в меру возможности.

Сами же буры, естественно, о нечеловеческой сущности этих бойцов понятия не имели. Проницательностью, достаточной для того, чтобы догадаться о некоторой разнице между теми, кто имел над левым карманом нашивку с буквами неизвестного алфавита, и всеми остальными, никто из них не обладал.

— Назад! Немедленно назад! — закричал по-голландски, выпрыгивая из своего ложемента, «Аскольд», который был к отряду Девета ближе.

Давая ему время на объяснения, «Артем» довел темп огня по загибающемуся в его сторону флангу орды до предельно возможного, дожигая последние патроны.

Он передернул затвор, выбрасывая гильзу. Все! Счетчик в его позитронном (или каком-то еще) мозгу работал четко. Патронов больше нет. Ни в патронташах, ни случайно завалявшихся в карманах, как это бывает у людей.

Три в магазине «Взломщика», тридцать в обоях для пистолета. Пока что с «маузером» он экспериментировать не собирался. И так знал, сопоставляя и экстраполируя полученную информацию, что в случае чего стрелять нужно будет с близкого расстояния, и только в глаза. А если совсем с близкого — так острым, как золингеновская опасная бритва, ножом по горлу вернее будет.

Девет и его команда давно уже слышали шквальный огонь с высот, но продолжали движение вперед. Повернуть назад значило бы потерять лицо в глазах Басманова и его добровольцев. Теперь навстречу им вы-

скочил одетый в пятнистую, странного покроя форму человек, с двумя винтовками на одном плече, пистолетом в деревянной кобуре на другом.

— Разворачивайтесь! Скачите назад! Здесь — смерть!

— Что за ерунда? Какая смерть? — надменно спросил Девет, косясь на своих спутников, которые должны были видеть его храбрость и выдержку.

— Вот какая! — выкрикнул «Артем», преодолевший расстояние от холма до места, где «Аскольд» остановил генерала, со скоростью олимпийского чемпиона. Двести метров за двадцать четыре секунды. С полной выкладкой и по пересеченной местности.

Они с «Аскольдом» все понимали и делали правильно, но по свойственной своей породе инертности творческого мышления как-то не сообразили, что рано или поздно монстры приведут в действие свое огнестрельное оружие. Которое они волокли поперек животов на сложных ременных сбруях.

А вот вышли на дистанцию действительного огня и вжарили! Изо всех сотен пулеметов, по шесть стволов каждый.

Загремело, завыло, засвистело вокруг, что и описать трудно. Как если бы простому пехотинцу попасть под огонь нескольких «Шилок», направленных в него лично. И при этом укрыться так, чтобы не сразу убило.

Группу Девета пока что заслоняли холмы, с вершин и откосов которых фонтанами летела пыль и срубленные ветки кустарника.

— Назад! Поворачивайте. Минута вам осталась, не больше! — «Артем» выхватил из рук «Аскольда» «Взломщик», в нем патроны еще были.

— Нет! Я сам хочу видеть, — отмахнулся плеткой генерал.

Попробовал бы он такое с обычным офицером — лежал бы уже на дороге с разбитым лицом, а робот просто убрал голову с пути крученого ремешка.

— Господин — дурак? — спросил «Аскольд» у «Артема». Кое-чему они у хозяев-людей научились. — Пусть едет. Нужно будет, видеозапись мы предъявим.

Девят с его голландским характером никак не тянул на настоящего скандинавского берсерка, но черт его понес вперед. Было такое, конечно, в истории. Командарм Сорокин, например, с одной шашкой, в красном бешмете носился верхом по полю боя под шквальным ружейно-пулеметным огнем летом восемнадцатого года, так он, по словам свидетелей, вторую неделю питался только спиртом и кокаином¹. Но крышу, наверное, срывает не только от этого.

Пятеро всадников успели опередить своего полководца на десяток метров и тут же покатились в пыль, изрубленные вместе с конями всего лишь восьмимиллиметровыми, но многочисленными пулями.

Монстры в очередной раз сменили тактику. На дорогу между холмами втянулся узкий поток, штуки по три в ряд. И еще два широких растеклись по равнине, с обеих сторон охватывая высотки. Отчетливо обозначилось неминуемое окружение с фатальными последствиями.

Девят тоже вылетел из седла, не раненый, просто конь был убит наповал.

— Назад, назад! — кричал «Аскольд», будто других слов не помнил. Подхватил с земли генерала и побежал. Сбившиеся в кучу всадники начали бестолково разворачиваться в разные стороны. Тут и им досталось! Визг раненых лошадей, крики падающих всадников, суматошные неприцельные выстрелы.

«Артем», отступая спиной, разрядил остаток боезапаса по выдвинувшимся дальше всех стрелкам, и побежал тоже. Делать здесь больше было нечего. О привязанных у подножья холма конях он словно забыл. На

¹ См. А.Н. Толстой, «Восемнадцатый год».

самом деле — решил, что они теперь просто ни к чему. Расходное имущество.

Догнал «Аскольда». Поперек его плеча головой вниз повис Девет, пытающийся вырваться. С тем же успехом, что из захвата грейферного крана.

— Не спеши, — сказал «Артем». — Мы не должны показывать посторонним, что бегаем быстрее лошадей.

— Когда люди сильно напуганы, — резонно ответил «Аскольд», — они могут бегать даже быстрее автомобилей. Донесу его до позиции командира, там пусть делают что хотят.

Со стороны они наверняка выглядели интересно. Один с бурским генералом, болтающимся, как тряпично-опилочный манекен для тренировок в штыковом бою, другой с четырьмя тяжелыми винтовками и в сбитом на ухо берете. Стайерская скорость, ровное дыхание, ни капли пота на лбах и щеках.

Вскоре их в дикой скачке обогнали остатки отряда Девета.

Никто не попытался задержаться, чтобы отдать коня своему вождю.

При этом стрельба за спиной прекратилась. Монстры потеряли цель.

«Они открывают огонь только при выходе на дистанцию гарантированного поражения, — отметил в памяти для последующего доклада «Артем». — Четыреста метров. И прицельность их оружия очень плохая. Как у «ППШ» на таком же расстоянии. В одиночном бою дальше двухсот они почти не опасны».

Движение орды почти остановилось, без всякого бинокля робот видел, что она сбивается в кучу, беспорядочно вращающуюся вокруг какого-то центра. Скорее всего, утомленные маршем и боем монстры, возможно, остановились перекусить свежезабитой дичью. Лошадьми, людьми и своими однополчанами. Зачем пропадать тоннам парного, высококалорийного мяса? И на медицинской службе экономия.

Еще через километр роботы остановились перед заставой Басманова.

Девет медленно выпрямился, мотая головой. От притока крови она была тяжелая и одновременно кружилась. «Аскольд» поддержал его под локоть.

— Что-нибудь интересное увидели, Христиан? — ровным голосом спросил полковник. — Ваших людей я задерживать не стал. Где-нибудь остановятся. Если проснется совесть и лошадей не запалят насмерть — сами вернутся. Возьмите, — он протянул полководцу фляжку с водкой и уже прикуренную папиросу.

— Я хочу принести вам мои извинения, — хрипло ответил генерал. — И выразить преклонение перед вашими бойцами. Он протянул руку «Аскольду». — Мои братья меня бросили, а вы несли на себе, рискуя жизнью. Теперь вы станете моими братьями...

Повинуясь кивку головы Басманова, робот вытянулся в струнку, пожал руку генерала.

— Да мы что? Одно дело делаем. Своих бросать не приучены, ваше превосходительство. Просто зря вы нас не послушались. Все бы сейчас живы были.

— Да-да, вы совершенно правы... Э-э?

— Подпоручик Аскольд меня зовут.

— Подпоручик Артем, — представился второй.

Девет не видел разницы между русскими именами и фамилиями.

— Я не забуду. И что мы будем делать теперь? — обратился он к Басманову.

— Вы — что хотите. Езжайте в Блюмфонтейн и попробуйте рассказать всем остальным, что видели. А я оттянусь к подготовленному рубежу и буду сдерживать нашествие, насколько хватит сил.

— Вы не хотите дать мне никакого поручения? — с удивлением и обидой спросил Девет. Русский полковник продолжал его оскорблять, возможно — неумышленно, но легче от этого не становилось.

А он что, ждал, что Басманов начнет его утешать?

— Вы — офицер? — спросил его Михаил, морщась от попавшего в глаз папиросного дыма. Ни от чего другого.

— В вашем понимании — конечно, нет, — честно ответил Христиан. — Сегодня — генерал, но вы ведь не это имели в виду?

— Какой вы догадливый. Я только хотел сказать — чтобы иметь право называться генералом, нужно сначала ощутить себя офицером. По дороге в город у вас будет время об этом подумать. Если что — по любым вопросам обращайтесь к полковнику Сугорину, а лучше — к капитану Ненадо.

Девят ускакал на любезно предоставленной ему лошади. Что он будет думать по дороге, Басманову представить было трудно. Совсем другой культуры и психологии человек.

Подкрепление Оноли принял с удовольствием. Еще одиннадцать надежных товарищей плюс три робота, в дополнение к трем уже имеющимся, наполнили его оптимизмом. Тем более — в присутствии Басманова ответственность с него снималась.

— Принимайте командование, господин полковник, — широким жестом он обвел позицию. — А я своим делом займусь.

— Займешься, кто бы спорил. Только сначала выслушай мнение очевидцев, с его учетом прикинь, может, огневые немногого переставить стоит? И давай мне радио с Ненадо.

Капитан ответил сразу, будто ждал у рации. А наверное, так и было. Отзвуки дальней стрельбы он наверняка услышал. Уж хлесткие хлопки «Взломщиков» — точно. При здешней-то тишине.

— Игнат Борисович, у нас тут уже весело, скоро бу-

дет еще веселее. Сколько скорострелок можешь взять на передки в ближайшие полчаса?

— Настоящих здесь всего восемь, причем четыре не наши, бурские. Как еще договоримся. Остальное древняя хреновина или новые крупновские шестидюймовки.

— Там скоро генерал Девет подбежать должен, прикажи патрулям его перехватить, он сейчас в слегка расстроенных чувствах. Попроси, чтобы батарею в твоё распоряжение передал. Надеюсь — не откажет. А пока хоть наши — рысью ко мне. И все шрапнели, что есть, на двухколки и следом.

Голос Басманова капитана встревожил:

— Так, Михаил Федорович, я сейчас всю бригаду подниму, мигом у вас будем.

— Не торопись, Игнат, не торопись. Я пока — боевое охранение, не более того. Сделай, что сказал, и оставайся на месте. Готовься к сражению главных сил. А то и обойдется.

— Насчет медуз как там? Не возникали?

— Бог миловал, другой сволочи хватает.

ГЛАВА 5

Оноли был возбужден и весел, расставляя бойцов на новые, подсказанные «Артемом» и «Аскольдом» позиции. Басманов помнил его такого, еще прaporщика, перед сумасшедшим, ни в какие учебники, к сожалению, не вошедшим, штурмом бесконечного моста через Днепр в Екатеринославе. Одна надежда — Сугорин в своем мемуаре отразит.

Сам же полковник был мрачен. Как накатившиеся с востока и повисшие над головой, брюхатые страшным ливнем сине-черные тучи. Им бы и порадоваться можно, если б враг на колесах наступал. Завяз бы в желтой глине к чертовой матери. Но выходит пока наоборот.

Этим супербезьяням грязь под ногами — до фона-

ря. А стрелкам дождь в глаза хлестать будет, мушки не увидишь. Не говоря о цели.

Да и не о том речь, если честно. Отбиться Басманов надеялся. Тридцать очень хорошо вооруженных солдат-рейнджеров, с достаточным запасом боеприпаса и пять тысяч бессмысленных монстров в кровавые ошметки порубить могут. А что после этого?

Честный, отважный, недалекий солдат Ненадо спросил про «медуз». Чи есть, чи пока нет? Без всякой моральной подготовки встретился он в Москве с порождением «потустороннего мира». Но ведь не убоялся! Ему, полковнику с куда большим опытом и пониманием сути вещей, тем более приличествует выдержка.

Басманов закурил новую папиросу. Бог знает, какую по счету. Но он ведь главный здесь строевой командир, ему обо всем думать надо, и о тактике, и о стратегии с geopolитикой, раз *старшие братья* дали возможность проявить себя.

Ох, как он, молодой подпоручик, клял и Самсонова, и Ренненкампфа, двух командармов, бездарно и трагически проигравших приграничное сражение в Восточной Пруссии, при ином развитии событий сулившее блестательную победу. Все было понятно и ему, и сотням других офицеров вплоть до командиров полков. И чем кончилось?

Ладно, мы себя проявим. Если вся та орда, которую он разглядел в бинокль, до смерти напугавшая «отважных буров», сдержанная точным огнем всего двух снайперов, подойдет к незримо начертенному рубежу, то что?

Она безусловно будет уничтожена в ноль. Тут и Оноли спрашивать не стоит.

Одна беда — закономерно встанет вопрос — дальше что?

Послали дутгурры пять тысяч безмозглой пехоты на захват территорий, которые они могли без боя занять и

тысячу, и десять тысяч лет назад. Зачем? Сегодня — зачем?

Опять через Берестина выйти на радиосвязь с Шульгиным и спросить? Или прямо с Алексеем сомнениями поделиться?

И что услышать? В такой ситуации ответов только два — воюй или беги.

Сбежать, если шальная пуля не достанет, он всегда успеет. Значит, все-таки высший смысл и нынешней ситуации, и жизни вообще — воевать. Ты сам выбрал для себя эту стезю в двенадцать лет, шел по ней и служил ей следующие двадцать, так чего же теперь удастся в философии? Нужно будет — ему прикажут, что сочтут нужным. Без всяких дипломатических реверансов. После того, как Шульгин и Берестин лично приняли участие в смертельной битве за Каховский плацдарм, как Басманов с Алексеем Берендеевку защищали, обвинить *руководство* хоть в чем Михаил не мог.

— Господин полковник, не желаете ли? — Валерьян подал ему бинокль. А сам при этом похлестывал себя по голенищу ивовым прутиком. Как молодежь любит копировать привычки старших. Даже самые бессмысленные.

— Зачем? Я уже все видел. — Басманову и вправду неинтересно было смотреть на орду, закончившую свои дела и снова начавшую движение. Это даже не муравьи, как он раньше думал. Это — саранча. Тут нужны огнеметы. Желательно — танковые. Хотя бы на базе «Т-26». Но их нет. Воюй тем, что есть.

— Ты выслушал разведчиков?

— Так точно, господин полковник.

— Вот так и будем работать. Не боишься?

— Михаил Федорович, при всем к вам уважении...

— Не заводись, поручик. Жизнь такая длинная... Не был ты в Новороссийске.

— Агээсы, огонь! — вдруг закричал Оноли, совсем невежливо отодвинув Басманова, заслонявшего обзор.

Без всякого бинокля Валерьян увидел, что грязно-бурая орда, надвигающаяся из-за невысоких увалов, пересекла намеченный им для завязки боя рубеж.

Басманову вспомнилась многометровая картина в Третьяковке про Куликовскую битву. И кое-какие книжки на ту же тему. Только у князя Дмитрия, позже Донским названного, автоматических гранатометов не было. Чуток не сложилось по времени.

Валерьян, правильно поняв сведения, полученные от роботов, первую серию гранат «АГС» положил в глубь строя, торопясь нанести монстрам катастрофические потери до того, как они выйдут на дистанцию огня своих митральез.

Кто этого не видел в натуре и по службе, видеть и не стоит. Если не солдат по духу, станешь пацифистом. Только одна беда — пацифист страшнее честного солдата. Часто — подле. То есть, не желая сражаться сам, обычно ничего *действенного* не предпринимает, если за него посылают на смерть других.

Падающие в шахматном порядке со смещением по фронту и в глубину гранаты наносили монстрам страшный урон. Один разрыв кромсал в клочья как минимум четверых, осколки доставали и больше. «Пламя» все-таки предназначалось для стрельбы по достаточно рассейенному строю современной пехоты, лишь изредка, в случае особой удачи, накрывая групповые цели. Здесь же получилась гигантская мясорубка.

Расчеты выпустили по два полных барабана и по команде прекратили огонь. Гранаты следовало беречь, не так много их оставалось, а когда еще новые подвезут?

Предположение оказалось верным — когда количество трупов на определенной площади достигает некоей критической массы, монстры начинают перемещаться в стороны и назад. Но поскольку до находящихся за пределами действия «феромона» особой информация доходит с запозданием, а командовать нормально некому, неминуемо возникает сумятица и давка.

Пришла очередь пулеметов. Десять «ПКМ» ударили по левому и правому флангам, в самую гущу тел, бесмысленно кружящихся, сбивающих друг друга с ног и топчущих упавших.

И, главное, Басманов так и не понимал — почему они до сих пор не стреляют? Такая масса пуль, даже совсем неприцельных, прижала бы его бойцов к земле. Может быть, дальше полуверсты зрительные (или какие-то еще, обонятельные, например) анализаторы монстров просто не в состоянии опознать и захватить цель?

Да, не на того врага рассчитана их безмозглая мощь.

А на какого?

Вспоминая Мировую войну, Басманов и Оноли, не сговариваясь, представили одну и ту же картину. Как бы эти монстры выглядели, атакуя *настоящую* позицию, с траншеями полного профиля, прикрытую заграждением из колючей проволоки в шесть колов и занятую полнокровной дивизией?

— Валерьян, — крикнул полковник, перебегая к его окопчику. — Контратаку сейчас устроим. Я сам займусь. А ты держи правый фланг. До подхода подкрепления. Недолго осталось. «Пламя» тебе оставляю, стреляй до последней гранаты.

— А вы с кем и с чем?

— Роботов возьму, и пулеметы. Сейчас позабавимся!

— Стоит ли? Пока и так держимся.

— Когда они выйдут на дистанцию и из пары тысяч стволов в упор ударят — не удержимся. Головы не поднимешь. Я пошел!

Замысел у Басманова был рискованный, но с хорошими шансами.

«Иванов», «Петров», «Сидоров», «Артем», «Аскольд» и «Алмаз», забрав больше половины имеющихся у отряда пулеметов и по четыре коробки с лентами. Каждый, предводительствуемый Михаилом, длинными прыжками понеслись вниз по западному склону высоты.

Андроиды, конечно, умели бегать и втрое, и вчетверо быстрее человека, но применялись к возможностям командира. Они взяли его «в коробочку», держась так, чтобы и успеть прикрыть от пули снайпера, если такой появится, и поддержать, если вдруг споткнется. Тут с ними никакая, даже самая верная собака не могла справляться.

Но Басманов и сам пока был в форме. Возраст, спецподготовка, постоянные занятия боевыми искусствами позволяли ему не чувствовать себя нуждающимся в помощи и защите.

— Стоп, залечь, рассредоточиться, — скомандовал он в нужный момент, падая в удобную ложбинку между камнями. — Оружие к бою!

Прислушался к себе. Полный порядок. Даже дыхание почти не сбилось, связки на ноге целы, хотя отчаянный бег вниз по сильно пересеченному склону — забава рискованная, и один раз он едва не провалился в кротовую нору. Плохо бы пришлось, и гомеостата с собой нет, в сейфе оставил на всякий случай.

Михаил стянул через голову «СВД», рядом положил широкий патронташ с десятью магазинами.

«Шульгинские ртутные винтовки сейчас бы здорово пригодились, — подумалось мельком. — Да и так справимся».

Весь его расчет строился на том, что дистанция открытия огня у монстров фиксированная. Надо в этом окончательно убедиться. Сейчас от фланга орды их отделяло около пятисот метров. Теперь Басманов мог посчитать глубину строя — до двадцати особей. Непонятно, зачем так много. Если бы они сократили ее до пяти, сумели бы вчетверо удлинить фронт наступления. А разбившись хотя бы на три группы со стометровыми интервалами — еще больше. И тактическая гибкость орды значительно бы возросла.

«А разбейся они на свободно маневрирующие стаи

в сотню голов каждая? — задал себе вопрос полковник. — Тут бы нам и конец».

Но, очевидно, в существующем построении был какой-то смысл. Может быть, данный «легион» предназначался для боя с подобным же войском? Аналогичной численности и придерживающимся сходной тактики. Пережиток эпохи холодного оружия или что-то другое? Скорее всего, при более редком строю у них просто теряется управляемость...

Он проинструктировал «Иванова» и послал его вперед. Короткими перебежками вплоть до момента, когда монстры начнут в него стрелять.

Робот нарывался на залп из полусотни стволов точно на четырехсантметровой отметке, словно его отслеживали лазерным дальномером. Он мгновенно залег, ответил длинной пулеметной очередью и откатился назад. С десяток монстров упали, остальные сразу потеряли к точечной цели интерес и продолжили марш в прежнем направлении.

«Иванов» повторял маневр снова и снова, перемещаясь по синусоиде вдоль пограничной линии, стреляя и снова отходя. И все же добился своего. Какая-то часть орды восприняла робота угрозой и целью, начала разворачиваться в его сторону, пытаясь сократить расстояние до требуемого их правилами. Это походило на то, как амеба выбрасывает ложножожку в сторону раздражителя.

По команде Басманова остальные андроиды редкой цепью вышли на один с «Ивановым» рубеж, повторяя его действия.

И вот уже не меньше половины орды, изрядно, между прочим, поредевшей, потому что взвод Оноли продолжал, не жалея патронов, «на расплав стволов» бой с правым флангом, медленно, бестолково разворачиваясь на девяносто градусов, покатилось в «оперативную пустоту».

Через километр те, кто уцелеет, упрется в непрохо-

димые заросли «держидерева». Если не найдется команда, чтобы отдать новый приказ, или не сработает очередной инстинкт, долго им придется ломиться сквозь стену прочных, как железо, колючих стволов.

А если их еще и поджечь?

Но это уже не актуально. Полковник увидел на дороге, ведущей от Блюмфонтейна, полосу пыли, поднимающейся к низким тучам. Дождь так до сих пор и не пролился. И хорошо. Пусть он пойдет часом позже.

— Ребята, за мной. Отходим, — приказал он не-громко, но роботы услышали, несмотря на грохот своих пулеметов. Направляющуюся в их сторону часть армии монстров они едва ли уполовинили, расстреляв каждый по две коробки, на сто патронов каждая.

Посланный Ненадо эскадрон и четырехорудийная батарея французских семидесятипятимиллиметровок (в просторечии — «коса смерти») полным аллюром вылетели к дефиле. Всадники спрыгивали с седел, тут же бросались на помощь артиллеристам. Отцепляли пушки от передков, с прибаутками и матерной руганью выкатывали на огневые, развернув стволами вперед.

Тут же и Оноли появился, как черт из табакерки, вполне освоивший умение быть одновременно везде, где требуется его присутствие.

Ухватил штабс-капитана, командира батареи за рукав, начал было объяснять ему, с кем придется иметь дело.

— Да в курсе! Ненадо изложил более чем подробно. И буров мы по дороге встретили. Не знаю, запасных штанов в гарнизоне на всех хватит или нет. Цель где?

— Поднимись повыше — увидишь!

Комбатр взбежал до половины копье, вскинул к глазам бинокль. И тут же принялся командовать, отнюдь не испытав посторонних эмоций.

— Ба-атарея! По пехоте противника! Угломер двадцать! Целик ноль! Шрапнелью. Трубка десять. Поорудийно — четыре снаряда беглых! Пли!

Пушки, едва успев упереть лафеты в землю, загрохотали наперебой. Перед низко опущенными стволами взвились в воздух поднятые дульными факелами столбы смешанной с мелкой щебенкой пыли.

— Есть, есть, — штабс-капитан видел в цейсовские стекла, как одна за одной лопаются над ордой шрапNELи. На минимальном возвышении, разбрасывая сотни свинцовых пуль.

В историю артиллерии навеки записан случай, когда одной-единственной шрапнельной очередью русской трехдюймовой батареи был полностью уничтожен австрийский кавалерийский полк, колонной по четыре выдвигавшийся к передовой. Волею случая он целиком оказался внутри эллипса накрытия. Такая же великая флюктуация вероятности, как единственный в истории случай попадания в немецкий пикировщик «Ю-87» из советского 82-миллиметрового миномета.

Но и сейчас первая, по сути — пристрелочная серия легла очень хорошо. Басманов, приостановившийся, услышав родные с молодости звуки, тоже вскинул к глазам бинокль, увидел и оценил мастерство коллеги.

— Еще, на тех же установках! — машинально выкрикнул он, хотя комбатр и без подсказки делал все, что требовали профессия и обстановка.

Пушкари работали азартно и споро. Батарея успела выпустить тридцать снарядов, убивших никак не меньше тысячи гоминидов. И опять случилось странное. Орда остановилась, будто в раздумье, дождалась еще четырех дымно-оранжевых вспышек над головами. Только тогда каждый еще живой монстр развернулся, будто по команде «кругом», и все дружно, со скоростью, превышающей походную, ринулись назад.

Участвуй в немыслимом побоище профессиональный энтомолог, тот бы сообразил, что сработал очередной инстинкт. Процент безвозвратных потерь превысил допустимый для выживания именно этого сообщества. Или, если проще — интенсивность связанных со

смертью запахов и некробиотического излучения подавила все прочие, управляющие агрессией команды и эмоции.

Но имеющие совсем другое образование офицеры решили, что вмешался некто из вышестоящего, имеющего зачатки разума начальства.

Пулеметы и винтовки уже не доставали до растворяющегося в дождевой мгле у горизонта, сливающегося с цветом вельда стада разгромленных, но не деморализованных монстров. Только пушки продолжали выбрасывать очереди шрапнелей, все выше задирая стволы. Еще немного, и до передков заряжающие доберутся¹.

— Ну все, точка, господа офицеры! — скомандовал Басманов. — На батарее — отбой. Гильзы собрать, стволы пробанить, к маршу изготовиться. Командиры отделений, доложить о потерях и расходе боеприпасов!

Нашел глазами подходящий камень. Присел.

Отдернул общлаг кителя, посмотрел на разбитое поперек и покрытое звездчатыми трещинами стекло часов. С момента всей этой заварухи прошло ровно двадцать шесть минут. От и до. А казалось — несколько часов. Да нет, все правильно. Всегда так случалось. Без всякой хронофизики. То час — сутки, то минута — час. А если выживешь, потом, на досуге, прикидывай, что и как.

— Валерьян. А вот теперь — водки. Всем. По две чарки. Не больше. Остальное — дома.

Потери оказались на удивление небольшими. Не

¹Передок — в конной артиллерии одноосный прицеп, к которому при транспортировке крепится хвостовой крюк пушечного лафета (хобота). На сидении «передка» размещаются ездовые, в ящике — неприкосновенный запас снарядов (картечь), предназначенных для самообороны орудий. В критических случаях подается команда: «Вскрыть передки».

считая убитых буров, погиб один русский офицер и четверо были ранены.

— Да и это странно, — сказал Оноли. — Мы ведь ни разу не подпустили их на дистанцию прямого выстрела.

— Всяко бывает. Какой-то монстр, падая, пальнул с возвышением, вот и долетело. Баллистику объяснять надо?

— Чего тут объяснять. Но какая нелепость, а?! — От расстройства поручик выругался совсем неостроумно. — Мы же с Борькой Лагутиным с Екатеринослава, с девятнадцатого года всегда выкручивались! А тут шальная — и нету!

— Сочувствую. На войне все нелепость. Считая ее саму. Пошли людей, пусть выберут пару чудищ поцелее, привяжут к лафету. Отдадим медикам.

— А что с остальными?

— Природа распорядится. После заката сюда соберутся львы, шакалы и гиены с половины Африки. Утром будет чисто. Поехали. Дождь начинается.

Покрытые пылью и пороховой копотью бойцы выглядели, тем не менее, браво. И не такое видеть приходилось. Конные подтягивали подпруги, прочие делили места на двухколках и лафетах пушек. На полившуюся с неба воду никто не обращал внимания.

Ротмистр Барабашов подошел сзади, тронул Басманова за плечо.

— Что такое?

— Да неправильно выходит, командир. Враг отступает, бежит, можно сказать. А мы что?

— Что?

— Раньше меня учили, что в подобных случаях следует переходить в преследование. Интересно же, откуда они взялись, куда сейчас бегут, куда коров погнали. Нет?

А ведь прав чертяка, прав. Рискованно, нет слов, так ведь и результат может быть...

— Как тебе это представляешь?

— И представлять нечего. Я, еще двое моих корнетов и парочка этих, человекообразных, — сделал ротмистр пальцами замысловатый жест, имея в виду андроидов. — Мы нарываться не будем. Последим издалека, где у них лагерь, что да как. К утру, глядишь, вернемся. Или к завтрашнему вечеру, по обстановке. Кто-нибудь уж наверняка...

Полковник подумал совсем недолго. В пределах двух папироcных затяжек.

— Да и поезжай. Чего уж. Не зря ведь стреляли. Посмотри, только правда не нарывайся. «Аскольда» с «Артемом» вперед пошли, хоть на полверсты...

— Ох и люблю я это дело! — Барабашов подвынул из ножен шашку, которую хранил при себе все минувшие восемь лет, только редко надевал, разве что к старой парадной форме, как по Уставу положено. А сегодня взял в рейд, как талисман, наверное. — Бывали дни веселые, гулял я, молодец, — довольно мелодично воспроизвел он фразу народной песни.

Воронцова вестовой разбудил в начале шестого утра.

— К радиостанции вас.

Так для простоты работы называли любое средство связи, хотя к радио нынешняя схема имела самое отдаленное отношение. Левашов через специальный «переходник» дистанционно подключил блок-универсал Ирины к приемнику «Валгаллы», и сигнал от такого же блока Сильвии преобразовывался в нормальные звуковые частоты, транслируемые через динамик. Получилось нечто вроде сотовой телефонной связи будущего. Но — межвременной.

Эта хитрая уловка была устроена не для дутгуротов, им технический уровень не позволял перехватывать каналы СПВ, а исключительно для Арчибальда, или Замка в целом. Антон гарантировал, что они не умели фиксиро-

вать излучения агрианских приборов — ни «портсигаров», ни «шаров». Наложенную на мозг человека матрицу засекали и заранее записанные характеристики психоизлучения конкретных личностей — тоже. А вот используемые агтрами методики амплитудного и частотного модулирования определенных слоев мирового эфира были недоступны. И наоборот, естественно. В противном случае противостояние между цивилизациями закончилось бы, едва начавшись.

Скорее всего, это было очередным ограничением, введенным в Игру Держателями. Для придания ей должной спортивности.

«У аппарата» с той стороны оказался Берестин. Слышимость была очень хорошая.

Алексей сообщил, что предположение Шульгина оказалось совершенно верным, и дуттуры действительно предприняли массированное вторжение в почти точно угаданном районе.

— Но наш Миша оказался начеку и на высоте положения. Практически без потерь в прах разгромил агрессора. Ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем уничтожил тысячи три монстров, а то и больше. Бежать смогли около тысячи, и все они рассредоточились по пещерам, именно там, где с ними имели дело ребята... Барабашов с конным разъездом их до места довел и благополучно вернулся.

— Крестов не хватит за такую победу награждать, — пошутил Дмитрий.

За двадцать минут, как и положено офицеру, Берестин доложил такому же офицеру, как он сам, полную картину сражения, называя квадраты по одинаковым, лежащим перед ними картам, высоты, опорные рубежи, отсечные позиции, пути коммуникаций, систему построения огня, наличие и расход боеприпасов и все прочее, относящееся к делу.

— Да, действительно славная виктория, — согласился Воронцов. — Только мне совсем непонятно, как Басманову это было позволено... Дутгурскими начальниками, я имею в виду. Бросить на убой такую толпу... Не могу поверить, что имела место необеспеченная и неподготовленная вылазка безмозглых. Мы, конечно, немедленно опять допросим Шатт-Урха...

— Боюсь, ничего дельного он вам не скажет. Во-первых — вылазка действительно могла быть инстинктивной. Пойди к муравейнику, там за поселком в холмах есть много, пошевели прутиком или окурок брось. Увидишь, что начнется.

— Видел, знаю, — ответил Воронцов. — И все же...

— А во-вторых — анализируя «протокол допроса», мы здесь с Сильвией решили, что ваш Урх — тоже пешка. Скорее всего — не подстава. Только ничего он не знает. Как профессор этнографии о делах ГРУ. Вы правильно подчеркнули — ручные пулеметы, да еще и с встроеннымми электронными предохранителями, продукт совсем другой культуры. Весьма милитаризованной, располагающей технологической базой. Отчего оно так и почему — отдельный вопрос. Думаю, Михаил совершенно прав в своей геополитической идее.

— Какой это?

— Прекратить войну с англичанами, заключить нечто вроде конфедеративного договора и совместно заняться дутгурской проблемой. Основания более чем веские. И мы здесь, в Лондоне, сделаем все, чтобы новое британское правительство начало именно с этого.

— Новое? — удивился Воронцов.

— Ну да. До вас, наверное, газеты доходят с большим запозданием, — сострил Берестин. — Вопрос практически решен. Королева (почти готовая к отходу в мир иной, кстати) согласна поручить формирование кабинета Ллойд-Джорджу... На фоне ряда поражений и угрозы полной потери Капской колонии умеренные и

пацифисты набрали хорошие очки. И мы тоже не зря устриц едим.

— Все понятно. Михаилу наша помощь требуется?

— Как я понимаю — пока нет. Если дуттуры затеют *настоящее вторжение*, на пределе своих военно-технических возможностей, я готов перескочить хоть в Кейптаун, хоть в Блюмфонтейн. Час-другой я ребят поддержать смогу известным тебе средством, а уж за это время вы управитесь. Главное — чтобы все наготове было. И для шокирующего ответа, и для эвакуации.

На том и договорились.

Дмитрий распорядился привести машины парохода в получасовую готовность к выходу в море и отправился на берег, будить товарищей.

За завтраком уже в салоне «Валгаллы», куда Воронцов собрал всех, кто имел отношение к Африке и «Комитету активной реконструкции реальностей», сообщение о действиях Басманова, подкрепленное хорошо исполненным моделированием на планшете, вызвало понятный интерес.

Возникавшие по ходу вопросы Воронцов в меру собственной информированности комментировал, предлагая в особо трудных случаях обращаться к источнику. То есть к Берестину. Или непосредственно к Басманову.

В принципе все поняли обстановку примерно так же, как и сам Дмитрий. С теми точно вопросами, что он задавал прежде всего самому себе, а не Берестину, в чем-то информированному лучше, а в чем-то — недостаточно, по причине удаленности и от ТВД, и от форта Росс.

Но опять вмешалась в деловую атмосферу Лариса, по своей обычной привычке. Пережитый ею недавний стресс особого значения не имел. Характер есть характер. Плюс к этому — тонкий расчет. Что и позволяло ей

почти пять лет сохранять свое особое независимое положение в «Братстве». «Кошка, гуляющая сама по себе». Что там о ней ни думай, но девушка всегда ухитрялась держаться в центре внимания людей с совсем другими биографиями, вкусами и интересами.

Тут, конечно, Наталья и Левашов поначалу сыграли решающую роль. Первая — введя ее в компанию, второй — мгновенно ею увлекшийся. А дальше — само пошло. Одни воспринимали ее характер как данность, других ее выходки беззлобно веселили, кое-кто воспринимал присутствие такой барышни как специально внесенный в слишком монолитное общество дрожжевой грибок.

Внезапно вскочив из-за стола, она, сверкая глазами, принялась обличать. Неизвестно, да и неважно, кого конкретно.

— Вы!.. Вы бросили ребят там, на войне, на растерзание монстрам, о чем великолепно знали. Сейчас, сбежав в другое время, сидя здесь, в тепле и за бронезащитой, радуетесь! Чему? Что Михаил пока что отбился и выжил? Так завтра не выживет. Кирсанов ему поможет? Чем? Берестин с Сильвией в Лондоне очень хорошо устроились, что им чужие беды?

— Как ты — в Кисловодске, — тихо, но веско сказала Ирина. — Пока те же ребята в Москве воевали. Чем ты им помогла? И перестань, пожалуйста, говорить «вы»! Значит, пока красиво жить — «мы», а если что, так сразу — «вы»?

С Ириной Лариса на равных спорить не умела. Рано или поздно уступала, особенно, если та включала некие обертоны своего голоса. Намекающие на серьезные последствия пока еще «не выходящего за рамки» конфликта.

Лариса чуть осеклась, но чувства в ней кипели.

— Хочешь, прямо туда и сейчас поедем? — мягко спросил Шульгин. — Я для себя массу там интересных возможностей вижу. И тебе занятия найдутся. В поезде

ты хорошо стреляла. Ту же винтовку возьмешь. Или партполитработу среди бурских вождей и их жен налаживать возьмешься. Опыт есть...

— То есть? — сбитая с позиций, удивилась Лариса.

— Ничего не «то есть», — подключился к воспитанию подруги Новиков. — Имеешь претензии и собственный вариант — действуй, кто когда мешал? Поддержим всеми силами. Но только — по доказанному и выверенному плану. Мы бросили Басманова и сотню лучших в мире по подготовке бойцов? Мне, напротив, кажется, что не бросили, а своим уходом вывели из-под действительно смертельного удара. Будь мы там, очень вероятно, враг применил бы оружие посерьезнее. Плазменное, как по нашей стоянке, или психотронное, как на Валгалле по мне или возле пещер — по тебе. С известным результатом.

Без нашего присутствия враг обошелся традиционными средствами. Басманов не знал о летающих тарелках и о твоих «ангелах». И они о нем по той же причине не знали. Это наших и спасло. И мы пока живем и способны дальше делать свое дело. Ты не согласна — твое право. У тебя есть более прогрессивные идеи? Медленно и спокойно излагай. Вот карта, вот компьютер. Все силы будут направлены на реализацию этой операции, ты это знаешь. Если она верно спланирована...

Андрей, зная характер Ларисы, говорил тихо и крайне сдержанно, вовремя улыбаясь и поощрительно кивая ее ответным позитивным мимическим движениям. А иначе с ней и нельзя. Забот впереди — немерено, а если сейчас кто-нибудь неосторожным словом опять выведет ее из себя, Олег автоматически вмешается, и — пошло-поехало!

— А у меня еще идеяка, — совершенно медовым голосом поддержал друга Шульгин. — При твоих, Лариса, настроениях и способностях — как бы ты лихо сыграла в паре с Кирсановым!

— Я? С Кирсановым? Как и зачем?

— Об этом и подумаем. Кейптаун. Там будет много интересного. Непременно — беспорядки и народные волнения, когда станет известно о вторжении монстров и мирных переговорах правительства с бурами. Возможно — попытка военного переворота. Или случится новая массированная агрессия дуттуров, с использованием чего-нибудь посерьезнее. Даже просто продолжение наступления буров, если дуттуры не объявятся, и Михаил продолжит операцию... У тебя есть опыт контакта с «ангелами», нашей Гражданской войны и троцкистского переворота. Представь, Павел вводит тебя в операцию в роли личной посланницы королевы Виктории для секретной миссии. Есть над чем подумать...

Лицо Ларисы выказало недоумение, постепенно переходящее в живой интерес.

— Так-так... А Сильвия?

— Сильвия... Что Сильвия? У нее сейчас свои заботы. Зато она сумеет изготовить тебе такую легенду и подкинуть такие рекомендательные письма... Через неделю губернаторша будет перед тобой на цирлах плясать, чтобы ты при дворе за нее слово замолвила. А губернатор... — Сашка махнул рукой.

Поначалу он сделал Ларисе свое предложение просто так, чтобы сбить ее пыл, и вдруг сообразил, что идея-то и в самом деле богатая, плодотворная. Словно двинул по доске фигуру наугад и только по реакции партнера и зрителей догадался, как у него здорово вышло.

Новиков увидел затвердевшие скулы Левашова и легонько толкнул его локтем под ребра. Сиди, мол, молчи, дурак, тебя в очередной раз спасают, а ты...

Неужто ревновать вздумал? К Кирсанову, а то к Даудову, Эльснеру, губернатору и его жене? Поздновато вроде бы. В восемьдесят четвертом надо было начинать или вообще жениться на девственнице, а потом держать ее на коротком поводке.

И тут же догадался — больше всего на свете Олег боится, что Лариса скажет, что ее напарником в походе (если вдруг вообще согласится) должен быть именно он. Такого ему не выдержать.

Андрей, изображая полное безразличие к тревожащим окружающих мыслям (это он умел), сказал словно между прочим: «Да не стоит, наверное, новую сложную операцию затевать. Риск, и смысла мало...»

— Нет, отчего мало? — взвилась Лариса. — Только от меня там и будет польза. При нормальном прикрытии. Вам туда нельзя. Здесь дел много, и вообще... Басманова дуттуры не знают. А меня помнят, хо-орошо помнят. Я для них или приманкой стану, или пугалом. И так и так интересно. Я и пойду. В Кирсанове я уверена. Алексей с Сильвией обеспечат, для личного прикрытия дадите мне «Иван Иваныча», мы с ним близко знакомы и отлично друг к другу адаптированы...

Новиков мог бы сказать, что та пятигорско-кисловодская история абсолютно однозначна для любого андроидного тела, в какое воткнут блок нужной памяти. Но, с другой стороны... Отчего не дать ей именно того робота, у которого *родная* память, не пересаженная, и тело то же самое? Возможно, тут очередной высокий смысла.

— Давай, Лариса, прогуляйся. Кейптаун — интересный город. А ты в паре с Кирсановым — идеальный вариант. С вашими характерами... Я помню, как ты на КМВ¹ четко работала. Так что вперед. Недельки на подготовку хватит? Если согласна? — стараясь не выбиться из тона, сказал Андрей.

— И двух дней хватит. Голому собраться — только подпоясаться.

— Не торопись. Сначала не ля-ля, а серьезный план

¹ КМВ — принятое сокращение Кавказских Минеральных Вод. Зона, включающая города Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск и находящиеся между ними и вокруг курортные поселки.

продумать, потом с Сильвией обговорить, что она по этому поводу подскажет и как быстро все оформить сможет. С Кирсановым — то же самое. Легенду составить, документы сделать, снаряжение подобрать, отвечающее... Мы вон как в свое время аккуратно швейцарские паспорта *сдублировали*, так и все равно, при тамошних свободах Суздалев просёк. — Шульгин, не сговариваясь с Новиковым заранее, четко гнул ту же линию. Похоже, что успешно. Ларису только подтолкни, потом не остановишь. В полном соответствии с законами Ньютона.

В каюте, пока Лариса собирала нужные, по ее мнению, в очередном путешествии вещи, Левашов бродил между цветами и лианами зимнего сада, нервно курил. Как всегда перед разлукой, его терзали противоположные чувства. Страх за подругу, печаль, что снова долго ее не увидит, и одновременно облегчение. Тосковать и нервничать он будет время от времени, а свободен, интеллектуально и эмоционально — постоянно. И происходить всякие *нештатные ситуации* будут не на его глазах.

Выручить ее он сможет практически из любого, самого острого положения. Если это не будет, как написано в инструкции к гомеостату, «одновременное полное разрушение организма». Во всяком другом случае он окажется в нужном месте почти мгновенно, если у нее будет работать приводной маячок. Да и предпоследним из резервных гомеостатов они ее снабдят. Не пропадет. Не то здесь время, чтобы подготовленный, охраняемый почти всесильным телохранителем человек попал в безвыходную ситуацию. В прежней, советской жизни ей ежедневно угрожало куда больше опасностей, чем в этой прогулке.

— Вот я и готова, — сказала она, появляясь на площадке перед фонтаном. Готова она, по мнению Олега,

была отнюдь не к десанту в тыл врага. Совсем к другому. На ней был только полупрозрачный халатик, едва достающий до середины бедер.

— Должны ведь мы попрощаться, — пояснила она, кладя ладонь Левашову на плечо и подставляя приоткрывшиеся губы. — Отдаваться кому-нибудь еще мне в ближайшее время едва ли придется. Пойдем, — потянула его за руку Лариса в сторону своей спальни, оформленной в стиле будуара одной из фавориток Людовика с номером из второй дюжины. Причем со всеми усовершенствованиями конца XX — начала XXI века.

То, чем и как они занимались, в основном и удерживало Олега возле нее все эти бесконечно долгие годы. Как бы ни складывались у них прочие отношения, в постели Лариса неизменно была нежна, безудержно страстна, изобретательна и неутомима. Настолько, что полученного заряда Левашову вполне хватало до следующей встречи, отчего-то всегда неожиданной, компенсирующей разлуку почти любой продолжительности.

Если же им доводилось проводить вместе несколько месяцев (такое тоже случалось, хотя и не очень часто), накал чувств куда-то пропадал, все превращалось в малолетесную для обоих «обязательную программу».

Часом позже Лариса, лежа на спине и широко раскинув по подушкам руки, говорила Олегу:

— Я все продумала. Звать меня будут миледи Отэм...
Левашов усмехнулся, оценив тонкость аллюзии¹.

— Сильвия сделает нужные бумаги, Кирсанов обеспечит легенду по месту, — продолжила она, предупреждая естественный вопрос. — Будем считать, что я эвакуировалась из Наталя, когда оттуда все бежали, как белые из Крыма. А в Дурбан приплыла накануне из Ав-

¹ «A u t u m n» — осень (англ.). Лариса имеет в виду прототип, близкий по характеру, — миледи Винтер (зима), из романа А. Дюма «Три мушкетера».

стралии, Новой Зеландии или Индии, Павел подберет подходящий рейс. Так что, надеюсь, за две-три недели никого из могущих меня разоблачить не встречу. А встречу — мало ли каждый день происходит несчастных случаев, тем более — в прифронтовой полосе.

Сказано это было ровным и безмятежным тоном. Не зря она выбрала именно такой псевдоним. В некоторых восточных странах «осень» ассоциируется не только с временем года, но и с коварством, жестокостью, беспощадностью. А в старом Китае начальников «госбезопасности» называли — «осенний министр».

— «Иван Иванович» будет моим старшим братом, сопровождающим вдовую сестру в путешествиях. Сейчас скажем Воронцову, пусть придаст ему со мной отчетливое портретное сходство...

— Я и сам могу. Только это прямо какой-то Дориан Грей получится.

— Предпочитаю лорда Генри. Позабочься, чтобы он знал наизусть все свои афоризмы и вообще все, что полагается тридцатилетнему аристократу с хорошим образованием. Привычки русского дворянина XXI века там будут не совсем уместны.

— Сделаю. Из Уайльда я тоже кое-что помню. Андрей в школьные годы его целыми кусками наизусть цитировал. Вот, кстати, совершенно в тему: «Наш единственный долг перед историей — переписать ее заново».

— Вот-вот, правильно ты понимаешь. — Лариса повернулась на бок и снова прижалась к Олегу. — И больше не отвлекайся, когда еще придется...

Перед отправлением ее позвала к себе Ирина. Для последнего напутствия. Проговорили они долго. Одной было что сказать отправляющейся на опасное задание подруге, вторая слушала со всем вниманием, вопреки характеру не споря и не перебивая. Понимала — не до гонора сейчас. Любой совет профессионалки многове-

ковых тайных войн следовало принимать как драгоценный подарок.

При ее миссиях в Москву и Кисловодск таких инструктажей Ирина не проводила. Да и смысла не было. В России, что девятьсот двадцать первого, что две тысячи пятого года, Ларисе хватало собственных знаний истории, жизни, национального характера. Тут все будет иначе, пусть Сильвия их тоже учila «аглицким манерам». Но в другом, как выражался один знакомый, «аксепте».

— Знаешь, подружка, ты, главное, свою натуру маскировать не пытайся. Стервозные дамы — они всегда в цене. И внимания на их выходки меньше обращают, и то, чем другие подозрение вызовут, у нас проскочит, еще и с восхищением воспримут.

Лариса заметила, как Ирина деликатно выровняла тему. Одним-единственным словом «у нас». Не придерешься. Хотя за Ириной как раз она видимых проявлений стервозности не замечала. Впрочем, какой была подруга *до того*, как они познакомились, ей знать не дано. Иркина «соотечественница» и бывшая начальница Сильвия обладала этой чертой в полной мере, а учились они «в одной школе».

— И вот что, Лар, ты никому не говори о моем подарке. — Ирина протянула ей золотой портсигар, такой точно, как у нее самой, только с другой монограммой на крышке. Здесь были не алмазы, не сапфиры, не изумруды, а ярко-желтые топазы, выложенные узором, очень сложным и неестественным для привыкшего к эвклидовой геометрии глаза.

— Что это? Откуда? И мне?

— Что? Стандартный блок-универсал. Откуда — это уж мое дело. Знаешь, есть такое понятие — «неучтенное оружие». На полях сражений его много остается. Подобрала. Сейчас даю тебе. С ним станешь самой могущественной женщиной того времени. Кроме Сильвии, конечно, и любой из той же команды. Но с ними

тебе воевать не придется. Смотри сюда и запоминай, что, как и для чего.

Получаса хватило, чтобы Лариса разобралась в основных принципах и способах обращения с прибором. Само собой, многие его функции Ирина предварительно отключила, но и тех, что остались, хватало.

Она могла теперь в любой момент связываться с Ириной и Сильвией, переправиться из Кейптауна в Лондон и в любое другое место, даже на Валгаллу. Вот только что ей там делать за восемьдесят пять лет до устройства форта? На базу аггров ей попадать совсем ни к чему.

В качестве оружия блок тоже годился, но это и так известно. Кроме того, в нем помещалось пятнадцать сигарет формата «кинг сайз»¹.

— За что это ты — и вдруг мне? — спросила Лариса странно вздрогнувшим голосом.

— А ты от меня что — только нож в спину ждала? — мило удивилась Ирина.

— Не так чтобы, но сама понимаешь...

— Плохо понимаю. Олег меня терпеть не мог за то, что я у него друга отбила, а я к тебе всегда нормально относилась. Да и ты вроде...

— Вроде! Он до сих пор в тебя влюблён, в чем в чем, в этом я отлично разбираюсь...

— Тебе-то что? Он до меня и рукой не дотронулся, ни о чем прочем не говоря, а ты себя, что при нем, что без него, не слишком сдерживала. Не так? — Ирина посмотрела на Ларису со спокойным интересом.

— А вот то! Ненавижу, если мужик лежит со мной, а воображает под собой другую!

— Ах, это? — Ирина небрежно отмахнулась рукой. — Они все такие. Думаешь, я знаю, кого Андрей представляет? Вдруг тебя? Или мулатку из Никарагуа?

¹ Сигареты с фильтром и без, длиной 80 мм.

Еще на подобную ерунду отвлекаться? Живи, как живется. Олег мне помог в свое время, сейчас я тебе помогаю, чем умею. Тем более, все равно одно дело делаем...

ГЛАВА 6

Кирсанов, получив депешу из Лондона о том, что к нему для помощи и оперативной поддержки прибывает специальный агент с особыми полномочиями, а при нем — помощник, удивился не очень. Обстановка осложнялась на глазах, и подготовленный напарник не помешает. Он только осторожно поинтересовался у Берестина, как предполагается делить полномочия. Что агентом будет кто угодно, но ни один из «старших братьев», он не сомневался. Если бы так, все было бы сказано коротко и просто: «Прибывает Шульгин (или Новиков), встреть». И никаких вопросов, и никаких сомнений.

А тут Берестин, коротко хмыкнув в микрофон, ответил: «Ты резидентом был, им и остаешься. Со всеми вытекающими. Приготовь в своем отеле два самых лучших номера, на одном с тобой этаже. Затем, через два часа от сего момента, найди подходящий, надежный и грузоподъемный транспорт и езжай по адресу...»

Павел, давно имея в голове полную карту Кейптауна и окрестностей, слегка удивился. Место было очень глухое, фактически — переулок среди заброшенных складов в полукилометре от порта. Там, наверное, и крысы уже передохли от бессмысленности существования. Люди — тем более.

Но если нужно принять людей, прибывающих по линии СПВ, место довольно удобное.

Можно бы, конечно, переправить гостей прямо в отель, но слишком сложно будет объясняться с портье при их оформлении.

Кирсанов, проезжая мимо кабака Давыдова и Эльснера, не на карете, таковой не нашлось, в большом пятыместном фаэтоне с глухим тентом, весьма полезным при здешних дождях, велел кучеру приостановиться у ворот.

Не выходя из экипажа, громко потребовал у молодого слуги-зазывалы (белого, кстати, — негры не всем гостям нравились), перехватывавшего проходящих по улице потенциальных клиентов, позвать хозяина.

— Чего мистеру угодно? — вежливо, но и слегка на-головато спросил тот. — Проходите, пожалуйста, обслу-жим по первому разряду!

Павел отмахнулся от него серой лайковой перчат-кой:

— Хозяина, я сказал!

Через несколько минут с должной мерой достоин-ства к фаэтону подошел Давыдов.

— Вы меня хотели видеть, сэр? — Вопрос был задан так, что ударение могло быть поставлено на любом слове.

Поблизости никого из посторонних не было, а воз-ницау Кирсанов заведомо не принимал во внимание. Ответил по-русски:

— Я сейчас еду на встречу нового коллеги. Подкреп-ление нам прислали, — с двусмысленной интонацией сказал Павел Васильевич. — Отвезу к себе. Подойди около десяти вечера.

— Один?

— Если других дел нет — можете и вдвоем. Обменя-емся мнениями с новым товарищем. У вас тут как, до паники еще не дошло?

— У нас — нет. Флотские уверены, что уж на своих коробках они от монстров и отбиться, и сбежать с умеют.

— Сумеют, — согласился Кирсанов. — А мандраж присутствует?

— Вот его — навалом. От кочегара до штурмана —

все в мандраже. О чертовщине много разговоров. В легенду о цивилизованных дикарях мало кто верит. Зато как доходы пошли — не поверите! Вдесятеро! Пьют, словно завтра конец света! Решили бы здесь насовсем оставаться — через месяц ресторан на проспекте Виктории открывать можно.

— Насчет конца света — очень даже может быть, — ответил полковник, натягивая перчатки. — Но этот печальный факт не отменяет всего остального...

В указанном месте, действительно заброшенном и загаженном, выглядящем до крайности уныло, Кирсанов увидел мужчину и женщину, с четырьмя поставленными на брускатку огромными кожаными баулами. В женщине, несмотря на шляпу, вуаль, длинное, до пят, клетчатое платье, он сразу узнал Ларису. И в сердце тут же кольнуло.

Нет, он не испытывал к ней мужского влечения. Скорее, наоборот. Были в «Братстве» другие женщины, от которых у него временами обмирало холодное жандармское сердце.

Но в оперативном смысле она интересовала его, как никто больше. Какая из нее могла бы выйти шикарная агентесса высшего разбора году этак в тринадцатом! Хоть к вождям большевиков и эсеров подводи, хоть к Распутину или к его убийцам — как хочешь. Везде бы сработала. А на месте Каплан — какая красота, знатокам лишь понятная! Всадила бы с правильно выбранной позиции, из «маузера», желательно, но можно и из «стечкина» — одну пулю в сердце, контрольную — между глаз вождю мирового пролетариата и легко ушла бы из охваченной то ли шоком, то ли радостью толпы «трудящихся» завода бывшего Михельсона.

Мужчина, стоявший рядом с дамой и профессионально оглядывающийся по сторонам, выглядел личностью почти никчемной. Как и требовалось.

Красавчик, изумительно похожий на Ларису, несмотря на положенную грубоватость мужских черт в сравнении с теми же, но женскими. Явно — брат. И даже брат-близнец. Нет, не выходит — на вид лет на пять постарше. В дорожных бриджах, тяжелых ботинках с крагами, джемпере, поверх которого надет клетчатый пиджак. Правда, оттопыривающий полу массивный пистолет в кожаной кобуре делал его слегка (именно — слегка) похожим на серьезного человека.

Брата у нее не было, Кирсанов это знал точно. Значит — мастерски оформленный андроид. Павел ценил их общие способности и боевые качества, но лично относился с некоторой неприязнью. Не должен механизм столь точно копировать человека. Но в полезности этих големов жандарм не сомневался. Как в свое время в нужности для дела совершенно омерзительного Азефа¹, Евно Фишелевича.

При наличии такого «брата» не нужно будет самому постоянно заботиться о безопасности новой напарницы. А вот напарницы ли? Не надсмотрщицы? Ки вивра вэра².

Кирсанов остановил фаэтон четко напротив пары, не выходя кивнул. Пусть парень сам грузит свои чемоданы.

Ого! Рессоры, приняв груз, сильно просели. Возница недовольно обернулся, но ничего не сказал. Красота ли дамы его сдержала или обещанное вознаграждение.

— С приездом, Лариса Юрьевна...

Она махнула на него рукой.

— Какая Лариса? Миледи Отэм, прошу любить и жаловать. А это — мой брат, лорд Генри Уоттон, путешественник и коллекционер. Ценитель живописи, в том числе восточной. До невозможности светский че-

¹ Аз е ф — руководитель боевого крыла партии эсэров, террорист, одновременно — агент-провокатор царского охранного отделения.

² Поживем — увидим; будущее покажет (фр.).

ловек... — говорила она на очень хорошем, подобающем титулу и облику, английском. Профессор Хиггинс¹ легко определил бы, что она выросла где-то между Букингемским дворцом и Белгравиа.

Генри с достоинством поклонился.

— А какая-нибудь положительная профессия у вас есть? — с оттенком иронии спросил Кирсанов. Он решил держаться с роботом как с самым обычным человеком, до тех пор, пока обстановка не потребует иного.

— Юриспруденция и античная философия, — ответил тот. — Но в основном лучше рассчитывайте на меня как на бодигарда и профессионального киллера.

— Откровенно, хотя и слегка цинично...

— Циник — это человек, который всему знает цену, но ничего не ценит. Как раз про меня сказано.

— Пожалуй, пожалуй. Думаю, мы сработаемся.

— Несомненно, — вставила Лариса. — Генри удивительно толерантный человек. На пятьдесят футов в подброшенную монету попадает. Не представляю, чтобы он с кем-нибудь не сработался. В любом смысле.

И тут же она показала глазами на спину коучмена². Коротко бросила по-русски: «Много лишнего говорим. Он нас слышит».

— За это можете не беспокоиться, — ответил Кирсанов по-английски. — Мы уже почти приехали.

Действительно, в перспективе улицы завиднелась крыша и верхний этаж отеля.

Они выгрузили на тротуар багаж, и тут же от дверей наперегонки кинулись два черных боя, торопясь подхватить баулы и заработать лишний шестипенсовик, а то и шиллинг за проворность.

Кирсанов расплатился с коучменом, в дополнение к деньгам протянул ему длинную сигару.

¹ Профессор-филолог, знаток лондонских диалектов, персонаж пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

² Кучер, от англ. coach — карета, вагон, омнибус.

— Попробуйте, она того стоит.

— Благодарю вас, сэр! — расплылся в благодарной улыбке извозчик и тут же, содрав обертку, принялся ее раскуривать. Наверняка чтобы порисоваться перед коллегами на стоянке наемных экипажей. На это и был расчет. Павел, нанимая фаэтон, видел, что извозчик курящий, да вдобавок услышал его жалобу соседнему кэбмену, что табак нынче плох, свежего подвоза давно не было, цены взлетели немыслимо, и приходится *поджиматься*.

Была, конечно, опасность, что сигару он прибережет до какого-нибудь торжественного случая, но полковник заметил, как жадно этот человек смотрел на его портсигар и ловил ноздрями запах дорогого табака, доносящийся из фаэтона, пока они ехали встречать Ларису. Такой вряд ли обладает выдержанной стоикой.

— Удивляюсь я на тебя, — сказала Лариса Кирсанову, когда они шли по аллее, — специалист, а при постороннем разболтался, да еще по-английски. Наверняка немедленно начнет с приятелями впечатлениями делиться. В том числе о том, в каком странном месте ты нас подобрал...

— Не утруждай себя лишними мыслями. Наш «Автомедон»¹, пока доедет до стоянки, через три затяжки сигарой забудет все, начиная с сегодняшнего утра. Без всяких вредных для себя последствий.

— Опять Сашкины штучки?

— Чьи же еще?

— А вдруг он не стал бы твою сигару закуривать?

— Угостил бы его глотком виски из рук джентльмена...

— А если...

— Не утомляйте меня бес tactными вопросами, ми-леди. За все время службы проколов не случалось.

¹ Колесничий одного из героев древнегреческих мифов.

В худшем случае они случались у тех, кто мыслил не столь позитивно...

— Да, я и вправду сказала бес tactность. Простите. А номер вы мне подготовили действительно хороший, мистер Сэйпир?

— В московском «Национале» лучше не найдете. Фирма веников не вяжет...

— М-да, общение с потомками не всегда идет предкам на пользу, — хихикнула Лариса. — Вульгаризмы вы зря подхватываете.

— Так что делать, хорошо звучит, и по смыслу емко.

— Ты мне со старой стилистикой больше нравишься. Слушаешь — прямо язык Чехова.

— Не люблю. Я больше Мережковским увлекался. Полезнее для понимания настроений тогдашней интеллигенции.

Номер Ларисе на самом деле понравился. И комнаты, и меблировка, и вид с лоджии на бухту.

— Что же, поживем, — обойдя все помещения, сказала она и, отойдя к огромному шкафу-гардеробу, без стеснения расстегнула спрятанную в складках, воланчиках и прочих украшениях платья застежку-молнию и уронила его на пол. Она специально так заказала, уж слишком много трудов требовали принятые в то время пуговицы, пряжки и шнурочки. Не зря светские женщины имели специальную прислугу для одевания-раздевания. А в боевых условиях такое неприемлемо. Дамы или нет, а правило «пока горит спичка» никто не отменял.

Кирсанова она нисколько не стеснялась, как и любого другого мужчину из «Братства». Топлес в корабельных бассейнах купалась, а то совсем безо всего, считая это нормой. Тело у нее красивое, ничего нового никто не увидит, есть на ней ленточки бикини или их нет. Вот с посторонними можно поиграть, приоткрыв

ногу чуть выше колена или показав случайно что-нибудь в глубоком вырезе декольте.

Лариса с юных, восемнадцати примерно лет любила шокировать друзей и подруг неожиданными выходками или словами, а потом наблюдала за реакцией в случаях, когда стесняться и краснеть полагалось бы ей, но приходилось другим. Это ее развлекало и укрепляло в чувстве собственного превосходства. Причем — никакой психической деформации, вроде эксгибиционизма, просто склад характера.

А уж сейчас, даже без платья, она была одета намного больше, чем девушка в мини-юбке и прозрачной кофточке на Тверской улице.

Глухой, от груди до начала бедер корсет василькового цвета — это дань здешним обычаям. Остальное нижнее белье — конца XX века, по причине практичности.

Поверх корсета ее талия была перетянута кожаным офицерским поясом, к которому подвешены открытые кобуры с двумя сильно модернизированными и облегченными за счет использования пластика и легких сплавов «ТТ». Правило соблюдения доступных в данной реальности калибров действовало. Зачем брать с собой любимую «беретту», если патронов для нее здесь не придумали? Зато «маузеровские» — уже.

Снизу кобуры фиксировались обвивающими бедра узкими ремешками.

Чтобы извлекать пистолеты беспрепятственно, по швам платья были сделаны длинные, от корсажа до колен, разрезы, прихваченные незаметными снаружи липучками.

Сам корсет тоже был хитро исполнен. С использованием передовых технологий модельного и швейного дела, он привел бы в восторг любую местную даму своей легкостью, удобством надевания, ношения и снимания. Дополнительные функции к галантерейным делам отношения не имели. Вместо пластинок китового уса,

проводки каркаса и атласа использовались совсем другие материалы, превращающие корсет в легкий бронежилет, надежно прикрывающий тело хозяйки от ключиц до бедер. В случае необходимости в соответствующие карманы могли быть вставлены дополнительные карбоновые блоки, резко повышавшие уровень защиты. От винтовочной пули, конечно, не спасет, так кто вздумает в светскую даму стрелять из винтовки? И где? В салоне или бальном зале?

Нижняя часть этого галантейного изделия предназначалась для хранения шести пистолетных магазинов и других, не менее полезных в обиходе предметов.

— Засмотрелся? — небрежно спросила Лариса, отстегивая сложную сбрую и с громким стуком положив, почти бросив на туалетный столик свой арсенал.

— Было бы на что, — спокойно ответил Павел, не отводя глаз. — Мы с тобой сейчас и на много дней вперед — солдаты. Причем я — твой командир. Что там ты своим конфекционом¹ прикрываешь — не интересуюсь. Меня в «стыдную» область ранят — перевяжешь, надеюсь? Тебя — и я справлюсь.

— Хорошо, — улыбнулась Лариса, раздернув очередную «молнию» и освободившись от корсета.

— Ты при случае воздержись, — сказал Кирсанов, по обычной офицерской привычке присаживаясь боком на подоконник и снова закуривая. — Обнажаться при местных. Особенно — бабах. В таких бюстгальтерах, трусах, тем более колготках здесь не ходят. О туфлях вообще говорить не стану. Заведомый провал.

— Много в бабских шмотках понимаешь? Я думала, ты вообще...

— Евнух? Гомик? Мимо, миледи. Просто тебе не приходилось, не знаю почему, сталкиваться с мужиками, имеющими кое-какое самообладание. Иммунитет.

¹ Конфекцион — белье и сопутствующие изделия (нем.).

Неужели не встречала таких, которые на ваши приемчики не лоятся?

— Иногда встречала, — ответила Лариса, запахиваясь в длинный и плотный банный халат. — Но относилась к ним... Без уважения. Представь себе парня, который, танцуя с тобой медленный танец, не возбуждается.

— Очень даже представляю. Если он выполняет задание, ты — объект, а твои прелести — вражеское оружие. Не помню, чтобы финка в чужих руках или направленный в лоб револьверный ствол вызывал положительные эмоции.

— Скучно с тобой, Павел Васильевич, — она, присев, извлекла из баула новое платье, сшитое наверняка из немнущегося материала. Слегка встряхнув, Лариса повесила его на плечики. — Как скажешь, господин жандарм? Сойдет?

— Для здешних — сойдет.

Не совсем ясно было Ларисе, комплимент это или очередное оскорбление. Не удавалось ей попасть с Пашей в одну струю. Назвала его «жандармом», что в принципе не несло негативной окраски, в ответ получила абсолютно равнозначный ответ, который как хочешь, так и оценивай.

— Никогда, Кирсанов, у нас с тобой душевных отношений не получится. Пригласи меня хоть в ресторан, что ли. Там и расскажешь, что мы с тобой должны делать. За себя я сама заплачу. Не хочу одалживаться...

С чего бы это ей вдруг пришла в голову последняя фраза, она и сама не поняла. Наверное, импульсивно захотелось хоть таким образом уязвить «командира».

— Хоть? — Полковник слегка приподнял левую бровь. Лариса этого не заметила.

«Не та подготовка, — привычно отметил Кирсанов. — Плохо следит за своими словами и реакцией на них собеседников. Не беда, дело наживное».

— Пойдем, о чём речь. Желаешь сама рассчиты-

ваться — пожалуйста. Только сделаешь это потом, наедине. Копию счета я предоставлю. А в эти времена женщины в ресторанах отдельно от кавалера не платят. Нонсенс! Да и я в прошлой жизни, честно сказать, платил только стукачкам, на связи. А с приличными дамами иначе выходило. На всяких там приемах и раутах, вот во дворце, скажем, великого князя Александра Михайловича, что на Дворцовой набережной, оч-чень благородные дамы меня потчевали шампанским с ананасами и домой приглашали. Абсолютно бесплатно.

— И что? — Ларисе эта тема показалась очень увлекательной. На самом деле представить, каков он тогда был! Красавец штаб-ротмистр в голубом мундире, с печоринской загадкой в глазах и арбенинской наглостью в манерах. За шестиметровыми окнами на Неву — весна или лето четырнадцатого года, когда о грядущей войне и революции никто и подумать не мог. Бальная музыка, сверкание люстр, изысканные титулованные дамы и девицы. Вплоть до княжон императорской крови¹. У него и с ними интрижки случались? Неплохо бы обо всем этом поговорить поподробнее.

— Да ничего. Империя все равно рухнула...

«Странный поворот», — подумала Лариса, понимая, что Кирсанов ее снова переигрывает.

— Ну, ты пока отдохай, готовься к ужину и инструктуажу. Газетки местные почитай. А я кое-куда сбегаю. Тебя так неожиданно переправили, что нужно теперь вас с Генри грамотно залегендировать. Здесь, по счастью, не советские времена, проблем особых не предвижу, и тем не менее. Какие у тебя бумаги есть, на себя и на «брата»?

Лариса достала из объемистого ридикюля, в кото-

¹ Князья (княгини, княжны) «императорской крови» — частный родовой титул членов императорской фамилии, не входивших в разряд «великих». К ним относились правнуки (правнучки) императоров и их нисходящие потомки по мужской линии.

рый много чего можно было поместить, целый пакет документов. Кирсанов их бегло просмотрел, мгновенно усваивая содержание целых страниц, да вдобавок успевая давать оценку как положительных их деталей, так и отрицательных. Не до конца продуманных. Но здесь сойдет, а вот в Петроградском охранном отделении, при должном подходе — не проскочило бы. Не зря к четырнадцатому году русские разведка и контрразведка относились к лучшим в мире.

— Годится, миледи, годится, — говорил он, отбрасывая отработанные листы на туалетный столик. — Все годится, — заключил Кирсанов, откинувшись на спинку канапе¹. — Классно сделано. Был бы штатским дураком, прослезился бы и припал к ручке...

— Так что же тогда? — удивилась Лариса.

— Мелочь, пустяк, совершенно несущественный...

— Ну?

— Как вы сюда попали? Как, когда и на чем? Прифронтовой город, изолированный от материка. Поезда не ходят, дилижансы — тоже. Мистер Сэйпир привез великосветскую даму с братом-lordом, поселил их в отель. Пока нормально. Но где он ее взял? Представьте осажденный Порт-Артур, сообщения с Россией никакого, и даже для передачи телеграммы русскому консулу в Чифу штаб флота планирует боевую операцию по прорыву миноносцев через линию японской блокады. Не обходилось без жертв. И вдруг на бульваре «Этажерка» неизвестно откуда появляется очаровательная княжна Мышецкая, допустим, в сопровождении штатского родственника... И что?

По манере разговора Павла Лариса видела, что выход из положения он знает и видит, просто в очередной раз... Не унижает, нет, просто вводит в сложности своей (теперь уже — их общей) профессии. Она не обиделась, скорее, испытала благодарность. Все ж таки она писала диссертацию на тему, вплотную с разведкой со-

¹ Небольшой диван с высокой изогнутой спинкой.

прикасающуюся. И поступала в аспирантуру по собственному желанию, по своим способностям и интересам, «горкомовский блат» потребовался только для того, чтобы не отказать «без объяснения причин». У профессуры своих блатных хватало.

Оттого и сейчас слушала Кирсанова, как знающего доцента на семинаре.

Ответила смиренно, даже глазки опустила:

— Я совершенно уверена, Павел Васильевич, что это незначительное затруднение вполне решаемо в пределах вашей компетенции.

Кирсанов улыбнулся едва заметно, поправил усы ногтем большого пальца.

— Шульгин как-то привел мне максиму, намного раньше услышанную мною от полковника Зубатова: «Даже самый умный человек склонен считать обращенную к нему лесть справедливой хотя бы на пятьдесят процентов».

— Знаешь, Паша, — перейдя на серьезный тон, сказала Лариса, — если бы хоть сотня таких, как ты и твой Зубатов, принимались царем и его окружением всерьез, судьбы империи были бы совсем другими... «Без лести предан» — это кто?

— Аракчеев.

— Ну вот.

— Ничего не «вот». Пока не появились вы со своими друзьями, никакие разумные действия, воля, честность, самопожертвование не значили ничего. Сотня, тысяча человек против стомиллионной косной массы — меньше, чем ничего. Как писал ваш очередной «великий пролетарский поэт»: «Единица — вздор, единица — ноль, один, даже если очень важный, не поднимет простое пятивершковое бревно, тем более — дом пятиэтажный!»

— Маяковского наизусть знаешь?

— Лариса Юрьевна, если я где работаю, так работаю. Хочешь «Материализм и эмпириокритицизм» процитирую?

— Да, Паша, — с грустью сказала Лариса, машинально раскачивая у него перед глазами обнаженной почти до самого верха ногой с перламутрово-алыми ногтями на пальцах узкой стопы. — Отчего и крутимся мы, случайные фактически люди, в паутине бесконечных непонятностей. Нам совсем ненужных.

— А вот нам — вполне. Без вас мы бы где были? Не пожелал бы я тебе искать смысл жизни в трущобах Константинополя. С голоду бы не померла, но о многих принципах забыла бы с ходу. Видел я...

— Хватит, полковник. — Лариса встала. — Иди, обеспечь нашу легализацию, в ресторане продолжим.

— Сделаем. Только разуваться при посторонних тоже не советую. Здесь почти у всех на пальцах мозоли от плохо сшитой обуви, даже специальные салоны для их удаления на каждом шагу встречаются. А у тебя пальчики гладкие. Непонятно. И ногти здесь никто не красит.

— Учту, Паша. Спасибо.

Он ее начал утомлять обстоятельностью, против которой нечего было возразить.

Кирсанов вышел на улицу, про себя посмеиваясь. Поставил он «кошку» (его личная для Ларисы оперативная кличка) на место. Не как приданныго в оперативное подчинение сотрудника, об этом и говорить не стоило бы, именно как чересчур много понимающую о себе барышню.

И еще пообломает, в ходе совместной работы, так что Левашов благодарить при встрече должен.

Если... Если энергия пережатой пружины на него же и не разрядится. Но и это на пользу будет. Просто — другому человеку.

Как же ее, заразу, легализовывать? Мало времени ему отпустили старшие товарищи. Но безвыходных положений не бывает, это же очевидно. Разговаривая с

Ларисой, он отчетливого решения не имел, но имел уверенность, которая на людей действует лучше всего.

В своем номере он переоделся в костюм настоящего профессионального торгового моряка. Не забудьги, не палубного матроса на один рейс, а настоящего, уважающего себя иуважаемого капитаном и помощниками. Может быть, даже опытного боцмана. Синие широкие брюки, приличные ботинки, куртка с бронзовыми пуговицами, каскетка с лаковым козырьком и красный фуляровый¹ платок, изображающий одновременно галстук и шарф.

Выйти на улицу пришлось черным ходом, перед портье рисоваться не следовало.

В таверне Эльснера-Давыдова таких, как он, принимали в специально отгороженном от общего двора уголке. Столы почище, обслуга вежливее, молодой барабаб простирая над двориком ветви с листьями, способными защитить от внезапного дождевого шквала.

— Привет, Пауль, — сказал Кирсанов подошедшему, как бы между прочим посмотреть, как отдыхается уважаемым гостям, Эльснеру. — Есть моряки с пришедших сегодня с Востока судов?

— Что из выпивки заказать хотите? — с достоинством осведомился капитан, увидев, что моряк за соседним столиком как-то слишком внимательно обратил ухо в их сторону.

Моряк был одет точно, как сам Павел, только шарф у него на шее — черно-желтый. И сидел он один.

— Выпивка — как всегда, три унции рома и кварту пива. Я тебя спрашиваю — есть пароходы с Востока? — взглядом он показал товарищу, что пока конспирировать не нужно. Скорее — наоборот. Сосед его заинтересовал.

В подобного рода заведениях правил этикета не

¹Фуляр — шелковая ткань особого плетения.

придерживались. Вернее — они были, но свои. Как лорд Генри мог непринужденно заговорить с таким же лордом на приеме в Букингемском дворце, так и равный (по ощущению) человек мог обратиться к равному здесь. На поясах у каждого висели длинные, невероятно острые ножи. Что делать в долгом плаванье, как не точить их на хороших брусках, вроде бы от скуки.

А ведь нет. Настоящий матросский нож может спасти от неминуемой смерти. Если в шторм на грот-бомбрам-рее в снастях запутался, чем с одного взмаха перехватить толстый, почти что в руку, просмоленный трос? Других случаев, когда нож незаменим, тоже масса, включая портовую драку.

— Подсаживайся, приятель, — радушно пригласил Кирсанов коллегу.

Тот, не чинясь, забрал свою здоровенную кружку и переместился на новое место.

— Питер, — назвался жандарм, протягивая руку. Моряк ее пожал своей, покрытой характерными мозолями и навечно пропитанной смолой.

— Людвиг, — ответил он с сильным немецким акцентом. — Старший боцман.

Немец — это хорошо, с немцами у Павла обычно складывались нормальные отношения, и языком он владел по-настоящему, а не выучив с помощью хитрых приборов.

Кирсанов указал пальцами слуге, разносящему напитки, что предыдущий заказ нужно удвоить.

Выпили, немного поболтали просто так, обмениваясь мнениями о заведении и вообще о городе, творящихся здесь не слишком благополучных делах.

— Ты с какого парохода? — наконец спросил Людвиг.

— Сейчас ни с какого. С одного списался, другого пока не нашел.

— Придумал, где списываться. До другого порта не дотерпел?

— Так получилось, — не стал вдаваться в подробности Кирсанов.

Ответ исчерпывающий. Много на море обстоятельств случается. С капитаном не поладил, с товарищами по команде конфликт обострился до полной нетерпимости, на берегу загулял до невозможности вернуться на свое судно к отходу.

— По специальности ты кто? Руки у тебя слишком чистые, — проявил наблюдательность немец.

— Электромеханик...

Сложно будет устроиться. На половине коробок до сих пор без электричества обходятся, на остальных ваш брат за свое место держится, наравне с офицерами... У нас на «Лорелее» три механика, со всеми машинами справляются. Лучшего не ищут.

— Да я пока не тороплюсь. Чтобы до дома добраться, и рулевым могу, и матросом первого класса. Меня сейчас другое интересует. Твой пароход сегодня пришел?

— Сегодня. Из Аделаиды на Гамбург.

— Хорошо. Пассажиры были?

— Тебе зачем? — Немец насторожился, лицо его помрачнело. — Что, на полицию работаешь или на таможню?

— Совсем наоборот, — Кирсанов перешел на немецкий с приличным гамбургским произношением. — Против. Что, полиция без меня не знает, были у вас пассажиры или нет?

— Вроде твоя правда. Знали бы... Только мы людей не брали. Пять тысяч тюков шерсти и генгруз кое-какой...

— А пассажирские каюты на пароходе есть?

— Всего четыре. Одна первого класса, три — второго. Так, на всякий случай. В этот раз желающих не нашлось.

— Удачно. Прост¹? — он поднял стаканчик с ромом.

¹ Диалектное произношение обычного немецкого тоста «прозит».

— Прост.

После чего показал Людвигу из полуоткрытой ладони французский золотой пятидесятифранковик. Почти неуловимым со стороны движением подвинул его по столу до пивной кружки собутыльника. Почти так же быстро монета исчезла в руке боцмана.

— И что дальше? — спокойно спросил немец.

— Пока ничего. Аванс. Вы когда в море выходите?

— Собираемся завтра.

— Ну вот, раз ты старший боцман, договорись с суперкарго¹, чтобы завтра утром у меня был документ, подтверждающий, что от Аделаиды до Кейптауна с вами плывли в качестве пассажиров вот эти персоны, — он протянул листок из записной книжки. — Как оформить — сами знаете. Ваш интерес — еще по две таких же монетки. Сойдет?

— По три, — тут же задорожился Людвиг.

— Много будет, — не уступил Кирсанов. — Для вас риска никакого, бумажку написать, и все. В море за вами никто гоняться не будет.

— Но тебе ведь эта бумажка очень нужна?

— А тебе деньги. Не хочешь — не надо. Другого найдем, и дешевле. Только возиться лень. А если думаешь меня обмануть — смотри. В Альтоне² подходящих парней много. Кастетом по пути домой легко врезать могут, если я телеграмму передам.

— Это ты уже лишнее говорить начинаешь. Завтра в десять на этом же месте. С тебя четыре монеты, с меня бумажки. Прост?

— Прост.

Кирсанов успел вернуться в отель, переодеться и в нужное время заглянул к Ларисе, уже готовой и нетерпеливо поглядывающей на часы.

¹ Помощник капитана, отвечающий за перевозку груза и пассажиров.

² Припортовый район Гамбурга.

— Я рассказывать должен? — спросил Кирсанов, когда они уже сидели за накрытым на двоих столиком с видом на бухту, и Лариса попросила его рассказать о текущей обстановке в городе и о проводимой резидентурой работе. — Думаю, сначала ты меня проинформируешь. В чем причина, а равно и необходимость именно твоего и именно сейчас здесь появления? Сверху мне не объяснили. На что с твоей стороны я могу рассчитывать, ну и так далее. А я уж потом доложу непосредственно к твоим заботам относящееся. У нас ведь разведка, а не салон мадам Шерер...

Ларисе пришлось обрисовывать ему общую картину случившегося за время его отсутствия. Он, кроме той информации, что получал во время сеансов связи, о текущей обстановке представления не имел. А человеку его специальности важнее всего именно штрихи, детали, живые подробности.

— Так, понял, — сказал он. — Очень хорошо понял. Выходит, мне нужно помаленьку переориентироваться с войны на сотрудничество?

— Именно так вопрос пока не стоит, однако, если дуттуры не успокоятся...

— Успокоятся, нет — видно будет. А мне нужно работать. На случай резкой смены обстоятельств все запасные позиции должны быть подготовлены и собственные «внезапные» шаги заранее замотивированы.

Несколько дней Лариса осваивалась в городе, вместе с «братьем» знакомилась с достопримечательностями. Мистер Сэйпир, встретив ее в ресторане отеля, разыграл яркую сцену встречи со старой знакомой, свидетелями чего были несколько постояльцев и прислуга. И естественно, тут же принял даму под свое покровительство и начал *вводить в общество*. Труда это не составляло. Заранее условившись с хозяйкой, Кирсанов передал миледи Отэм и лорду Уоттону приглашение на

ежесубботнюю вечеринку к жене нынешнего главкома лорда Редверса Буллера. За время нахождения в Кейптауне весьма богатый негоциант, имеющий, как оказалось, очень высокие связи в Лондоне, сумел стать своим среди не слишком обширного круга природных аристократов, старших офицеров армии и флота, банкиров, золото- и алмазопромышленников.

Легенда Ларисы проскочила с ходу. Как и в Кисловодске две тысячи пятого года, никто не вздумал в хорошем обществе уточнять истинную генеалогию безусловно светской дамы. Никого не удивило и то, что миледи с братом-lordом не выбрали лучшего времени для посещения Кейптауна, чем нынешнее. Как уже говорилось, психология у людей в то время была другая, да и войны другие. Во всех концах Империи постоянно что-то происходило, и если бы люди обращали внимание на всякого рода инциденты, то и торговать, и путешествовать было бы некому.

Конечно, могло показаться странным, что связанные давним якобы знакомством и общими финансовыми интересами мистер Сэйпир и миледи Отэм так неожиданно встретились на краю земли. Но всякого рода «случайные встречи» в XIX веке являлись распространенным литературным приемом, а литература, как известно, есть отражение жизни в ее типичных проявлениях.

Кроме того, кому какое дело — действительно ли случайна эта встреча или, напротив, тщательно подготовлена? Значительные люди могут, и даже должны иметь и свои цели, и свои тайны.

В огромном особняке на склоне Столовой горы собралось до полусотни человек. Дамы от двадцати до сорока, одинаково приятные во всех отношениях, мужчины партикулярные и мужчины военные, в черных и синих морских, красных и хаки пехотных мундирах.

Лариса произвела наилучшее впечатление, что она

умела, если хотела. Тем более — ее прикрывал лорд Генри, непрерывно сыпавший уайльдовскими афоризмами и парадоксами. Большинство из присутствующих воспринимали их как оригинальные, а если кто и слышал мельком в одной из пьес автора, о котором приличным людям вспоминать не полагалось¹, так оставлял свои знания при себе.

На фоне этой беспрерывной трескотни, перемежающейся приглашениями дам, всех подряд якобы, но на самом деле только тех, на кого указывал Кирсанов, никому не приходило в голову задавать ему серьезные, тем более — неудобные вопросы.

Лариса мило щебетала с дамами, постоянно ссылаясь на многолетнюю оторванность от лондонской жизни, что вполне оправдывало незнание ею вещей самоочевидных. Зато она щедро делилась впечатлениями об Австралии и Новой Зеландии, в которых никто из собеседниц не бывал.

А в углу зала одиноко сидел мрачный мужчина лет сорока пяти, с широкими золотыми нашивками на рукавах. Часто отхлебывал виски из бокала, потухшим взглядом обводил веселящуюся компанию. Адмирал Хиллард, опальный, но официально из света не исключенный. Его приглашали в дома, но открыто демонстрировать дружелюбие избегали. А это мучение еще большее, чем прямое отторжение.

Кирсанов уже знал, что сутками-другими позже, после того, как станет известно о бесследном исчезновении индийского конвоя и мощной эскадры адмирала Балфура, положение сэра Мэнсона резко изменится в лучшую сторону.

Можно сказать, что Павел Васильевич находился в

¹ В 1895 г. Оскар Уайльд был осужден на 2 года тюрьмы за гомосексуализм. После чего от него отказалась семья, все его пьесы сняли со сцены, книги не печатали. В 1897 г. Уайльд уехал во Францию, где вел нищенское существование. Умер в 1900 г.

положении владельца инсайдерской информации о том, какие акции вскоре упадут, а какие пойдут вверх.

— Видишь, Ларис, вон того мужика?

— Чего же не видеть. Тоскует и надирается. Почему?

— Объясню. А пока задача, раз ты в моем оперативном подчинении находишься, такая будет. Я тебя к нему подведу, представлю. Положение у него сейчас хуже губернаторского. Этой провинции. Все подвешено. Могут под суд отдать, могут снова командующим флотом назначить. Большинство присутствующих к первой мысли склоняются. А мы на второй вариант ставку сделаем. Видишь, даже дамы его аккуратно игнорируют. А ты — заговоришь. Мол, с детства моряков обожаешь, а здесь такой импозантный мужчина в меланхолии пребывает. Выпьешь, покуришь с ним, чтобы роли соответствовать. Индийскую папироску с гашением... Здесь среди самых экстравагантных и эмансипированных особ это опять в моде.

— Поняла. Блок у тебя в подсознании. Не психологический, а поэт. Александр. «Ты, куря папиросу с гашением, предложила попробовать мне...» И так далее, не помню. Закурю, выпью, его угощу. Дальше?

— А мне кажется, это не Блок, а Северянин. Впрочем, неважно. Видишь ли, надо, чтобы завтра к утру он стал *нашим* человеком. Вербовать его пока не нужно и спать с ним для первого раза совсем не обязательно. А вот сделать так, чтобы он ни о чем на этой земле, кроме как о тебе и твоих прелестях, думать не мог — пострайся. Свидания чтобы добивался, всякие глупости говорил. Иначе его придется просто убить. Это — не трудно. Но нерационально. Справишься?

Лариса, так, чтобы это видели несколько поблизости находящихся дам, игриво шлепнула Кирсанова по щеке перчаткой. И засмеялась журчаще.

— Да уж как-нибудь. Подробности докладывать нужно будет?

— Нет. Только деловую информацию.

— Тогда пойдем, представишь меня господину адмиралу.

Поначалу Хиллард отнесся к подсевшему за его столик Кирсанову, неизвестно зачем вздумавшему познакомить его с миледи Отэм, настороженно. Привык ждать подвоха или хорошо замаскированного оскорбления от каждого. А почему при этом все равно приходил на рауты — бог весть. Или свои комплексы потешить, или окружающим досадить собственным присутствием, а то и просто за стаканом-другим виски отвлечься от мыслей о необходимости застрелиться.

Тем более, что к ломберному столу доступ был всегда открыт. Игроков не интересовали высокие материи, если партнер расплачивался полновесными золотыми гинеями. Проиграл адмирал какое-то там сражение или все это слухи — неважно. Желательно, чтобы проигрывал на зеленом сукне.

Постепенно разговор с мистером Сэйпиром и юной дамой его увлек. Питер был остроумен и лишен каких бы то ни было предрассудков, умел несколькими словами дать уничтожительную и в то же время объективную характеристику любому и любой из присутствующих, особенно метко отзываясь о лицах, адмиралу антипатичных. Причем так, что заподозрить его в предвзятости или желании подольстить было невозможно.

— Стоит человеку выделиться из массы других, — к месту произнес Кирсанов, — как у него немедленно появляются враги. В изобилии. Чтобы слыть всеобщим любимцем, нужно оставаться заурядностью. Разве вы с этим не согласны?

— Почти согласен, — кивнул Хиллард. — А вот вы явно выделяетесь, и при этом остаетесь всеобщим любимцем. Здесь.

Кирсанов-Сэйпир непринужденно рассмеялся,

поднял свой бокал и предложил сделать то же Ларисе и адмиралу.

— Хотите, я поставлю свое состояние против вашего кортика, что столько гадостей, сколько говорится сейчас обо мне в кулуарах этого дома, вы не услышите в свой адрес даже в суде Адмиралтейства. Не дай вам бог, конечно, там оказаться.

Хиллард заметно помрачнел, но виски выпил.

— Повторяю — не дай вам бог, — со значением сказал Кирсанов, вставая. — А сейчас мне нужно на некоторое время отлучиться. Но я непременно еще вернусь. Не обижайте мою подругу, сэр Мэнсон.

Когда пришло время очередного танца, дамы и кавалеры начали разбираться для исполнения гавота или мазурки — невелика разница. Адмирал посмотрел на собеседницу с большой неуверенностью.

В те годы индивидуальных, доставляющих партнёрам настоящее удовольствие танцев, вроде танго, фокстрота, в обиходе не было. И даже вальсы находились под большим сомнением ревнителей приличий.

Зато групповые исполнялись под пристальным вниманием мамаш, бездетных тетушек, просто престарелых дам, занимавших позиции вдоль стен. Два-три приглашения подряд одним кавалером незамужней девушки считались достаточным основанием для намека на обручение или сватовство.

Отказ в приглашении считался серьезным оскорблением. Потому Хиллард и ощущал громадный дискомфорт. Откажет ему эта миледи — катастрофа полная и окончательная. Но и не пригласить даму, доверенную его попечению, — неприлично. Если бы это сделал кто-нибудь другой... Но желающих что-то не видно. Именно по той причине, что она оживленно беседует с Хиллардом. Пришлось Ларисе мило улыбнуться, кивнуть и даже как бы сделать рукой движение навстречу адмиралу.

Он поднялся, поправил кортик и поклонился с огромным воодушевлением.

Танцевали они хорошо, ярко, и все взгляды зала были прикованы только и исключительно к ним. И бежали по залу шепотки, скрещивались взгляды, возникали одни комплексы и рушились другие. Народ ведь собрался искушенный, ничем в жизни, кроме интриг, устройства карьеры и приумножения капиталов не занимавшийся.

Миледи Отэм время от времени бросала по сторонам взгляды, которые одних приводили в восторг, других — в замешательство.

Богатая, молодая, титулованная вдова, ее брат и богатейший, по всем сведениям, негоциант Сэйпир не зря ведь так плотно занялись опальным адмиралом. Наверняка в этом есть непонятный, но заслуживающий внимания смысл.

И вот уже несколько весьма уважаемых личностей как бы невзначай оказались у столика, где продолжали увлеченно беседовать сэр Мэнсон и миледи, официанты подсуетились, поднеся бокалы шампанского и стаканы виски. Джентльмены включились в разговор, что не считалось бес tactностью. Адмирал, заметно для Ларисы, начал расцветать.

Кто-то спросил о перспективах скорого прибытия бомбейского конвоя, кто-то — о возможности британского флота завоевать наконец господство на море. Ларисе прикладывались к ручке и интересовались, в каких степенях родства она находится с весьма известными лицами.

Она никого не разочаровывала. Небрежно назвала несколько имен, лояльность которых ей гарантировала Сильвия. Касательно королевы она сделала столь не-проницаемо-двусмысленное лицо, что каждый был волен понимать это как угодно.

Наступил момент, когда адмирала пригласил на партию бильярда второй человек в иерархии колонии. От-

казаться было невозможно, хотя расставаться с миледи Хилларду тоже очень не хотелось. Она его очаровала, и не просто в банальном смысле этого слова.

Лариса понимающе кивнула, и сэр Мэнсон с облегчением встал.

Тут же к ней подсел Кирсанов.

— Получается?

— Более чем. Что дальше? Уложить его в постель я сумею, когда тебе будет угодно... И что?

К Ларисе Юрьевне жандармский полковник с самого начала знакомства относился с большим уважением и такой же опаской. В том смысле, что считал ее дамой абсолютно непредсказуемой, в любой момент способной на все, что угодно. Хоть с винтовкой от бандитов отбиваться, хоть Троцкому глазки строить, хоть мужу в присутствии посторонних устроить грандиозный скандал.

Единственно, что его не тревожило, так это то, как она поведет себя в действительно серьезной ситуации. Тут — стопроцентная гарантия.

Будь у него другие жизненные принципы, он непременно обратил бы на нее внимание, просто как на женщину.

— Я думаю, насчет постели — пока лишнее. Не уверен, что это доставило бы тебе удовольствие. Да и оперативная обстановка не требует. Однако навязывать своего мнения не собираюсь. Если ты не против — сдаем так...

Он передал ей прозрачный пластиковый патрончик чуть толще спички, с несколькими бледно-желтыми шариками внутри. И вчетверо сложенный лист бумаги.

— Пилюльку — адмиралу в виски. Его обожание достигнет крайних пределов, но к активным действиям он до утра будет не способен. Так что спокойно можешь позволить ему все, на что у него достанет фантазии...

— Смешно, — задумчиво ответила Лариса. — Обя-

зательно в самый интересный момент вмешивается Шульгин. То прямо, то косвенно...

Она была права, шарики имели происхождение из Сашкиной лаборатории. В отличие от гомеостата, они вполне подвергались тиражированию в дубликаторе.

— А тебе, Паша, понравилось бы, если б тебя обнимала, слюнявила и щупала старая баба, от которой ты не рассчитываешь получить никакого удовольствия?

— Какие ты пакости умеешь говорить, Лариса Юрьевна, — с достоинством ответил полковник. — Я тебе что-нибудь подобное предлагал? Я хотел только обезопасить твою девичью честь, если ты вдруг сочтешь это нужным. Нет — поступай как знаешь. Я могу приказывать тебе как начальник операции, но на личную жизнь старших братьев и сестер моя власть не распространяется. А по работе требуется, чтобы в достаточно волнующих для него обстоятельствах ты дала ему, на своих глазах, прочитать нужную бумагу... И тщательно фиксировала эмоции, явные, а тем более скрытые.

— А что в ней? — Лариса развернула листок и увидела восемь строк совершенно бессмысленных пятизначных буквосочетаний.

— Это тебе знать пока не нужно. Для непосредственности восприятия. Зашифровано личным шифром адмирала, передано по Атлантическому кабелю Сильвией на твое имя. С поручением передать, и только. Предполагается, что он это расшифрует в твоем присутствии, а ты понаблюдаешь за его реакцией. И за словами, после прочтения сказанными. Или — не сказанными. В любом случае, выйдя после этого в туалет, ты мне немедленно сообщишь об увиденном и услышанном.

— Хитрые кружева плетешь, Паша. — Кирсанову показалось, что она едва заметно ему подмигнула. А может, просто игра света.

Вечер в целом прошел неплохо, обогатив местную жизнь еще одной интригой.

Ушла Лариса в сопровождении «брата Генри», села в карету, но поехали они не к себе в отель, а как и договорились, к дому, снимаемому Хиллардом. Своего особняка в Кейптауне он не имел, служба могла в любой момент заставить отправиться на другой конец света, с эскадрой или в одиночку. Туда, где Империи потребуется ее адмирал.

Сэр Мэнсон настолько соскучился по человеческому общению, тем более — со столь интересной, свое-нравной и эксцентрической особой, что осмелился предложить продолжить встречу у него дома. В сопровождении брата миледи Отэм спокойно могла принять приглашение, ее репутации это ущерба не наносило.

Кирсанов с ними не поехал, у него были сегодня собственные важные дела.

В гостиной как-то само получилось, что лорд Генри Уоттон оставил «сестру» и адмирала наедине, заявив, что безумно устал от светской болтовни.

— Я в очередной раз убедился, нет такого греха, который нельзя было бы простить, — кроме разве что глупости...

Но развивать тему и намекать на кого-то из сего-дняшних собеседников персонально не стал. Попросил разрешения полистать заинтересовавшие его книги в библиотеке. Хиллард, чрезвычайно этим довольный, предложил лорду чувствовать себя как дома, раскрыл перед ним коробку лучших своих сигар и велел слуге принести графин виски, тоже наилучшего.

ГЛАВА 7

После прибытия Ларисы в Кейптаун за положение дел в девяносто девятом можно было особенно не волноваться. Теперь там имелась достаточно мощная резидентура, причем составленная из разнообразно подготовленных и надлежащим образом оснащенных людей. Кому положено — знали, что Ирина передала Ларисе

блок-универсал, и теперь между ней и Сильвией с Берестиным устанавливалась надежная двухсторонняя связь. В критической ситуации два синхронно работающих по одной цели «портсигара» могли произвести эффект тактического ядерного заряда, но без его известных недостатков.

Теперь ничего не мешало вплотную заняться стратегическими проблемами.

Скуратов, без каких-либо затруднений обучившись работе на здешней компьютерной технике, принялся, используя собственные методики, проникать в глубины даггурской логики и психологии. Все его разработки, опубликованные и существовавшие пока только в виде черновиков и смутных предположений, шли в дело. Ибо Шатт-Урха вполне можно было рассматривать как объект нечеловеческого типа и изучать его, подобно любому другому псевдомыслящему устройству.

Тот как-то очень легко смирился с мыслью, что вернуться домой ему в ближайшее время не светит. А если и придется, то уже в ином качестве. Ответы на вопросы, которые задавал ему Виктор в качестве стандартных тестов, кроме абстрактной функциональности, давали и чисто познавательный материал. В частности, интересным показался факт, что, в отличие от человека, который в случае необходимости мог бы бесследно затеряться почти в любой стране и в достаточно населенном городе (за исключением Северной Кореи и еще нескольких чересчур специфических мест), Шатт-Урх такой возможности был лишен.

Мало того, что он как бы постоянно носил в руках раскрытий, не поддающийся подделке паспорт (в виде спектра индивидуальных ментализаций), так он просто технически не мог существовать вне касты, к которой принадлежал от рождения. В любую другую внедриться невозможно даже гипотетически, как туземцу с Фиджи в национальном костюме устроиться в Моск-

ве летчиком-испытателем на авиационный завод. Даже труднее.

— Тоскливо у них там, — сказал Шульгин, услышав об этом. — Пожалуй, в Ниневии, где я на рынке подвигался, степеней социальной мобильности побольше было.

— Дело привычки, — не согласился Скуратов. — Если ты родился мужчиной, идея о превращении в женщину приходит в голову только в результате глубокой психической патологии. Кстати, надо будет и об этом спросить. Хороший вопрос, перспективный.

— Меня их социальное устройство все больше и больше интересует. Ты об этом поподробнее. Внутренняя организация каст и варн, система взаимоотношений, конституционное устройство. Методики управления «низшими», полуразумными и совсем безмозглыми. Какие еще виды, кроме монстров, они используют, — Новикову хорошо запомнились многочисленные боевые членистоногие. — Что у них за экономический базис и идеологическая надстройка.

— И самое главное, — вернулся Шульгин к наиболее заинтересовавшей его теме, — с кем они воюют? С другими «государственными образованиями», или вся их десантно-штурмовая армада — орудие внешней экспансии?

— Слушайте, братцы, меня, кажется, озарило! — воскликнул Воронцов. — Как вам такой вариант — давным-давно эти ребята по тоннелям или каким-то другим способом проникли в еще одну параллель, уровня нашего позднего феодализма, скажем. С ними и воюют, рабов захватывают, сырье добывают... Очень, помоему, все сходится. А господин Урх нам лапшу на уши вешает.

— Какие, к черту, тоннели, если они до Валгаллы добрались! — не согласился Левашов.

— Одно другому не мешает. И я бы, на всякий случай, попробовал с теми тоннелями, что нам известны,

поэкспериментировать. Заодно и с товарищами Ляховыми повстречаться. Давно не виделись...

— Все узнаем, друзья мои. Только без спешки. Я сначала собираюсь все же в личности «объекта» разобраться. Чтобы он нам был ясен и понятен, как вот этот компьютер. — Скуратов указал на открытый ноутбук. — Где нажать, чем щелкнуть, чтобы на выходе получить стопроцентно однозначный результат. А без этого мы будем спрашивать про одно, он нам отвечать совсем про другое, и вовек не догадаемся, как все обстоит на самом деле.

— Утрируешь? Уж он-то в наших мыслях и эмоциях совсем неплохо разбирается.

— Ни в коей мере. Слова из долговременной памяти выдергивать и эмоциональный настрой ощущать — еще не значит «разбираться». Вы же сами заметили — очень часто он отвечал на вопросы «под суфлера». Так, как мы уже сами себе ответили. Истинная же суть до него просто не доходила. Пример. Если ты не изучал японскую культуру, никогда не поймешь, почему японец без специальной просьбы не кинется помогать незнакомому человеку...

Шульгин был в курсе, поэтому молча улыбнулся.

— Большинство европейцев подумает, что японцы черствы и равнодушны, а с их точки зрения они просто очень деликатны и не могут насилино сделать человека своим должником. Поскольку, по их понятиям, помочь требует обязательной ответной услуги. Помочь без просьбы — в некоторых случаях это почти то же самое, что кошелек на улице отнять... Я всегда во вводной лекции демонстрирую студентам две пересекающиеся окружности. Сектор, общий для обеих, — это зона взаимопонимания общающихся субъектов. Он бывает больше или меньше, но никогда не превышает половины, иначе центр одной окружности окажется внутри другой, что невозможно при сохранении личной идентичности. Так это для субъектов общей культуры и языка...

— Идея ясна, — кивнул Воронцов. — На самом деле, смешно браться за работу синхронного переводчика на научном симпозиуме по международному морскому праву, владея лексиконом Элочки...

— И даже Фимы Собак, — согласился Новиков.

Теперь в недоумении оказался Скуратов. «12 стульев» ему прочитать негде было.

— Ну, пока время терпит — работай, — сказал Шульгин. — А нам, пожалуй, пора к деду Косте наведаться...

На Валгаллу теоретически попасть было совсем не-трудно. Выставить три верньера в нужные позиции, минутное ожидание накопления заряда в конденсаторах — и готово! Однако Олегу пришлось повозиться несколько часов, настраивая машину с учетом всех случившихся до того нарушений метрики пространства и времени, сдвигов и деформаций, вызванных включением чужих систем, а равно и возможного присутствия у входа и выхода канала неприятельских следящих устройств.

Ему нужно было найти единственную пространственно-временную точку. Ни раньше, ни позже, ни правее, ни левее. Желательно — примерно через неделю после прибытия туда Удолина с пленником и соратниками. Совсем ни к чему было встретить там самих себя в любых предыдущих реинкарнациях, явиться в дни, когда там проживала (будет проживать) семья наркома Шестакова и бывший старший лейтенант Власьев, пересечься с неперевоспитанными Даяной и Лихаревым.

Сложная задача — исключить (или должным образом компенсировать) пресловутый принцип неопределенности. Примерно как автоматическая посадка на Луну ракеты с луноходом. При вычислительной технике и системах управления тысяча девятьсот семидесятого года.

И все-таки решаемая.

Немного поспорили, кому именно идти в очередной поход. Хотели все, кому довелось пожить на «первой Валгалле»: у кого тяга к очередным приключениям, у кого просто ностальгия. Левашова и Скуратова отсекли сразу. Один должен обеспечивать стационарную СПВ-систему с парохода (мало ли что может случиться), второй — продолжать работу с дугтуром.

И Воронцову с Натальей лучше было оставаться на месте. Тыфу-тьфу, но одна дурацкая случайность, от шальной пули до нападения суперкота, лишит их единственного моряка, командира корабля и военно-морской базы.

— Тебе, Антон, пожалуй, тоже не стоит, кто его знает, как Даяна, если встретимся, и ее курсантки на твой фенотип отреагируют, — сказал Новиков тоном приказа. И, слегка смягчая, добавил: — Если мы не вернемся, на Земле больше толком распорядиться некому. С учетом жизненного опыта.

Вроде и в шутку, а ведь совершенно правильно по сути. Не вернуться можно очень легко, и кто тогда останется координатором, понимающим в человеческих и нечеловеческих проблемах?

— А я? — вмешался Ростокин, до этого не проявлявший активности. — Я у вас там никогда не был. Хотелось бы. И пригодиться могу.

— Спора нет, — ответил Шульгин, будто впервые в жизни оглядывая мощную фигуру Игоря. — Можешь. Проявил. Доказал. Корреспондент, опять же.

А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит, вспомнит и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой.

— Александр, — с возмущением ответила на его цитату из «Застольной»¹ Алла, — что у тебя за настроение?

— Нормальное у него настроение, — с усмешкой,

¹ «Корреспондентская застольная», К. Симонов, 1943 г.

не очень понятной для девушки, родившейся на восемьдесят лет позже, ответил Новиков. — Ты тоже жена журналиста, так послушай текст целиком...

Своей гитары у Андрея под рукой не было, но в углу салона, на подиуме имелся электроорган, совмещенный с синтезатором и выведенный на восемь колонок по всем переборкам. Перекинув несколько тумблеров, Новиков выбрал нужный режим. Наклонил поудобнее микрофон. Откинулся на спинку и начал играть...

Хорошая все-таки техника, что угодно позволяет изобразить.

Аккомпанемент семиструнки, на заднем плане поддерживаемой словно бы неуверенными, но четко в такт попадающими переборами трофеиного «Хохнера»¹. Где-то вдали едва слышны звуки отдаленного боя. И при этом специфическая акустика большой землянки, где слушают песню, дышат, шаркают по полу подошвами сапог, гремят кружками и звенят стаканами десяток хорошо отдыхающих, до следующего боя, офицеров.

Кто поближе годом рождения к тому времени, кто с детских лет помнил документальные и наскоро снятые в Алма-Ате художественные фильмы военных лет, сразу проникся настроением. Для остальных получилась экзотика. Тем более, что и тональность своего голоса Андрей подрегулировал, как надо. Что-то среднее получилось между Бернесом, Крючковым и им са-мим.

— От Москвы до Бреста
Нет на фронте места,
Где бы не скитались мы в пыли,

¹ «Хохнер» — марка трофеиного немецкого аккордеона, очень популярного в СССР после войны, вплоть до конца 60-х годов. Потом куда-то исчезли. Имели место разные — «полные», «половинки» и даже «четвертинки». Инкрустировались перламутром.

С «лейкой»¹ и блокнотом,
А где и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.

Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай за дружеским столом
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнем!

Есть, чтоб выпить, повод —
За военный провод,
За «У-2», за «эмку»², за успех...
Как пешком шагали,
Как плечом толкали,
Как мы поспевали раньше всех.

От ветров и водки
Хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнет:
— С наше покочуйте,
С наше поночуйте,
С наше повоюйте пятый год!

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.
Репортер погибнет — не беда.
Но на «эмке» драной
И с одним «наганом»
Мы первыми въезжали в города.

Помянуть нам впору
Мертвых репортеров.
Стал могилой Киев им и Крым.
Хоть они порою

¹ «Л е й к а» — русское наименование малоформатной даль-номерной фотокамеры под пленку 35-мм системы Лейца, 1923 г. Первая отечественная конструкция такого типа — «ФЭД-1» — 1930 г. Наиболее распространенная техника фотокоров времен войны.

² «Э м к а» — автомобиль «ГАЗ-М-1», выпускался с 30-х годов в вариантах «седан», «кабриолет», «пикап», «внедорожник». Наиболее распространенный отечественный легковой транспорт во время Отечественной войны.

Были и герои,
Не поставят памятников им.

Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой.

Жив ты или помер —
Главное, чтоб в номер
Матерьял успел ты передать.
И чтоб между прочим,
Был фитиль¹ всем прочим.
А на остальное — наплевать.

Андрей замолчал, только орудийные раскаты и пулеметные очереди еще слышались из динамиков, медленно затухая. Потом внезапно прорезалась мелодия «Прощание славянки», наигрываемая на одной трубе, и тоже стихла.

Новиков давно не исполнял для широкой аудитории песен, ни своих, ни чужих. Сейчас это неожиданное выступление произвело впечатление и на тех, кто раньше его уже слышал, а особенно на тех, кто услышал впервые. Дело ведь не в голосе, дело в теме. Попасть нужно. Андрей попал.

Оваций не было, но реакция случилась вполне достойная.

— Слыши, Игорь, — сказал Шульгин, докуривая сигарету, — у тебя дома тоже полно военных журналов, ты им при случае изобрази. Глядишь — понравится. Хочешь — за свою выдай. Константин Михайлович не обидится, а окружающие лучше примут. Известно.

— О чём ты говоришь! Чтобы я, и... А почему я вообще раньше этого не слышал?

Новиков предпочел сохранить лицо спокойным.

¹Фитиль — в данном случае опережение в подаче сенсационной информации (жарг.).

— Ты в библиотеку на досуге загляни. Симонов — в черных переплетах, Гумилев — в темно-зеленых. Лермонтов — в желтых. Полистай от скуки. Еще Денис Даудов когда-то был, и совсем незначительные авторы, вроде Языкова и Баратынского. В школе не проходили? И проходили что-нибудь вообще?

— Андрей! — предупреждающе сказала Ирина.

— Да я что? Я ничего. Не проходили — и не надо. У них своих писателей и поэтов за полтораста лет столько расплодилось! Я их тоже не читал. Потому вечер лирической песни считаем законченным. Если по делу — Игоря с собой возьмем. И тебя тоже. Больше — никого. И обсуждать нечего.

На его слова обиделась только Алла. Ей как раз на Валгаллу очень хотелось. Так она и сказала:

— Я ничуть не слабее вас и видела не меньше. Правда, Игорь?

Апелляция была неубедительная. Даже для Ростокина, тем более — для «Боевых магистров» (так Шульгин, Новиков, Берестин, Воронцов, Левашов иногда в шутку друг друга называли. Вспоминая дона Рэбу). Знали они, чем ее подвиги закончились.

Обошлись без слов, хватило взгляда Шульгина, чтобы предложить Ростокину самому решать свой внутрисемейный вопрос, не заставляя остальных тратить очень небольшой запас миролюбия и альтруизма.

В Левашова верили. Если бы не верить, так поумирать полагалось всем *причастным* еще в теплом, дождливом, пахнущем липами последнем советском лете. (Ах, какое чудесное было лето восемьдесят четвертого!) Или — перестать быть в заданном качестве, что почти одно и то же.

Однако «принцип неопределенности» — штука весьма неприятная и с трудом преодолимая. Либо ты промахиваешься по времени на месяц или неделю,

либо пространственно — от километра до тысячи. По горизонтали — ладно, даже и пешком дней за десять компенсировать можно, а если по вертикали?

Отчего Новиков с долей недоверия когда-то отнесся к попытке Левашова отправить Ирину на поиски Берестина в плохо представимый параллельный июль. Из другого февраля. Ему, по-простому сказать, выбор делать было не очень трудно. Подумаешь, вдруг выяснится, что ты на этом свете даже и не рождался. Горевать некому и не о чем. Вот если перед непременной смертью тебя на дыбу вздергивают, колесуют, жгут на медленном (какой садизм у просвещенных европейцев — именно на медленном) огне — это неприятно¹.

— Никакого специального снаряжения брать не будем, — категорически сказал Андрей. — Оденемся попросту, по-походному. Не на войну идем. Все, что нужно, в форте есть. Если доберемся. А так нам ничего и не надо. Портсигарчик у тебя, Ира, есть, гомеостат. Пистолеты прихватим, для самоуспокоения и поддержания имиджа. Ножи, курево, по фляжке. НЗ, одним словом, да и то не знаю, в каком случае он может пригодиться. Разве только в процессе перехода куда-нибудь вывалимся... Поняли?

Если Олег не найдет нужное место, никто не пройдет через портал. А найдет — и говорить будет не о чем. В смысле вооружения и других способов влиять на текущую обстановку.

... — Не получается, — вдруг сказал Левашов, когда десантная партия уже толпилась у него за спиной, готовая перешагнуть прямо на веранду или хотя бы во внутренний двор форта. — Точно как тогда, Андрей, когда вас с Ирой в девяносто первый вытолкнуло...

Он подкручивал верньер, не отрывая глаз от осциллографического экрана и стрелок горизонтальных и

¹ См. «Гамбит...».

вертикальных шкал. Такой у него был каприз мастера — сохранить приборную панель Главной установки в первозданном виде. Дублирующие терминалы были исполнены в близком к концу ХХ века дизайне, с компьютерными мониторами, «мышками» и джойстиками, а основная машина внешне оставалась почти такой, как он ее смонтировал с самого начала.

— Не получается. Район форта как бы заблокирован, причем сплошняком. И по времени, и пространственно. Указатель подтверждает, что мы уже фактически там, а окно не открывается! — Олег, то ли в доказательство, то ли от отчаяния несколько раз подряд нажал пусковую кнопку.

— Чуть не так, — поправил его Новиков. — Тот раз проход открылся сразу, только время на указателях и в реале не совпало. Сейчас мы видим кое-что другое.

— Удолин, — страшным шепотом сказал Шульгин. Для большего драматизма. — Это он со своими мистиками форт занавесил. Мы знаем, что там у него за Бен-Бецалели собирались в неизвестных количествах? Закутились в нашем тереме и творят свои черные мессы.

— Думай, о чем говоришь, — непонятно почему одернула его Ирина. Ей-то что до этих материй и категорий? Однако вот...

— Еще и думать? Не подряжался, — огрызнулся Сашка. — Давайте я попробую — через верх. По баллистической траектории. Перескочу и любую защиту на месте вырублю.

Подразумевался очередной, неплохо раньше отработанный бросок по эфирным сферам *тонкой* составляющей его личности внутрь форта и отключение, силовым или иным методом, удолинской блокировки. Могло бы и получиться, как раньше получалось. Только Новиков боялся и думать, что в результате может случиться именно с Сашкиной личностью, столько раз уже *перемонтированной и восстановленной* неизвестно из чего.

— Напрыгался уже, хватит! — пресек его энтузиазм Андрей. — Давай, Олег, покрути машинку. Если на форте не выходит, попробуй в это же время — базу Даяны. Где мы с тобой были. Вряд ли она от нас *тем же образом* прикрыта. А ты, Игорь, как младший по званию, давай бегом, распорядись, чтоб притащили четыре полных комплекта боевого снаряжения. Признаю свою неправоту и абстрактный оптимизм вкупе с таким же пацифизмом.

— Получается, — через минуту сообщил Левашов, глядя на Новикова с уважением. Сколько дружат, а неизвестные, сугубо спонтанные и парадоксальные решения Андрея его до сих пор восхищали. При том, что сам умел придумывать куда более невероятные вещи. Но — в технической области.

А чтобы попасть в лапы московской милиции в два часа ночи и не оказаться всей веселой компанией в вытрезвителе с последующим отчислением из вуза, напротив того, быть развезенными прямо до подъездов на «канарейке» и рас прощаться с сержантами за руку (до обмена визитными карточками, правда, не доходило), это нужно быть только и исключительно Новиковым.

«В таком случае, чего же он не отмазался от высылки из Америки? — параллельно подумал Олег и тут же сам себе ответил: — А хоть кто-нибудь в таких вариантах ухитрялся обойтись без лишения выездного статуса? А он сумел».

Послужив в Свторгфлоте, Левашов хорошо знал, за какие мелочи лишают моряков визы навсегда. Стукнул недостаточно *подогретый* помполит, что в бело-эмигрантском магазинчике на Брайтоне отоваривался, и конец карьере. Будешь до пенсии курс из Таганрога на Новороссийск прокладывать, совсем не повезет — из Певека до Игарки.

— От тебя привет кому передать? — шепотом, наклонившись к самому уху, спросил у Олега Новиков. Ему самому на базе у Даяны было не до девочек, при

всех их достоинствах, но каждую, особенно из привлеченных Дайяной к десантникам, запомнил хорошо. Специальность такая.

Левашов усмехнулся уголком рта:

— Кристине, если среди других «оранжевых» различишь.

— Да запросто. Имей в виду, Дайяна их вскоре собирается к нам в Кисловодск «2006» переправить, со спецзаданиями. Так что еще будет повод. В кафе «Юность» сходим, в ресторанчик «Черная роза» (вообще-то он назывался «Чайная», но они с самого начала дали ему другое название, очевидно — для эстетства). Представь, до сих пор на том же месте существует, невзирая на все войны и революции.

Олег благодарно кивнул. Чем-то та девушка, стилистически очень близкая к Ирине, его задела, действительно сумела утешить «по полной программе», сильно отличающейся от той, которой руководствовалась Лариса. Отчего бы и не возобновить знакомство, если случай представится. Без серьезных последствий, разумеется.

И тут же он подумал, каково там придется самому Андрею? Ирина, с ее проницательностью и специфическим опытом тех же самых «курсов», непременно догадается, если Анастасия бросит на Новикова хоть один обожающий взгляд. Или Дайяна из подлости намекнет коллеге, как ее друзья помогали девушкам к выпускным экзаменам готовиться. И что тогда будет?

Однако самого Андрея эта перспектива, похоже, совсем не волновала. Он думал о другом — не начнется ли с ним на Валгалле новый приступ депрессии, или после нескольких межвременных переходов колебания эфира угасли и больше не способны вызывать в его мозгу патологический резонанс?

Скорее всего, так оно и есть: пребывание в пещерах дагонов и в непосредственной близости от дуттурской станции никак на него не повлияло.

Роботы ввалились в зал, каждый принес по два полных набора боевого снаряжения. Предполагавшаяся только полчаса назад легкая прогулка, словно по набережной Ялты, в панаме и с тросточкой (в смысле — килограмм не слишком нужного комплекта выживания на поясном ремне), автоматически (добавим — как всегда) сменилась на абсолютно другую. Вместо Ялты — Панджшерское ущелье не желаете ли?

Теперь уже невозможно было предсказать, примет ли их Дайяна с тем радушием, как совсем недавно (сколько дней назад, кстати? Или лет?). Вдруг у нее там пошли совсем другие разборки? Дуттуры, появления которых она ждала не раньше, чем через год (но была уверена в их обязательном вторжении), пришли немного раньше и превратили райский уголок в загаженные собственным дерьмом руины, а Дайяну и ее курсанток то ли сожрали, то ли отправили в «метрополию» для научных экспериментов. Куда более богатый генетический и психологический материал, чем единственная Лариса.

Снова, как в конце двадцатого года, роботы по спецсигналу Шульгина доставили из известного места комплекты *настоящего выживания*. С помощью которых когда-то выручали из лап Агранова совсем еще неизвестного им Удолина.

Каждому идущему в рейд теперь полагались черные пуленепробиваемые костюмы в обтяжку, отражающие лучи оптического спектра, то есть практически невидимые, особенно в движении, в темноте и сумерках. Тяжелые ранцы с оружием и разведывательно-диверсионными принадлежностями, предназначенными для многих дел, вплоть до штурма хорошо подготовленных к обороне именно от спецназа помещений. Имелись там вещи и предметы, теорией современных разведслужб не предусмотренные.

Автоматы «ППСШ»¹, «маузеровская» пуля которых

¹ «Пистолет-пулемет Судаева—Шульгина» — сделанная Шульгиным глубокая модернизация «ППС-43».

на двадцать метров пробивала любую носимую бронезащиту. В пределах ста-двухсот эти легкие и безотказные устройства за счет темпа и кучности огня были незаменимы в уличных боях. Даже «АКМ» им уступал. Были случаи проверить.

Пистолеты того же калибра, разного типа гранаты, портативные рации, позаимствованные из реальности «2005/2». Дальность действия у них так себе (без ретрансляторов), но в пределах нескольких километров связь вполне уверенная.

— Напугаем местное население, — сказал Ростокин, осматривая себя в зеркале и осторожно косясь на Ирину. Если бы еще цвет не черный, а телесный, с нескольких шагов девушку можно было бы принять за статую с несколько утрированными вторичными половыми признаками. Примерно так выглядела в скафандре Фай Родис на иллюстрациях к «Часу быка». Игорь видел Ирину и в натурально-обнаженном виде, однако сейчас она выглядела едва ли не более волнующе, чем в свое время на палубе «Призрака». Тем более свойства костюма делали фигуру эфемерной, с оттенком ирреальности.

Он еще не догадывался, какие эмоции его ждут, если повезет оказаться в окружении сразу всех курсанток Таорэры. В мусульманском раю, кажется, на одного праведника приходится меньшее количество гурий.

Поверх костюмов все, Ирина в том числе, надели жилеты-разгрузки, ранцы, пояса со снаряжением. Наваждение сразу исчезло.

— Так что, пошли? — спросил Шульгин. — У тебя все готово, Олег?

— Готово.

— Тогда хоть первые полчаса смотри за нами в оба. Что не так пойдет — выскочим. Штыком и гранатой...

— Саш, тебе каркать не надоело? — спросила Ирина.

— А в чем проблема? Предпочитаю говорить о возможных осложнениях до, а не после...

Левашов открыл проход на окраине центрального поселка при учебно-тренировочной базе агтрианских стажеров, готовящихся к распределению на бессрочную земную службу.

Погода снова была подходящей для весны на курортах Северного Кавказа. Никаких следов обрушившегося на долину какое-то время назад урагана. Впрочем, кто теперь знает, когда это было? По расчетам Новикова и Левашова, независимого времени прошло чуть больше двух месяцев, с поправкой на момент ухода на Валгаллу Удолина с пленником — неделей меньше.

Естественно, что снег успел растаять, на склонах холмов и лужайках расцвели подобия крокусов, эдельвейсов и иной флоры альпийских лугов. Ветерок волнами накидывал сложную композицию запахов всевозможных хвойных растений, цветов и трав, подчеркнутую ледяной свежестью недалеких снежных вершин.

— Что-нибудь узнаешь? — спросил Андрей Ирину, машинально пощелкивая ногтями по ствольной коробке взведенного автомата.

— Чего не узнать? — грустно улыбнулась она. — За столько лет подзабылось, а сейчас смотрю — как вчера тут была. Жила во-он там, видишь, на склоне, — она показала на одну из вилл, выделявшуюся из числа других возвышенным местоположением и зеленою мансардной крышей. — Последние три месяца жили в обстановке «золотых шестидесятых». — В голосе Ирины прозвучала вполне понятная грусть. Что может быть приятнее и тоскливее, чем возвращение в места ранней юности, тем более те, где впервые осознал себя сформировавшейся и самодостаточной личностью?

— Вас до штаба Дайяны проводить? — спросила она.

— Да и мы ничего не забыли. Ну веди, если хочется, — ответил Андрей.

Ростокин, впервые здесь оказавшийся, осматривался с интересом и восхищением. Даже на его благоуст-

роенной Земле подобные райские уголки встречались не слишком часто.

Следов укреплений и оборонительных рубежей, которые Дайяна обещала воздвигнуть на случай нового вторжения дуттуров, proximityности видно не было. Или выдвинуты дальше к предполью, или хорошо замаскированы.

Например, бронеходы с гравипушками удобно поставить в цокольных этажах коттеджей, что-нибудь легче, не менее смертоносное для дуттуров — на чердаках. На укромных горных полянах — эскадрильи ударных флигеров. С таким контингентом, как у Дайяны, воевать в здешнем ландшафте можно долго и эффективно. Было бы с кем.

— Слыши, Ира, — спросил Шульгин, — а я не успел у Дайяны поинтересоваться, ваши курсантки до выпуска блок-универсалы и гомеостаты получают или только потом, вместе с погонами и кортиком?

— Потом. На последнем курсе изучают, но на руках персональных не имеют.

— Понял. А в особых условиях, вроде нынешних, начальница может их все-таки выдать? Как винтовки ополченцам?

— Если они у нее есть. В чем я совсем не уверена. С десяток могло где-то храниться, по тем или иным причинам вовремя не выданных, но, думаю, они, как и «Шары», поступали централизованно, а может, и на Базе изготавливались, под конкретных выпускников... Там сильные производственные мощности были, только нам про это не рассказывали.

— Точно. Не зря сказала Дайяна, что для нее гомеостат — «невозобновляемый ресурс».

Из-за ближайшего можжевелового куста, заслоняющего своими буйно разросшимися ветвями больше половины стоящего за ним коттеджа, вышли две девушки

в тех же, что при прошлом посещении базы Шульгиным и Новиковым, оранжевыхiformах. Только погон, беретов и высоких хромовых сапог им не хватало, чтобы выглядеть вполне сообразно режиму предвоенного периода.

Ни Сашка, ни Андрей не могли сказать, видели они в свите Даяны этих красавиц или совсем других. Они не были похожи друг на друга, на Анастасию, Кристину, или девушку, опекавшую Шульгина, обладали, на первый взгляд, ярко выраженной индивидуальностью, но в то же время, если их перетасовать с десятком других и снова поставить в строй — угадать кто есть кто было бы почти невозможно.

Тут самые первые аггры — руководители курсов проявили дьявольскую хитрость. Новиков в свое время считал это их ошибкой — оформлять своих агентесс суперкрасавицами, успев лично познакомиться только с Ириной, Сильвией и Даяной. Мол, «серые мышки» тоже могли бы работать не хуже, не привлекая при этом лишнего внимания. И только теперь сообразил, в чем идея.

Красавица (особенно умная и профессионально подготовленная) в гораздо большей мере способна *рассеивать* постороннее внимание, чем дурнушка. Прежде всего мужики, за исключением самых стойких или нетрадиционно ориентированных, при общении с красивыми девушками ощутимо глупеют, теряют критичность мышления и непроизвольно «распускают перья».

Кроме этого, от красавицы обычно остается гораздо более *расплывчатое* впечатление. Ноги, грудь, глаза, волосы, вкупе с грамотно подобранным туалетом смешиваются в некую абстракцию. Стоит им немного изменить любую из компонент, особенно зная, что и как, — при следующей встрече ничего не стоит оставаться неузнанной. А «словесный портрет» опишет нечто совпадающее с фотографией на обложке любого из «журналов для мужчин».

Заменить один экземпляр на другой тоже не слишком сложно. Вот этим двум барышням просто парики с толком подобранные надеть — совсем другое впечатление получится.

— Мы вас узнали, — мелодичным голосом сказал та, что стояла слева, темная шатенка. Вторая, платиновая блондинка, молча кивнула, не сводя глаз с мужчин. На Ирину они смотрели мимо. Не заслуживающий внимания объект, или — наоборот? Свою узнали, выполняющую задание?

— Очень приятно, — галантно склонил голову Шульгин. — Потому и вышли встретить? Почетный эскорт?

— Нет, — словно бы смущились девушки. — Просто в окно увидели. Госпожа Дайяна давно распорядилась: если кто обнаружит кого-либо из вас или ваших товарищей на территории Центра — немедленно проводить к ней. Никаких других действий не предпринимать.

«Интересно, а какие бы они могли предпринять? — подумал Новиков. — Из гравипушки приложить? Ах да, у них же должны быть болевые излучатели, какими они нас с Сашкой пощекотали в ходе «Гамбита». Самое то в ряде случаев, а мы за суматохой даже не попытались на память хоть один раздобыть, когда на Базу лазили...»

Но спросил о другом:

— Вы и наших товарищей знаете?

— Конечно, знаем, — как о деле вполне очевидном, ответила шатенка. — Нам показывали видеозаписи, сообщили характеристики на каждого из «Андреевского братства». Мало ли с кем и где встретиться придется.

«Серьезно Дайяна к делу подходит», — подумал Новиков.

— Тогда пошли. А звать-то вас как, эстандарт-юнкерицы¹?

¹ Э стан дар т - ю н к е р — в царской армии звание выпускника кавалерийского училища до присвоения ему офицерского чина (с 1880-го до 1903 г.).

Не удивившись наименованию (видимо, знали, что оно означает), девушки представились:

— Ольга, — блондинка.

— Надежда, — шатенка.

Даяна встретила гостей на крыльце учебного (он и административный) корпуса. Одета она была, по слухам рабочего времени, в такой же, как у девушек, костюм, только не оранжевый, а светло-оливковый. Со всеми прибывшими поздоровалась за руку, а Ирине даже приложилась к щечке, снова подтверждая слова, сказанные во время последней встречи: любая вражда между нею и «Братством» окончательно в прошлом, отныне они естественные и единственные союзники.

Боевые доспехи десанта ее явно встревожили, о чем она немедленно, пока поднимались на лифте к ее кабинету, прежде всего и спросила. Минута обычные фразы типа: «Как добрались, все ли дома здоровы, какие на Земле погоды стоят...»

— Нет, ничего непосредственно угрожающего в близких окрестностях не просматривается. Это мы на всякий случай приоделись, не зная, куда попадем, — успокоил хозяйку Шульгин. — Там, — небрежно указал он большим пальцем за спину, — постреляли немного, но далеко, в Южной Африке и в позапрошлом, что ли, веке...

— Вас еще и туда занесло? — не слишком удивилась Даяна.

— По вражескому следу. Поступила информация — оттуда господа дуттуры к нам просачиваются...

Помещалась начальница Центра на самом верхнем этаже, занимая кабинет в полсотни квадратных метров, с панорамным, во всю стену, окном, из которого виден был поселок и окружающий его горный лес.

«Если вон на тех высотах установить обычную «Шилку», базе — амбец», — привычно прикинул Новиков.

Вдоль стен кабинета размещались три десятка приличного размера мониторов и много другого электронного оборудования. Дайяна, входя, очевидно, нажала какой-то выключатель, потому что экраны разом погасли, однако и нескольких секунд было достаточно, чтобы увидеть картинки. Ничего особенного — хозяйка просто наблюдала за всем происходящим в коттеджах, классах, на территории поселка, этого, а возможно, и всех других, входящих в систему. Наблюдала и руководила учебным процессом и соблюдением уставов внутренней, караульной и прочих служб. Как же иначе, если их с Лихаревым только двое на весь гарнизон?

Разве что имеются толковые фельдфебели из учащихся же, как это было наложено в Императорском Морском корпусе. Там ротные офицеры могли сутками не появляться в классах, а служба катилась, как поезд Петербург — Москва по рельсам Николаевской дороги.

— Располагайтесь, друзья, — радушно сказала Дайяна.

Да, то ли жизнь ее пообломала, то ли изменение статуса. Очень мало в ней сейчас было от царственной дамочки, что пыталась нагнуть Новикова с Берестиным, и даже той, с которой они сразились, почти на пределе своих возможностей, совсем вроде недавно.

— Снимайте свое снаряжение. Здесь вам точно ничего не грозит. И расскажите мне, жалкой провинциалке, что творится в «Большом мире».

Автоматы, ранцы, «разгрузки» и ремни со всем на них навешанным гости с удовольствием сложили на пол, но поблизости от кресел, чтобы даже сидя дотянуться.

— Друга Валентина что-то не вижу, — с хорошо изображенной тревогой сказал Шульгин, оглядываясь.

— Не беспокойся. Он в... в соседний лагерь по делам отлучился.

Название было произнесено по-агриански. Это Андрей определил чисто фонетически. И сообразил,

что касалось это только Ирины. Хотя следующие слова Дайяна произнесла понятно всем: «Ты же, сто тринацатая, знаешь, где это?»

Интересный поворот. Андрей, не говоря об остальных, впервые услышал не только служебный номер подруги, но и подобную тональность. Неужели Дайяна затевает новую, на других правилах построенную игру?

Однако — нет. Ирина отреагировала вполне спокойно. Может быть, это у них, как у старых солдат, просто воспоминание «о битвах, где вместе рубились они»? Полковое прозвище и понятное посвященным название чего-то. Кто из сегодняшних штатских навскидку скажет, что означает и когда был «десант на Отомари», к примеру?

— Как не знать, — ответила Ирина. И закатила длиннейшую фразу на «родном» языке.

— Вам по-русски не проще будет? — спросил Шульгин, всем своим видом показывая, что он, как князь Барятинский, принимающий капитуляцию Шамиля, не потерпит в своем светлайшем присутствии варварской тарабарщины.

— Видите ли, господа, — извиняясь тоном и мимикой, ответила Дайяна, — отчего я и удивилась вашему тяжелому боевому снаряжению... Знаю, что волею высших сил вы всегда появляетесь там, где нужно вам или судьбе, но очень часто — вопреки хорошо разработанным планам...

— Милейшая, — с соответствующей сладкой улыбкой сказал Шульгин (сейчас пошла *его игра*), — какие, на хрен, высшие силы? И что это за *хорошо разработанные* планы? Сколько ни пытаюсь такие вспомнить — ну никак не получается. Не будь ты столь самоуверенной особой, разве послала бы двоих слабаков — пехотинцев Ирину от нас депортировать? Проверила бы сначала, с кем им дело иметь придется. Все остальные планы, к которым ты отношение имела, сама знаешь, чем закончились.

Мы сейчас к тебе заглянули просто случайно. Нам совсем в другое место надо. К себе в форт. Но что-то мне подсказывает, проблемки у тебя все-таки есть... Надо — поможем. Однако, раз мы здесь, нам нужна парочка флигеров. Те, что сюда с той Базы перегнали. Возьмем?

Ирина встревоженно переглянулась с Новиковым, ничего не сказав. Просто, похоже, ей не понравилась избранная Сашкой тональность или содержание его тирады. Зачем он вдруг *обостряет*? Ростокин же сидел точно «за болвана в старом польском преферансе»: сданных карт не видел и о дальнейшем ходе игры понятия не имел.

— Очень может быть, ты и прав, Александр. Но вот в данном случае мне трудно определить, насколько хорошо разработаны ваши планы. Не так давно я уже говорила — напрасно вы в эту авантюру ввязались. К сожалению, не ошиблась. Вынуждена вас огорчить, — ответила Шульгину Дайяна подчеркнуто спокойно. — Даже очень огорчить. Вы к таким вещам относитесь чрезвычайно эмоционально...

— Что с Лихаревым? — прямо и резко спросил Новиков. — Союзница, говоришь, а темнишь по-прежнему. Главное — непонятно зачем. Новую авантюру затеваешь, или... Что? По виду у вас тут все спокойно, но я же чувствую напряжение. Твое лично и, так сказать, разлитое в атмосфере. Так?

Он обвел глазами друзей.

Шульгин согласно кивнул. Ирина покусывала губу и смотрела в сторону.

Непонятно, что его толкнуло, но он вдруг спросил:

— Ирина, значит, «сто тринадцатая» по вашему счету. А у моей девушки, Анастасии, какой номер?

Шульгин, похоже, даже вздрогнул. Как это друг при жене о прелестной любовнице вслух объявил? Он о своей, подарившей ему незабываемую ночь, никому не обмолвился. Даже с Андреем и Олегом этой темы не ка-

сался. А уж тем более — Анне сказать, что была у него здесь *своя девушка*.

Сашкину одноразовую (больше с ней встречаться он не собирался) подругу звали Марией. Тоже как одну из дочерей царя Николая Второго. И возраст почти подходил.

— У Анастасии номер был двести восемьдесят семь... — почти равнодушно сказала Даяна, и Андрей не сразу понял смысл этого страшного слова. Остальные поняли раньше.

— Девушки с номерами от двести восемьдесят пятого до двести девяносто первого погибли в бою. Вместе с Валентином, — интонации Даяны оставались холодно-безразличными.

— А... — привстал с кресла Шульгин.

— Она была двести восемьдесят девятой...

Сашка едва заметно дернула щекой. И его по сердцу царапнуло. Как бы там ни было, а не чужой человек. И девчонка ведь совсем.

— Как? — спросил Новиков. — Я ведь тебе сказал... — обратился он к Даяне с абсолютно бессмысленным вопросом. Да, он ей говорил, чтобы Анастасию никому больше не предлагали в качестве объекта и чтобы она дождалась встречи с ним в какие-то другие времена. В Кисловодске-2006, допустим. Обещал ей стать «доброй дядюшкой». А она погибла здесь...

Он на самом деле хотел провести ее по предстоящей жизни так, чтобы Насте было... Ну, нормально. Замуж так замуж, не захочет — не надо. Но чтобы ей все равно было хорошо. Имея такого «дядюшку». А сейчас стало так хреново, как не было в самые страшные моменты его депрессии.

Он не сразу сообразил, в чем дело. Чуть позже дошло — это ведь за все годы первая смерть небезразличного человека. До сих пор судьба миловала. Погибшие в боях офицеры — не в счет, там совсем другое.

Ирина положила ему ладонь на руку, понимая, что с ним происходит.

— Расскажи, — хрипло сказал Андрей. — Что случилось?

— Что рассказывать? Кто виноват? Никто не виноват. Или — все! Я и вы — в том числе. Когда вы улетели, через несколько дней Валентин, взяв с собой шестерых самых подготовленных курсантов, умеющих почти все и вдобавок добровольно вызвавшихся в дальнюю разведку, отправился посмотреть. Туда, на главную Базу.

— Что там им смотреть? — бесцветным голосом спросил Шульгин.

— Было что, — спокойно ответила Дайяна. — Какие разрушения причинил налет, что осталось. Боевую технику сюда перегнать...

Да ей-то зачем нервничать? Не та натура. Когда Новиков с Берестиным попались ей в лапы и она отправила их на убий в сорок первый год, никаких эмоций на ее прелестном лице не читалось. Кроме одних — она не скрывала удовольствия, сообщая, что выбор у них есть: от каменоломен Древнего Египта до должности евнухов в гареме царя Соломона.

Да и последнее свое поражение на Базе пережила легче, чем другая женщина на ее месте.

— Дальше, — ледяным тоном сказал Новиков.

— Неудачно сложилось. Именно в это время в этом же месте проявились те, кого вы называете «дугтурами». Тоже, наверное, разобраться решили, что случилось с предыдущим десантом. Живых, наверное, найти надеялись... Наши, все семеро, полетели на одном флигере и так неудачно пересеклись...

— Да что ты тут театральные паузы изображаешь? — спросил Андрей таким тоном, что каждому из окружающих стало понятно — человек доведен до самого края.

— Их «медуза» и наш флигер встретились над Базой. Валентин успел передать, что открывает огонь по цели.

Сказал — какой. И все. Я потом сама туда полетела. Не на флигере, конечно. «Медузу» они гравипушкой по земле размазали, но и им чем-то успели ответить. Лазером, антиматерией — не знаю. Одни обгоревшие железки там остались. Вот так...

Новиков, разминая сигарету, отошел к окну. Погано было на душе, ох как погано!

Лихарев — хрен бы с ним. Дубликат в тридцать восьмом имеется — нужен будет, вывезем. Не тот, конечно, человек, не жил в XXI веке, ничего о случившихся в Кисловодске и Пятигорске делах не знает. Однако и тот, если разобраться.

К нему подошла Ирина, молча стояла за спиной, смотрела, как он тремя затяжками докуривает.

— Ты бы так не переживал, — наконец сказала она. — Ты, наверное, не знаешь. Здешние девушки — не личности. Как и наши роботы. Пока их правильно не инициировали...

— То есть?

— Заготовки. Болванки. Любую можно перенастроить по нужной схеме. Такой и я была. Вот когда «произведут» в человека, только тогда личность зафиксируется... Я, например, в Москве-72 только через две недели себя по-настоящему осознала...

— Да что ты мне... — ему захотелось сказать подходящую к слушаю грубость, но он сдержался.

— То самое. Попроси сейчас Дайяну — она тебе свою Анастасию представит в исходном виде. Не отличишь. И с теми же воспоминаниями... Если тебя это успокоит, я ревновать не стану.

Андрею хватало опыта и образования, чтобы поверить в то, что говорит Ирина. Ну да, она была «сто тридцатой», пока не превратилась в Ирину Седову, а «двести восемьдесят седьмая», «девятая» и остальные фамилии получить не успели. «Настей», «Марией» были только для них, специально, на один вечер так обозначенные.

Однако тех воспоминаний, которые ему были дороги, Дайяна новой «болванке» вложить не сможет. Все, что между ними происходило, о чем они говорили, было прикрыто ментальным блоком, для аппаратуры Дайяны непроницаемым. Для Нasti, если даже после возвращения ее заставили поминутно воспроизвести минувшую ночь, *подлинная реальность* закончилась в тот момент, когда она начала вздрагивающими руками расстегивать блузку. Все остальное: и содержание разговоров, и подробности любовных игр — Андрей сумел ей внушиТЬ, «для отчета начальству».

Не такая уж сложная, очень локальная мыслеформа. Однако вполне достаточная, чтобы, прощаясь, девушка смотрела на него с обожанием и любовью. Готовая пойти за ним на край света, если позовет¹...

Вторую сигарету Новиков курил медленно, больше глядя на удлиняющийся столбик пепла, чем затягиваясь.

— Все хорошо. Все очень хорошо. Я в полном порядке, — не зная зачем, говорил он Ирине. — Я в тот вечер был очень больной, ты знаешь. Эта девушка как могла пыталась меня поддержать. Мне показалось — она не играла. Да если бы и так! Я пообещал, что взамен того, что не могу ей дать сейчас, устрою ей будущую жизнь... И какая теперь разница, макет погиб или настоящий человек? Для меня — есть разница?

— Пойдем, Андрей, пойдем, — потянула его за локоть Ирина. — Держи себя в руках...

Новиков согласно кивнул. Да и вправду — чего теперь? Просто на душе стало пусто. Как в детстве, когда родители выбросили пришедшую в полную негодность лошадку-качалку из папье-маше. А он был к ней так привязан. Как к живой. Сколько лет прошло, а ведь помнится...

¹ См. роман «Ловите конский топот».

...Следующим утром они втроем погрузились со всем снаряжением в один из свободных флигеров и вылетели к своему форту. Ирину оставили в лагере с отдельным заданием.

Вопросами последнего вторжения дуттуров, неизвестно с какого перепуга предпринятого, бессмысленного тактически, не получившего естественного развития, причем бог весть, из какого времени оно осуществлялось, с Дайяной занимались Шульгин и Ростокин. Андрею это стало неинтересно. Не здесь нужно такие детали выяснять.

Скорее всего, это действительно была второпях предпринятая разведка. Или даже не разведка. Очень может быть, что «медуза» прилетела не с Земли, а из какой-нибудь другой точки Валгаллы. Завершила там свои дела и возвращалась в расположение главных сил. Просто по поразительному, нелепому совпадению наравилась на флигер Лихарева. Встречный бой в тумане. Бывает. На войне все бывает.

Шульгину единственно хотелось сообразить, произошло ли это боестолкновение до или после их африканского эпизода? По времени могло случиться и так и так. Но выводы получались разные.

Летательный аппарат, не очень быстроходный, но надежный и легкий в управлении, оставил позади хребты, окружавшие долину учебного центра. Отправляясь в свой форт, они решили, что оставшаяся после гибели Лихарева в одиночестве Дайяна нуждается в квалифицированной помощи для ускоренного завершения выпуска своих курсанток. При необходимости можно было уложитьсь в три-четыре дня. Вот и пришлось оставить с ней Ирину, знающую, что и как делать. Это ведь процедура чисто техническая, не требующая того, что полагается в человеческих военно-учебных заведениях.

В случае необходимости Ирина всегда сможет связаться с друзьями, да и переместиться в нужную точку, если потребуется. За нее Андрей не опасался.

За пределами горного изолята на остальном пространстве Валгаллы, равнинном и открытом северным ветрам и циклонам, по-прежнему лежал снег. То, что при первом контакте Левашов угодил в лето, было удивительным (или свыше предписанным) совпадением московского времени года с инопланетным. А сейчас, как и большую часть прожитого ими здесь времени, в этих широтах длилась морозная и снежная зима.

Внизу мелькали ложбины, которые весной снова станут реками, длинные, уходящие за горизонт ленточные боры, сплошные массивы тайги, посередине которых вдруг открывались обширные, до нескольких квадратных километров, поляны.

Богатая планета, сестра Земли и по астрономическим характеристикам, и по биосфере. Были бы кванги столь же любознательными и склонными к землепроходству, как люди, давно уже освоили бы эти благодатные просторы. Но нет — культивировали свои древние обычаи, сгрудившись в нескольких грандиозных городах-муравейниках, не проявляя никакого желания расселяться на безграничной плоскости.

Может быть, как раз это — естественное свойство гуманоидов, и только европейцы — странное исключение? Даже на Земле их (да, пожалуй, еще монголов эпохи Чингисхана) гнало вперед неудержимое стремление «к последнему морю». Остальные предпочитали оставаться в пределах отведенных судьбой ареалов.

Переправить бы сюда несколько миллионов пассионариев, которым скучно и тесно на старой Земле, и начать все сначала.

«Так это ж опять все пойдет по известному кругу, — подумал Андрей. — Отобрать таких людей не столь и трудно, тех, для кого «понедельник начинается в субботу», так опять придется «Службу охраны реальности»

разворачивать до нескольких хорошо вооруженных дивизий. Чтобы не допускать на Валгаллу «посторонних», выявлять и депортировать случайно просочившихся и поддерживать заданный морально-психологический климат среди «избранных».

Потому такое грустное чувство оставляли даже самые первые книги Стругацких. Новиков с друзьями, запоем прочитав «Попытку к бегству», «Далекую радугу», «Подень» и т.д. в свои совсем юные годы, сразу же поняли — нереально. Очень возвыщенно, очень привлекательно, но — откуда вдруг возьмутся подобные люди? Из тех, кто нас окружает в эти вот оттепельные годы? Что, десяток-другой по-настоящему приличных людей собственным примером перевоспитают всех остальных? И ассенизатор на своей бочке вдруг и свято уверует, будто «работать действительно интереснее, чем развлекаться»?

Авторы лет через десять пришли к тому же выводу, резко «сменили вектор», а вот что делать с возникшим в душах своих первых, самых верных читателей «раздраем», так и не придумали.

На пилотском месте сидел Шульгин, любивший водить любые виды транспорта, просто из удовольствия. Новиков с Ростокиным расположились позади, в креслах, предназначенных не для людей, но вполне подходящих. Приходилось перемещаться в куда более некомфортных условиях.

Игорь отвинтил колпачок с фляжки. Ему хотелось разговорить чересчур мрачного, так не похожего на себя Великого Магистра, как в шутку иногда называли Новикова.

— Глотнешь? — спросил Ростокин.

— Почему нет?

— Скажи, Андрей, — спросил Игорь, в свою очередь прикладываясь к горлышку. — Тебя действитель-

но ввергла в меланхолию смерть этой девушки? Или к тебе вернулась старая болезнь?

Вопрос был очень интересный. Для самого Новикова в первую очередь.

Он и сам об этом задумывался. С самого момента появления на Валгалле.

— Нет, не болезнь...

Ростокин был тем человеком, с которым говорить на *трудные темы* было легко. Или оттого, что он далекий правнук, не имеющий отношения к *реальной жизни*. Или — просто личность, никаким образом не затрагивающая твоих *базовых установок* характера. Примерно как попутчик в вагоне дальнего следования, которому сходить в Омске или Томске. Бутылка выпита, колченый омуль съеден, души наизнанку вывернуты — и все! Нужна очередная Великая флюктуация, чтобы вы с ним опять пересеклись на жизненных путях.

— Сложно это объяснить. Казалось бы, чего только повидать не пришлось. Тысячи людей на смерть посыпал, сотни, наверное, сам убил. Так то на войне, волею, так сказать, обстоятельств. А тут вдруг человечек на жизненном пути попался. Не настоящий, как выяснилось. Но очень на настоящего похожий. Еще немногого, куколка превратилась бы в бабочку. Черт его знает, Игорь, лет ведь мне уже о-го-го! Детей нет. А эта Настя — по годам в дочки мне годилась. Вот и... Перемкнуло что-то. Оттого я и сказал Дайяне, чтобы она без моего участия судьбой девочки не распоряжалась. Сам, мол, займусь. И вот...

Он вздохнул и махнул рукой, закрывая тему.

Сейчас нужно думать, что ждет их в форте.

— Ничего не ощущаешь, Саша? — спросил Новиков уверенно пилотировавшего флигер Шульгина.

— Все чисто. Никакого фона, да я бы сказал, если что.

— Удивительно. Чем же они так прикрыться сумели?

— Приедем — увидим.

— Может быть, лучше на бреющем подойти, километрах в трех присесть, а дальше — пешком? — предложил Ростокин.

— Дельно. Только без лыж по такому снегу запаришься. Часа на два хода, если не больше, — ответил Сашка, начиная, однако, сбрасывать высоту и скорость. — Впрочем... От реки зайдем, на лед сядем, и — по лестнице.

Вдали блеснула тусклым бликом бронзовая крыша терема, еще через минуту на гладком и широком, как восьмиполосный автобан, рукаве реки стал виден вмерзший в лед бронекатер «Ермак Тимофеевич», издали похожий на жука-плавунца, окрашенного в «шаровый»¹ цвет.

На душе потеплело. Что ни говори, а ничего не сравнимся с теми первыми месяцами освоения планеты. Правда, с катером были связаны и другие, менее романтические воспоминания.

...Лестница в сто пятьдесят ступеней от пирса до площадки позади терема, как и все вокруг, была засыпана снегом. По ней давным-давно никто не спускался, да и зачем? Катер, огражденный бонами и брекватером от сжатия льдом, промерз насквозь. С наступлением весны его долго придется расконсервировать, если будет кому.

— Роскошно тут у вас, — осматриваясь по сторонам, сказал Ростокин. — Жить бы и жить. Лучше, чем в Новой Зеландии.

— Да мы бы и жили, если б не мешали, — хмыкнул Шульгин, начиная подъем.

¹ «Шаровый» цвет — по-флотски серо-голубой, ближе к серому.

— Если б не мешали, где бы сейчас Игорь, Алла и многие другие были? — У Андрея мизантропическое настроение не прошло. — В том числе и твоя Аня?

Они не раз уже, в порядке мысленного эксперимента, пытались просчитать, как бы сложилась жизнь, не заметь Сашка совершенно случайно квантовский дрижабль. Ушел бы со двора пятью минутами раньше, и все. Следующий раз Сехмет или кто-то из его ребят могли залететь в эти края и через год, никому не попавшись на глаза.

Дальше что? До сих пор влачили бы безмятежную жизнь колонистов острова Линкольн? Или их все равно непременно отсюда бы выдернули, тем или иным способом, под тем или другим предлогом? Телеология¹, одним словом. Но вот возможность встречи Новикова с Игорем и Аллой при любом другом развитии событий заведомо уходила в область отрицательных величин.

— Господа Ростокин и Одинцова в тюрьге срока мотали, — хохотнул Шульгин. Ему как раз было весело. — Аньку либо большевички еще в двадцатом шлепнули, или чуть позже тоже по этапам пошла. С Антоном — аналогично. Как и с Басмановым и т.п. Судьбы же бесконечного числа миллиардов, населяющих бесконечное количество реальностей, нас беспокоить не должны, как фактически не существующих. Хватит или продолжим?

— Пока хватит. Вот почему собаки не лают, меня больше удивляет, — сказал Новиков. — Должны бы уже нас учゅять. Раньше всегда встречали...

— Особенno, если здесь полсотни лет прошло...

— Какие полсотни? Окстись! Мы меньше часа летели... — И сам осекся. Действительно, как считать? Они сюда, в Центр Дайяны, попали из двадцать пятого года.

¹ Телеология — философское учение, приписывающее процессам и явлениям наличие целей (целеполагания), которые или устанавливаются Богом, или являются внутренними свойствами природы.

Сама агтрианка с Лихаревым — из две тысячи пятого. Удолин с пленником переместился из тысяча восемьсот девяносто девятого. Шульгин переправил семью Шестакова из тридцать восьмого. Абсурдно, при здравом рассмотрении, пытаться как-то эти даты свести к общему знаменателю. Одна надежда оставалась, что форт и терем по отношению к любому постороннему миру инвариантны.

Так в принципе и выходило, через астрал они попадали «домой» со сдвигами плюс-минус несколько месяцев, а то и недель. Но сейчас ведь они пришли не через астрал. Вдруг там, на Базе, действительно тот год, что привнесли с собой Дайяна с Лихаревым. А здесь — тот, что Удолин.

Тогда при чем катер? Эта лестница? Блеск бериллиевой бронзы крыши?

Олег там чего-то рассчитывал, но все трое здесь присутствующих были прирожденными гуманитариями и к представителям «точных» наук относились с естественным недоверием. Самолеты падают с неба, поезда сходят с рельсов, атомные станции взрываются вследствие именно их деятельности. Ошибки в филологии и медицине не столь катастрофичны и легче поддаются корректировке. А также в гораздо большей мере зависят от воли, характера и личной эрудиции.

На площадке перед последним маршем лестницы Новиков жестом предложил всем замолчать, дернул на себя рукоятку автоматного затвора.

Шульгин повторил его движение.

Ростокину было указано стать замыкающим. Впереди лежащей территории он не знал, а что случись — огнем прикроет.

Андрей, двигаясь плавно и сторожко, поднялся почти до тяжелой калитки в бревенчатом частоколе, и тут за ней взорвался целый академический хор собачьего лая. Дружелюбного, даже восторженного. Учゅали, вспомнили, узнали!

Значит, попали в нужное время. В пределы единственного *своего* года. А для собак время разве существует? Календарное. Хозяева их вырастили, попав в период надежного импринтинга¹, а потом то жили с ними, то исчезали на какие-то промежутки, то снова возвращались. Не все, но хоть кто-то. Собакам оставалось цитировать друг другу финальную фразу из «Графа Монте-Кристо»: «Ждать и надеяться».

А сейчас пришли как раз те, кого собаки знали и почитали больше всех.

Московские сторожевые от специального заводчика, размером не слишком уступающие средней величины медведю и вдобавок с отчетливыми зачатками почти человеческого интеллекта.

Шульгин лично отбирал щенков, с которыми уловил максимальную эмпатию, привез из Москвы на Валгаллу, долго и тщательно их воспитывал, отнюдь не дрессировал. А потом, когда пришлось покинуть планету, он и Новиков неоднократно здесь появлялись по разным причинам и не упускали возможности пообщаться с брошенными на произвол судьбы друзьями *по-человечески*. Неторопливо и подробно разъясняя необходимость и неизбежность подобного, для всех печального стечения обстоятельств.

«Такая служба, братцы, ничего не поделаешь».

Достаточно было указать на Ростокина и сказать: «Это *свой*», чтобы псы отвели от него настороженные взгляды. Явного дружелюбия до поры проявлять не станут, а как дальше отношения сложатся, от самого Игоря зависит.

Пока они обнимались, ласково разговаривали и шутливо отбивались от слишком настойчиво пытавшихся запрыгнуть передними лапами на плечи собак, на заднем крыльце наконец появился Константин Васильев-

¹ В этологии — специфическая форма фиксации в памяти животных отличительных признаков объектов, в частности, у собак — пожизненное привыкание к первому хозяину.

вич собственной персоной. В накинутом на плечи полу-шубке, но без шапки, со своей длинной трубкой, которой было неизвестно сколько лет. По крайней мере, в двадцатом году она была такая же старая, обугленная по краю чашки и с обгрызенным мундштуком.

— С прибытием, друзья, с прибытием! — приветствовал он гостей хрипловатым, но довольно трубным голосом. — Я уже соскучился. Отчего, думаю, все не едут да не едут...

Собаки на него не обратили никакого внимания. Будто и не было здесь человека, каким-то образом поселившегося на подконтрольной только им в отсутствие хозяев территории.

Об этом и спросил Шульгин первым делом после обычных при встрече дежурных слов.

— А зачем же я буду ваших животных перевоспитывать? У нас с ними договор. Я здесь живу и их кормлю. Они, в свою очередь, стараются меня не замечать...

— Вот оно как. Опять ваши магические штучки.

— А вы бы хотели, чтобы я их приручил и собаки забыли своих настоящих хозяев? Тем более, тут есть и другие люди. Зачем собакам их замечать и предаваться посторонним размышлениям? Достаточно того, что они контролируют периметр и ни одно постороннее существо его пересекать не рискует.

— Спасибо, Константин, — остановил начинаяющуюся лекцию Новиков. — Ты, как всегда, прав. Только не слишком ли глубоко вмешательство? Психике их не повредит?

— Значит, бросить верных псов на неопределенное время на чужой планете — можно! Заставить их перейти на кормежку исключительно охотой на случайную дичь — можно! Не удивился бы, если бы эти милые звери сначала научились пользоваться консервными ножами, а потом и летать, поскольку птиц здесь множество, а четвероногие, осознавая опасность, ближе, чем на версту, к форту не приближаются. Даже суперкоты

ушли. Против слаженно действующей стаи этих зверюг никому не выстоять. Тактическое мышление у них изумительное. Природные способности, плюс общение с вами, плюс состояние крайней необходимости...

А я всего лишь произвел совершенно незначительную корректировку. Сделал так, чтобы меня и моих соратников собаки воспринимали просто как явление природы. В целом благоприятное, но эмоциональной сферы не затрагивающее.

— Спасибо, — от всей души поблагодарил Удолина Сашка. — Нам бы не хотелось, чтобы наши ребята, — он потрепал по загривку ближайшего, Джокера, — начали перевоплощаться во всяких там...

Джокер улыбнулся, показав громадные клыки, и подтверждающе кивнул.

— Может, в дом пригласишь, Константин Васильевич? — закрывая вопрос, спросил Новиков. Мороз, после теплого флигера почти незаметный, сейчас начал ощутимо покусывать уши и голые пальцы, особенно кацающиеся металла. Под двадцать, не меньше.

— Конечно, конечно, проходите. У нас там беспорядок небольшой, вы уж извините. Не то что при вас было...

Насчет беспорядка — было достаточно мягко сказано. За две, или сколько там на самом деле, недели, что в форте провел Удолин со своей «кодлой», как деликатно выразился Шульгин, они привели парадный зал в полное соответствие с представлением о Валгалле самых невоспитанных скандинавов. Поскольку рабов-траллов у некромантов не имелось, а самим убирать за собой было у них не принято, то получилось то, что получилось.

Как там с научными занятиями — сказать трудно, но жрали и пили мистики со вкусом. На их счастье, в погребах терема Сашкиными заботами было собрано несколько сотен ящиков с самыми разнообразными, в том числе и чрезвычайно деликатесными консервами.

Вроде черепахового супа и «морских гадов в ассортименте под соевым соусом». Поэтому затеваться с чистой картошки и приготовлением хотя бы перловой каши со шкварками никому не приходило в голову. А уж тем более — ходить на охоту за зимующей птицей и боровой дичью.

Винные погреба также отличались приличным ассортиментом. Что гости очевидным образом оценили.

Пустые консервные банки и бутылки для простоты сбрасывали со стола на пол, на их место водружали ножевые. Кое-что, для удобства хождения, сгребали ногами к стенкам, а многое так и валялось под столом, скамейками и прямо посреди некогда шикарного зала. Даже на девушку из XXIII века, Альбу, он некогда произвел впечатление своей изысканностью.

Сейчас все эта публика, числом пять, продолжала привычное занятие, великолепно иллюстрируя эпизод из «12 стульев», во 2-м доме Старсобеса. Там тоже «пятеро граждан прямо руками выкапывали из бочки кислую капусту и обжирались ею. Ели они в молчании». Как и эти граждане, неизвестно какого подданства, или господа, кто их разберет. Только не капусту они ели.

Внимательно присмотревшись, Новиков не заметил среди них никого похожего на Воланда, Азазелло, Коровьева даже. Не те персонажи, от которых можно ожидать жесткой, неконтролируемой реакции.

С Сашкой сговариваться не требовалось. Пробежавшая по его лицу тень брезгливого любопытства оказалась достаточным детонатором.

Левым локтем Андрей небольно, но ощутимо ткнул Удолина под ребра, мол, стой и молчи, пальцами правой показал Шульгину — действуй.

Ростокин опять оставался на третьей роли, стоял у двери, положив руки на висящий поперек груди автомат и с любопытством озирался. Все ему было интересно, и ничего он как следует не понимал.

Слишком сложные узелки вокруг него завязывали

лись, ход нитей в них он проследить не мог, не зная предыдущих коллизий.

— Встать! — хорошим командирским голосом скомандовал Сашка. Увидел, что секунду, три, пять никто не собирается реагировать положенным образом, повторил, добавив в тон *настоящей* угрозы: — Встать, золотая рота¹!

Удолинская команда зашевелилась, кое-как поднимаясь из-за стола.

Сам Константин Васильевич предпочел не вмешиваться, оставаясь позади Новикова. Он-то видел своих друзей в деле, когда они переставали изображать из себя интеллигентов. Хотя бы когда вытаскивали его из тайной тюрьмы Агранова. И позже — тоже.

— Привести помещение в порядок! Все деръмо сбрать, вынести за ограду и закопать на глубине полтора метра. Лопаты — за дверью под верандой. Полы выдраить горячей водой. Со щелоком! И здесь, и в коридоре. Через час проверю. Вперед! Время пошло. Не управитесь — сниму, на хрен, с довольствия и отправлю по принадлежности. Для прохождения дальнейшей службы...

— Мне кажется, Константин, — повернулся он к профессору, снизив голос на полсотни децибел, — господа все еще не совсем врубаются. Так я вас попрошу, по старой памяти, присмотреть, чтобы все было сделано как надо. Вы ведь, как мне кажется, должны нести за свои «протеже» хотя бы моральную ответственность?

Он демонстративно обращался на «вы», чтобы подчеркнуть серьезность своего настроения.

— Присмотрю, — вздохнул Удолин.

— А мы пока на крылечке покурим...

¹ В XIX и начале XX века «золотой ротой» называли ассенизационный обоз, очищавший выгребные ямы с помощью черпаков и вывозивший «продукт» в бочках на конной тяге.

— Не слишком вы с ними резко? — спросил Ростокин. Он привык, что с профессором друзья общались уважительно, принимая во внимание и возраст, и про- чие способности.

— Нормально. Распускать никого нельзя. Мы еще посмотрим, чем они тут занимались, кроме жрачки и пьянки. Некроманты, мать их... — Новикову как раз что-нибудь похожее требовалось, чтобы сбросить избыток нервного напряжения. — Дорвались до халавы...

— Кто его знает, может, они до этого по тюремам инквизиции сидели, как аббат Фария, или перебивались подаянием, — примирительно сказал Шульгин.

— Ну, посмотрим, посмотрим, — Андрей дышал морозным воздухом, одновременно прикидывая, что он учинит с этой публикой, если они в их личных комнатах такой же бардак развели.

— Жаль, что Удолин со своим кагалом с твоим Власьевым здесь не пересеклись, — Андрей постепенно приходил в благодушное настроение. — Вот он бы им организовал флотский порядочек!

— Мне самому это интересно. Сдается, тут тоже некая *параллель* имеет место. Самая, допустим, микроскопическая. Вроде как на Столешниковом. Я их сюда из тридцать восьмого вывозил. Сейчас никаких следов ни их, ни БРДМа моего нет. Я тут почти сутки провел, все облизил, пока Власьева в курс вводил — и ничего. Значит, чтобы Зою с детьми и Власьева опять встретить, оттуда же переправляться надо?

— Придется признать, — без энтузиазма согласился Новиков. Бесконечные отражения поставленных друг против друга зеркал изрядно ему надоели.

Они сидели на верхней площадке ведущей на галерею второго этажа лестницы. Шульгин, а особенно Ростокин с интересом наблюдали, как не слишком трезвые маги перемещаются от парадных дверей к воротам и обратно, таская корзинки и ведра с мусором, неуверенно ковыряют снег штыковыми лопатами и в недоуме-

нии замирают, достигнув промерзшей земли. Которую и кайлом не сразу возьмешь.

— Константин, — весело крикнул Сашка, — если сверхчувственno ямку вырыть не можете, возьми на складе пару толовых шашек. Только смотри, чтобы сдуру головы не поотрывало... Шнур сантиметр в секунду горит.

Очевидно было, что сейчас Шульгин от души рассчитывается с Удолиным за всю его прежнюю надменность и чрезмерные «понты».

— Неужели у вас здесь нет никакого приспособления для утилизации мусора? — спросил Ростокин.

— Конечно, есть. Но сейчас — момент воспитательный. В армии не служил, не знаешь, как курившему в неподожденном месте приказывают в наказание за час ведро окурков на территории полка собрать? И ведь собирали.

Маги и некроманты, судя по одеждам, в основном были приглашены Удолиным из разных десятилетий XIX века, и возраст их колебался между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами. Только один был явно из XVIII, и помоложе — около сорока. Очень возможно, погиб на гильотине в известной эпохе террора.

Постепенно, на морозе и ветерке, они приходили в норму и шевелись начинали активнее, чем сонные осенние мухи.

Что следовало поставить в зачет профессору: в комнаты хозяев он своих соратников не пустил. Ночевали все в двух гостевых комнатах, остальные помещения сохранились в исходном состоянии. Замки не тронуты ни механикой, ни магией.

Кажется, то, что получилось в итоге «большой приборки», понравилось и самому Константину Васильевичу, и его сообществу. Конечно, будь тут Воронцов, он нашел бы, к чему придаться, а на обычный взгляд —

сойдет. Главное — книги из шкафов на растопку не пускали и с огнестрельной коллекцией не баловались.

— Теперь как, Константин, отпустим товарищей без опохмелки отдохнуть до утра? — цинично поинтересовался Шульгин, построив публику, как в хорошо известном зрителям шестидесятых годов кинофильме «Напарник» (из серии «Операция «Ы»). Его костюм, автомат, прочая боевая сбруя, а особенно лицо производили впечатление. Как на рядовых солдат крутой майор, перед строем материщий до того всесильного старшего лейтенанта. Здесь — «Кандидат в Держатели» решил показать настолько же низшим по разряду магам, что почем и кто чего стоит.

Они это чувствовали. Каждый умел многое, но не обладал подавляющей силой воли. Если бы обладал — сумел бы в свое время нагнуть князька, герцога или простого владельца финансовой империи, чтобы те ему прислуживали, а не наоборот. И избегнуть многих бытовых неудобств.

Лица у всех были достаточно умные, взгляды — просветленные (невзирая на остатки алкогольного тумана), но сильного человека среди них ни Шульгин, ни Новиков не видели. В ином случае и разговор пошел бы по-другому.

— Я бы так сказал, — осторожно ответил Удолин. — Похмелиться им надо...

Шульгин снова постучал пальцами по ствольной коробке автомата. Привычка такая.

— По сто пятьдесят грамм из ваших рук, — уточнил профессор, — и завтра с утра они будут полностью готовы к работе. Без всяких глупостей.

— Принимается, — кивнул Шульгин. — По сто грамм, и чтобы я никого из них до утра не видел...

Чтобы окончательно устраниТЬ из дома посторонние запахи, в зале растопили камин, поверх поленьев бросили хорошую охапку веток местного аналога мож-

жевельника. Пламя охватило сочные иголки, с треском рассыпая насыщенные эфирными маслами и фитонцидами искры.

— Не понравились вам мои сотрудники? — осторожно спросил Удолин, которого Шульгин в потребной ему винной порции ограничивать не собирался, зная его характер и привычки.

— Так вопрос не стоит, — ответил Новиков. — Дисциплинарная практика — это одно, практическая эффективность — несколько иное. Если они тут не зря проедались, никто сопутствующим моментам значения придавать не собирается. Что интересного сообщить можешь? Заодно и часы сверим. У вас сколько времени прошло?

— Две недели.

— У нас поменьше. Но с учетом тройного возмущения континуума — почти сходится. Итак, рассказывай. Подробно и точно, как ты умеешь, но на не имеющую отношения к делу лирику не отвлекаясь. Кстати, пленник где?

— Сидит в магически запечатанной камере, на чердаке, и медленно истаивает.

— Запытали вы его, что ли? — с оттенком сочувствия к дуттуру осведомился Шульгин.

— Как можно, Александр? Обращение исключительно вежливое, только на ментальном уровне. Мы не инквизиторы. Это просто свойство у них такое — по одиночке не выживают. Даже пищу не усваивают. Мышелефон им нужен, а, возможно, еще и обмен какими-то биологическими эманациями.

— Ты тоже не отвлекайся, — остановил Сашку Новиков. — Пусть все по порядку излагает.

Потребность и способность профессора облекать любую мысль в шлейф весьма далеко лежащих от основной темы ассоциаций, комментариев к собственным силогизмам и внезапно рождающихся озарений были неистребимы. Потому его соратники давно уже

научились автоматически вычленять значащие элементы из неудержимого потока сознания.

Команда некромантов (так и будем их называть, для удобства, хотя собственно некромантией профессионально занимались лишь двое) на самом деле было собрана Удолиным на территории Европы и России предыдущих полутора столетий, причем некоторые из них были уже не совсем живы, в широком смысле этого понятия. Однако приобщение к эфирным структурам и климат Валгаллы, в мистическом смысле отличающийся от земного, весьма способствовали их социализации и рематериализации.

— Лично наблюдали, — вставил Шульгин, чтобы в очередной раз вернуть Константина Васильевича ближе к теме.

Задача, поставленная Удолиным перед коллегами, была воспринята с энтузиазмом. Специалисты соскучились по настоящему делу, тем более — объект для изучения был представлен прелюбопытнейший.

— Поработали мы с ним очень тщательно, — с гордостью сообщил профессор. — Великолепный материал.

Душой дугтур, который, по терминологии Шатт-Урха, принадлежал к «полуразумным», конечно, не обладал, но его мозг и нервная система своего рода *препарированию* поддавались вполне. Особенно на базе информации, добытой в пещерах.

Команде исследователей, использовавшей самые разные методики, не имеющие ничего общего с научным материализмом, удалось дешифровать почти весь спектр мыслеобразов подопытного существа, плотно переплетенных с его не контролируемыми сознанием инстинктами.

— То есть, — с гордостью заявил Удолин, — мы как бы создали своего рода «словарь», достаточный, чтобы при определенных условиях общаться с представителями его вида «на равных». Это, без ложной скромности

сказать, достижение, выходящее за пределы всего, ранее известного...

— Чего там, — подначил профессора Новиков. — В любой почти сказке упоминается о том, что люди умели разговаривать с лешими, кикиморами, прочей нечистью.

— Отнюдь, отнюдь, — возбудился Удолин. — В сказках, легендах, а также вполне достоверных эзотерических документах особо отмечается, что общение проходило, так или иначе, но на человеческом уровне. В пределах языка и менталитета. Вот если бы, скажем, Хома Брут обратился к тому же Вию *адекватно*, итог встречи мог быть совсем иным. Не так?

— Согласны. То есть ты хочешь сказать, что, вновь встретившись с дуттурами этого вида, сумеешь говорить с ними «как свой»?

— Более того, при определенных условиях они не смогут меня отличить от своего. Тот самый случай, когда внешние физические признаки отступают на второй, третий и так далее планы.

— Лихо! — только и сказал Шульгин.

— К сожалению, наши достижения этим и ограничиваются. Более разумные представители их расы используют другие способы коммуникации. У них четко выстроенная иерархия. Вертикальная и горизонтальная. Я почти уверен, что сумею не то чтобы общаться, но руководить монстрами и менее гуманоидными обитателями их мира. Прикинуться, на какое-то время, членом или руководителем «пятисоставной» личности. Не так уж это сложно, раз нам известна сфера их компетенции, род занятий и образ «мыслей»...

— Это уже интересней, — Новикову надоело сидеть, он встал, пошевелил кочергой в камине, подкинул несколько поленьев. — Насчет образа мыслей. Развей пооочетливее. Раз уж ты в него проник...

— Да ты понимаешь, «образ мыслей» — это, пожалуй, метафора. «Образ жизни» — гораздо ближе. По-

грузившись в глубь психики объекта, мы выяснили крайне интересные для исследователей вещи...

— А на собственные установки не повлияло? — впервые включился в разговор Ростокин. Он тоже был прилично образован в области психологии, теоретической и практической, да и имел успешный опыт общения с некробиотическими существами — Артуром и Верой.

— Ни в коем случае. Это только в анекдотах психиатры уподобляются своим пациентам. Я умею *абстрагироваться*...

— Дальше, давай дальше, — поторопил Новиков.

— Видишь ли, философы всех времен и народов безуспешно бились над расшифровкой понятия «счастье». Сколько на эту тему трудов написано и копий сломано!

— Как же, и мы почитывали, — Шульгин опять вспомнил любимый с юности «Понедельник...». — Линейное и нелинейное, частное и всеобщее...

— Так вот эти существа для себя данную проблему решили раз и навсегда. Они *абсолютно* счастливы. В том смысле, что жизнь их наполнена под пробку. Как вот эта бутылка «Особой очищенной». — Удолин указал пальцем и немедленно принялся отковыривать белый сургуч, покрывающий горлышко.

— Полная удовлетворенность жизнью, максимальное удовольствие от всего, в ней происходящего, ни малейшего намека на негативные эмоции. Им просто неоткуда взяться. Исключены по определению. Пища в изобилии, возможность спаривания с любыми партнершами, физиологически готовыми, работа, сам факт исполнения которой мало отличается от сексуального наслаждения...

— Так это же настоящий коммунизм, ... твою мать! — восхитился Сашка. — У нас не получилось, потому как варианты со всех сторон мешали. А ежели нет «враж-

дебных голосов» и разлагающих примеров — чудо, а не жизнь.

— Именно, именно, Саша! Разве коммунизм предполагает что-нибудь другое? При отсутствии возможности выбора то, чем они довольствуются, и есть настоящее и предельное счастье.

— Годится, Костя, — кивнул Шульгин. — С утра посади своих орлов, пусть составят подробный и глубоко аргументированный отчет. Пригодится. А что с теми, кто на следующей ступеньке?

— Тут уж я пас. Уровень раба, серва, крепостного не позволяет квалифицированно судить о внутреннем мире высших сословий. Только описательно, в пределах наблюдаемых проявлений неизвестных побудительных мотивов.

— Нет, ну как сформулировано! — с восхищением воскликнул Сашка. На Удолина похвалы действовали не хуже, чем очередная стопка.

— А факт осознания себя рабом или сервом никак не мешает состоянию тотального счастья?

— В том-то и дело. Мне очень кажется, что некто в свое время решил этот вопрос раз и навсегда. Странный процесс эволюции или целенаправленное воздействие селекционера привели к тому, что собственное положение в иерархии критическому осмыслению не подлежит. Поручик может переживать о том, что он до сих пор не капитан, и до самой отставки мечтать о генеральских эполетах, предпринимая к тому разумные или не очень, честные и бесчестные действия, но это свойство индивидуальной личности европейски воспитанного человека. У них иначе. Я бы хотел повести вас туда... — глаза Удолина вдруг затуманились. Возможно — мечтой о непредставимо-абсолютном счастье.

— Сходим, — махнул рукой расслабившийся Ростокин. — Везде ходили и туда сходим.

— Все ж таки хотелось чего-то более конкретного, — осторожно попытался повернуть профессора в

нужную колею Новиков. Он строго предупредил товарищей, чтобы до «особого распоряжения» о наличии у них в плену «истинно мыслящего» они не упоминали. О бихевиоризме¹ он знал достаточно.

— Ну что, Андрей, я могу тебе объяснить? Ты человек образованный, и то с огромным трудом сможешь кое-как приблизиться к истинному мировосприятию якобы хорошо нам известного Сенеки. Блестящий пример — в его письмах к Луцилию он неоднократно описывает собственную виллу и ее планировку. Но ни один современный архитектор не сумел по этим описаниям сделать реконструкцию. Очевидно — стиль мышления не совпадает по каким-то существенным параметрам. А обратная перспектива у средневековых художников? У них глаза были другие или мозги иначе настроены?

— Давайте прервемся, — предложил Ростокин. За окнами, как очень часто бывало на Валгалле, вдруг зазвыл и засвистел ветер, принесший с севера очередной снеговой заряд. По стеклам хлестало так, что невольно возникало опасение за прочность шестимиллиметрового сталинита².

— Выйдем, подышим, полюбуемся.

Ему и вправду было интересно. Не Антарктида, но около того.

Собаки, решившие укрыться от непогоды, но не забывавшие служебного долга, образовали плотный меховой вал по обе стороны входной двери. Здесь снег и ветер их не доставали, но как только хозяева вышли на веранду, псы подскочили, ожидая приказаний.

— Вольно, братва, отдохните, — бросил Шульгин.

Нескольких минут под ударами бурана, когда ды-

¹ Бихевиоризм — одно из философско-психологических течений, постулирующее, в частности, определяющее воздействие исследователя (и применяемых им методик) на исследуемый объект.

² Сталинит — сорт особого закаленного стекла. К Иосифу Виссарионовичу название отношения не имеет.

шать почти нечем и приходится цепляться за стойки крыльца, чтобы не унесло в гудящую мглу, хватило любителю сильных ощущений. Вслед за Ростокиным все вернулись к столу и огню в камине. Новиков почти до предела задвинул вышку на трубе, а то пламя срывало ключьями и уносило вверх.

— Здорово, что ни говорите! А вы, Константин Васильевич, про муравьиное счастье, — Игорь пальцами вычесывал из пышной шевелюры набившийся снег, вытирая полотняной салфеткой раскрасневшиеся щеки.

— Вот лично мне, господа, тоже к муравьиному словищу не принадлежащему, — включился Шульгин, — очень интересно: а то, что мы с дуттурами данного образца учинили, на их самоощущение никак не повлияло? И медленное помирание в твоих узилищах, Константин Васильевич? На восприятии действительности негативно не сказалось?

— Сейчас, конечно, да, ему невесело, но опять же не в человеческом смысле. Имеет место определенное отчаяние, но не как эмоциональная категория, а только биологическая. Чем меньше надежд на воссоединение со своим «роем», тем сильнее слабеют активные нервные процессы. Организм угасает, но при этом чувство постоянного, непосредственного счастья, или, удаляясь от антропоморфизма, удовлетворения, как бы заменяется на воспоминание о том, как недавно было хорошо. И остается надежда, что все-таки каким-то образом он вернется к нормальному состоянию.

— А почему бы вам действительно не вернуть его домой? — спросил вдруг Ростокин. Он отличался чувствительной натурой, ему невыносимо было бы наблюдать за гибеллю от голода и жажды — неважно, физических или сенсорных — любого живого существа. А это все же какой-никакой, а гуманоид...

— Игорь прав, — кивнул Новиков. — Если ты извлек из него максимум возможного, почему бы не отпустить? Глядишь, при случае нам это зачтется. Опять-

таки, как в русских сказках. Пометить его как-нибудь, чтобы при встрече узнать...

— Узнать несложно, — Удолин по дурной привычке теребил пальцами нижнюю губу, что означало напряженное размышление. — По мыслефону я его всегда узнаю. Вот только...

— Что?

— Мы его препарировать собирались. Анатомическое исследование подобного организма не менее интересно, чем психологическое. Доктор Палицын, это один из команды, является блестящим анатомом, вел курс в Казанском университете. Причем в равной степени квалифицирован и как биолог, систематик, написал книгу по зоологии беспозвоночных. Он надеется, разобрав дуттура по нейронам, получить сенсационные результаты...

— Нет, дед, тут вы малость того. Перебираете. — Лицо Шульгина выразило нечто вроде брезгливости. — Мы же не «убийцы в белых халатах». Если он в состоянии выжить, надо его отпустить. А для прозектора мы что, трупов не найдем? У Басманова в Блюмфонтейне, в холодильнике, замороженные монстры имеются. Тоже интересный материал. И таких, как этот, разыщем. Да-вай, готовь переброску туда, где взяли...

— Ну, если вы дружно настаиваете. Прямо сейчас, что ли?

— А чего тянуть? У нас в медицине весьма часто промедление смерти подобно. В буквальном смысле.

ГЛАВА 9

Лариса, как истинная дама из общества, подражала своей королеве — небольшими глотками, но часто отпивала из бокала розовый джин.

Спросила адмирала, что он думает по поводу слухов насчет ужасных чудовищ, якобы появившихся на тер-

ритории буров, но в непосредственной близости от границ колонии.

— Ничего не могу вам ответить. Если мне не верят, когда я докладываю о том, что видел собственными глазами, и это подтверждают еще сотни матросов и офицеров, для чего я буду верить каким-то сказкам про вооруженных огнестрельным оружием обезьян?

— Вас очень обидели, мой адмирал? — почти прошептала миледи, пристально глядя на него сочувственным и в то же время проницательным взглядом.

— Вы не представляете, как, — глухо ответил он. — Я бы немедленно подал в отставку, если бы это не выглядело, как заведомое признание моей вины. Нет, этого они не дождутся. Пусть лучше суд. Там я, по крайней мере, сумею сказать все, что считаю нужным.

— Надеюсь, до этого не дойдет...

Лариса не стала угощать Хилларда шульгинской пилюлей, ей интереснее было провести партию с достойным партнером «по-честному». То, что он порядочно выпил, значения не имеет. Джентльмен отличается от простолюдина тем, что ведет себя безупречно, даже когда напьется.

— Скажите, миледи, а для чего вы, ваш брат и ваш покровитель именно сейчас решили проявить ко мне внимание и поддержать в столь трудный час? Особенно в глазах общества? Вы наверняка заметили, как изменилось ко мне отношение за каких-то три часа.

— Смешно было бы, если бы не заметила. Для чего? А вы как думаете? Вы ведь флотоводец и стратег.

— Вы только недавно приплыли из Австралии. В Лондоне не были очень давно. В тамошних интригах наверняка не замешаны. В здешних — тем более.

Навалившись локтями на стол, что было весьма не комильфо, Хиллард, как писали в XIX веке, сверлил свою визави пронзительным взглядом.

— И первый, с кем вы решили завести противоестественно теплые отношения, — опальный адмирал. Само

по себе — очень странно. И подвел вас ко мне достаточно сомнительный и столь же загадочный мистер Сэйпир. Интрига исходит от него? Вот я, стратег, как вы выразились, и заинтересовался. При всем том, что лично мне это пока на руку. *Пока!* — подчеркнул он голосом.

— Хотите, сэр Мэнсон, я скажу расхожую банальность? «Пока» и «сейчас» — это синонимы. Жизнь — только миг между прошлым и будущим. Вот и живите, радуйтесь, что вас не убили снарядом неизвестного крейсера и до сих пор не лишили этих красивых нашивок... — Она указала пальчиком с длинным алым ногтем на рукав адмирала.

— Черт! С вами дьявольски трудно разговаривать, миледи...

Хиллард, забыв, какую по счету порцию виски вливал в себя, отхлебнул из стакана.

— Постойте, постойте, — лицо его озарила хитроватая улыбка. — Миледи Отэм — миледи Винтер! Не забавное ли это совпадение?

— В таком случае вице-канцлер казначейства лорд Сammer¹ — мой старший брат? Или — младший? Но ваша начитанность делает вам честь. И как же вы дальше собирались развивать свою мысль? Поискать Д'Артаньяна, Рошфора, самого кардинала? Ну, смелее, адмирал!

— Что-то в этом роде я и имел в виду, миледи.

— Смело, сэр Мэнсон, смело. Впрочем, известно, что чем идея безумнее, тем она ближе к истине. Посмотрите это. — Она протянула адмиралу переданный ей листок. — А я пока отлучусь ненадолго. Мне нужно поподряться. У вас тут жарковато. А я ведь — «Осень».

Когда она вернулась, Хиллард еще не закончил расшифровку с помощью карманного блокнота в кожаном переплете с замочком.

¹ Summer — лето (англ.).

Она остановилась у окна, закурила длинную сигарету, без всякого гашиша, разумеется. Смотрела на огни города и порта, думая о том, что жизнь на самом деле складывается куда интереснее, чем могла бы, не встретить она у Натальи Левашова.

— Откуда у вас это? — спросил адмирал.

— Что? Я получила телеграмму сегодня на почте. Из Лондона, с припиской, что следует немедленно передать ее вам.

— И вы не знаете содержания?

— Откуда же? Мне кажется, вам потребовалось определенное время, чтобы прочитать с помощью шифровальных таблиц. Я ими не владею.

— Тогда посмотрите...

Лариса с почти не наигранным равнодушием взяла написанную торопливым, не слишком разборчивым почерком Хилларда расшифровку.

«Адмирал, у вас есть великолепная возможность получить очередную нашивку. Для этого вам следует со вниманием прислушиваться к советам лица, передавшего эту телеграмму. В этом случае вы вскоре будете утверждены в должности командующего Южноафриканской эскадры и начальника военно-морской базы. Если имеете другую точку зрения, передайте по известному вам адресу прошение об отставке. Она будет немедленно принята с сохранением мундира».

Подпись под текстом сэр Мэнсон не обозначил или ее вообще не было. И так адресат должен был понять авторство.

— Лицо — это вы, миледи?

— Наверное, если не иметь в виду телеграфиста.

Со странным выражением лица Хиллард выпил еще полстакана виски.

— Вы не очень торопитесь, адмирал? — участливо спросила Лариса.

— Что старому моряку бутылка виски на фоне всего происходящего?

— Разве что-нибудь не так? — сделала удивленное

лицо Лариса. — В ваших мужских делах я не очень разбираюсь, но мне кажется, чин вице-адмирала гораздо лучше отставки. Пусть и с мундиром. Пятно на репутации ведь все равно останется. Разве что в Южную Америку уехать. А дома от разговоров за спиной никуда не деться.

— Кто и зачем мне это предлагает? — как бы в пространство спросил Хиллард.

— Я подписи не видела, — взмахнула ресницами миледи. Сейчас она вспомнила, как исполняла аналогичную роль Милен Демонжо¹.

— Никто, кроме Первого лорда адмиралтейства, моим шифром пользоваться не имеет права.

— Тогда о чём вы спрашиваете?

— Но вы ведь должны знать, что за всем этим кроется? Согласие я должен дать именно вам и в дальнейшем исполнять ваши «советы». Кто вы, наконец, миледи, какое отношение имеете к лондонским играм, если половину не такой уж долгой жизни провели на другом конце света и понятия иметь не должны о творящихся в «научьей банке» жестоких интригах?

— Я и не имею. Я просто выполняю поручение, от которого не могла отказаться. Вы — пока еще можете. Так как?

— В любом случае, до утра у меня есть время. Я либо отправлю телеграмму, либо нанесу вам визит. Вы в каком номере остановились?

Лариса назвала, добавив с одной из очаровательнейших своих улыбок:

— Буду ждать. Не скажу, что с нетерпением, но буду. Не раньше одиннадцати утра — люблю поспать, и не позже двух. Договорились, мой адмирал? А теперь позвольте нам с братом откланяться. Он уже устал листать ваши книжки и графин прикончил. Ему это не полезно.

¹ Французская актриса, в 60-х годах XX века исполнила роль миледи в фильме «Три мушкетера».

...Кирсанов зря посчитал меры, предпринятые им для нейтрализации комиссара Саймона Роулза, достаточными. Точнее, они были достаточны в пределах правового поля, весьма почитаемого в Великобритании, равно как и в колониях. Никаких реальных обвинений ему никто не мог предъявить, поскольку законным образом допущенный в Кейптаун Питер Сэйпир ни малейшим образом законов королевства не нарушал и в ходе визита в контору Роулза следов не оставил.

Еще одна беда — он натуральным образом комиссара *переоценил*. Исходя из своих представлений, напрасно понадеялся, что признаки патологического опьянения или намека на белую горячку заставят партнера умерить служебный пыл и побольше внимания уделить своему здоровью. Посчитал, что тот не станет слишком глубоко лезть в *непонятное*, чтобы не «потерять необходимое в надежде приобрести излишнее».

А Роулз оказался как раз таким дураком, который вздумал рискнуть.

Выпитая бутылка виски и странная, охватившая чеснок долгий отрезок времени амнезия насторожили комиссара. Обычно он не позволял себе больше двух-трех стаканчиков и всегда сохранял самоконтроль. Но похмелье было самым настоящим — сухость во рту, головная боль, тошнота, нарушения координации движений.

Так отчего вдруг он мог смертельно напиться и с кем?

К врачу обращаться не стал, привел себя в порядок собственными силами и приступил к действиям.

Последнее, что он помнил отчетливо, — момент высадки на русский пароход «Царица» и предусмотренную формальностями беседу с капитаном. Проверку судовых документов. Несколько рюмочек водки. Все как всегда. Не опьянел, просто несколько снял усталость и повысил настроение. Дальше память начинала давать сбои. Кажется, он проверял документы у пасса-

жиров, изъявивших намерение высадиться в Кейптауне. Зачем? Вроде бы коммерческие дела. А подробнее? Роулз сделал в блокноте первую пометку.

В портовом журнале комиссара должна быть соответствующая запись. Проверим. И он принимал пароход не один, есть лоцман, другие свидетели.

Явившись после обеда в таможню, осторожно распросил клерков, так, чтобы не вызвать недоуменных контрвопросов и просто интереса к своему не совсем адекватному поведению. Это было не так уж трудно, опыт имелся.

Ничего внушающего сомнения выяснить не удалось. В том числе и относительно лиц, прибывших на русском пароходе. Досмотр они прошли беспрепятственно и убыли в город.

Куда и зачем — на всякий случай предстояло выяснить.

Вернувшись в контору, Роулз поинтересовался у клерка в приемной, не спрашивал ли его вчера какой-нибудь джентльмен. А то, мол, он уславливался с одним человеком о встрече, но она не состоялась. Пришлось задержаться по службе в порту, и, очень может быть, они разминулись.

— Да не так уж вы и задержались, сэр Саймон. Когда вы вернулись, я только собирался уходить. Значит, еще не было пяти.

— Действительно. Было очень много работы, вот мне и показалось, что уже поздно. Но до моего прихода никто не спрашивал? — Комиссар, к своему сожалению, не мог даже приблизительно описать внешность предполагаемого гостя. Русских с парохода он не запомнил, да и трудно было предположить, что немедленно после прибытия они первым делом принялись бы разыскивать его офис. А если и вдруг — что могли бы предпринять, как заставить его напиться до свинского состояния и потерять память?

Нет, тут наверняка нечто другое. С другими людьми

связанное. Может быть — гипноз? (В те годы о гипнотизме ходило много разговоров. Гипнотизеры выступали в театрах и рекламировали свои услуги как универсальных целителей.)

— Нет, вас — точно никто. Правда, в самом конце дня появился один господин, но вас не спрашивал. Он хотел узнать что-то о котировках алмазных акций. Но из финансового отдела никого уже не было на месте, и я посоветовал ему обратиться в банк...

— Алмазных акций? Интересно. А при чем здесь налоговое ведомство?

— Я ему так и сказал. Он извинился и ушел...

Однако чем-то этот факт привлек внимание Роулза. Интуиция зашевелилась. Он угостил клерка сигарой и между другими, ничего не значащими вопросами осторожно поинтересовался, как этот джентльмен выглядел.

Юноша описал незнакомца довольно подробно. Среди множества известных Роулзу людей такого точно не было. И все же...

Поднявшись к себе, комиссар тщательнейшим образом обыскал помещение. Искал малейшие следы пребывания здесь посторонних.

Моментами ему приходило в голову, что ведет он себя просто глупо. Никаких ведь оснований для подозрений. Не проще ли согласиться с очевидным? Допустить, что виски попался поддельный, с добавлением древесного или картофельного спирта. Вот и подействовал таким образом. Затуманил мозг, заставил выпить бутылку до дна. Последнее время он действительно сильно уставал, вот и сорвался, с кем не бывает.

Но натура разведчика не позволяла согласиться с таким, чересчур на поверхности лежащим, решением.

И тем не менее — все бумаги и деньги целы, сейф вскрывать не пытались, каждая вещь оставалась на своем привычном месте. В том числе и заряженный револьвер в ящике стола.

Многих вошедших в обиход способов фиксации

проникновения в дом посторонних, от самых простых, вроде положенных в нужном месте ниточек, пыли, нанесенной на те или иные предметы, не говоря о более сложных, в XIX веке не знали. Или, по крайней мере, широкого распространения среди специалистов они не имели.

Совершенно не за что зацепиться пытливой мыслью.

Роулз сел за стол, подпер голову рукой. Закурил сигару.

Тут ему пришел в голову достаточно рисковый план. Не провести ли следственный эксперимент?

В шкафу есть еще несколько бутылок из той же партии. Подаренной капитаном одного из английских пароходов, пришедших из Глазго до начала войны. Налить полстакана, выпить и наблюдать за действием. Затем продолжить, фиксируя ощущения. Может быть, если виски действительно недоброкачественный, он успеет это заметить раньше, чем снова впадет в беспамятство.

На случай, если последствия окажутся серьезными, Саймон предупредил делопроизводителя, тоже разведчика, о том, чем намерен заняться и что делать, если ему вдруг станет плохо.

Сотрудник выразил сомнение в необходимости такого риска, предложил провести эксперимент на ком-нибудь другом. Да вон хотя бы на том бродяге, что стоит, покачиваясь, на противоположной стороне улицы.

Некоторый резон в этой идее был. Но Роулз ее отверг. Ему нужны личные впечатления.

Четыре унции¹ выдержанного шотландского виски прошли хорошо и вызвали то настроение, которое и имели в виду его создатели. Мысли, оставаясь ясными, забегали гораздо быстрее, внезапно появилась уверен-

¹ Унция — жидкостная (английская) — 28,4 миллилитра.

ность, что нынешнюю загадку он так или иначе решит. С врагами тоже справится, кем бы они ни были.

Взгляд упал на толстую конторскую ручку, лежавшую рядом с чернильницей. Постой, постой, это интересно! Позолоченное перо «рондо» было покрыто засохшими чернилами. А ведь Роулз имел устоявшуюся с первых школьных лет привычку — закончив урок, обязательно дочиста вытирая перо специальной салфеточкой.

Допустим, он в пьяном виде об этом забыл. Если уж разуться перед сном не успел. Но, значит, что-то, пока был в состоянии, писал?

Что же?

В настольной тетради датированных вчерашним днем записей не имелось. Как и отдельных бумажек с какими угодно каракулями.

Вот!

Не торопясь, словно опасаясь спугнуть удачу, он сделал еще два глотка.

Извлек из ящика большую лупу и принял тщательно изучать свой рабочий дневник.

Ему хватило минуты, чтобы увидеть на скрепках следы с большим тщанием и аккуратностью удаленных листов. Подошел к окну и в косых солнечных лучах рассмотрел на чистой странице едва заметные вдавленности — следы от пера, не совпадающие с расположением строк на предыдущей.

Вот и все! Главная часть задачи решена. Некто, проникнув в офис, привел Роулза в бессознательное состояние и изъял две исписанные страницы. Посчитать было нетрудно, число листов в тетради известно.

Комиссар имел обычай заносить в дневник главные события дня. Вчера ничего существенного, кроме прихода русского парохода, не было. Значит, только об этом он и писал. И, очевидно, записал такое, что вынудил «кого-то» спланировать и безупречно (почти) провести такую акцию!

Роулз понял, что выиграл. Неизвестный пока враг выдал себя, причем остается в уверенности, что сделал свое дело чисто. Так не на того напал!

Профессионализм противника сомнений не вызывал. Комиссар, честно признаваясь себе, не мог утверждать, что у него получилось бы сделать подобное в чужом городе, практически ничего не зная об объекте...

Или — все враг знал заранее, операция была подготовлена давно и тщательно, а вчера в город прибыл исполнитель. Специалист в одной-единственной области. И сегодня, возможно, уже покинувший (или покидающий) пределы колонии.

Он покрутил ручку телефона, вызвал порт.

— Что там с «Царицей»?

— Товар на Кейптаун выгрузили. Другого попутного груза нет, — ответил агент при таможне. — Зато проданы все пассажирские билеты. Очень много желающих уехать в Европу. Многие согласны на четвертый класс.

— Какой четвертый? У них всего три. Третий — шестиместные каюты ниже ватерлинии, без иллюминаторов...

Несмотря на случившееся, память в целом оставалась прежней. Планировку «Царицы» Роулз представлял детально. Как и любого другого парохода, с которым приходилось иметь дело.

— За половинную цену капитан согласился взять двадцать человек в матросские кубрики. Питание из общего котла за отдельную плату.

— Да, это начинает напоминать панику. Когда отходят?

— Сегодня в полночь.

— Я подъеду. Посадка еще не началась?

— Первый класс уже разместился. Остальные проходят оформление.

— Задержите, я сейчас подъеду.

...Он снова разговаривал с капитаном, сидя в его каюте. Так, ни о чем. Однако Челноков хорошо знал, что подобные господа «ни о чем» разговаривать не умеют. И все время ждал подвоха. Еще он заметил, что комиссар прилично навеселе. Не «под мухой», что означает состояние вялое и расслабленное, а, наоборот, полон активности. Злой активности.

Русским такое понятие как злость, тем более на государственном уровне — не слишком понятно. Ожесточение в бою — совсем другое. Геннадий Арсеньевич участвовал в турецкую войну в атаках на броненосцы катеров с шестовыми минами (а вы только представьте, что это такое! Полпуда пироксилина на четырехсаженной палке, которой нужно ударить в борт под ватерлинию. Бывало, еще и под ружейным огнем!). Но именно злости к туркам он не испытывал. Азарт — да. Страх — да, особенно, когда пули по планширию и кожуху котла щелкали. Взорвали «Интибах», возвращались домой на кренящемся, полу затопленном катере, со смехом просывали пальцы в дырки мундиров, пили водку, спорили, кому какие кресты достанутся, а злости все равно не было. Ни на турок, ни на собственное начальство, пославшее в самоубийственное дело.

Ну и пусть британец злится, наверное, есть на что. Но здесь-то, на пароходе, — территория Российской империи. Тем более, что господин жандармский полковник заверил его, что прикроет от любой провокации. Англии совсем не ко времени вступать в конфликт с Великой Державой, которая сама не боится ничего, а любому неприятелю может ответить так, что мало не покажется.

— Вы что-нибудь знаете, господин капитан, о ваших пассажирах, сошедших здесь на берег? — спросил вдруг Роулз.

Челноков посмотрел на него с явным удивлением. Кажется, эта тема вчера была отработана полностью.

— Не знаю и знать не хочу. Вообразите, господин

комиссар, сколько я за пятнадцать лет перевез пассажиров! И что — должен задумываться о каждом? Вот неприятности, штормы, аварии — за это с меня спросят. А пассажиры! Заплатили, довез, высадил, забыл. Неужели с ними что-нибудь случилось?

— С кем? — хитро спросил комиссар.

— Да с любым, кто вас заинтересовал. Но если и случилось что, так на вашей территории. — Челноков показал пальцем, где кончается зона его ответственности.

— Ну, допустим, с их самым главным. Мистером Сэйпиром...

— Он у них главный? Я и не знал. Вел себя как все. А вы, кстати, с ним дольше всех говорили и остались вполне довольны. Не так ли?

Роулз неопределенно пожал плечами. Мол, говорил, да, а теперь возникли дополнительные обстоятельства.

Капитан раздавил в пепельнице папиросу и встал.

— Если у вас нет более серьезных вопросов, а также претензий ко мне и к моему судну, я прошу разрешения закончить посадку оставшихся пассажиров и выйти в море. Барометр, видите ли, падает, и хочется удалиться от берега до шторма.

— Спасибо, капитан. Вы были очень любезны. Теперь последний вопрос — нет ли господина Сэйпира в числе пассажиров первого класса, которые уже взошли на борт?

— По документам — извольте еще раз проверить. И у своих людей на пирсе спросите. Приметы названного господина вам известны. Каким-то другим способом — понятия не имею. Если он замаскировался под грузчика, то сейчас может прятаться в любом из пятисот отсеков, коффердамов, угольных ям и междудонных пространств моего судна. Я этих негров и малайцев на входе и выходе не считал. Тоже ваша компетенция. Желаете — за ваш счет начнем поиски. Сутки простоя — две тысячи фунтов. Сыщики тоже ваши. Мои матросы этому не обучены.

— Хорошо, капитан. Мне нравятся люди с вашим характером...

— А уж как мне — с вашим! — Челноков даже не пытался скрыть добродушную славянскую усмешку, отчего-то так раздражающую представителей балто-германской расы. Латиняне к ней относятся с гораздо большим пониманием.

После этого Роулз все свое внимание и наличные силы резидентуры бросил на постоянную и непрерывную слежку за Сэйпиром и его якобы случайными спутниками. Других объектов на примете не было, но быть должны наверняка. Кто-то же обеспечивал акцию? Даже бурско-голландское подполье, которое неизменно существовало и действовало, было отодвинуто на второй план. Не тот уровень профессионализма и не те цели у него просматривались. А здесь комиссар столкнулся с по-настоящему большой игрой.

За две недели он сумел создать целую теорию деятельности Сэйпира и его организации. Они, разумеется, преследовали гораздо более обширные цели, чем действие бурам. Материалы круглосуточного наблюдения за тремя основными фигурантами давали богатую пищу для размышлений.

Выходило, что Сэйпир не занимался ничем другим, кроме как налаживанием контактов. Целыми днями крутился по городу, посещал банки, представительства известных во всем мире торговых домов, завязывал знакомства в светских кругах, причем и в таких, куда самому Роулзу доступ был закрыт. Местный военный и административный истеблишмент его за равного не считал, во многом потому, что в свое время он опрометчиво решил изображать из себя малозначительного чиновника, занимающегося не совсем благопристойными, в глазах аристократии, делами.

Но кое-какие подходы к значительным персонам у

Роулза имелись, и он с удивлением выяснил, что к поведению Сэйпира совершенно невозможно прицепиться. Все его доступные контролю дела были исключительно финансовыми, причем на удивление масштабными. Осведомители, бывшие *на связи*, пусть и не допущенные к банковским тайнам, сообщали, что, по косвенным данным, суммы покупок, продаж, заключаемых контрактов были многотысячными, если не миллионными. Но все в пределах закона. Поговаривали, будто господин Сэйпир представлял интересы одновременно нескольких мировых финансовых империй. Или — правительство великих держав.

Роулз страшно злился по поводу исчезновения тех пресловутых двух страничек. Что же он сумел услышать в разговоре с негоциантом или кем-то из его спутников такого, что это требовало изъятия записей? В коротком, наверняка достаточно формальном разговоре. Причем ведь с глазу на глаз он ни с кем не беседовал. Уж это комиссар сумел выяснить. Или в присутствии капитана парохода, или сотрудников таможни и портовых властей. Речь явно не шла о взятке за провоз контрабанды, за сход на берег по фальшивым документам...

Но что-то ведь наверняка было? Одна, может быть, единственная фраза, невзначай брошенная, но потом, при здравом размышлении, показавшаяся Сэйпиру опасной. И потребовавшая всего последующего.

Невозможность понять что-то вполне очевидное, наверняка лежащее на поверхности, терзала и мучила сильнее, чем раздувший щеку флюс.

Приплывшие вместе с Сэйпиром русский и немец, тоже взятые под плотный надзор, удивляли только одним. Той стремительностью, с какой они сумели *встроиться* в не сулящую деловых успехов обстановку прифронтовой колонии, испытывающей сильные сомнения по поводу своей ближайшей судьбы. Это тоже было проверено. Хозяин дома, на базе которого была устроена

на таверна, никаких подозрений в смысле лояльности не внушал. Капиталовложения в начатый с нуля бизнес не превышали задекларированных на таможне сумм господ Давыдова и Эльснера.

Но как мгновенно, лихо и, главное, успешно все было раскручено. Без всякой помощи со стороны коренных жителей колонии, в том числе и обладающих властью.

В любом другом случае Роулза внезапно устроенная и мгновенно процветшая таверна едва ли могла заинтересовать. Но ему хватило квалификации сообразить, насколько профессионально сработали чужаки. Складывалось впечатление, что они ехали сюда с конкретной целью и на подготовленную почву. Одна лишь условная фраза — и все завертелось!

Одним словом, он предпочел считать Сэйпира и его попутчиков членами одной организации. И вести себя соответственно.

...Кирсанов слежку за собой заметил в первые же дни. Не Москва здесь и не Петербург, где в распоряжении охранных отделений имелись сотни квалифицированных фильтров, могущих водить одного клиента хоть вдесятером, постоянно сменяя друг друга. В этом небольшом, по российским меркам, губернском городе даже очень хорошая наружка шансов против специалиста не имела.

Павла это вполне устраивало. Он специально вел себя вызывающе, почти на грани. Разве только не просил прикурить у сопровождающих, с соответствующими намеками. Однако для обычного агента его поведение служило скорее свидетельством беспечности, означающей в итоге *непричастность*. Так они и докладывали Роулзу.

Давыдов и Эльснер тоже никак себя не компрометировали. Занимались исключительно своим бизнесом, встречались разве что с поставщиками. Даже просто

прогуляться в город выходили изредка, причем по одному. Примерно раз в неделю навещали самый изысканный бордель, где девушки были на подбор, и приличный джентльмен гарантированно не опасался подхватить что-нибудь нехорошее.

С Сэйпиром за все время встретились только один раз, вполне замотивированно и очень ненадолго. Если бы они были членами организации, контакты должны были быть постоянными, чего не наблюдалось. И писем друг другу не передавали. Роулз не упустил из внимания и почтовых голубей, но и тут — увы!

Радиосвязь, к сожалению, не входила в круг представлений комиссара.

Но звездный час Саймона Роулза тем не менее наступил. Любой кропотливый и целенаправленный труд непременно увенчивается успехом.

Его наблюдатели засекли встречу *объектом* мужчины и женщины в глухом переулке, где взяться им было просто неоткуда. Вернее — было, но это если бы они, высадившись при помощи шлюпки с какого-нибудь судна (чтобы обойти таможню и пост самого Роулза), со своим тяжелым багажом прошли пешком значительное расстояние, для того, чтобы потом их встретил с наемным экипажем мистер Сэйпир. Очередная загадка, самого факта, впрочем, не отменяющая.

В этот день в Кейптаун официально прибыла только германская «Лорелея». Пассажиры с нее на берег не сходили и в представленных судовых документах не значились. Повода, чтобы официально допросить капитана и членов экипажа, у Роулза не нашлось, для негласного сыска не хватило времени. Наудачу посланный агент, с поручением приватно поговорить с кем-нибудь из команды парохода, успеха не достиг. Немцы оказались замкнутыми, скрытными, к англичанам и вообще относились неприязненно, а после начала войны

против «братского народа» откровенно грубили и отворачивались.

К тому же «Лорелея» слишком быстро покинула порт. Как доставившая сюда Сэйпира с попутчиками «Царица». Вроде бы понятно, время военное, обстановка тревожная, зачем капитанам зря задерживаться, но все же...

Далее, мужчина и женщина, поселившиеся в том же отеле «Добрая надежда», оказались миледи Отэм и лордом Уоттоном. Бессмыслица ведь! Но на телеграфный запрос в Лондон ответа придется ждать несколько дней, причем, скорее всего, подтвердится, что подобные личности на самом деле существуют. Соответствуют ли они данным персонам — другой вопрос, но убедиться в этом нет никакой реальной возможности.

Не к прокурору же идти за санкцией на официальное открытие дела? Какого? Единственная зацепка — незаконное, без надлежащего оформления ввезенное багажа, проникновение в колонию. Весьма сомнительно. Мало того, что с королевским прокурором у Роулза по ряду причин отношения не сложились с самого начала, и навстречу он не пойдет, так есть и другая, достаточно веская причина законного отказа. С момента занятия бурами Наталя оттуда ежедневно прибывали беженцы, добирающиеся самыми разными путями. По суше, где поездами, где гужевым транспортом, морем — на чем придется, вплоть до частных яхт и туземных рыболовных шхун. И никто из властей (кроме таких, как Роулз) давно не вдавался в подробности.

У мистера Саймона, столь же упретого в своей профессии, как Кирсанов — в своей, оставалась единственная возможность. И к ее реализации Роулз готовился очень тщательно.

...Кэб, в котором Лариса с «братьем» возвращались от адмирала к себе в отель, в одном из переулков был внезапно остановлен целой группой крайне неприглядных

личностей. Человек шесть явных обитателей трущоб, одетых в подобие приличной, но крайне неопрятной и заношенной одежды. Один из них сдернул возницу с его высокого сиденья, остальные сразу с двух сторон распахнули дверцы кабинки.

— Выходите, господа, — издевательски-вежливым тоном предложил кто-то из них.

Лариса тихо шепнула работу по-русски:

— Тихо. Без моей команды веди себя как пьяный и напуганный лорд.

Сама же через прорезь юбки взвела один из пистолетов. Кобуры и ремешки вокруг бедер изрядно ей надоели, но лучше носить оружие там, нежели в ридикюле, который всегда могут неожиданно вырвать из рук. Что немедленно и случилось, пока она нащупывала ногой узкую ступеньку кэба.

— Напрасно стараетесь, господа, — насмешливо сказала она, — ни денег, ни драгоценностей там нет.

— А где есть? — буркнул тот, что торопливо рылся в сумке.

— Далеко отсюда. Что вам от нас нужно?

Генри тоже выбрался на брускатку и стоял, покачиваясь, стараясь сохранить равновесие, придерживаясь за кронштейн бокового фонаря кэба.

«Инцидент» мог бы разрешиться в полминуты, но Ларисе было интересно. Для этого она сюда и приехала. В банальное ограбление миледи не поверила ни на мгновение.

— Все, что у вас есть, мадам, — издевательски отвел тот, кого можно было посчитать старшим банды. — Кольца, серьги, ожерелье, что еще у вас при себе? У джентльмена — часы, бумажник...

Он говорил, а сам озирался, не испуганно, как полагалось бы, а с нетерпением. Ждет кого-то.

— Кольца? Ну возьмите, — она сделала вид, что начиняет стягивать с руки перчатку. — Генри, отдай им часы...

По мостовой загремели подковы и железные шины колес некоторого подобия парижского фиакра — небольшой закрытой двухосной кареты с маленькими окошками в дверцах.

Запряженный хорошей парой лошадей экипаж остановился рядом. Черная лакированная дверка распахнулась, из темной глубины послышался голос:

— Ну что, есть что-нибудь?

— В сумке ничего, остальное сейчас возьмем...

— Работаем, Генри! — скомандовала Лариса. Тот, кто организовал налет, появился, остальные больше не представляли интереса.

Выдернув пистолет, она ткнула стволом в живот того, кто преграждал ей путь к чужой карете и ее хозяину. Выстрел хлопнул совсем негромко, плотная одежда и внутренности бандита сыграли роль глушителя. С остальными разделяется робот.

Сама Лариса рывком запрыгнула внутрь, и дуло воюющего пороховым дымком «ТТ» лязгнуло о зубы едва различимого в темноте человека.

— Одно движение — стреляю!

— Нет-нет, у меня в руках нет оружия...

— Твое счастье...

После нескольких хряских ударов железного кулака «лорда Генри» все прочие налетчики (у Бени Крика не обучавшиеся) валялись вокруг и между экипажей, как изломанные куклы. Сам кэбмен, мало что понимая, прижимался спиной к высокому колесу, держа руки наотлет. Кучер кареты тоже поднял руки вверх, увидев направленный на него ствол.

— Ты — езжай, — сказал Генри своему кэбмену, протягивая ему плату за проезд и несколько шиллингов сверх того. — О том, что видел, лучше не болтай. Нам-то что, а до тебя дружки этих, — он показал на безжизненные тела, — добраться могут. Трогай.

Затем сдернул с облучка водителя фиакра, на попутки к земле ударили апперкотом в печень и швырнули в

общую компанию. Если не соразмерил силу с человеческой, еще одного положил насмерть.

Уселся на его место, щелкнул кнутом.

— Куда поедем, миледи? — спросил андроид, подавая через переднее окошко ее ридикюль. — Не мог я им его оставить. Память о моем безвременно ушедшем зяте...

— Спасибо, Генри. Тронута. Поезжайте к тихому месту в конце набережной. Чтобы подходящий обрыв и море внизу.

Прижимая плечом удачно взятого «языка» к обитой стеганой тканью внутренней стенке кареты, Лариса, по-прежнему упирая ему в бок ствол пистолета, свободной рукой ухитрилась достать пачку нормального «Данхилла» (к чему теперь маскироваться?), прикурила, щелкнув зажигалкой, заодно поднесла огонек поближе к лицу пленника. Рассмотрела, погасила огонек.

— Начнем? — спросила она после второй глубокой затяжки. Нервы, чай, и у нее не железные.

— Что?

— Вот дурака валять не надо, а? — попросила Лариса. — Свое положение ты понимаешь в полной мере. За участие в вооруженном ограблении в условиях военного положения у вас виселица полагается, как мне помнится. Затруднить королевское правосудие лишней работой мне не хочется. Это ведь правильно, если итог тот же самый?

— Не совсем. Есть обстоятельства...

— Так а я о чём? Давай, начинай излагать свои обстоятельства. Пока до подходящего обрыва доедем, вдруг у меня мнение успеет измениться?

Кирсанова Лариса *до времени вызывать не хотела*. Считала свою квалификацию вполне достаточной, чтобы *раскрутить* до смерти напуганного англичанина. Он только что потерял шестерых своих людей, ликви-

дированных стремительно, жестоко и почти бесшумно. Это не могло не подействовать.

В том, что «миледи» с тем же безразличием, с каким она застрелила «старину Болла», поступит и с ним самим, Роулз нисколько не сомневался. Игра пошла бескомпромиссная. И чтобы просто выжить в ней (не говоря о выигрыше), придется приложить все силы и изворотливость. Первым делом он назвал себя и свою должность. Надеялся, что это поможет.

До Первой мировой войны среди разведчиков «цивилизованных стран» (а другие просто не имели подобных структур) убивать друг друга было не принято. С коллегами договаривались, их перевербовывали, если получалось, высыпали при наличии официального статуса или, как в случае с тем же полковником Редлем¹, позволяли по-хорошему застрелиться. Это потом нравы ожесточились.

Но Лариса-то была девушкой из иных времен, воспитанная на иных принципах, прошедшая вдобавок школу беспримерно жестокой с обеих сторон Гражданской войны.

— Сам по себе этот факт ничего не меняет. Даже хуже — представитель власти участвует в уличных ограблениях? Подрастратил казенные суммы и срочно старается их восполнить? Ненадежный способ, рискованный и опрометчивый. Никакой суд таких действий не оправдает. Тем более, вы напали на лиц, занимающих в обществе достаточно высокое положение. Нам ничего не стоит обратиться к таким персонам, которые смогут повлиять на следствие в нужном направлении. Ты наверняка заметил, где мы были перед тем, как нас остановили твои головорезы?

Роулз был раздавлен. На самом деле, если миледи не убьет его сейчас, а просто доставит в полицию, показа-

¹ Редль — полковник австро-венгерской армии, завербованный русской разведкой в десятые годы XX века и после разоблачения своей контрразведкой покончивший с собой.

ний ее с братом и кэбмена вкупе с фактическими доказательствами будет достаточно, чтобы на него надели кандалы. И совсем не факт, что начальство в Лондоне успеет вмешаться. Или — захочет, даже если ему удастся переправить телеграмму. Время, как правильно заметила леди Отэм, военное.

— Что я должен сделать для вас? — слегка сглотнув слюну, спросил комиссар.

— Для начала — кое-что мне напишешь, а потом начнем говорить предметно...

Карета тем временем остановилась, достигнув подходящего, по мнению «Генри», места. Роулз непроизвольно вздохнул. Сейчас все и решится.

Лариса достала из ридикюля небольшой электрический фонарик, раз в десять меньше тех, что здесь использовались в армии и на железной дороге, блокнот и редкостную, совсем недавно вошедшую в обиход «самопишущую» ручку.

— Давай...

Лариса продиктовала текст. «Я, такой-то, подтверждаю согласие добровольно сотрудничать с миледи Отэм по вопросам, представляющим для нее интерес. Обязуюсь предоставлять все интересующие ее материалы, касающиеся деятельности моей лично и возглавляемой мною комиссии. Согласен получать постоянное вознаграждение в сумме двадцать пять фунтов стерлингов еженедельно, каковая сумма может быть увеличена по взаимной договоренности».

— Все. Дата, подпись.

Роулз глубоко вздохнул.

— Это ведь тоже в своем роде смертный приговор, разве что с отсрочкой...

— Все мы живем под таким приговором и лишь лелеем надежду, что отсрочка будет достаточно длительной. А если без шуток — выбора-то у тебя никакого. Ты мне нужен живым, если сработаемся — оба доживем до глубокой старости.

— Сто фунтов в месяц — не маловато за жизнь с петлей на шее? — спросил комиссар, постепенно успокаиваясь.

— Если сейчас умрешь, тебе и медный фартинг не понадобится. А заработкаешь — добавлю, я не жадная. Пиши!

Многому Лариса научилась у друзей. В том числе — без особых изысков ломать противника. В таком же стиле ребята работали в Москве, что в двадцатом году с чекистами и самим Троцким, что в две тысячи пятом с бандитами и заговорщиками. Главное — в темпе, не дающем возможностей для долгих размышлений и поисков выхода, поставить клиента перед совершенно однозначным выбором, демонстрируя отсутствие эмоций и холодную решительность, не сдерживать себя никакими нормами и принципами.

— Хорошо, только, с вашего позволения, я бы написал продиктованный текст несколько по-другому. Конкретнее и ближе к моему обычному стилю.

— Давай, пиши, — повторила Лариса. — Инициатива у нас приветствуется. А я прочту...

Документ ее устроил. Она аккуратно сложила бумагу, убрала в ридикюль.

— Присмотри за мистером, — сказала Лариса работу и спрыгнула на вымощенную плитами песчаника набережную рядом с высоким парапетом. Внизу гулко бились о берег океанские волны. Сильно пахло морской солью и гниющими водорослями.

По карманной рации вызвала Кирсанова.

— Ты еще не спишь? — вежливо спросила она.

— Если ты нет, я тем более. Что с адмиралом?

— Похоже, согласится. Но это завтра. А сейчас тут у меня еще одна, неназначенная, встреча. С неким мистером Роулзом. Знаешь такого?

— Еще бы. Где он тебе подвернулся? Неужто к Хилларду визит нанес?

— Нет, на улице ждал. Пришлось его помощников

обездвижить, а самого попросить согласие на сотрудничество подписать...

Кирсанов несколько секунд помолчал, в трубке слышно было только его дыхание.

— Лихо начинаешь, миледи, даже слишком. Ты где?

Лариса объяснила.

— Вокруг спокойно?

— Ночь, безлюдье, море шумит. Да мне бояться некого. Теперь уже...

— Хорошо, жди, сейчас за тобой подъедет Давыдов или Эльснер. Отвезет тебя с клиентом в надежное место. Я туда через полчасика забегу.

ГЛАВА 10

Пленник-дугтур на самом деле выглядел плоховато. Сильно исхудал, глаза — как оловянные пуговицы, попыток говорить, тем более по-русски, не предпринимал.

— Разучился от тоски? — спросил Новиков.

— Нет, я его *отстроил*. Он теперь с наших мозгов информацию считывать не может. Незачем. Так нам лучше изучать его истинные «мысли» и реакции. В чистом виде.

— И как мысли?

— В человеческом понимании — премерзейшие. Как у голодного тарантула, или, скорее, сольпуги¹. То, что он нам рассказывал в пещерах, о своей научной деятельности и прочем — инстинктивная реконструкция наших представлений о *долженствующем*. Для введения жертвы в заблуждение, для достижения собственных целей.

— А выглядело настолько убедительно, — удивился Шульгин, лично беседовавший с руководителем «пя-

¹ Сольпуги (фаланги) — представители отряда членистоногих, класс паукообразных (известно около 800 видов). Ночные хищники. На вид весьма неприятны.

терки». — Чужой-то чужой, но ведь оперировал вполне совместимыми с нашими понятиями.

— На этом они вас почти подловили, — с торжеством возгласил Удолин. Словно забыл, что и сам какое-то время воспринимал пленника на *предложенном уровне*. — Хорошо, что я сумел вовремя пробиться сквозь наведенные слои его мимикрии.

— Да неужели такое на самом деле возможно? — спросил Ростокин. И тут же подумал о «девушке Заре» и том, как пришельцы пытались его охмурить, маскируясь под людей физически и эмоционально безупречно. А сами тоже, скорее всего, были членистоногими, если не хуже.

— Вы, друзья мои, — продолжал профессор, — никак не можете постичь масштабов открытого нами феномена эволюции. Элементарный пример — ничтожное насекомое по имени «ламехуз» умеет проникать в муравейники, маскируясь так, что стражи принимают ее за представителя своего вида. Затем она выделяет наркотическое вещество со вкусом меда, муравьи тысячами, бросая свои посты, начинают эту приманку слизывать, впадают в транс, и ламехуз спокойно принимается пожирать самое для нее святое — яички и личинки.

Теперь вообразите эту же ламехузу с полноценным мыслящим мозгом и набором инстинктов, как у всех насекомых Москвы и Московской губернии, вместе взятых. Клопов, комаров, пауков, муравьев и так далее. Инстинкты работают как положено, мозг человеческого размера и типа их координирует и направляет.

— Страшновато выходит, — передернул плечами Новиков. — Но они ведь техникой занимаются, «медузы» строят, до пулеметов додумались...

— Совсем не уверен, что — они. Выше определенного уровня восприятия у нашего клиента — пустота. Полное отсутствие не только информации, но и рефлексий по поводу ее отсутствия. Их не интересует, что

бывает после смерти, кем они созданы, для чего, и как управляет их мир. Бесконечное и вечное сегодня.

До сих пор вся сложность и опасность взаимодействия с цивилизацией дутгуроў до Андрея не доходила. Психический удар по самым глубинам его личности, огневые стычки, события в Барселоне и Южной Африке, материалы допроса Шатт-Урха так до сих пор и не складывались в единую схему. Что ни говорите, а монологи клопа-говоруна из «Сказки о тройке» воспринимались в юмористическом плане. А представить наяву армады этих говорунов, овладевших человеческим стилем мышления, но при этом остающихся клопами, — это то же самое, что написать правдоподобный текст о приключениях в N -мерном пространстве. Хайнлайну удалось рассказ о четырехмерном доме, а вот роман о четырехмерном городе и его обитателях — едва ли даже он сумел бы убедительно сконструировать.

Спасибо Удолину, талант популяризатора ему не изменил.

— Слушай, Константин, а вот если бы ему пристрить видеокамеру с межвременным передатчиком, много бы интересного мы увидели?

— Не говоря о том, что такое невозможно технически, едва ли мы хоть что-то поняли бы из увиденного. Видеотрансляция в хижину готтентотов из цеха по ремонту паровозов. Более того, мне кажется, что ваш альтруизм бессмыслен в отношении этого несчастного. Думаю, его сожрут сразу после возвращения. «Запах мысли» изменился.

— Если он сразу же не попадет в руки гораздо более мыслящих. Тех, кто строит «медузы», конструирует пулеметы и настолько знает географию, что легко ориентируется в московских переулках и воюющей Испании. — Шульгин тоже начал противопоставлять логике профессора свою собственную.

— А когда ты отправишь клиента туда и благополучно вернешься, мы тебе расскажем еще кое-что, способ-

ное подстегнуть воображение, — усмехнулся Новиков. Он сидел, глядя на догорающий огонь, прикуривал от ярко рдеющей головешки и прикидывал, стоит ли вообще затеваться с проникновением в тайны дутгурской цивилизации или подумать о том, как и ее навеки отрубить от контактов с более-менее освоенными реальностями? Судя по Сашкиному опыту, сделать такое можно. Подумаешь — еще разок, последний, влезть с помощью Удолина и его магов (да можно и не самим лезть, их послать) в давно освоенный, единственно доступный Узел, и там тоже «пережечь пробки».

Мгновенно вспомнился старый анекдот: «Сидят два монтера, мимо мужик идет. «Слыши, парень, подай-ка вон тот провод». Мужик подает. «Видишь, Коля, ноль. А ты мне: «Фаза, фаза!»

— Так что, готов? — спросил Шульгин.

— Вполне, — уверенно кивнул Удолин. В отличие от предыдущих случаев, сегодня он далеко не достиг литровой нормы. Не зря говорится у испанцев: «Лучшее вино — беседа».

— Теперь меня слушай. Этого клиента постараися выбросить на землю возле пещер, сам в реал не выходи. Сумеешь?

— Какая разница? В чем, собственно, дело?

— Да в том, — растягивая слова, стараясь, чтобы они звучали одновременно и безразлично, и веско, ответил Андрей, — что через сутки с небольшим после твоего отбытия, когда мы спокойно двигались по вельду, в точку нашего привала был нанесен плазменно-ядерный удар. Неплохо для девятнадцатого века?

— Какой? Ядерный? — Удолин имел возможность, как и все члены «Братства» «из раныших лет», читать книги и смотреть фильмы близкого и далекого будущего. О ядерном оружии профессор знал, картинки Хирошимы видел.

— Около того. Муравьи, короче. Не «огненные», а «атомные». Натаскали в нужное место крупинок обога-

щенного плутония до критической массы, оно и пыхнуло!

— Нет, вы мне подробннее...

— Вернешься — расскажем. И покажем. А по дороге еще раз воткни товарищу в мозги, или в ганглии, куда лучше проникнет, идею — их мир может быть уничтожен, полностью, в пыль, в радиоактивную, в течение ближайшего времени. Если они не придумают способа сообщить нам о полном прекращении активных агрессивных действий... На всех фронтах.

— Я постараюсь, — Константин Васильевич был ошарашен, но это и предполагалось. Путем философических бесед его и за сутки не удалось бы убедить в необходимости забыть о всякого рода теориях. Когда вопрос поставлен просто — или ты, или тебя, ход мысли значительно упрощается. А сама мысль — обостряется.

— Тогда вперед, товарищ. Как «Пе-2» с пикирования сбрасывай груз и крутой глиссадой с выражением уходи обратно. Быстроенько управишься, успеем о дальнейшем побалакать...

Удолин подтянул дуттура вплотную к себе, как-то весь сгорбился, выставил вперед бороду, полуприсел, нечеловеческим голосом прохрипел набор согласных звуков, после чего окутался флюоресцирующей дымкой и исчез.

— Черт его знает, — сказал Ростокин. — До сих пор привыкнуть не могу. Вот так просто взял и на пятьдесят парsec перепрыгнул, через вакуум, звезды, черные дыры, радиационные пояса, поля тяготения... Все-таки мистика — это не для нормальных умов.

— Ну да, нормальному уму крайне необходимо сознавать, что в процедуре участвуют хотя бы несколько килограммов железа, подключенного к электросети, — сочувственно кивнул Шульгин.

— И желательно, чтобы колесики крутились, лампочки мигали, внутри что-то гудело и крякало, — добавил Андрей. — А если сразу не поедет, первое дело —

по покрышкам ногой постучать и лобовое стекло пропустить...

— Да ну вас! Сам я все давным-давно понимаю, просто материалистическое воспитание слишком глубоко сидит. Признаться, дед улетел, и мне как-то на душе полегчало. Пока он не вернется, может, хоть чуть посидим как люди, у огонька, не заморачиваясь на всяющую ерунду? Александр Иванович, что ты там все время поглядываешь на удолинскую фляжку? Наверняка там какая-нибудь настойка на мухоморах. Уж больно легко Константин в транс впал... Раньше этот процесс сложнее происходил.

— Совершенствуется помаленьку, — ответил Новиков, — или они совместными усилиями формулы усовершенствовали. Путем мозгового штурма.

— Не надеюсь, что с этой сивухи нас накроет просветление, — ответил Шульгин, встряхнув фляжку над ухом. — Но попробовать можно. Вы же обратили внимание, что последнее время он исключительно эту баклажку при себе носит. Вдруг и вправду — новый эликсир? Испытаем? Если что не так — у Андрея гомеостат, у меня медицинское образование и опыт, глядишь, опять выживем...

Тон и выражение его лица показались Андрею слишком серьезными, дисгармонирующими с якобы шутливыми словами.

— Эй, ты что задумал?

— Да так, мыслишка в голову пришла...

Шульгин, еще когда они только уговаривали Удolina переправить дуттура обратно, вдруг решил проверить одно предположение. И стал приводить себя в соответствующий настрой. Фляжка потребовалась ему только как предмет реквизита, с помощью которого опытный престиджитатор отвлекает внимание зрителей.

Он решил испробовать новый, впервые использованный профессором при проникновении в логово дуг-

гуром способ перемещения *поперек* эфирных полей, без выхода в чистый астрал. Держась, так сказать, вдоль границы серой зоны, которая, по его разумению, одновременно маскировала путника от посторонних наблюдателей и облегчала движение, подобно пленке поверхностного натяжения, по которой скользят водомерки.

Кое-какие приемы Удолина он зафиксировал в подсознании сразу, в меру сил восстановил и осмыслил позже, а сейчас успел восполнить некоторые пробелы. В частности — отдельные фонемы из заклинания, не вполне разобранные в прошлый раз.

Снова подтвердилось, что его потенциальные «магические» способности значительно сильнее, чем у Константина Васильевича. Если тот, образно говоря, пробился сквозь эфир, как медведь через кусты, то Сашка проскользнул ужом.

Что интересно, Удолин как бы не испытывал нужды в особой маскировке своих вторжений на высшие уровни. Можно вообразить, будто его сущность — материальная или тонкая, все равно — не вступала во взаимодействие с окружающим. Словно нейтрино, присутствие которого угадывается лишь по косвенным признакам.

Или же он ощущал себя в *том мире*, как оборотень в этом, *не отбрасывающим тени*.

Но эту тему можно будет обсудить позднее, на общем симпозиуме собравшихся в форте специалистов. «Если удастся вернуться», — остановил себя Шульгин.

Он не знал, в каком именно облике покинул терем, в физическом, как Удолин, или чисто духовном, и сейчас его тело продолжает бессмысленно сидеть за столом в дружеской компании, а то и продолжает нормальное общение, что тоже случалось.

Но это для него было совершенно неважно.

Он пока хотел только *увидеть*, а *действовать* можно будет и позже.

Как обычно, соприкосновение личности с эфирными уровнями полностью отключало обычные способы ориентации в пространстве и времени. Невозможно было догадаться ни о положении своего тела, ни о направлении движения, тем более — о сроках полета. Сейчас Шульгин чувствовал, что следует за профессором в кильватере, и этого было достаточно.

Пелена, отделяющая от чувствительно воспринимаемого мира, исчезла, как всегда, внезапно. Словно открыл зажмуренные перед прыжком с парашютом глаза — и вот перед тобой снова мир во всем его великолепии.

Те же горы внизу, покрытые растительностью всех оттенков зеленого, желтого и красного, знакомая поляна перед входом в пещеры дуггурров, отдельно стоящие деревья, под которыми они дожидались появления Новикова с лошадьми. Все виделось как бы с двухсотметровой высоты, на которой он завис, слегка колеблемый воздушными потоками.

Удолин, так и державший в обнимку поперек туловища возвращаемого к родным пенатам пленника, уже почти коснулся земли.

— Бросай его, на хрен, и вверх! — заорал в звуковом диапазоне Шульгин, нутром почувствовавший смертельную угрозу. На ментальную речь переходить было некогда, да и вряд ли он был сейчас на это способен.

Все случилось, как бывает на войне. Самолет-разведчик снижается над вполне невинно выглядевшим местом, чем-то все же привлекшим его внимание, и вдруг из-под маскировочных сетей и прочих укрытий по нему начинают вовсю садить терпеливо ждавшие своего часа «Эрликоны».

Сейчас их роль исполнили согласованные по времени, но весьма разные по диапазону частот волновые удары, подкрепленные чем-то вроде банальных, сильно ионизированных энергетических лучей, очень похожих

на бьющие в обратном направлении, от земли в тропосферу, молнии.

Точки базирования здешней ПВО Сашка засек сразу. При соответствующем настроении это не составляло труда, тем более, что сам он находился, по какой-то причине, вне зоны обнаружения. Был бы он на самом деле самолетом-штурмовиком, как бы славно накрыл сейчас цели сериями кассетных бомб!

Но увы! Даже обычных гранат он не прихватил, не говоря о чем-нибудь более солидном. Иринином блок-универсале, например.

Тело Удолина, выронившего свой груз, невероятным образом избежавшее прямых электрических попаданий, закувыркалось в воздухе, но взлетало при этом вверх, а не рухнуло на поверхность.

Шульгин в крутом пикировании рванулся на перехват, и одновременно ему вспомнилось кое-что из опыта поддержанных Замком проникновений в Сеть. Очень многое, бывает, удается вспомнить и сделать в критические моменты. Известный писатель и летчик-испытатель Марк Галлай писал, что, попав в неизученный тогда флаттер¹, он не только спас самолет, но и успел догадаться, в чем суть этого явления. А по наблюдениям с земли, вся экстремальная ситуация длилась от силы двадцать секунд. Чтобы привести его догадку к математически formalизованной теории, кабинетным ученым потребовалось несколько месяцев.

Вот и сейчас Сашка четко увидел координатную точку, место и вывод нужной ячейки Узла, кодовый сигнал, способный ее активизировать. Заодно и кое-какие практические советы, полученные им от Замка в одной

¹ Флаттер — внезапная вибрация элементов конструкции самолета, вызванная несоответствием скорости и аэродинамических качеств. Впервые проявился при приближении к околозвуковым скоростям в конце сороковых годов XX века. Обычно приводил к гибели самолета и пилота.

из своих псевдосущностей, всплыли в памяти именно сейчас.

Наверняка опять начал сказываться эффект сочетанной работы трех сразу существующих в одном формате, но не совсем единых личностей. Совсем как в известной формуле «нераздельных и неслияных».

Счет шел на миллисекунды, наверное, потому что стволы молний продолжали неторопливо двигаться вверх, ветвясь и нашупывая цель. Шульгин успел еще раз уточнить задачу, сосредоточиться и выбросить ориентированную на Узел мыслеформу. Сконцентрированную в объем булавочной головки и снабженную системой самонаведения.

Скорость мысли, как известно, неизмеримо превосходит скорость света. Молнии все еще пытались догнать профессора, а внутри Узла уже *перемкнуло контакты*.

Плюсы поменялись на минусы, всего лишь.

Подобного, пожалуй, не видел еще никто из ныне живущих.

Электроплазменные разряды, словно упервшись в не преодолимую преграду, не исчезли, как принято, а замерли, и тут же втянулись сами в себя по прежнему направлению к исходной точке.

Тут и гром шарахнулся, поскольку замыкание наконец случилось. Немыслимой силы гром, разнесшийся на сотню километров.

Невозможно представить, что произошло с установками, эти разряды произведими. Если они были материальны и находились в этом же пространстве-времени, они должны превратиться в сильно перегретый пар и брызги кипящего обсидаана.

«Фергельтунгсваффе»¹ сработало, и этого достаточно. А сам Шульгин, как Ихтиандр, поднырнул в бушующих турбулентных потоках под бессмысленно крутя-

¹ Оружие возмездия (нем.).

щийся силуэт Удолина, точно, с первого раза ухитрился его подхватить и выдернуть все в ту же Серую зону. Весом и тяжелой, неживой инертностью он ничем не отличался от любого умирающего или совсем мертвого человека.

Так они и рухнули на ковер рядом со столом и камином в холле форта, из которого почти только что исчезли. В телесном виде, как сообразил Сашка, сдвигая вбок придавившего его сверху профессора и вставая на колени. Потому что его место за столом было свободно.

— Мать вашу ...! — услышал он голос Новикова, окончательно врубаясь в реальность.

— Да это еще как сказать, — буркнул Шульгин, первым делом положив пальцы на сонную артерию Удолина. Пульсация имела место, причем — приличного наполнения.

— Живой, — с облегчением выдохнул Сашка и с удовольствием продолжил начатый другом сакральный фразеологизм.

— Гомеостат ему нужен? — Андрей, подскочив, уже засучивал рукав, чтобы отстегнуть браслет.

— Ну нацепи, хуже не будет, только тут травма, на мой взгляд, не соматическая...

Экранчик показал, что пациент действительно в физическом смысле здоров, «item бовис», как облегченно констатировал Шульгин, что, по его мнению, на полузаытой институтской латыни означало — «как бык».

— А вот теперь бы я уж точно выпил, — доверительно сообщил он, соорудив для Удолина изголовье и подсаживаясь ближе к огню. — «Я говорил, и сейчас говорю — я не хотел ехать в Калифорнию»¹.

— А чего же поперся? — невежливо спросил Новиков. — Без предупреждения, без подготовки...

¹ Цитата из к/ф «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир...» (1962 г., США).

— Интуиция! — со значением покачал Сашка перед его носом указательным пальцем. — Еще чуток, и разложило бы нашего деда на молекулы. Нет, не на молекулы, — подумав, уточнил он. — На атомы...

После чего начал обстоятельно излагать суть случившегося, свои впечатления и предварительные выводы.

— Засада, значит? — удивился Ростокин. — Откуда же они могли знать, что кто-то из нас вернется?

— А ты бы на их месте что делал? Все нормально — после первого налета на базу все системы ПВО приведены в готовность номер один. А сработали — на автомате. По ментализации пленника. Пожалуй, именно так, — раздумчиво ответил Шульгин. — Я как раз тогда подумал, что сам по себе Удолин для них «невидимка». Тут и бахнуло...

— По своему стреляли?

— Почему нет? У нас тоже за плен сажали, или к стенке ставили. Из зоологии, кстати, известно, что многие виды, насекомые в особенности, безжалостно уничтожают сородичей, от которых *не так пахнет*. Все сходится.

— Не лишено, — кивнул Новиков. — С Шатт-Урхом снова встретимся и об этом поспрашиваем. Лишь бы Константин из комы вышел...

— Давай, Игорь, не сочти за труд, разбуди господ некромантов и зови их сюда. Консилиум будем делать... — Шульгин подошел к окну, словно желая полюбоваться продолжающей набирать разгон пургой. На самом деле он вслушивался в свое внутреннее состояние. Вроде все чисто. Никаких намеков на последствия стремительного проброса сквозь эфир, контакта с Узлом, тем более — дутгурского электроволнового удара.

Дело, наверное, в том, что он не успел полностью вывалиться в реал. Получилось словно как с работой СПВ, включенного на режим «одностороннего окна». Или его каким-то образом защитило соединение с Узлом.

Маги по одному спускались вниз, и каждого вначале отправляли наружу, умыться снегом и освежить организмы ветерком и морозом.

Подействовало, вся бригада стала выглядеть вполне пристойно, соответственно своему званию и положению.

Шульгин объяснил, что именно случилось с их предводителем, и предложил высказываться.

Тот, который именовался Палицыным, Федором Егоровичем, — анатом и биолог, не считая прочих, менее материалистических специальностей, — произвел осмотр по-прежнему бесчувственного коллеги. При этом он пользовался старинным стетоскопом и круглым двусторонним зеркальцем от микроскопа.

За ним по очереди над Удолиным наклонялись остальные, кто производя руками пассы и что-то бормоча, кто молча созерцая, вслушиваясь в дыхание и касаясь различных точек тела.

Русский среди них, кроме Палицына, был только один, похожий не на ученого, а на купца второй гильдии — господин Иорданский, Аполлон Григорьевич, остальные трое — немец, француз и еврей. Между собой они общались на латыни, которой владели настолько свободно, что Шульгин улавливал только отдельные слова.

— С вашего позволения, мы считаем необходимым перенести Константина Васильевича в отдельное помещение. Там мы произведем над ним некоторые обряды, требующие специальной подготовки, — обратился Палицын к Сашке после того, как они завершили оживленный обмен мнениями, похожий на средневековый диспут на богословские темы.

— Вам виднее. А как насчет прогноза?

Маг снисходительно улыбнулся:

— Если мы сочли возможным взяться за лечение, прогноз не может быть никаким иным, нежели безусловно благоприятным. Раз вы тоже посвященный, могу

сказать, что коллега Удолин под влиянием внешнего воздействия скорее всего успел произвести транспозицию, вследствие чего матрица его сущности находится... в другом месте. Мы известными средствами определим ее местонахождение и совершим обратную процедуру.

— Ну как же, как же, — с пониманием ответил Шульгин. — Мне приходилось иметь дело с тунгусскими шаманами, у тех тоже иногда случалось. Во время особо сложного камлания бывало, что душа самостоятельно не могла найти обратный путь... Тогда более компетентные товарищи ей помогали.

— Очень верное сравнение, — некромант выразил всем своим видом уважение к Сашкиным познаниям. — И долго у них это дело продолжалось?

— Когда как. Бывало — несколько суток.

— Мы, надеюсь, к утру справимся, — важно произнес маг, как бы подчеркивая свое неоспоримое превосходство над малограмотными тунгусами. — И без всяких бубнов обойдемся.

— Прогресс, куда денешься, — стараясь не выдать усмешки, согласился Новиков.

Не зря болтал господин Палицын, — к завтраку в зал Константин Васильевич спустился собственной, вполне адекватной персоной. Разве что выглядел слегка бледновато. За ним в порядке старшинства следовали маги, с блеском подтвердившие свою квалификацию. Звуков бубна и запахов паленой собачьей шерсти ночью действительно в тереме слышно не было.

Удолин церемонно поблагодарил Александра за спасение его бренной оболочки и немедленно начал многословно доказывать, что он бы и сам, конечно, в конце концов выбрался, но сил и времени на воссоздание аналогичной оболочки ушло бы непозволительно много.

Что это означает, никому из присутствующих объ-

яснять не требовалось. Андрей, поручив младшим по выслуге магам, «черпакам»¹, в число которых неожиданно попал представительный Иорданский, накрыть стол уже приготовленными им с Ростокиным горячими блюдами, начал вспоминать, как едва не потерял себя во время первого перелета с Сильвией сюда же. Игорь — о приключениях в тринадцатом веке и об Артуре с Верой. Сашка, вообще давно не понимающий, какое отношение его нынешнее тело имеет к исходному, не преминул поделиться своими соображениями.

Настроение за столом царило довольно приподнятое. Пурга утихла, и сквозь покрытые морозным узором стекла на пол и стены падали причудливо преломленные солнечные лучи. Было тепло, ничего не напоминало вчерашнего свинства.

— Не забивай себе голову, Александр, — покровительственно утешил его профессор. — Давным-давно доказано, в наших кругах, разумеется, — он обвел вилкой с нацепленным куском селедки сидевших напротив коллег, — что физическое тело, каким бы образом оно ни было приобретено, никоим образом не влияет на твою подлинную сущность. Ты сколько за свою жизнь костюмов сменил?

— Да кто ж их считал? По три раза в день, бывало, переодевался, — ответил Шульгин, уже поняв, что имеет в виду Удолин.

Но тот, начав развивать мысль, никогда не останавливался на полдороге. Да и не так уж он был бодр и невозмутим, как пытался казаться.

— Наше внешнее тело смело уподоблю тому же костюму. Меняя его, ты никоим образом не отказываешься от своей сущности, зато необходимо получаешь удовольствие, даже надевая такое же точно, как в случае с военной, к примеру, формой. Если костюм нового по-

¹ Армейское обозначение солдат, отслуживших год. Уже имеющих воинскую специальность и несущих на себе основную тяжесть реальной службы.

кря, из красивого материала, он может изменить тебя до неузнаваемости с точки зрения окружающих, что иногда приятно, иногда полезно, подчас — просто необходимо. Так?

Новиков молча жевал яичницу с жареной колбасой, не желая своим ответом подвигнуть Константина к дальнейшим рассуждениям. Игорь, похоже, задумался, оценивая качество силлогизма. Шульгин перевел взгляд на магов, под шумок разливающих на своем краю стола вторую бутылку.

— Да-да, именно, — тут же отреагировал Удолин. — Вот мсье Дю Руа, — указал он на француза, — гильотинирован, было дело, в разгар якобинского террора. Год почти скитался как неприкаянный, по причине незаконченности образования, пока не нашел того, кто помог ему заново воплотиться. И с тех пор живет вполне благополучно. С ребом Товом случилось нечто более неприятное. Его однажды сожгли. А при сожжении за живо, должен отметить, тонкое тело повреждается гораздо сильнее, чем при гильотинировании, расстреле, даже повешении. Кстати, повешение, обставленное рядом дополнительных процедур, — тоже очень, скажу я вам, вредно...

— Хватит, а?! — не выдержал Новиков, едва не швырнув на стол вилку. — Это вы там у себя на семинарах обсуждайте. Живой — ну и будет с тебя! Дай поесть-попить спокойно. Потом поговорим. Давай, Саш, про баб, что ли...

...Когда Удолину стало известно о наличии на новозеландской базе добровольно прибывшего для переговоров Шатт-Урха и оказавшегося в результате своеобразным «политическим беженцем», он оживился до чрезвычайности.

— Я должен с ним увидеться. Немедленно. Он на верняка не из самых высших, но судя по всему — пол-

ноценный «мыслящий». Если мы за него возьмемся вшестером...

— Да беритесь, — ответил Шульгин. — Мне куда интереснее — осталось что-нибудь там, где мы с тобой вчера побывали, или действительно — в пыль?

— Об этом вашего парламентера и поспрашиваем. Мы ведь до сих пор не выяснили — в каком году мы с тобой побывали. Если в восемьсот девяносто девятым — одно. А если, с учетом базовой ориентации вашего форта, — в девятьсот восемьдесят четвертым? Тут крайне интересный пасьянс получается. Линии из любого года любой реальности так или иначе сходятся на одном и том же месте плюс-минус несколько месяцев...

— Только плюс, — возразил Новиков. — До момента постройки терема никто сюда не попадал. И самый главный показатель — наши собаки. Они по-прежнему молодые. С голоду не подошли. Нас помнят. Значит, крутимся в пределах одного года. Из этого и исходи, мыслитель...

— Вот-вот, — посетовал Константин. — Я, к вашему сведению, об этом давно задумываюсь. Вчера, когда летел, хотел посмотреть, осталась ли на скале Ларисина пометка. И в каком она состоянии, в смысле воздействия времени и природных факторов...

— Да, если наскоро — какой-никакой, а ориентир. Ну, значит, теперь другими способами атрибуции попробуем воспользоваться. А в Новую Зеландию как — своим ходом доберетесь или Олега просить, чтобы дверцу приоткрыл?

— Если можно — лучше бы с его помощью. Нам силы тратить и рисковать потеряться по дороге — не лучший вариант. Зачем продираться сквозь джунгли, если можно их перелететь на самолете?

В словах Удолина Андрею послышалось некоторое противоречие. Раньше он говорил нечто совсем противоположное, насчет способов межпространственных и межвременных перемещений.

— Тогда вам придется чуток подождать. Мы сначала к Дайяне вернемся, с Левашовым свяжемся, а уж тогда... Но чтобы еще мусорить в форте — ни-ни! Вчерашней вздрючкой не отделаешься. Развоплощу всех, к чертовой матери.

ГЛАВА 11

Возвратившись в лагерь Дайяны, они первым делом вышли на связь с Левашовым. Подробно рассказали, что узнали от Удолина по поводу его экспериментов с дутгтуром, о том, что в очередной раз случилось при попытке вернуться в Южную Африку. Чтобы Олег сам был в курсе и правильно ориентировал Скуратова, когда дойдет до непосредственного общения с профессором и его бандой. А то Константин такой лапши, по своей неистребимой привычке, сможет наивным людям навешать, что последствия окажутся *непредсказуемыми*. Как водится.

Подсказали, как с этой публикой следует обращаться (прибегая в вопросах соблюдения внутреннего распорядка к помощи Воронцова). Уж Дмитрий сумеет их держать не хуже, чем у Сашки получалось. Если что — ржавых якорных цепей, чтобы наждаком подраить, несколько саженей всегда найдется.

Два часа спустя Олег сообщил, что эвакуация форта произведена. И не только магистров-некромантов оттуда извлекли, но и всех собак забрали. Оказалось, Левашов, открыв портал на Валгаллу, пропустил туда Наталью с Анной. Первая очень захотела вспомнить молодость, а вторая там никогда не была, хотя и слышала очень многое. Так вот, девушки не смогли бросить на произвол судьбы верных друзей человека. Уж сколько, по их мнению, бедные натерпелись. И неизвестно, вернутся ли к ним снова бесчувственные хозяева.

А в Новой Зеландии, в третьем форте Россе, они не пропадут ни в каком варианте. Всегда найдется, кому

накормить, поиграть, потренировать сообразно природой определенным привычкам.

Андрей против этого не возразил. Правильно, вообщем-то. Только вдруг очень печально стало. Брошен Первый форт, совсем брошен. Окончательно опустевший терем, двор, замерзающий во льдах «Ермак Тимофеевич».

Оно конечно, всяко может повернуться, и учебный центр Дайяны станет их новым форпостом, но сейчас...

Потом Андрей подошел к хозяйствке и спросил у нее координаты места, где погибли и были похоронены Лихарев с девушкиами.

Она посмотрела на него удивленно-непонимающе:

— Тебе — зачем?

— Да знаешь, мадам, захотелось мне букетик на могилу положить. Такая вот дурацкая натура... Девочкам — букетик, у вас им точно их никто не дарил, а Валентину, по-солдатски, — стопарик с черной корочкой. Всю жизнь форму носил и в бою погиб...

Андрей говорил, что думал, не имея в виду достать до души главную агтрианку, а тут вдруг увидел, что ее большие персидские глаза явно повлажнели. Что-то у нее тоже шевельнулось. Опять же в процессе «обрушения». Эмигранты разного рода, типа, вида и идеологических убеждений, укореняясь в очень благополучных странах, первым делом теряют эмоциональную составляющую своей личности, а в России почему-то обретают. Даже сверх того, что им было на родине предназначено.

— Спасибо. Тебе сопровождение нужно?

— Нам? Зачем. Флигер — и все. Часика через два вернемся.

Ну да, нам. Они собирались слетать туда с Шульгиным.

Ирина ни взглядом, ни словом не выразила протеста, узнав, куда и зачем собирались неразлучные друзья.

— За меня тоже помяните, — только и сказала.

Могила была устроена плохо, очень наскоро. Так, накидали, будто малыми саперными лопатками, невзрачный холмик, и больше ничего, ни креста, ни другого памятного знака.

— Басурманы, ети их в качель, — только и сказал Сашка, присаживаясь на теплый камень у изголовья (если правильно хоронили).

Зато место было очень хорошее. Справа — долина, на плоскости которой высилась гигантская, косо поставленная на землю шестеренка агтрианской базы, по которой им довелось полазить. Сначала снаружи, потом и внутри.

Слева — волнами поднимающиеся одна за другой заснеженные гряды гор. Зима тут продолжалась, не то что в долине. Солнце хотя и светило, но мороз был градусов десять, и с ветерком. Но это не волновало, одежда соответствовала, только голые пальцы слегка мерзли.

— Слушай, Саш, — сказал вдруг Новиков, завершая обряд поминовения. Оставалось только троекратно выстрелить в воздух. — А что, например, стоит сказать Олегу и сдвинуть это дело на пару часов до того, как... Нас здесь в это время не было, а прочие хроноклазмы, на фоне всего...

И ведь действительно, в сравнении с уже бывшим, что может означать такое незначительное вмешательство? Никак на судьбах мира не отразившаяся гибель (не на Земле вдобавок) нескольких человек, отыгранная назад?

— Сдвинуть, сдвинуть... А ведь может и получиться. Если точно рассчитать время, настроить СПВ на их флигер и выхватить его на подлете, открыть перед ним окно. Проскочат к Олегу в двадцатый пятый, и все... Никому не помешает... — принялся рассуждать вслух Шульгин. — Только как с вот этим быть? — указал он на могилу.

— Ну и что такого? — удивился Андрей. — Первый раз, что ли? Совсем незначительное «удвоение». Со-

вершенно так же, как у Берестина с Ириной, или у тебя... Да и сам Лихарев, он ведь тоже из Ворошиловска тридцать восьмого как-то в Ставрополь две тысячи пятого прошмыгну...

— Ну да, ну да! И вправду, ничего особенного не случилось, если не считать того, что потом приключилось. Твоя музейная история, и так далее. Если бы Лихарев тогда не сбежал, фактически и ничего последующего не было бы. То есть целый год мы прожили бы совершенно иначе. Без Испании, без новой/старой Москвы, и князя бы не спасли и...

— И чем это хуже всего остального? Помнишь нашу старую дискуссию, о том, как поступать в условиях полной неопределенности?

— Как не помнить. Выбирая вариант поведения, при прочих равных следует остановиться на самом этически безупречном.

— И я о том же. Мы не знаем, что сулит будущее, но сейчас можем вернуть жизнь небезразличным всем нам людям... Да чего далеко ходить, вчера, спасая Удолина, ты разве задумывался, не повредит ли это гипотетическому будущему. Кто бы спорил — тот мужик, что спас тонущего восьмилетнего Володю Ульянова, в итоге жутко деформировал мировую историю. Но сам ведь поступил единственным для порядочного человека образом...

— Не убедил, — фыркнул Сашка, отбрасывая окурок. — Наиболее этичный поступок оказался катастрофичным по последствиям. А тот, кто юного Гитлера утопил бы в ванне, непременно бы вышку ограб от австрийского суда. И не поставили бы ему памятника в музее холокоста. Ладно, суха теория, мой друг, как говаривал Фауст. Или Мефистофель. — Шульгин вытащил рацию и начал вызывать Ирину.

— Дай-ка мне, — Андрей взял у него аппарат и принялся объяснять Ирине их замысел.

— Я не возражаю, — тут же согласилась она. — Не-

медленно переговорю с Олегом. Если технически возможно, он сделает. Тем более, он, кажется, тоже с одной из девушек подружился? Как, кстати, странно получилось! Полетели и погибли именно те, что с вами контактировали...

— Думаешь, Даяна так подстроила?

— Не обязательно. И повыше нее есть силы. Или — глупейшее совпадение. Их группа участвовала в вашей встрече, та же группа всем составом и полетела.

— Даяна еще тогда сказала — «самые подготовленные», — громко, чтобы Ирина его услышала, вставил Шульгин.

— В общем, я сейчас же этим займусь, — повторила она. — И если ни Даяна, ни здешние девушки ничего об этом не узнают, хроноклазм не зафиксируется.

— А как же... — Андрей вспомнил, что, по словам Ирины, погибшие девушки пока еще *неодушевленные болванки*.

Она его поняла.

— Это — моя забота. Лихарев тоже вполне подготовлен. Все будет как надо. Я начинаю, а вы немедленно возвращайтесь...

— Слушаю и повинуюсь, госпожа, — настроение у Андрея резко улучшилось. Он отключил связь.

«Хотел бы в таком случае знать, что же здесь похоронено?» — подумал Сашка, но ничего не сказал, потому что увидел в небе над Базой нечто. Вскинул к глазам бинокль.

В километре отсюда, на высоте метров в шестьсот, строем клина шли три «медузы». Незнакомой конструкции, поменьше той, что они уничтожили здесь прошлый раз, но больше московской. Форма купола другая, щупальца из-под него не в два, а в три яруса, и подлиннее, кажется.

— ...И вообще, они ведь уйдут в относительное прошлое, текущее и будущее тут ни при чем, — по инерции продолжал говорить Новиков, пока не увидел напряженную позу другого.

— Быстро, к флигеру, — прошипел Сашка, — тут мы как на ладони, вмиг раскатают...

Летательный аппарат, цветом не отличимый от окружающего снега, стоял чуть ниже, в удобной ложбинке, заметить его можно было только прямо сверху. Так ведь вряд ли дуттуры руководствуются одной визуальной информацией, не Первая мировая, где летнаб¹ заменил локаторы, пеленгаторы и прочие средства инструментальной разведки. А с другой стороны, кто его знает, каковы защитные свойства и фоновые излучения местных гор? Да и самого агрианского изделия. Вдруг да маскируют от «медузей» техники?

Этот флигер, в отличие от того, на котором они летали прошлый раз, имел бортовое вооружение. Две гравипушки, но меньшей мощности, как и положено авиационным в сравнении с танковыми. Одна турельная, одна неподвижная курсовая. Наверное, Лихарев именно ими сумел сбить «медузу». Но зазевался, сам пропустил удар. Скорее же всего, «медуза» была не одна. Первую он, вторая — его. Просто Валентин не успел точно обстановку дождить.

И сейчас, сволочи, опять летят.

Через визир прицела, выдвинув его штангу как перископ подводной лодки, Шульгин определил, что курс «медуз» отклоняется градусов на тридцать левее их позиции. Значит, пока не видят. Или — не чуют.

— Пересидим, как думаешь? — спросил Андрей.

— Думать тут нечего, гадать только. Но положение у нас невыгодное. Сидим в яме, сектора обстрела никакого. Довернут сейчас, бомбу сбросят — и концы. Рискнуть разве, рвануть вверх на полном газу и атаковать с фланга...

— Знать бы, где у них фланг. Круглые ведь, суки!

¹Летнаб — летчик-наблюдатель, особая специальность в авиации вплоть до начала тридцатых годов XX века.

Как раз в лоб и выпремся, под сосредоточенный огонь. Валентин, может, на этом и попался. А если по-другому?

— Дело говоришь. Выбора особого нет...

Андрей опять доверил Сашке управление машиной. Сам предпочел сесть за пушечную турель. Флигер бесшумно приподнялся на метр над поверхностью и заскользил, как катер на воздушной подушке, по складкам местности.

Бог его знает, отчего не спросили у Дайяны, вылетая, насчет экранирующих свойств корпусов флигеров. Надо было, да не о том думали. С другой стороны — что толку, если Валентина все равно сбили?

Пока что летательный аппарат продолжал уходить все ниже и ниже, до предела пригасив тягу двигателя. Только иногда легкими импульсами Шульгин подправлял курс. Еще бы на полкилометра скатиться, а там и можно...

«Медузы», хорошо видимые в прицел, кружились, судя по угломерной сетке, аж четырьмя километрами севернее.

— Ишут что-то, подлюки, — сквозь зубы прощедил Сашка, совершенно освоившийся с не предусмотренными агтрами приемами управления флигером.

— Боюсь гадать, брат, но как-то мне сдается, что у Олега уже все получилось. И эти вот прилетели посмотреть, что с предыдущей группой...

— Если «эти вот» — не те же самые. И мы сейчас замещаем Лихарева...

— Не должно бы... — Новиков раньше Шульгина заметил впереди подходящий распадок, уходящий вправо, и крикнул: — А теперь — по газам!

Расчет был на то, что «медузы», исходя из прошлых за ними наблюдений, приспособлены к перемещениям через внепространство, но в атмосфере столь же медлительны, как их «прототипы» в море. Флигер по сравнению с ними — барракуда.

Только преимущество в скорости на этот раз использовалось не для атаки.

За пару секунд набрав предельные шестьсот километров в час, на трехметровой высоте они выскочили на другую сторону гигантского корпуса Базы. Надежное прикрытие, от визуального и локаторного наблюдения. Если в ней самой нет засады, или не появится внезапно слева еще одно звено «медуз».

— Кажись, проскочили, — выдохнул Шульгин. Он притер флигер вплотную к входу в подземные ангары, где хранилась боевая и транспортная техника. В достаточном количестве.

Въехали внутрь, дождались, пока закроется вертикальная дверь, способная выдержать ядерный удар.

— Отсюда радио до Ирины не возьмет, — заметил Андрей, сдвигая назад пилотский фонарь. — Покурим и будем думать, как жить дальше.

— Как жить... Садимся в лифт и едем на самый верх. Оттуда посмотрим, что на белом свете творится. Дальше — по обстановке. И связь с крыши появится.

— Черт, не запомнили мы, как Олег с Лихаревым через здешний компьютер общался. А впрямую по радио говорить — хрен его знает. Вдруг они научились эфир контролировать.

— Ну, не каждый же диапазон, а у нас он довольно узконаправленный.

— Хорошо, поехали. Там видно будет.

Осмотрев из-за прикрывающего вход вентиляционного колпака дальние и ближние окрестности, они убедились, что, во-первых, «медузы» никуда не делись, так и продолжают кружить в небе по часовой стрелке, перестроившись так, что теперь занимали вершины равностороннего треугольника. Оптимальная позиция для наблюдения за воздушным пространством и землей в окрестностях Базы.

Во-вторых, ничего, по их мнению, заслуживающего организации такого барража ни внутри, ни вне здания не имелось.

Шульгин снова достал из внутреннего кармана трубку. В ближайшие полчаса спешить некуда, а размышлениям «Петерсен», набитый «Особой турецкой смесью», весьма способствует.

— Сдается мне, эти ребята обеспечивают высадку большого десанта, — наконец сказал он. — Тот раз появление Лихарева им помешало, теперь подготовились получше.

— А нас все равно прозевали, — злорадно отметил Новиков.

— Да и ничего странного. Стереотипы. Ждали воздушную цель, на сухопутную не рассчитывали.

— Интересно, с событиями в Африке это как-то связано?

— Если и да, то скорее — от противного. Мы якобы атакуем там, они отвечают здесь...

В кармане короткими, прерывистыми сигналами запищал вызов рации.

— Да, Ира, слушаю. Что? Так, понял. Какими силами? Ну, это пока ерунда. Отобьетесь. Да мы бы хоть сейчас. Тут своя заморочка... Взлететь будет трудновато. Три штуки над нами кружат, и не просто так... Как бы не здесь высадка главных сил намечена. Можем, конечно, на бронеходах напрямик рвануть, прямо сейчас. Если сверху не достанут, часа через три добрались бы... Понял. Через полчаса свяжемся. Да нет, риска, считай, никакого... А ты давай, снова Олега вызывай. Если поддержка и снабжение требуются. Есть, хорошо, хорошо!

Шульгин по его отрывочным словам уже все понял.

— Десант?

— Именно. Даже два. Но небольшие. По одной транспортной «медузе» на перевалах, с севера и с запада. В трех и пяти километрах от поселка. Высадили, по

предварительной оценке, сотню монстров и столько же примерно мелкой пакости. Дозоры девчонок отходят, не вступая в бой. Да им особенно и нечем. Только автоматы. Тяжелая техника занимает позиции на окраине. Потерь пока нет.

— Если две сотни — ерунда. Наши их размажут... Но это пока тоже, наверное, разведка боем. Или — отвлекающий маневр.

— А зачем там? Логичнее бы наоборот.

— Удolina спросишь. Я считаю — главная их цель — здесь, а там — блокирующая операция. Или — если совсем умные — попытка уничтожить интеллектуальный руководящий центр. Исходя из собственных представлений. Дайяна, допустим, — матка, девчонки — рабочие пчелы. Закончат там, здесь — делай что хочешь...

— Что ж их тут так привлекает?

Все это они говорили уже на бегу, с крыши к верхней лифтовой площадке.

— Зародышей так и не вывезли — раз. А они им, похоже, край как нужны. До компьютерных центров не добрались — два. Мы им по соплям накидали...

— Они нам — тоже, — Новиков передернул плечами, снова вспомнив волновой удар и его последствия.

— Но поле боя осталось за нами, — Шульгин остановился перед открытой дверью лифта. — Заходим?

Сам факт этого неожиданного вопроса заставил Андрея насторожиться. Ему вдруг тоже не захотелось входить в гостеприимно ждущую кабину.

— Давай-ка по пандусу, — сказал он. Подумалось, что если энергопитание само по себе или принудительно отключится, тут им и конец. Подручными средствами они, конечно, сумеют пробиться наружу, но успеют ли?

А подсказкам интуиции они привыкли доверять. Тем более, бегом по пологой спирали выйдет ненамного дольше.

В подземном, хорошо защищенном почти от всего арсенала решили перекусить. Когда потом придется? Сухпаек у них был приличный, на генеральском, как и положено, уровне. На случай неожиданностей разместились на крыше ближайшего бронехода, свесив ноги в люк. Всего этих машин, полностью готовых к бою, в ангаре оставалось шестнадцать штук.

— Самое же главное, как мне кажется, — продолжил прерванную мысль Сашка, — на дуттуров влияет сам уровень сопротивления, с которым они здесь столкнулись. Просто так никчемную позицию не защищают, известно. Соответственно, атакующий должен наращивать силы. Верден, Сталинград...

— Ничего мы по-настоящему не знаем, — сказал Новиков. — Вдруг у них есть информация, что через Базу можно выйти на *оперативный простор*? Прямо в метрополию аггроров...

— Угу. Дайяна об этом не знает, а они знают.

— Уверен, что не знает? А если знает, только ей там делать нечего? Как белоэмигранту в Советской России.

Долго бы они так могли перебирать неограниченное количество недоказуемых вариантов, если бы Андрей вдруг не насторожился.

— Кажись, началось. — Он спрыгнул на черный, будто из полированного гранита, пол, ощущив в груди знакомую вибрацию, сопровождавшую приближение «медуз».

— Давай для начала... — Они загнали на площадку подъемника два бронехода.

— Надо же, не удосужились до сих пор выяснить, какой у них боезапас, — посетовал Шульгин.

— На наш век хватит, — сплюнул Новиков.

По плавно поднимающемуся тоннелю квадратного сечения боевые машины выползли в тамбур, грамотно расположенный довольно далеко, но на прямой директрисе к парадному подъезду Станции.

Выбрались наружу, слегка сдвинули бронепластовый щит ворот. Только чтобы выглянуть через щель.

— Ну, я те дам... — удивленно выдохнул Сашка. — Подучили тактику, сволочи.

Да, весь их план боя разваливался на глазах.

Сразу три большие «медузы» начали высадку десанта, приземлившись на большом расстоянии друг от друга, причем две находились вне досягаемости выстрела гравипушки, прикрытые ребром корпуса Базы. Видны были только верхушки их куполов. Чтобы достать — придется выскакивать далеко на открытое пространство. Хуже того — операция плотно прикрывалась с воздуха. В поле зрения на разных уровнях болтались целых пять омерзительных аппаратов, того типа, от которых они недавно удачно скрылись. Так это только в поле зрения, а сколько их может плавать сзади и выше?

— Одно нам остается — действовать непредсказуемо, — решил Новиков. — Даже для самих себя. Вот какое сейчас у тебя решение?

— Элементарное, — ответил Сашка. — На текущий момент. Бьем по ближайшей... Смотри, смотри, посыпались!

Из-под купола «медузы» по нескольким аппаратам высаживались пока что «классические монстры», занимая плацдарм. Много, опять не меньше сотни, яростные, имеющие четко поставленную цель, вооруженные знакомыми митральезами. Начали разбираться по отделениям, чтобы двинуться звездно-лучевым маршрутом по направлению к цели.

— Так бей!

Шульгин вспрыгнул на лобовой лист, нырнул в люк.

Бронеход завелся без привычного для танков грохота дизеля, скользнул вперед, и щит сразу отполз еще на три метра в сторону.

— А ты куда? — крикнул Сашка Новикову.

— Сказал — непредсказуемость! Стреляй, сколько можешь, потом назад и задвигай ворота. Не подставляйся! Рация включена!

Андрей добежал до своего бронехода, развернул его на месте и на совсем не предусмотренной для подземного коридора скорости погнал к ангару. Все решало время. Ну и удача, само собой.

Он с первого посещения засек, что флигеры в подземелье стоят разные. И тяжелые, восьмиместные, на одном из которых погиб Лихарев с девушками, и поменьше, на четырех агрегатах, а еще он заприметил два совсем маленьких, размером с «Жигули»-«семерку».

В один из них Андрей запрыгнул, не закрывая фонаря, убедился, что гравипушка есть и на нем, светящиеся розовые колонки индикаторов подтверждали, что «горючее» под пробку, и «боезаряд» полный.

Строители и владельцы базы едва ли предполагали, что кому-то придет в голову протискиваться, цепляясь бортами за стены, вверх по «пожарной» фактически лестнице, предназначеннной для аварийного входа-выхода. Новикову это удалось, то в одну, то в другую сторону креня машину и поднимая ее на дыбы в поворотах. Как в хрущевской пятиэтажке люди с трудом и не соответствующим обстоятельствам матом выносят гроб. Советские архитекторы, наверное, столь обязательной необходимости в виду не имели. Исторический оптимизм не позволял.

А уж по широкому пандусу Андрей полетел легко и красиво.

На седьмом, кажется, уровне, сплошь остекленном, остановился. Посмотрел, что же внизу творится.

Шульгин свою первую «медузу» уничтожил, что и неудивительно. Пятьдесят или сто «же» выдала его пушка на прямом выстреле — неважно. Одни ошметки раскидало по территории. Но не попавшие под гравиудар монстры продолжали осваивать окружающую местность. И не только они. Новикову куда больше не нравились мелкие ракокрабоскорпионы, сворами бегущие впереди отрядов своих соратников, или «псарай» — кто разберет?

На них угла раствора Сашкиной пушки явно не хва-

тало. Да чему удивляться? Ведь и они сами на единственном «Леопарде» ухитрялись уклоняться от прямых выстрелов этих же бронеходов, составлявших теперь их главное оружие.

— Сашка, слышишь? — крикнул Андрей, не вынимая рации из кармана.

— Слышу, не ори.

— Завязывай, а то опоздаешь, я сверху смотрю. Закрывай ворота.

— Понял! Ах ты, мать...

Через мощный динамик, кроме мата, примитивного по причине отсутствия времени на хорошие конструкции, Новиков услышал короткие автоматные очереди.

— Что, Сашка, что?

В ответ грохнуло, звучно и с многократным эхом. Ничем иным, как разрывом гранаты «Ф-1», это быть не могло.

И — тишина в трубке. Глухая, полная.

— Сашка, Сашка... — кричал Новиков, как в старом кинофильме: «Звезда, Звезда, я Земля, отвечайте...» повторяла девушка-радистка.

Не получил ответа и он. Зато в окне была видна еще одна «медуза», идущая на снижение на расстоянии почти что вытянутой руки.

Вот ей он и врезал! Вышиб лобовиком флигера стекла и вдавил нужную кнопку. Не отпускал до тех пор, пока и это биомеханическое создание не шмякнулось на землю без признаков жизни.

Полвигтка вверх по пандусу, и в поле зрения новая цель.

Никакой у этих мудаков реакции, совсем никакой! Бьем их, как тетеревов на токовище!

Не считая, сколько в запасе «снарядов», Андрей разнес в клочья очередную машину. И только потом увидел, что столбик указателя упал почти до нуля. Гравитоны, или как их там, кончились.

Сбегать за новыми? Прихватить ведро-другое?

Новиков сбросил с плеча ремень автомата.

Повоюем еще! Шесть магазинов, пистолет, гранаты имеются. Чтобы вниз снова прорваться — хватит. Там снова танки, флигеры... Помирать, так с музыкой. Уж не один скорпион до него жвалами не дотронется!

Он опустился на этаж ниже. Прислушался. В бесконечных коридорах, вьющихся вокруг барабана станции и пересекающих ее поперек под любыми углами, было неожиданно тихо.

Ни цоканья когтей боевых членистоногих по металлизированным и каменным полам, ни топота и тяжкого фырканья бегущих монстров. И самое главное — никаких признаков ментальных волн. Не только боевых, даже и прощупывающих.

Неужто урок извлекли? Хорошо бы, но что-то не верится.

Андрей вернулся к флигеру. Зарядов нет, так машинка еще бегает? Зачем же пешком идти?

Провел ладонью над сенсорными полями, и белая, острым концом обращенная вперед каплевидная машина заскользила вниз по пандусу.

На полдороге он увидел взбирающегося навстречу Сашку!

Восхищаться и устраивать сцену радостной встречи не было настроения. Война есть война. Живые — и ладно.

— Что там у тебя случилось? — Вполне деловой вопрос. Шульгин в ответ показал на рассеченный гранатным осколком карман, где помещалась рация.

— Таким вот образом. Бросал «феньки» прямо под ноги. Им и себе. Еще два по каске задели. Однако выжил, как видишь...

Они сели, прижавшись спинами к стене так, чтобы видеть пандус на всем протяжении, выше и ниже.

— Ракоскорпионам? — спросил Новиков.

— Кому ж еще? От монстров я бы из автомата отбился. А эти... До чего же верткие, суки!

— Всех кончил? — Андрей впервые за ужасно тяже-

лый день снял с ремня и протянул другу настоящую армейскую фляжку. Он предпочитал эту простую алюминиевую конструкцию в суконном чехле всяким прочим другим, хромированным, обшитым тисненой кожей и так далее. В которых уважающие себя эстеты носят полтораста грамм чего-нибудь ирландско-шотландского.

Был бы верующим — перекрестился бы, потому что сразу всплыло:

Когда в последний путь
Ты отправляешь друга,
Есть в дружбе, не забудь,
Посмертная услуга:

Оружье рядом с ним
Пусть в землю не ложится,
Оно еще с другим
Успеет подружиться.

Но флягу, что с ним дни
И ночи коротала,
Над ухом ты встряхни,
Чтоб влага не пропала.

И, коль ударит в дно
Зеленый хмель солдатский, —
На два глотка вино
Ты раздели по-братски.

Один глоток отпей,
В земле чтоб мертвым спалось
И дольше чтоб по ней
Живым ходить осталось.

Оставь глоток второй
И, прах предав покою,
С ним флягу ты зарой,
Была чтоб под рукою.

Чтоб в день победы смог,
Как равный вместе с нами
Он выпить свой глоток
Холодными губами¹.

¹ К. Симонов.

Живой же Сашка, опять и по-прежнему живой, так к чему такие ассоциации?

Шульгину на такие возвышенные темы задумываться, очевидно, не пришлось.

— Само собой — всех. Иначе они бы меня сожрали. Запросто. Хрум-хрум! — Он показал пальцами, как челюсти ОЧЕНЬ больших членистоногих могут порезать на куски, пригодные для усвоения, млекопитающее и иное мыслящее существо, если оно не кремнийорганическое.

— Только Сашку без хrena не съешь! И с хреном — едва ли...

Шульгин, отхлебывая из фляжки, вспоминал то, что и Андрею не хотелось рассказывать. Пауки, от которых они отстрелялись в подземельях Замка, — мелочь. Их, прежде всего, было мало, и отсутствовала у них целенаправленная агрессия. Те, что пробегали мимо по чугунным мостикам, словно бы и не видели людей, расстреливающих их товарищей.

Эти же были агрессивны и ориентированы в нужную кому-то сторону.

Пара десятков этих мерзких тварей успела проскочить в щель закрывающейся двери ангара. И все они были разные, каждая — приспособлена для своей функции. Одни — кидались на руки и на ноги человека, чтобы вцепиться и перегрызть. Других больше интересовала техника. Между жвалами вдруг появлялись подобия вольтовой дуги, которыми они надеялись разрезать корпус бронехода. Два или три, напоминающие богоолов, выпустили шаровые молнии размером с теннисный мяч. Шульгин подумал — вот ему точно кранты, но плазменные шарики среагировали на более заманчивую, наверное, цель. Притянулись к двигательным отсекам бронеходов и там исчезли. Возможно, пополнили заряд аккумуляторов.

И никакого подобия разумной деятельности со стороны врагов, предполагающей наличие хоть минимального инстинкта самосохранения.

Сашка, вскарабкавшись на купол боевой машины, бил короткими очередями, все время попадал, но на остальных это не оказывало никакого впечатления.

Розово-синего краба, оснащенного крыльями, как у большой летучей мыши, целящегося ему в лицо, он сбил прикладом. И только тогда начал бросать гранаты. Уже не думая о себе. Надеялся, что костюм защитит, но думать — не думал.

Шесть гранат сделали свое дело. В закрытом помещении ограниченной кубатуры всем хватило. Кому остаков, кому ударной волны. Сашке, впрочем, тоже.

Голова раскалывалась от боли, тошнило, он почти ничего не слышал, пока, задраив за собой броневую дверь, поднимался наверх, где должен был оставаться живой Андрей.

— Меня что обнадеживает, — сказал Новиков, — по Станции они не стреляют. Она им целая нужна. Что бы такое, с учетом этого обстоятельства, придумать? Пока счет в нашу пользу, но сколько их еще по небу летает? Воздухом не прорвемся: на летчиков-истребителей не учились.

— Зачем нам прорываться? Лучше измотать врага упорной обороной, а уж потом... Положение у нас довольно устойчивое... Жалко, танк сюда затащить нельзя.

— Зато второй флигер можно. И еще постреляем. Я сгоняю.

— Давай. Я пока от контузии немного очухаюсь, заодно и понаблюдаю.

— Лечись. — Новиков сунул ему в руки гомеостат и умчался вниз, а Сашка опять вызвал Ирину.

У них в лагере обстановка складывалась сравнительно благоприятно. Выходы с ведущего от перевала ущелья прикрыли тремя бронеходами и первую атаку отбили успешно. На случай попытки монстров спуститься напрямик по скалам выставили усиленные дозоры.

На северном направлении пока тихо. Противник активности не проявляет. Продвинулись немного и стали на опушке глухого леса. Настроение в гарнизоне бодрое. Олег уже все знает, готовит хорошо вооруженное подкрепление, и сам сюда рвется.

— Ни в коем случае, — резко возразил Шульгин. — Они с Воронцовым наша единственная тыловая база. Пусть там работают, обстановка до предела неясная. Десант может повториться и в Африке, и даже прямо в форте. Сейчас вся надежда на Удолина. Вдруг он своей командой с помощью Скуратова Шатт-Урха до конца раскрутит. А нам бы сюда что-нибудь зенитное перебросить. Пару роботов с «Иглами» или «Стингерами». Сейчас важно общий замысел противника выяснить. Бывает разведка боем, бывает — обороной. Разберемся — и к вам.

— А хотите — я к вам? Дайяна тут вполне управляется, и Игорь останется, для контроля и связи.

— Там сиди. Ростокин тебя не заменит... Передай Олегу, чтобы прямо сейчас на нас вышел.

...Новиков что-то задерживался внизу, и Сашка начал тревожиться. Правда, ни стрельбы, ни взрывов оттуда не доносилось, а в то, что Андрея могли захватить «по-тихому», Шульгин не верил.

Он осторожно выглянул сквозь разбитое стекло вниз. Монстры и их помощники (или наоборот) уже заняли всю прилегающую к Станции территорию, но приготовлений к штурму пока не наблюдалось. Ворота транспортного выходного тамбура были целы, да и главный вход не взломан. Это прошлый раз дуттуры захватили станцию врасплох, а после разгрома первого десанта Лихарев с курсантками, побывав здесь, включили все охранные системы на полную мощность. Если бы Дайяна не сообщила им коды и пароли, Новиков с Шульгиным ни за что не сумели бы проникнуть в анга-

ры. Разве что испытанным методом — через верх. То направление почему-то считалось у аггрессивным. Пережиток давно прошедшей эпохи, когда самой надежной защитой считался барьер обратного времени.

А после того, как они рванули здесь информационную бомбу, заботиться о перекрытии единственно уязвимого лаза на Станцию стало некому.

«Медузы» воздушного прикрытия продолжали барражировать в пронзительно-синем небе, не предпринимая никаких агрессивных действий. Кто знает, вдруг сейчас их главной задачей было прекращение сообщения со станцией извне и недопущение эвакуации ее защитников, о количестве которых они не знали?

До тех пор, пока не подоспеет новая волна десантно-высадочных кораблей. Если дуггтуры спланировали операцию масштабов «Оверлорда»¹, им тут вдвоем ни за что не выстоять. Просто массой задавят.

Но почему они не используют психотронного и лучевого оружия?

«Антона бы сейчас сюда, — подумал Сашка, — с еще одной информационной бомбой. Мы бы их выбили обратно в каменный век...»

«Окно» открылось в трех шагах. За ним — сам Левашов, Воронцов и только что помянутый Антон.

Шульгину сразу стало весело и спокойно. Да плюнуть на все, дождаться Андрея и шагнуть на ту сторону. База Дайяны куда больше в защите нуждается.

«Вот-вот, — издевательским тоном подсказал внутренний голос. — Хрена ли защищать Брест, если немцев все равно только под Сталинградом и Моздоком остановим?»

— Шагай сюда, Антон, покурим, помозгуем, — радушно пригласил Шульгин.

— Я уже готов, — без всякой рисовки ответил фор-

¹ Высадка войск союзников на побережье Нормандии летом 1944 г. (06.06—24.07). Считается моментом реального открытия Второго фронта.

зейль, переступил границу, махнул рукой, и два робота в морской форме, из экипажа «Валгаллы», начали передавать на эту сторону знакомого вида пеналы и контейнеры.

— Мы успели забрать из Африки роту во главе со знаменитым «медузобойцем», — сказал Олег, и тут же позади него появилось мужественно-хитрое, как у старшего прапорщика будущих времен, лицо капитана Ненадо, все еще одетого в англо-бурского покроя форму цвета хаки.

— Здравия желаю, Александр Иванович. Два взвода уже переправлено. Их там оставить или к вам половину перекинуть? Ирине Владимировне я представился и тот же вопрос задал.

Дипломат капитан, ох и дипломат. Так потому и жив доселе, и из фельдфебеля до капитана дослужился.

— Непременно всех — там. Очень меня подозрение мучит, что в самое ближайшее время главный удар будет нанесен именно по центру. Если их стратеги понимают в своем деле не меньше нашего.

— Присоединяюсь, — кивнул опытный капитан. — Со мной сорок пять человек, много тяжелого оружия, в том числе минометная батарея. Поддержим девочек, — многозначительно усмехнулся он. Конечно, Левашов его ввел в курс дела. А какая ж это радость для старорежимных боевых офицеров, если им придется взаимодействовать с целым батальоном (по новым штатам) амазонок, имеющих облик «смолянок»¹! — А вы, ваше превосходительство (удивительно умел Ненадо переходить с имени-отчества на воинский чин или титулование, по настроению и обстановке), здесь сильно не задерживайтесь. Средств ПВО вам на час боя хватит, если быстрее не справитесь. А потом бросайте все — и к нам.

¹ Воспитанницы Смольного института благородных девиц в Петербурге (1764—1917 гг.).

— Это уж как сложится, Игнат Борисович, как сложится, — в той же тональности ответил Шульгин. Теперь капитан казался ему странной импровизацией актера, играющего бравого солдата Швейка и полковника Дроздовского¹ одновременно.

Тут и Новиков наконец подлетел на новом флигере. Выскочил, приветственно потрясая над головой сцепленными ладонями.

— Ты где так долго? — осадил его Сашка. — Без связи черт знает что в голову приходит...

— Поковырялся я там и при всей своей технической неграмотности сообразил, как с бронеходов на флигер дополнительный боезапас переставить. Получилось... Я думаю, — сказал он после короткой паузы. Все ж таки инженеры и специалисты его сейчас слушали. Исключая Шульгина и Ненадо.

— Посмотри, Олег...

Левашов посмотрел.

— Все здорово. Функционирует. Контакты стандартизованные, пушки однотипные. Теперь у вас «снарядов» вволю.

— И я так подумал, у меня этими «аккумуляторами» весь отсек завален. Двадцать штук. На сутки хватит.

«Сутки, — внутренне усмехнулся Ненадо. — Ты сначала час проживи. Видели, знаем».

Однако сам, невзирая на скептический настрой, прожил на разных войнах не час и не сутки, а теперь уже двенадцать полновесных лет. Если по закону, год за три — тридцать шесть получается, по Малинину и Буренину².

¹ Дроздовский Михаил Гордеевич (1881—1919), в декабре 1917 г. сформировал на Румынском фронте офицерский полк, с которым пешком прошел от Ясс до Ростова-на-Дону, где присоединился к Добровольческой армии. С 1918 г. — генерал-майор, командир «Дроздовской» дивизии.

² Малинин и Буренин — авторы дореволюционного школьного учебника арифметики.

Пока Шульгин, роботы и капитан разбирались со средствами огневой поддержки, Андрей отозвал в сторону Левашова.

— Так что там с Лихаревым?

— Ты сказал — я сделал, — ответил Олег. — Не так и трудно. И Валентин, и девчонки в порядке. Им я ничего не говорил, а Валентину сказал. «Пусть она поплачет, ей ничего не значит», — не совсем к месту вспомнил он Лермонтова.

— Ты лучше остальной текст вспомни. Не вернусь, моей «племяннице» объясни: «Что умер честно за царя, что плохи наши лекаря, и что родному краю поклон я посылаю».

«Скажи, что я писать ленив, что полк в поход послали, и чтоб меня не ждали», — неожиданно продолжил Ненадо, подойдя как-то сбоку.

— Да, Игнат Борисович, позавидуешь вашей начитанности, — оторопело удивился Новиков.

— О чем вы! Это мы в учебной команде проходили. Штабс-капитан Енгалычев наизусть требовал. Вы, говорит, будущие фельдфебели, может, больше ни одной книжки в жизни не прочтете, по врожденной глупости, кроме Уставов, а уж поручика Лермонтова — извольте. Или — никаких увольнений до самого выпуска.

— Умнейший был человек, — подумав, сказал Шульгин.

— В чем-то, — согласился Ненадо. — А вот в армию пойти (он, естественно, подразумевал белую) ума не хватило. Так и сгинул где-то.

Но обстановка не предполагала долгих рассуждений на отвлеченные темы.

Одна из патрульных «медуз», какими-то из своих локаторов обнаружившая физическое скопление и мысленное шевеление в локальной точке «классовых врагов», стрельнула, не очень прицельно, разрядом в сотню киловольт.

Метра четыре броневого остекления просто испа-

рилось, остальной разряд ушел по стволу станции в землю.

Реакция робота с нашивкой «Боб Динамит» соответствовала его имени. Агрессивностью и взрывным характером. За разговором люди не заметили, как им были приведены в боеготовность «Иглы».

Все-таки дуттурская «медуза» была не бронированым штурмовиком типа «Ил-2», а биологическим объектом. С правильно выставленным на осколочно-фугасное действие взрывателем ракета, попавшая под мантию, разнесла ее в клочья.

От грохота выстрела, срезонировавшего в довольно замкнутом пространстве, все невольно присели.

— Ну ты, предупреждать же надо! — возмутился Андрей. Хотя претензию следовало предъявить не работе, а дуттурским пилотам. Ныне, правда, уже не существующим.

— Идите обратно, ребята, — сказал Шульгин товарищам, на минутку вообразив себя капитаном Штокви-чем, комендантом крепости Баязет. — Мы немножко продержимся и скоро вернемся. За нас не бойтесь. Стакан лафита каждый получит. А вы уж там...

Смысла в происходящем, если исходить из обывательской логики, не было никакого. Есть возможность уйти в лагерь Дайяны, вообще сразу на полвека назад и вперед, в недоступную для очень странного противника реальность, так чего же за никому не нужное место цепляться?

Так ведь и из Баязета можно было отступать до Игдыря, Эривани, Тифлиса, Георгиевска и Ставрополя. Сначала отряду полковника Хвощинского, потом группировке генерала Тер-Гукасова, а там и всему Кавказскому корпусу. Жизнь ведь дороже? Или — наоборот?

Лучше всего Сашкино настроение понял опять же капитан Ненадо. Чего-чего, а Сартра и Бертрана Рассела штабс-капитан Енгалычев своих воспитанников чи-

тать не заставлял. Потому Игнат Борисович и сохранил абсолютное природное здравомыслие.

— Уходим, Александр Иванович. В Африке скучно нам стало. Сейчас в другом месте побегаем... Ох и спасибо вам, ох и спасибо, — поправил усы капитан.

— За что же? — Андрей считал, что втянутые ими в смертоубийственные ситуации люди должны испытывать как минимум неприязнь к «господам».

— А вы представьте, как гнусно сидеть в грязных окопах и помирать в них же. И никто из моих подпоручиков и прапорщиков не увидел Москвы две тысячи пятого года...

Следующий лучевой удар прошел по нижнему этажу Станции. Здание встряхнуло.

— Хватит болтовни, уходите! — нервно вскрикнул Новиков. Что-то уж слишком долго они плели не соответствующие обстановке разговоры. Так не бывает, по нормальному! Их опять затягивает Ловушка или тщательно спланированная дуггурами психопровокация?

— Уходят, — удивительно спокойным голосом сказал Антон. — Они уходят, я остаюсь.

Рамка прохода закрылась.

— Тогда постреляем, братан, — уважительно предложил Сашка. — Держи, — протянул он форзейлю «ПКМ» с полной лентой. — Еще немного пошутим...

ГЛАВА 12

Ирина, не желая нервировать Новикова, не говорила по радио всей правды. Хотя хотелось ей, чтобы они с Шульгиным оказались здесь. Сразу двумя заботами стало бы меньше.

Но и Станцию сдать просто так было нельзя, она это понимала.

Им с Даянной и Ростокиным на своих позициях приходилось трудно. Монстры большие, средние человекообразные и омерзительные членистоногие продви-

гались вперед достаточно успешно. Оборона держалась, но буквально еле-еле.

Ростокин, сам по себе мужчина воинственный и отчаянный, в чем Ирина убедилась еще в московских событиях, принял на себя командование передовыми отрядами. Жизнью он, похоже, не дорожил. Да и как иначе, если весь подчиненный ему контингент состоял исключительно из юных девчонок? Он видел фильм «А зори здесь тихие», и пусть время, обстоятельства и персонажи тех и этих событий имели очень мало общего, в глубинных архетипах натуры основное сохранилось. Не может тридцатипятилетний крепкий мужик сбросить с себя хоть долю процента риска, приходящегося на долю куда более слабых.

О том, что это совсем не так и каждая из девушек превосходит его по любому физическому показателю, Игорь просто не задумывался. Ему достаточно было их внешнего вида и вызванного этим биологического настроя.

Если бы противник использовал только гориллоидов, было бы куда проще. Ростокин несколько раз контратаковал бронеходами и уничтожил несколько стай монстров, державшихся кучно. Луч гравипушки сминал толпу, ломая кости и позвоночники. Живучие существа долго еще шевелились, агонизируя, но опасности больше не представляли. Дайяна научила Игоря, как снижать мощность гравизаряда до необходимого минимума, чтобы надольше хватило.

Пули митральез броню танков не пробивали, так что риска не было почти никакого.

Зато прочие «солдаты» дутгурров представляли куда большую опасность. Перемещались они, используя складки местности и естественные укрытия, весьма стремительно, действовали рассыпным строем, и если бы имели дальнобойное оружие, огнестрельное или даже метательное, вроде квантовских арбалетов и пружинных ружей, фронт девушек давно бы рухнул.

В очередной раз вернувшись из вылазки в глубь ущелья, Ростокин возле опорного пункта, представленного двумя резервными машинами, укрытыми за россыпью крупных, с дом, камней, собрал девчат, поставленных командовать взводами.

Вдали продолжали потрескивать короткие автоматные очереди, но в целом наступило некоторое затишье. Противник, очевидно, перегруппируется перед новым наступлением.

Это Игоря и пугало. Если у дуттуров хватит ума перенести направление атаки километров на десять левее или правее, развернуть фронт он не успеет. Останется полагаться на резерв, сосредоточенный непосредственно в поселке.

Имен, как и большинство рядовых, его «лейтенанты» не имели, обходились наскоро намалеванными на тренировочных куртках номерами. Несколько неприятно (как в концлагере), но Даяниа вовремя не озабочилась, так не ему же в крестные отцы записываться.

У взводных номера начинались с двести девяносто второго. Следующие, значит, по старшинству после погибших. Среди них были и знакомые Игорю «Ольга» и «Надежда».

Девушки толпились вокруг него, на удивление спокойные. Будто не война идет, а очередная полевая игра. Да кто его знает, может, начальница их именно так и ориентировала. Учения в обстановке, приближенной к боевой.

Вооружены все они были вполне обычными автоматами «АКМС», на поясах по восемь-десять магазинов у каждой. Для каких-то особых целей на складах лагеря, этого и соседних, стрелкового оружия 50—80-х годов собрано было очень много. Намного больше, чем курсанток.

Ростокин сразу спросил у Ирины — зачем столько, и в основном советского?

Без особой охоты она ответила, что в семидесятые-восьмидесятые годы на Земле было очень много всяких локальных войн и «освободительных движений», и многочисленные «добровольные помощники» агрианских агентов во всех концах света нуждались в материальной помощи. В СССР тогда контроль за выпуском и хранением любого оружия осуществлялся жесточайший. Она, например, по своей должности смогла бы раздобыть лишь несколько стволов, и то с немалыми трудностями. В любом случае это привлекло бы внимание на то поставленных служб. Потому производство наладили непосредственно на Таорэре, откуда оружие и переправляли на Землю.

— Видишь, номеров на них нет...

— Дубликатор?

— До дубликатора «наши» не додумались. Просто полностью автоматизированное серийное производство по заданному образцу.

... — Ну что, красавицы, потери есть? — первым делом спросил Ростокин.

Потерь не было, и это его обрадовало. Так бы и дальше. Бойцы ему достались отлично подготовленные, с поразительной реакцией (неужели и у Ирины такая? Ему в обычной жизни убедиться не довелось), стрелять умели просто изумительно. Даже в вертких ракоскорпионов попадали навскидку с полусотни метров, а прицельно — вдвое дальше. На тех войнах, где ему случалось побывать журналистом, хороших стрелков, кроме элитного российского спецназа, ему видеть не приходилось. Не зря статистики посчитали: с двухтысячного по две тысячи пятьдесят пятый год в локальных конфликтах на одного убитого приходилось двести тысяч израсходованных патронов.

— Докладывайте обстановку, — сказал он девушкам. — По порядку, слева направо.

На самодельной схеме (Дайяна даже такой мелочи, как нормальные топографические карты своей долины и окрестностей, не имела) Ростокин сделал нужные пометки. Настоящего военного образования он, к сожалению, не получил и осваивал хитрости стратегии и тактики по ходу дела. Как полководец-самоучка Гражданской войны.

Кое-какой замысел у него вырисовывался, только нужно еще помозговать. Мучил вопрос, почему враг не оказывает своей пехоте поддержку с воздуха?

— Перестройте оборону из линейной в эшелонированную, — приказал он взводным. — Группами по три-пять человек, за надежными укрытиями, дистанция между рубежами метров по пятьдесят. Задние прицельным огнем обеспечивают фланги, в случае необходимости отход осуществляется перекатами. Термин понятен?

Внеся некоторые пояснения, Игорь отпустил агрианок на позиции.

Было бы чем, неплохо нанести мощный ракетно-артиллерийский удар в верхнюю часть ущелья. Блок-универсалы Ирины и Дайяны на артподготовку по площадям не рассчитаны, они эффективны только с близкого расстояния и по точечной цели. Пригодятся, если станет совсем плохо.

Мысль об экстренной и полной эвакуации ему в голову приходила, и не раз. К чему, мол, напрасные жертвы (а они рано или поздно будут, кто бы сомневался), если можно уйти в Новую Зеландию или сразу к себе, в благополучный пятьдесят шестой. Или там уже наступил пятьдесят седьмой?

Только что толку-то? Пока не выяснены до конца цели и возможности противника, отступление ничего не даст. Сдавать плацдарм за плацдармом, чтобы в итоге все равно принять бой на самых невыгодных позици-

ях и на условиях врага? Как писал Твардовский: «Где последний рубеж, что уж если оставить, то шагнувшую вспять ногу некуда ставить?»

Нет уж, будем сражаться на форпостах, в предполье, и надеяться, что свои без помощи не оставят.

Его надежды тут же и начали воплощаться.

Со стороны учебного центра появился один из двух резервных танков, охранявших само здание и северные подходы к поселку. Но выглядел он более чем не-привычно. Сплошь, сверху донизу, чуть ли не в два слоя облеплен людьми, отнюдь не девушками. Чуть приблизился, и стало видно, что это знакомые, неизменные и неистребимые белые рейнджеры, сражавшиеся где укажут на протяжении почти целого века, а сейчас добравшиеся и до иных планет.

Было их человек двадцать, и каким образом они цеплялись за гладкий, как вареное яйцо, корпус — профессиональная тайна. Сзади, на самодельной сцепке подпрыгивали на неровностях почвы и пылили два стодвадцатимиллиметровых миномета. Именно то, о чем только что безнадежно, казалось, мечтал Игорь.

Следом появился второй бронеход, тоже с десантом и прицепом из нескольких зарядных ящиков.

С души немедленно свалился гнетущий камень. Теперь он снова ни за что не отвечает, прибыли люди, стократ искуснее него в смертоубийственных делах, а главное, за гибель которых не будет терзать совесть. Сожаление — да, конечно, но не пожизненные муки, как у старшины Васкова¹.

Командир передового отряда, поручик Оноли, отметившийся в сражении с монстрами в Африке, о чём Ростокин понаслышке знал, но лично знаком не был, ему скорее не понравился.

Слишком у него был самоуверенный и даже не-

¹ См. к/ф «А зори здесь тихие».

сколько пренебрежительный по отношению к «штатскому вояке» вид.

— Разрешите доложить, господин Ростокин, четвертый взвод спецбатальона для оказания поддержки прибыл. Командир взвода — поручик Оноли, — докладывал Валерьян слегка врастяжку, по-гвардейски, руку к козырьку поднял очень не спеша и опустил так же.

Но за время пребывания в «Братстве» Игорь тоже кое-чему научился. Были возможности.

— С прибытием, рад вас видеть, — пожал он руку поручика. И задержал ее в своей. — Только кое-что сразу уточним. Во-первых — не «господин Ростокин», а — корветтен-капитан¹. Во-вторых — не совсем понял, «для оказания поддержки» или «в распоряжение»? Кто в данный момент ваш непосредственный начальник и где находится?

— Извините, герр корветтен-капитан, — все ж таки попытался сохранить лицо Оноли. — Мне не сообщили о вашем чине. Непосредственный начальник — капитан Ненадо, в настоящее время находится в штабном здании на совещании с Ириной Владимировной. Письменного приказа я не получил, вопрос взаимной подчиненности не обсуждался. Сказано дословно так: «Там Ростокин держит оборону. Срочно выдвигайся, поддержи. Развернешься — доложишь». Слова капитана. У меня все.

— Хорошо, поручик. Недоразумение снято. Принимай общее командование, мне оно уже вот где. Присаживайся, — указал на камень. — Держи карту. Вот наши позиции. Неприятель — примерно здесь... — Ростокин рассказал все, что успел узнать сам о численности и тактике дуттуров. — Личного состава у меня пока семьдесят человек. Большинство на передовой. Вооружение — только автоматы. Боеприпасов достаточно.

¹ В Космофлоте Земли — звание, равное капитану третьего ранга ВМФ.

Пять человек — в экипажах танков. Ими я буду руководить сам, тебе эта техника незнакома. По взаимному согласованию, конечно. Но бойцы у меня — своеобразные, так сказать. Имей это в виду.

— В курсе, — расплылся в улыбке Оноли. — И там видел, и на этих танках они же. Не беспокойтесь. Безобразиев не допустим и в атаку впереди себя посыпать не будем. Я, позовите доложить, всего три дня назад тысячи три этих монстров в Африке приложить успел. Кое-что соображаю. Одно удивляет — у вас они как-то очень вяло себя ведут. Там перли полковыми колоннами, на потери внимания почти не обращая... Мы на пулеметах стволы менять едва успевали.

— Может, вы их и научили кое-чему. Или замысел здесь другой. А сейчас я бы предложил обработать огнем вражеские позиции. От переднего края и на всю глубину.

— Сделаем. Прикажите «бочкаревкам» к нам оттявгиваться.

— ? — изумился Игорь.

— Да, вы ж не знаете... Это при Керенском, в семнадцатом, появился такой «женский батальон смерти» под командой Машки Бочкаревой. Отчаянные были бабы. Оттуда и вспомнилось.

— Ясно. Сейчас распоряжусь.

Офицеры быстро, но без суеты отцепили минометы и зарядные ящики от бронеходов, и те немедленно умчались обратно.

С собой Оноли привез двадцать восемь человек. Шесть — минометные расчеты. Предельный минимум, подносить боеприпасы придется «местным». Остальные, по африканскому опыту, были вооружены «Взломщиками», «ПКМ» и имелся один «АГС-17» «Пламя».

Поручик-минометчик развернул буссоль и начал готовить данные для стрельбы.

— Всего вас сколько сюда доставили? — спросил Ростокин.

— Еще столько же. Хватит, — успокоил Валерьян. — Главное, не забывайте, огонь эти сволочи открывают с четырехсот метров, не раньше.

— Меня уже предупредили. Потому я ваших любимцев танковыми пушками держал за полверсты и дальше. Проблема в другом...

Со стороны горного склона начали появляться первые звенья отступающих девушек. На этот раз они несли с собой двоих раненых. Похоже, тяжело, потому что здоровья, сил и выдержки у них было больше, чем у самых закаленных солдат. Если сами идти не могут, значит, и вправду плохо.

Игорь вскочил и побежал навстречу, за ним Оноли и еще несколько офицеров. Чисто рефлекторно. Подготовку на уровне санинструктора имел каждый, универсальные походные аптечки двадцать первого века — тоже. Шульгин, как только увидел их у коллеги, военврача Ляхова, восхитился и немедленно велел Олегу наштамповывать их несколько тысяч штук. После чего провел с рейнджерами специальные занятия.

— Что тут у вас?

— Покусали, — ответила крепкая темноволосая курсантка с номером триста восемь. — Четыре таких... — Названия для разновидностей боевых членистоногих придумать не успели, обходились жестами и описательными словами. — Прорвались сквозь заградогонь... Мы их все равно перебили, но вот...

В том-то и дело, что подобные существа обходились без оружия. Им хватало жвал, хелицер, клешней и других поражающих факторов, помноженных на скорость передвижения и относительную малоуязвимость.

Ранения выглядели неприятно. Глубокие, рваные. Хорошо, что по случайности крупные сосуды не залегли.

Девушек перевязали, ввели противошоковое и универсальный антидот, на одном из бронеходов отправили в Центр. Что выживут, сомнений не было, там у Дай-

яны и стационарный гомеостат есть, зато увиденное произвело на офицеров сильное впечатление. Бой с большими монстрами они вели, кому довелось, на большом расстоянии, бесконтактный, чисто огневой. В худшем случае — пулю поймаешь, так на то и шли с юных лет.

А здесь совсем другое. Будто стаи голодных волков на тебя охотятся, и даже хуже — у волков все же кое-какие мозги имеются, их напугать можно.

Оноли с минометчиком на ходу меняли план боя. Решили вместо классической артподготовки по тылам противника организовать атаку за огневым валом. Что это такое — большинство знало. Рейнджеры, после окончания Гражданской не ушедшие в частную жизнь, а оставшиеся служить, постоянно повышали квалификацию, изучая теоретически и на практике опыт всех грядущих войн XX века.

В этом эффективном, но достаточно опасном тактическом приеме главное — точно согласовать по времени и расстоянию маневр пехоты с огневыми налетами. В идеале штурмовые группы должны держаться строго на дистанции максимального разлета осколков, в паузах между залпами совершать очередной бросок, а пушки в это же время согласованно переносить прицел на одно, в крайнем случае два деления угломера.

Так и пошли. Каждая из труб с предельной скоростью выбросила по опушке леса, где отмечалась наибольшая активность кработарантулов (можно и так назвать), по пять тяжелых осколочных мин. Хорошо, что грунт здесь был подходящий, каменистый, вдобавок и подмороженный. Мины разрывались сразу при ударе, не зарываясь в землю, и осколки разлетались, срезая все на своем пути, как хорошо отбитая коса — роснью траву.

Рейнджеры рванулись вперед по двум направлени-

ям — вверх по ущелью и левее, туда, где девушки атаковали крупные скопления инсектоидов.

За атакующей цепью двинулась вторая — прикрытия и зачистки, вооруженная в основном снайперскими винтовками, чтобы добивать прячущихся между камнями ракоскорпионов и с дальних дистанций пресекать фланговые прорывы.

Через полчаса боя передовой отряд вышел на последний, стометровый подъем к перевалу. Где-то совсем близко, на плоском пятаке и базировалась единственная десантная «медуза». По крайней мере, ее взлета никто не наблюдал.

К этому времени четыре офицера были убиты залповым огнем из засады, первой и последней на пути по ущелью. Десяток монстров укрылся в неглубокой расщелине, но достаточной, чтобы мины их не достали. Их, конечно, тут же перестреляли и вдобавок закидали гранатами, но потери оказались неожиданными и несоразмерно большими.

— ... Ничего не понимаю, — матерился Оноли, по пояс высунувшись из боевого отсека бронехода. Ростокин успешно преодолевал еще вчера вполне благоустроенную тропу, подходившую даже для колесного транспорта. Сейчас она была изрыта плоскими воронками и завалена сброшенными со склонов камнями и грудами сланцевой породы. Но агрианские танки на своей гравиподушке могли на метр-полтора подниматься над препятствиями, не снижая скорости.

— Никогда они так не воевали! Стадо и стадо, хоть и с пулеметами. А сейчас у них, мать туды и растуды, — тактика! Всех, на хрен, перебьем. Какие там пленные!

— То-то ты раньше тараканов в плен брал, — сквозь зубы ответил Игорь, зная, что поручик его все равно не услышит. У него родился интересный замысел.

Ростокин поравнялся с изгибом тропы, где два

рейнджера саперными лопатками расчищали площадку для установки «Пламени». Третий торопливо присоединял гранатомет к треноге.

— Впереди кого-то видели? — спросил Игорь, сдвинув дверцу.

— Никого. Сейчас машинку настроим, сходим посмотреть.

— Сидите на месте. Мы сами посмотрим.

Он дернул Валерьяна за штанину.

— Закрой колпак. А ты — на мое место, — приказал он курсантке, сидевшей за пультом гравипушки.

Девушка приняла управление.

— Теперь так. Сразу полное ускорение, выскакиваешь на гребень — и стоп. Дальше работаю я. Ты ждешь команды. Вперед — вперед, назад — назад. Только не перепутай. Усвоила?

Номер триста тридцать три молча кивнула.

— Вперед!

Через три секунды они увидели прямо перед собой, едва не на расстоянии пистолетного выстрела, «медузу», в явно небоевом режиме.

Она стояла, огромная, как цирк «шапито», метров сорок в диаметре, двадцать в высоту, опираясь о щебенчатый грунт двумя десятками нижних щупалец (или псевдоподий). Между ними и вторым, горизонтально растопыренным венцом желто-фиолетовых выростов зияло несколько отверстий, которые язык не повернулся бы назвать люками. Слишком неприятно-биологические ассоциации они вызывали. По спущенным из них пологим скатам перемещались вверх и вниз членистоногие инсектоиды. Монстров видно не было. Наверное, все они полегли в бою или рассеялись по лесу, лишенные жесткого управления. Только вдоль ущелья Ростокин насчитал куда больше полусотни бурых трупов.

Те, кто здесь присутствовал, двигались без особого энтузиазма. Вялость в них чувствовалась. Отчего бы? Энергия кончается? Или программа на излете?

Игорь вот что придумал. Он хорошо помнил рассказы о первом сражении землян с агтрианскими бронеходами и о том, как экипаж «Леопарда» сумел выжить. Любознательный, как всякий настоящий журналист, он въедливо вникал в детали записок Новикова и живые устные комментарии Шульгина и Берестина.

По их мнению, агтры проиграли оттого, что сразу не врубили свои гравипушки на полную мощность. А то бы с одного раза превратили отважных дураков в мешки кровавой слизи и крошеных костей.

А если все было не так? Просто не рассчитали второпях, с кем и с чем имеют дело. Сам же замысел был вполне здравый, с их точки зрения.

Ростокин подрегулировал настройку гравипушки. Он ведь был человек, не чуждый сложной техники, даже основами хроноквантовой навигации пытался овладеть. А тут — делать нечего. Да заодно вспомнилось, как его в Сан-Франциско агенты Панина пытались захватить с помощью гравибраслетов. Принцип был другой, но по замыслу — то же самое.

Для начала он установил мощность на режим, соответствующий десяти земным «же», а раствор луча — в три диаметра «медузы».

Ему показалось, что ноги-опоры этой штуки слегка дрогнули.

— Наблюдай, Валерьян, наблюдай! — крикнул он. — Я за «медузой», ты — за тараканами!

И прибавил мощности.

— Слушай, они... того. Падают!

Действительно, несколько инсектоидов, захваченных на полпути по своим сходням, начали валиться на землю, как спелые каштаны с дерева под порывом ветра.

— А ну, еще чуть!

Псевдоподии «медузы» сложились все сразу, она грузно осела на площадку своим куполом, несколько сплющившимся под собственным, пятнадцатикратно увеличившимся весом.

— Есть! Скажи, тридцать третья, тебя как по-человечески звать? — тронул он за плечо курсантку.

— Елизавета, — после короткой заминки ответила та.

— Ты, Лиза, в курсе, сколько в таком режиме пушка может проработать?

Девушка перегнулась через спинку водительского сиденья, бросила взгляд на атрианской оцифровки указатели.

— Я точно не знаю, мы это очень поверхностно изучали. Но часа два наверняка...

— Отлично! Садись за пульт, держи цель.

Ростокин с поручиком отошли в сторонку, прикрываясь кормой танка.

— Вот жизнь пошла, — философски вздохнул Оно-ли. — Убили б меня тогда в Екатеринославе, сколько бы интересного пропустил. Закурим, господин корветтен-капитан? — Ирония в его тоне все равно чувствовалась. — Небось, за этот бой фрегаттена¹ дадут? — поручик протянул Игорю затертый до белизны портсигар из крокодиловой кожи. Крокодил был убит неизвестно когда. Отец, крупный торговец зерном, подарил его сыну, когда тот решил идти добровольцем в армию. Не отговаривал, не предлагал приличного, не подлежащего призыву места в тылу, просто вздохнул, посоветовал: «Будь, сынок, разумно храбрым, на рожон не лезь. Если не мы, то кто?»

Отца давно нет, а портсигар сохранился.

Покурили молча, вслушиваясь в отдаленные выстрелы, явно стихающие. Почему и нет, если управляющий действиями «манипуляторов» центр отключен?

Игорь достал из кармана коммуникатор, а поручик, притоптав окурок каблуком, сказал, что он сейчас подбросит сюда расчет «Пламени» и еще десяток ребят, а остальных отправит вниз, на центральную позицию.

¹ Фрегаттен-капитан — капитан второго ранга.

...Ирина выслушала доклад Ростокина о его успехе, отметив с трудом сдерживаемые восторженные нотки.

— Молодец. Мы тут до такого не додумались. На севере тоже держимся. Я сейчас передам, чтобы твой опыт использовали. А с «медузой» что делать будем?

— Так я тебя об этом и спрашиваю. Держу ее «под прессом». Знаешь, сюда бы сейчас вернуть Удолина с командой. И с Шатт-Урхом. Вдруг они придумают, как оттуда «мыслящих» вытащить и поговорить наконец. Да, а что там у Андрея с Александром? — спохватился он.

— Живые, воюют, — нейтральным тоном ответила Ирина. — Тоже надеются на Удолина и твоего Виктора.

— А что еще остается? — Игорь теперь имел право на такой вопрос.

— Антон с ними, — добавила Ирина, — лично решил поучаствовать.

— Это неплохо. Не все же ему наблюдать с горы за схваткой двух тигров¹ в долине...

— ...Нам нужно срочно вниз, ребята, — сказал Антон. — Нюхом чую, что-то там сейчас начнется!

— Сверх того, что уже есть?

— Вот и посмотрим. Роботы пусть бегают по этажам и стреляют, пока ракет хватит, а мы...

Тут шарахнуло так, что, казалось, вся огромная станция подпрыгнула. Их накрыла волна озона, дышать которым в чистом виде невозможно. Сжигает легкие не хуже иприта.

Сашка, знающий это лучше других, закрыл рот и нос рукавом, жестом показал, что вдыхать-выдыхать ни в коем случае не нужно, и кинулся к флигеру. Захлоп-

¹ Выражение Мао Цзэдуна, относящееся к временам начала «холодной войны» между СССР и США. Имелась в виду внешняя политика Китая после окончания Корейской войны.

нул колпак над кабиной, послал машину вниз по заваленному обломками пандусу и наконец перевел дух.

— Кажется, игра пошла всерьез, — согласился с форзейлем Андрей. — Мы их достали, и они решили достать нас. Неужто База им больше не нужна?

— Нужна, нужна, — успокоил Антон. — Они ведь по верхам бывают, а самое главное здесь, у основания станции и в подземных бункерах... Помнишь, где вас с Алексеем держали?

— Я, к сожалению, помнить этого не могу, а вот Александр — очень даже...

Сашка кивнул.

— И что? Ты, вообще, зачем сюда явился? Лишний ствол нам почти и без надобности. Лучше бы Ирине с Даянной помогал.

— Снова ты грубишь, Саша, — укоризненно ответил Антон, насмешливо щурясь. — Бывает, лишнего ствола как раз и не хватает. Хотя сейчас, ты прав, не в нем дело. Мы там у себя тоже времени не теряли, пока вы тут геройствовали. У нас, кстати, на Земле опять не-делей больше прошло, чем здесь.

Удивления его сообщение не вызвало. Привыкли.

— Константин нам очень помог. С Шатт-Урхом он легко разобрался, на понятном тому языке. Скуратов тоже многое постиг, но когда Удолин и его команда до ключевых нервных ганглиев добрались...

— Не мозгов? — удивился Новиков. Он до сих пор считал, что Шатт-Урх является мыслящим существом.

— Я и сам так думал. А вот... Молодец проф! Сумел проникнуть. Те же инстинкты, но на порядок выше. Настолько выше, что почти обманул нас. Ну до того все у него сходилось! Даже нашим и своим якобы ошибкам находил удивительно убедительные объяснения. Просто мы с таким никогда не сталкивались. В том числе и я, десятки цивилизаций изучивший. Это — нечто совершенно потрясающее! Инстинкт, настроенный на

логическое прикрытие инстинктов низшего порядка. И снова — помимо разума.

Шульгин, логик стихийный, и Андрей, психолог профессиональный, на эмоциональный всплеск Антона отреагировали слабо. Сомнений в том, что Шатт-Урх оказался инсектоидом высшей категории, у них не возникло. Бывает, и такое бывает, и многое сверх! Будто Антон, при всех его великолепных качествах — настоящий человек.

— Интересно. Дальше, — сейчас роль вопрошающего принял на себя Новиков.

— Помнишь, как с хронолангами шли? — мягко, почти ласково спросил Антон.

— Да ты что? — поразился Сашка, поняв, о чем речь.

— Слава тебе, господи, хоть один думать начал. Именно это Удолин выбрал из Урха. Не слишком гуманными методами. Средневековье, что с них возьмешь? Оказывается, главное для них, для «по-настоящему мыслящих» (кто они такие, мы еще разберемся), добраться до генераторов *обратного времени*. Они им очень, очень нужны...

— Дальше, — снова спросил Новиков.

— Я знаю, где стоят генераторы. Наша бомба сорвала только наведенные ими поля. С печальными для всей системы последствиями. А механика ведь никуда не делись...

— Что, Дайяна с самого начала этого не знала? — Андрей доверия словам форзейля не выразил.

— А откуда ей знать? Не та квалификация. Я с помощью Скуратова, обойдя Арчибальда, вышел на некоторые системы Замка, им не контролируемые. Задача была поставлена чисто техническая, эмоциональной сферы не затрагивающая. Мы просто попросили Замок восстановить детали прошлой операции по вашему спасению и ликвидации межвременного барьера. Об-

ратив внимание именно на устройство и способ управления генераторами.

— А он откуда мог это знать? — заинтересовался Шульгин. — Я еще тогда удивился, как это у тебя получалось. И хроноланги подготовил, и куда бомбу закладывать вычислил. Будто у тебя своя агентура среди агрегианских инженеров имелась. Только спросить не получилось.

— Замок знает все и теоретически все может. А почему он поступает тем или иным образом, нам постичь не дано. В тот раз он сам спланировал операцию и выдал мне готовые рекомендации. Я, в отличие от вас, праздными вопросами задаваться не был приучен.

— Пути господни неисповедимы, короче...

— Около того. Ты, Саша, подежурь с бронеходом перед главным входом. На случай, если они снова штурм затеют. А мы с Андреем постараемся побыстрее управляться. Готово будет — позовем.

Они спустились еще на один уровень вниз, где рядами, уходящими в глубину неосвещенных залов, стояли ни на что не похожие машины.

— Вот это — как раз генераторы поля обратного времени...

— И ты сможешь их запустить? — недоверчиво спросил Новиков.

— Попробуем.

Антон, не будучи даже «кандидатом в Держатели», многие вещи умел делать лучше, чем его высокоодаренные друзья.

Как недавно Левашов, Антон начал включать один за одним погашенные очень давно пульты и экраны.

Удивительно, но системы заработали. Прежде всего форзейль нашел блоки памяти, содержащие информацию о самих управляющих программах, о свойствах генераторов, их мощности, теоретической и практической

ской, характеристиках создаваемого поля и тому подобных несущественных для непосвященного деталиах.

Дальше — дело техники.

Новиков на всякий случай спросил Антона, а что же случится с ними, если поле будет включено? Хронолангов у них, к сожалению, нет. И следовательно...

— Ничего подобного. У нас будет, как в советском анекдоте про космонавтов, которых мудрое Политбюро посыпает на Солнце. Сейчас все наладим и уйдем. Поставим таймер на полчаса — думаю, хватит.

Отозвали роботов, расстрелявших почти весь свой боезапас. Они сбили еще одну «медузу», уцелевшие удалились на безопасное расстояние. Что, собственно, и требовалось.

В ангаре подобрали себе еще один флигер, побольше. Как и первый, загрузили его коробками с гравиак-кумуляторами.

— Если они на дубликаторе воспроизведутся, мы на всю жизнь собственной боевой авиацией обеспечены, — мечтательно сказал вернувшийся со своего поста Сашка.

— Не уверен, — усомнился Антон. — Концентрированное гравиполе едва ли можно считать материальным объектом. Иначе и солнечный свет дублированию бы подвергался.

— После разбираться будем, — прекратил научный спор Андрей. — Того, что есть, при экономном расходовании тоже надолго хватит.

Он внимательно наблюдал за движением стрелки хронометра. Рассчитали они все точно, но с риском на грани разумного.

— Пора!

Первый флигер пилотировал Новиков, второй — Щульгин. За минуту до включения таймера поднялась

дверь портала. За тридцать секунд машины стартовали. Тонкость замысла заключалась в том, чтобы «медузы» оказались с противоположной стороны станции. Стого по оси взлета флигеров. Разумом руководствовались их экипажи или инстинктами — неважно. В любом случае выбор у них был один — атаковать внезапно появившиеся цели по кратчайшему расстоянию.

— Есть! — азартно выкрикнул Антон, наблюдавший за противником с заднего сиденья шульгинской машины.

Мышеловка сработала четко, как и полагалось ее механическому прототипу. С неуловимой для взгляда скоростью над станцией вспух купол, похожий на мыльный пузырь, едва-едва радужно посверкивающий на грани, разделившей прямое и обратное время. И почти так же мгновенно исчез. Как объяснил форзейль, закончилась аннигиляция микроскопических материальных частиц, попавших в зону инверсии.

Медузы остались внутри и, следовательно, уже распались до уровня нейтронов, протонов и прочих мю-мезонов.

— Теперь спокойно возвращаемся. И дуттуров здесь больше нет, и цель для агрессии исчезла, — удовлетворенно констатировал Антон. — Теперь им к Базе во веки веков не пробиться. До хронолангов они не скоро додумаются.

— Интересно, что же они с генераторами делать собирались? Зачем им «обратное время»? — спросил Новиков, ни к кому специально не обращаясь.

— Узнаем, может быть, когда с их «верховным руководством» познакомимся. Сдается мне, они на Земле с этим делом побаловаться намеревались. Или аппаратуру туда вывезти, или на месте с идеей разобраться.

— А если нам самим сюда опять потребуется? Снова с хронолангами лезть? — осведомился Шульгин.

— Что-нибудь придумаем, — беспечно ответил фор-

зейль, — все характеристики я запомнил, Олегу не так трудно будет схемку собрать, чтобы дистанционно выключить то, что я включил.

ГЛАВА 13

К сообщению о том, что Антон учинил на Базе, Дайяна отнеслась спокойно. Казалось, ее судьба агтрианку больше не интересовала.

«Почему бы и нет? — подумал Андрей. — Если она окончательно решила забыть прошлое и натурализоваться в две тысячи пятом».

Сейчас главной задачей было уничтожение северной десантной группы дугтуров. Оставив заслоны для блокирования прижатой к земле «медузы» и перехвата уцелевших в лесу монстров и инсектоидов, если они вздумают проявить какую-то активность, все наличные силы бросили на ликвидацию вражеского плацдарма.

Вторую «медузу» нейтрализовали быстрее и проще, чем первую. Что значит опыт! А потом начали планомерную зачистку местности. Хорошая штука — господство в воздухе. Можно летать, никого не опасаясь, охотиться с бреющимся даже за одиночными целями, как немцы в первые месяцы войны. Гравипушки бронеходов крушили и кромсали лес, давили «живую силу» противника или выгоняли ее на открытые места, под минометный и пулеметный огонь рейнджеров, со всей яростью мстящих за гибель товарищей.

Разгром был полный. Правда, до конца сохранялось опасение, что экипажи «медузы», если они, конечно, сумели выжить под прессом огромной гравитации, найдут в себе силы вызвать подкрепление из других районов Валгаллы или непосредственно «из метрополии».

Новиков, Шульгин и Антон в этом побоище (а точнее — дезинсекции) участия не принимали. С пилотированием флигеров и управлением танками вполне справлялись курсантки, которых в полевой бой больше

не пустили. «Не женское это дело», как выразился капитан Ненадо, успевший при всей своей занятости непосредственными обязанностями оказать знаки внимания «мадам Дайяне», которая произвела на него гораздо большее впечатление, нежели восемнадцати-девятнадцатилетние девчонки. Разница в происхождении и общественном положении его не смущала. И не таких аристократок видел он в Севастополе и Стамбуле... Намекнул ей, что, когда все кончится, неплохо бы организовать по случаю победы ужин, совмещенный с тризной. Как у русских воинов полагается. В явном расчете, что знакомство удастся развить и продолжить в желательном направлении.

Вместе с Удолиным и его командой, Скуратовым и Шатт-Урхом Левашов пропустил в кабинет, выделенный Ирине, Анну с Натальей и Аллой. Им короткая вылазка на Валгаллу понравилась, и дамы захотели «расширить и углубить» полученные впечатления. Скучно ведь сидеть на пароходе или в тихом городке форта в то время, как остальные друзья и подруги упиваются приключениями. Это Анна так думала, чувствуя себя незаслуженно отстраняемой от всего интересного. Мало ей показалось увиденного и пережитого в Южной Африке. Да, может, и мало, при ее характере.

Алла, кроме всего прочего, хотела оказаться поближе к Ростокину, присмотреть, чтобы он не слишком увлекался местными девушками, с воскрешенными представительницами которых успела познакомиться, и тут же ощутить в каждой из них угрозу своему «семейному благополучию». Она знала натуру Игоря и не могла поверить, что он останется холоден и верен ей, попав в окружение еще сотни с лишним таких же.

Как-то упуская из виду, что сто красавиц гораздо безопаснее, чем одна, вовремя попавшаяся на глаза в подходящих условиях.

Ну а Наталья просто не могла упустить очередной возможности посетить свою любимую планету, где она впервые ощущала себя по-настоящему счастливой.

Как писал классик, «стало шумно и весело».

Женщины еще на «Валгалле» переоделись подходящим образом, поэтому готовы были немедленно выехать на перевал, где Игорь продолжал караулить свой трофеи. Едва удалось их отговорить с помощью Ирины.

— На фронте пока условия для пикника не совсем подходящие. Пусть идут те, без кого не обойтись, а мы и здесь найдем, чем заняться.

Ее тон дискуссий не предполагал.

На большом флигеле отправились Новиков, Шульгин, Антон, Удолин со Скуратовым. Ну и Шатт-Урх, конечно. Видно было, что Константин Васильевич с ним хорошо поработал. Дуттур был замкнут, послушен и гораздо меньше походил на мыслящего, чем всего неделю назад.

— Что ты с ним сделал? — спросил Андрей профессора, крайне сожалея о неполноте своего образования. Ему бы к его философскому еще и медико-биологическое, куда бы свободнее он себя чувствовал в нынешних обстоятельствах.

Летели не спеша, перед тем, как выйти к перевалу, сделали большой круг вдоль границ долины. Антон и Сашка, занявшие отсек управления, наблюдали за поверхностью и небом, остальные могли курить и беседовать. Виктору беседовать не хотелось, ему интереснее было происходящее в данные мгновения. Внизу, вокруг и внутри себя.

— Ничего особенного, — ответил Удолин на вопрос Новикова. — Временно пресекли кое-какие нервные связи. Теперь у него вовне открыты только отдельные корковые области, создававшие подобие личности.

— Для кого? — Андрею это показалось важным.

— Точный вопрос. Думаю, для него в первую очередь. Видишь ли, он принадлежит к той касте, варне, страте, которой положено считать себя разумными, образованными, свободными. Творческими, одним словом, личностями.

«И это понятно, — мысленно согласился Новиков. — В сталинское время (уж это он помнил) было множество людей, так же ориентированных. «Мы умные, свободные, раскрепощенные Революцией «от свинцовых мерзостей прежней жизни»¹. Все же не под угрозой батогов и дыбы написано: «Я другой такой страны не знаю, где таквольно дышит человек». В душе подходящий настрой иметь требовалось. Так у нас была только пропаганда, пусть и агрессивная, пусть репрессиями подкрепленная, однако примитивная. Хочешь — воспринимай, хочешь — подальше пошли, всегда были варианты. В итоге — всего через полвека послали... А здесь ведь — биотехнологии, тысячелетние...»

— Кем положено? — задал он следующий вопрос. — Он нам кое-что вякал насчет «еще более высших». Выяснили? Это, как исторический материализм подсказывает, умнейшие должны быть... личности? Особи? Я даже и представить себе не могу, насколько грандиозная программа придумана и работает...

— Пока нет. Во всем нужна постепенность. И осторожность. Вдруг в него системы самоуничтожения вживлены? Давай сначала с тем, с чем можем, разберемся, — удивительно мягко ответил Удолин.

— Верно рассуждаешь, Андрей, — неожиданно вмешался Скуратов, до того словно бы и не вникавший. — Грандиозная программа — очень точно. Если придумана гениальной личностью — остается преклониться. А если — абстрактным рассеянным разумом? Я наши варианты альтернатив тщательно изучил. Совершенно ниоткуда взялись вдруг цивилизации Шумера, Вавило-

¹ М. Горький, он же А.М. Пешков.

на, Египта. Только что — неолит, и сразу — города, законы Хаммурапи, пирамиды и тому подобное. Вот тут и разминулись. Одним — технологическая цивилизация понравилась, других — на биологическую потянуло...

Долетели, начали разбираться. Ростокина освободили с боевого поста в рубке бронехода, где ему сидеть явно надоело, если не сказать резче. Почти три часа в постоянном напряжении, ожидая неизвестно чего в любую следующую секунду. Шульгин отвел его на полянку, защищенную от ледяного пронзительного ветра с юга грядой красных зубчатых скал. Здесь обосновались офицеры с «Гламенем», развернутым в сторону опасного близкого леса. Но выглядели они спокойно. Костерок развели, покуривали, вели неспешные разговоры. Какая, по сути, разница — чужая планета, Галицийский фронт или Кавказская линия времен поручика Лермонтова?

Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу¹.

— Сидите, сидите, господа, — разрешил Сашка вскочившим при его появлении рейнджерам. — Вот и корветтен-капитан с вами отдохнет. Вы его не обижайте...

Удолин поставил Шатт-Урха напротив «медузы», чуть левее гравитационного конуса, граница которого отчетливо ощущалась с нескольких метров.

— Спроси его, под такой нагрузкой внутри мог кто-нибудь выжить? — предложил Новиков и на всякий

¹ М. Лермонтов, «Валерик».

случай объяснил гуманитарию, что физически означают пятнадцать «же».

Константин Васильевич частично вербально, частично ментально начал с дутгтуром диалог, судя по его длительности, значительно выходящий за пределы конкретного вопроса.

— О чём это он? — осведомился Андрей у Скуратова. Тот вместе с Удолиным работал с «объектом», должен понимать.

— На этом уровне — не понимаю. Я занимался с *подстрочными переводами* допросных листов. Разговорной речью, простите, не овладел.

— Кто на что учился, — только и ответил Новиков, чтобы оставить за собой последнее слово.

Професор указал Шатт-Урху на флигер, тот послушно подошел и сел на то же место, где сидел по дороге сюда.

— Скажи Игорю, — повернулся Константин Васильевич к Андрею, — что нагрузку можно снизить втрое. Урх говорит — в таких аппаратах экипаж составляют обычно три полуумыслящих одного с ним вида, но другой квалификации. Пятнадцать ваших «же» они выдержать могут, но им сейчас очень плохо. Если станет хотя бы пять, они обретут способность двигаться, не представляя при этом опасности. А тех, что валяются внизу, *инсектоидов*, как вы их обозначили, предварительно лучше убить. Иначе могут быть неприятности, которых Шатт-Урх не хочет.

— Для себя или для нас?

— Вы будете смеяться, как говорят в моей любимой Одессе, но — для себя. Как вы не поймете, Андрей, мы сделали из него почти нормального человека. Разорвали связь между лобными долями и основной массой мозга, головного и спинного. Теперь инстинкты на «личность» не давят, а вы бы знали, какие это мощные, тщательно разработанные и невероятно гибкие инстинкты.

— Константин, что ты несешь? — усмехаясь, подошел Шульгин, обладающий настолько тонким слухом, что услышал слова некроманта, пока разговаривал с Ростокиным и офицерами, да еще и выпил с ними по глотку. А почему и нет? Игорь в стрессе по одной причине, поручики — по другой.

— Ты думай, что говоришь! — Тут Сашка был в своем праве. Уж он-то учил общую биологию, нейрофизиологию и ряд смежных (иногда — очень специальных, вроде «Z-фармакологии») наук. И почти все сдавал на «отлично». — Какие, на хрен, гибкие инстинкты? Горячий снег, жевательная сталь и так дальше... Конкретно? Инстинкт либо есть, либо нет. Один из сильнейших — самосохранения — в армии сержанты выбивают довольно успешно. Размножения — тоже. Причем один за счет другого и наоборот. Доходчиво излагаю?

Можно удивиться, но такое бывает — всего в нескольких метрах стоял бронеход, а все о нем будто и забыли, после того как вышел из него Ростокин. Даже Игорь не вспомнил о своей оставленной за пультом гравипушки «боевой подруге».

Пока «специалисты» то ли в шутку, то ли всерьез препирались на высоконаучные темы, девушка «триста тридцать три», она же Лиза, убрала направленное на «медузу» гравиполе до уровня, названного профессором. Потом легко выпрыгнула наружу через командирский люк. И опять на нее никто внимания не обратил. Возможно, что опять проявлялось воздействие дуттурских психополей. Деформировавших, целенаправленно или автоматически, окружающую действительность. По типу «ловушек сознания». Еще бы чуть-чуть — и унесло «победителей» неизвестно в какую даль.

А на юную курсантку морок не влиял. Она все видела, слушала, делала свои выводы и принимала личные решения.

Постояла рядом со спорящими мужчинами, возможно — ожидая, увидят ли они ее, скажут что-нибудь важное. Не дождалась. Сделала десяток шагов, подняла автомат и начала короткими очередями расстреливать валявшихся под опорами «медузы» существ. Они как раз, почувствовав облегчение после уменьшения перегрузки, неуклюже зашевелились. На таком расстоянии пятикратное тяготение не могло помешать пуле 7,62 точно лететь в цель. Зато, попадая в нее, она приобретала массу и убойную силу тяжелой пулеметной.

— Эй, ты чего там? — увидев девушку, запоздало крикнул Новиков.

— Было сказано — лучше убить, — обернулась она. — Я согласна. Такие на нас кидались и многих ранили. Убила, пока вы не передумали. Мужчины часто и немотивированно меняют свои решения. Нужно думать самой...

Голос у девушки был ровный, логика — убедительной, лицо — умным и красивым, но что-то в ней Андрею не нравилось. Наверное, в силу своего номера она была не доучена до уровня, подходящего к внедрению в человеческую жизнь. Другая бы предварительно спросила: «Дядя, так стрелять или нет?» Другая. Настя?

Новиков взял у нее из рук автомат. Ствольная накладка горячая, магазин пустой, но на поясе еще шесть.

— Молодец, «старший курсант». Твоя служба будет отмечена. Все правильно сделала. Подпоручик, — крикнул он рейнджеру, который был ближе всех, — иди сюда. Окажи девушке внимание. Чаек вы там, вижу, заварили...

— Чифирь, господин генерал, — с некоторым смущением ответил офицер.

— Вот и ей налейте. И сахара побольше. А тебе, Игорь, — порицание. Сначала о подчиненных думать надо, потом о себе...

— Простите, Андрей Дмитриевич, словно затмение нашло. — Ростокин на самом деле выглядел растерянным.

— Ладно. Не на тебя одного, но все равно... — Андрей не закончил фразу, потому что и сам не знал, как.

— Так что, Константин Васильевич, теперь пойдем? — спросил он. — Твой пациент готов разговаривать с родственниками убедительно?

— С учетом уже случившегося, — внезапно сказал Скуратов, — придется. А нет — мы поможем.

Андрей посмотрел на академика с уважением. Больше всего он не выносил интеллигентов-либералов, в дело и не в дело любящих вспоминать о гуманизме и правах личности. Как будто изначально страдающих «стокгольмским синдромом».

Сейчас Виктор держал себя правильно. Как и полагалось другу Ростокина. Только, что немного странно, с Игорем он здесь общался меньше, чем, казалось бы, следовало.

— Пойдем. Я, ты, Урх и Антон. Остальные пусть держат внешний периметр, — с мрачноватой усмешкой сказал Удолин.

— Я тоже, — упрямо сказал Скуратов.

— Попозже. Сначала — рекогносцировка. Зачем нам сразу всеми научными силами рисковать?

Шульгин кивнул, поддерживая Новикова:

— Побудем здесь, Виктор. Наше от нас не уйдет. Пока разъяснишь мне кое-что.

— Ты, Саша, давай-ка лезь в машину и резко сбрось поле. Сначала до двух, а как мы по трапу полезем — со всем, — предложил ему Андрей. — Я при пяти и даже двух «же» за свои действия не отвечаю. Давно спортом не занимался.

— Иди, иди, сделаю как надо.

Внутри «медузы» было совсем темно.

— От большой силы тяжести освещение аварийное отключилось, — переводил Удолин слова Шатт-Урха. Они вдвоем шли впереди, Антон и Новиков с поднятыми пистолетами — тремя шагами сзади. — Сейчас исправим.

Андрею здесь сразу не понравилось. Мало, что темно, так еще пахло очень неприятно, и пол под ногами мягко пружинил, как живая ткань. Будто они, вроде пророка Ионы, очутились в чреве кита. Сейчас как брызнет со всех сторон желудочным соком, и пистолеты не помогут...

Через две показавшихся очень долгими минуты свет загорелся. Вернее, не «загорелся» в нашем понимании. По стенам, постепенно повышая яркость, начали вспыхивать в беспорядке разбросанные плафоны, на вид — не то древесные гнилушки, не то громадные, в кулак, светляки. Спектр был похожий, биолюминесцентный.

При свете ощущение, будто находишься внутри живого существа, только усилилось. Да так оно и было.

Все те же нестыковки — вполне технологическое оборудование дуттурской базы в пещерах, огнестрельные митральезы монстров, и одновременно — живые «звездолеты» (или «машины времени»).

По буро-синюшному тоннелю, похожему на пищевод или, хуже того, прямую кишку, Шатт-Урх повел их наверх, что-то поясняя Удолину.

Пилотская кабина располагалась в куполообразном вздутии под самой «крышой». По кругу расставлены ложементы, напоминающие полураскрытые раковины устриц. Здесь запах сырого мяса и гниющих растений стал почти невыносимым. При появлении людей из своих «гнезд» начали выбираться существа, похожие на тех, с какими пришлось сражаться профессору и Шульгину в пещерах. Мельче Урха и не такие человекооб-

разные. Только их было не три, как говорил Шатт-Урх, а четыре.

Возможно, ложементы имели противоперегрузочные свойства, иначе трудно представить, как эти субтильные гуманоиды могли три часа выдерживать нагрузку, с трудом переносимую тренированными земными летчиками и космонавтами в течение нескольких секунд, в крайнем случае — минут.

Чтобы хоть немного перебить вонь, Новиков с Антоном закурили.

— Здесь допрашивать будешь или на свежий воздух выйдем? — спросил Андрей Удолина.

— Убедимся, что кроме этих больше никого нет, и выйдем.

До штаба учебного центра лету по прямой было всего пять минут, поэтому допрос пилотов «медузы» решили проводить там, в технически оснащенных помещениях, а не в чистом поле, на холодном ветру.

Но хоть там, хоть здесь, принес он не слишком много новых сведений. О политическом устройстве и биологической организации своего общества эти весьма специализированные существа знали еще меньше, чем пленник из пещер или Шатт-Урх.

— Вот уж где криптократия так криптократия, — с оттенком, похожим на восхищение, сказал Шульгин. — Сколько же уровней и степеней гражданства в их славной державе?

— Я пока насчитал пять низших, — ответил Удолин. — Только гражданами их называть не стал бы.

— Так я исключительно условно выразился. Просто более подходящего слова не подобрал. Но с другой стороны... Кое-какими правами, причем конституированными гораздо жестче, чем любой бумажкой, они ведь пользуются?

— Едва ли. Это у нас при самых свирепых деспоти-

ях в определенных условиях раб мог стать вольноотпущенником и даже императором, продавец пирожков — всесильным Меншиковым. У них — отнюдь. Вот ты, Шатт-Урх, если мы поможем вооруженной силой, готов возглавить правительство своего мира?

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — с искренним недоумением ответил дуттур.

— И это правильно, — подтвердил Константин Васильевич. — Он не понимает, потому что даже содержание фильмов, что вы ему крутили, провалилось сейчас в область бессознательного. Как бы вам подоходчивее объяснить?

— Не надо объяснять, сами соображаем, — отмахнулся Шульгин. — Давай по делу.

— Если по делу — уровней включенных в систему видов как минимум пять. То есть тех, чьи инстинкты и «якобы разум» работают, взаимодействуют в рамках общей идеологии и общих целей. И то и другое в равной степени условно. Есть полностью негуманоидные слуги, вроде всех этих инсектоидов. Есть монстры-гориллоиды, гуманоидные, но уступающие уровнем развития любой собаке. Дальше идут «квалифицированные работники», к ним мы отнесем плененных сегодня пилотов и представителей других профессий. Их могут быть сотни, профессий, но каждый представитель цеха владеет только одной и в принципе не способен овладеть даже смежной. Еще выше — полуразумные пятерочки. Это — страты управленцев. Я пока не разобрался, в чём смысл именно такой организации — «единство в пяти лицах». Очень возможно — для предотвращения самоорганизации в целях противодействия властям. У тех, кому позволено пользоваться хотя бы затачками собственного разума, могут возникнуть «превратные мысли», как любил выражаться Салтыков-Щедрин. Но эта тема требует отдельной разработки...

Удолин снова был в своей стихии. Он лекторствовал, как с кафедры Петербургского университета или Сорбонны, жестикулировал, играл интонациями, употреблял риторические приемы (которые мы опускаем), попутно прихлебывал вместо воды или чая коньяк. Но слушать его было интересно.

— Над ними — варны и касты псевдоразумных, к которым относится и наш уважаемый Шатт-Урх. Я называю их *псевдо* потому, что о «встроенном ограничителе разума» никто из них не догадывается. Они считают себя не только мыслящими личностями, но еще и творцами, умеющими создавать новые сущности. Возможно, так оно и есть, но опять же — переквалификация невозможна. Философ не может выучиться еще и на медика, инженер — на историка. И я готов преклониться перед теми, кто создал эту систему и продолжает ею руководить! Очень возможно, что любому из нас жилось бы гораздо проще, не будь мы столь *разносторонними*. Лишь некоторым из людей повезло в такой степени найти свое предназначение, что не тянет заняться чем-нибудь еще. У них нет аптекарей, жаждущих стать начальниками тайной полиции, художников — полководцами, инженеров — министрами иностранных дел, врачей — писателями и так далее. Вы понимаете, о ком и о чем я говорю...

— Весьма хорошо понимаем, — согласился Новиков, — только мы сейчас не на философском семинаре. Из всего сказанного следует, что выше уровня Шатт-Урха начинается область неизвестного. Некоего нагло засекреченного, полностью разумного клана диктаторов, таким вот образом преобразовавших под себя планету... Что-то это мне очень напоминает...

— Станислав Лем, «Эдем», — некстати подсказала Наталья, много читавшая фантастики в скучные семидесятые годы, испортив тем самым Андрею хорошо задуманный стилистический пассаж.

— А если чуть иначе выразиться — не есть ли это точное повторение наяву греческой, к примеру, мифологии? — внес свою лепту Скуратов. — Очень хорошо сходится. Боги, титаны, герои, граждане, рабы...

— Не ясно только, кто у кого заимствовал идею. Эти — у древних греков, или наоборот? — спросила Алла, имевшая хорошее классическое образование. — Платон, как известно, не только описал Атлантиду, но и активно пропагандировал иерархическое разделение общества на сословия: правителей-мудрецов, воинов и чиновников, крестьян и ремесленников...

— Вот-вот, — не остался в стороне и Антон. — Кое-кто из присутствующих некогда, исключительно ради красного словца, назвал новооткрытую планету Валгаллой, и тут же все пошло именно в эту сторону. Боги и герои, бессмертные, как водится, проводят время в сражениях, перемежаемых пирами, общаются с валькириями и совершенно не задумываются, зачем им это, до какой поры будет продолжаться и чем закончится...

— Шутить изволите? — небрежно, но с некоторым напряжением в интонации спросил Шульгин.

— Ни в коем разе. Просто поиск аналогий между аналогиями. Иногда — довольно продуктивный метод. Отчего не вообразить, в процессе свободного полета воображения, что там когда-то, давным-давно, нашлись свои романтики, получившие в распоряжение некоторые возможности? Мы с вами занялись историческим творчеством, они — биологическим. Энное число веков назад достигли своей цели, «который год уж властствуют спокойно» и от тоски, скуки, или неуемной жажды новых впечатлений решили поинтересоваться — а что это там творится на сопредельных территориях?

— Очень даже не лишено остроумия, — вновь подхватил Новиков эстафету «мозгового штурма», во время которого разрешается и даже предполагается нести абсолютно все, что в голову приходит, лишь бы хоть как-то относилось к теме. — И тут же мы естественным

образом подходим к вопросу — а не сидят ли и в той реальности свои аггры, форзейли или иные представители тех самых «Ста миров», обещанных нам, но так и не предъявленных в натуре нашим «светлым Даймоном».

Он сделал жест, которым, по его представлению, Цицерон сопроводил хрестоматийную филиппику в адрес Катилины.

— Ничего не имею возразить, — развел руками Антон. — В те годы не существовал, в архивы, касающиеся столь давних времен, не влезал по причине невозможности, а также отсутствия необходимости «объять необъятное».

— На этом, пожалуй, стоило бы и закончить, — неожиданно вмешалась Ирина, до того сидевшая в углу дивана с демонстративно безразличным видом. По некоторым причинам ей эта оживленная дискуссия была неинтересна. — Вы как-то забыли один практический вопрос. Даже — два. Сумеем ли мы использовать попавшее нам в руки весьма интересное транспортное средство по его прямому назначению? Имеются ли на борту навигационные устройства и программы, способные привести туда, откуда оно вылетело? Кстати — откуда? Что скажете, Константин Васильевич?

Простейшие, в общем-то, вопросы.

— Скажу, непременно и немедленно, Ирина Владимировна, — взбодрился Удолин. — Как любил повторять мой учитель — «вы совершенно правы, но не в этом вопросе». То, о чем спросили вы, — настолько самоочевидно, что специального обсуждения не требует. Да, мы способны эту «медузу» использовать. Да, пилоты выполняют любой наш приказ, ибо им ничего другого не остается. Шатт-Урх, по рангу, имеет право командовать всеми нижестоящими и даже производить корректировку рабочих инстинктов в пределах своей компетенции. Сам Урх сделает все, что мы попросим. Причем я в состоянии воздействовать на все три составляющие его личность системы. Полететь туда, откуда они прилете-

ли? Да хоть завтра. Но стоит ли это делать, если мы не знаем, что нас там ждет?

Повисла пауза. С профессором нельзя было не согласиться.

Но ответ-то ответом, а вот вопрос! Большинство присутствующих пока что не задумывались над столь радикальным планом.

«Неужели это они с Дайяной подобный демарш уже обсудили? — начал прикидывать Андрей. — Зачем? Или пошли в ход те заготовки, что имелись у агтров на такие случаи? Вдруг и правильные? Исходя из обстановки, в которой мы не все понимаем».

Тщательная воздушная разведка подтвердила, что в радиусе как минимум ста километров никаких следов и признаков наличия дуггуроров в любых ипостасях не присутствует. Всех, участвовавших в десанте, за исключением четырех пленников с первой и трех со второй «медузы», рейнджеры ликвидировали, используя подавляющее огневое, моральное и умственное превосходство.

Как было обещано, некроманты получили неограниченное количество материала для препарирования, к которому немедленно и приступили в специально отведенных и оснащенных Дайяной помещениях. При этом она настояла, чтобы несколько ее учениц приняли участие в «анатомическом театре».

— Им это будет полезно, для расширения кругозора, — деликатно выразилась хозяйка.

Федор Егорович Палицын благосклонно взглянул на представленных ему ассистенток.

— Очень правильно, барышни, очень правильно. Когда же и приобретать положительную профессию, как не в вашем возрасте? Только позвольте осведомиться, каким общим образованием обладаете? Чтобы я мог применительно строить свои объяснения.

— Считайте, что неоконченное высшее общее, господин доктор, — ответила одна из курсанток, за номером «триста одиннадцать», судя по бойкости — назначенная, или пред назначенная в «старосты группы».

— Общее — это хорошо, — почесал бороду Палицын. — А крови и всякого такого... — он возвел глаза к потолку, — не боитесь?

— Живых не боялись, чего же мертвых бояться? Не только нормальную анатомию изучим, патологическую тоже. В следующий раз лучше знать будем, куда стрелять, — с некоторым задором ответила «одиннадцатая». Словно девушка из советского кинофильма тридцатых годов, пришедшая записываться в аэроклуб.

Федор Егорович, и тот был слегка удивлен таким энтузиазмом. Потом вспомнил, что ему говорил Удолин. Что здесь «не просто так», а нечто вроде школы своеобразных ведьм.

— Тогда прошу, будущие коллеги, прошу. Немедленно и приступим...

Для всех не занятых службой офицеров, курсанток и гостей организовали ужин, не слишком парадный, но вполне достойный. Нужно же людям снять нервное напряжение, да и познакомиться поближе с «товарищами по оружию». Даяна сетовала, что ее девушкам не хватает культурного общения, так вот теперь — сколько угодно. Очень возможно, что кто-нибудь прямо сегодня найдет свою судьбу. С соответствующим повышением в статусе.

Виктор Скуратов тоже получил неограниченную возможность проявить свою склонность к молодым красавицам. Если в «Братстве» восхищавшие его женщины были заняты и ухаживание за ними не имело смысла и перспектив, то здесь — как в мусульманском раю. Каждая приглядывающаяся гурия необходимо и обя-

зательно пойдет навстречу в пределах твоих желаний и возможностей.

Вдобавок он пока не подозревал, что любая девушка, на которую он обратит свое благосклонное внимание, в несколько минут способна определить его психологическую конструкцию и под нее подстроиться. В пределах от гордой неприменимости до эмоционально-сексуальной пластиности чеховской Душечки.

Наталья, Алла и Анна, ничем таким не озабоченные, просто с удовольствием принимали знаки внимания боевых офицеров, с большинством которых были давно и хорошо знакомы. Танцевали, пили шампанское, участвовали в легких светских беседах, остроумных, подчас балансирующих на грани приличия, в стиле прапорщика Ржевского. Эти дамы к подобным темам относились с полным пониманием и сами иногда были способны отпустить такое, с учетом нравов далекого будущего, что лихие рейнджеры крутили головами и восхищенно переглядывались. Мол, истинные «матери-командирши».

Остальные, кроме Удолина, предпочли занять место в отдаленной от центра зала кабинке с полуопрозрачными занавесками и продолжить ранее начатую беседу в более приватной обстановке.

— Ты чего, всерьез говорила насчет «медузы»? — спросил у Ирины Шульгин.

— А у тебя есть какие-то другие варианты? — ответила она вопросом на вопрос. — Не надоело бегать, как ремарковским героям от гитлеровцев? Из Берлина в Прагу, потом в Париж, Лиссабон. До Америки не все добрались. Так и где для нас такая «Америка»?

— Ирина права, — сказал Ростокин. — Последний рубеж — моя реальность. В отличие от любой другой Суздалев и Маркин сумеют организовать практически общепланетное сопротивление... Но, как сказано, мы не имеем представления о возможностях, замыслах и

целях противника. Какой же смысл превращать собственную территорию в поле тотальной войны? Инсектоиды и монстры — черт с ними. Это так — расходный материал...

— Расходный-то расходный, а если действительно пятьдесят миллионов высадятся в густонаселенных центрах? Бомбу не бросишь, патронов не напасешься. Плюс все эти молнии, плазменные шары и прочее... — продолжил мысль Новиков.

— И никто не доказал, что «парни с той стороны» не имеют отношения к московским событиям, селигерскому искажению реальности и другим интересным вещам, — поддержал его Антон.

— То есть очередной рейд «за три мира, за три моря» все присутствующие считают неизбежным и самоочевидным? — как бы резюмировал Шульгин. С таким видом, будто он единственный здесь благоразумный человек, не желающий ввязываться в сомнительные по результату авантюры.

Это его свойство большинству присутствующих было известно, беда в одном: до сих пор даже Новиков не всегда мог угадать, где он развлекается, а где говорит совершенно серьезно. Очень часто случалось, что начинал он спорить действительно из интереса или чувства противоречия, а по мере развития процесса выходил на очень серьезные, судьбоносные подчас решения. Но бывало и наоборот.

— Не так чтобы очень уж неизбежным, — решила подыграть ему «в тон» Ирина. — На наш век хватит, где спрятаться. Можно еще Шатт-Урха по методикам Удolina допрограммировать и отправить в качестве парламентера с письменным предложением прямых переговоров с «высшими».

— Почему бы и нет? Только где гарантии, что послание по адресу дойдет? — ответил Шульгин.

— Нет таких гарантий, и, наверное, быть не может.

Константин ведь так и не выяснил, кто на самом деле его к нам послал. Неужели действительно тамошние «заговорщики», которым инстинкт подсказал? — продолжила рассуждать Ирина.

— Все возможно. Инстинкт плюс доля разума вполне могли сформировать подобную идею у определенных «специалистов». Предписанная функция диктует защищать существующий порядок вещей, каким он тебе представляется. Об истинных целях и планах «высших» его каста не подозревает. А вот им как раз такая инициатива показалась недопустимой. Тут они шарахнули первый раз по нам и Шатт-Урху. И провели разведку боем в Африке. Константин попытался доставить на место своего пленника. Удалили еще сильнее. Саша им «подарочек» вернул. Счет стал: три-ноль, — Андрей для наглядности загнул три пальца. — Практически мгновенно они атаковали Станцию и Базу. С известным результатом. Это получается уже: четыре-ноль. Или даже пять... Вопрос — полученных уроков им хватило, или эскалация агрессии будет продолжена? Куда, чем и как?

— Судя по тому, что здесь они оружия массового поражения не использовали, стратегические планы разрабатывают творчески мыслящие личности, — задумчиво сказал Антон, вертя в пальцах бокал и наблюдая, как сползают по изогнутым стенкам коричневые маслянистые капли. — Эскалации пока не произошло. Это понимать как негласный намек, или?

— Вот я же и говорю, — что случалось довольно редко, согласилась с форзейлем Ирина. — С такими вещами нужно разбираться тщательно. Стратегический тренажер Берестина очень бы помог, только вводить в него нечего. Информация о настоящем противнике отсутствует полностью.

— Ну, не совсем полностью, — возразил Новиков. — Косвенные улики тоже кое-что значат...

— Интересно, а как Алексей с Сильвией сейчас в Лондоне живут? — словно желая отвлечься от начавшей надоедать темы, спросил Ростокин. — Вдали от мирской суеты?

ГЛАВА 14

Алексею с Сильвией (в нынешней ипостаси — леди Дианой Макрай) в Лондоне жилось очень неплохо. Принятый им титул русского князя ни у кого в светском обществе вопросов не вызывал. Кому пришло бы в голову, не только в Англии, но и в самой России, копаться в старых генеалогических хартиях, выясняя, существует ли такая ветвь на древе Рюриковичей? Самое интересное, что да, существовала, хотя никакого отношения сам Берестин и его предки к ней не имели.

Он и раньше, читая книги о Викторианской эпохе, находил это время хорошо устроенным для жизни (конечно, для людей среднего и высших классов), не зря именно в Лондон стремились всякого рода диссиденты, в том числе и сторонники «научного социализма», вроде Маркса и Ленина.

Двухэтажный дом на улице Мэлл, построенный в начале восемнадцатого века, из окон которого был виден Джеймс-парк с его прудами, дубовыми рощами и до поздней осени радостно-зелеными лужайками, привился ему по вкусу.

Два-три раза в неделю, после пятичасового чая, они с Сильвией (Д.М.) выезжали собственным экипажем на какой-нибудь раут, бал или иное мероприятие, которых в городе ежедневно происходило множество, только успевай выбирать, в зависимости от настроения или политического интереса. И всегда там же оказывалась Сильвия-99, так было спланировано.

Обе дамы фотографически совсем не походили друг на друга, но любой проницательный человек, побывав в их обществе несколько минут, начинал испыты-

вать легкое головокружение и даже намеки на тошноту. Не пищеварительного свойства, а от нарушения вестибулярного аппарата. Слишком тяжело воспринималось пребывание внутри находящегося в противофазе психополя одной и той же удвоенной особы.

Не зря в обществе пошли разговоры о некоторых мистических свойствах этих благородных леди и об их так называемом «браке втроем» с попавшим в паутину русским князем.

Но говорили без осуждения, скорее с завистью или осторожными намеками на оккультизм, спиритизм и тому подобное. «Фин де секль»¹ очень к этому располагал.

Остальные вечера Алексей проводил по собственному усмотрению, как и положено независимому и богатому иностранцу, связанному с леди Макрай скорее дружескими, нежели какими-нибудь еще узами.

Положение обязывало, и Берестин предпринял все необходимые шаги для придания своему статусу крепкой, не подверженной колебаниям конъюнктуры, основы. Более прочной, чем даже официальная женитьба на Диане. Таковое могло обеспечить только членство в клубе с безупречной репутацией. Случай приема в понастоящему респектабельный клуб иностранцев за последнюю сотню лет можно было пересчитать по пальцам, но уж если это случалось, счастливчик становился вровень с пэрами, а то и повыше некоторых из них.

Любой понимающий человек, увидев значок на лацкане или клубный галстук, мгновенно составлял себе представление о реальном весе означенной персоны. Точно так, как в Петербурге каждая дама великолепно разбиралась в покрое и цвете офицерских мундиров, количестве звездочек и значениях вензелей на погонах и эполетах.

Алексей не скрывал своего намерения, присматри-

¹ «Конец века» (фр.).

вался и зондировал почву в нескольких направлениях, но изначально имел в виду только одно, тот самый «Хантер-клуб», имевший непосредственное отношение к руководству всей антироссийской деятельностью в годы Первой мировой войны, и особенно — после 1917 года¹.

Сильвия-Макрай знала об этой организации неизмеримо больше, чем Сильвия-99. Все те лица, которые через двадцать лет затеют сложную игру, используя Францию, САСШ, Германию, Красную и Белую России в своих интересах, жили уже сегодня, и половина из них состояла в числе учредителей того, что в разных реальностях называлось «Системой» и «Черным интернационалом».

Обе дамы обладали связями в таких кругах, что на их фоне даже приятельские отношения с наследниками угасающей Виктории Эдуардом и Георгом (будущими королями под номерами 7 и 5 соответственно) не выглядели столь уж впечатляюще.

Сам Алексей в данном случае изображал некий аналог графа Монте-Кристо. Русский князь (родственник знаменитого «Ивана Жестокого», единственного царя, памятного англичанам потому, что письменно обматерил их тогдашнюю королеву Елизавету), как и положено, обладал неограниченными средствами. Причем не «в тумбочке», а в одном из солиднейших банков (его владелец по чистой случайности тоже входил в число влиятельных клубменов).

Каждая из Сильвий в своем направлении надавила на нужные педали, Берестин предъявил заверенные документы о том, что он и его предки суммарно добыли несколько сотен медведей и кабанов, причем исключительно холодным оружием, о волках и прочей мелочи упоминалось вскользь.

На специально назначенной встрече знатоков Алек-

¹ См. роман «Вихри Валгаллы».

сей продемонстрировал, как в России пользуются рогатиной и ножом. На чучелах, конечно, поскольку живых и пригодных для поединка медведей в Британии давно уже не водилось.

В результате, вопреки всем обычаям (писанных правил не существовало), уже через месяц он был принят членом-соревнователем «Хантер-клуба» (т.е. кандидатом). Вопрос о действительном членстве должен был решаться на ежегодном общем собрании, но никакого специального значения эта формальность уже не имела.

Для упрочения своего авторитета Берестин решил прослыть заядлым картежником. Играли много и азартно (по-русски), но, как правило, проигрывал. Сравнительно умеренные суммы, зато часто. Это только прибавляло ему симпатий в обществе. С ним старались дружить, потому что удостоенные чести сесть с ним за ломберный столик получали к утру не только несколько гиней и головную боль от неумеренных возлияний, но и массу интереснейшей информации о времяпрепровождении русской аристократии. И кое о чем еще. Князь был «находкой для шпиона». Болтал непрерывно, с самой легкой наводки готов был разглашать конфиденциальные сведения, формально государственной тайной не являющиеся, но незаменимые для анализа состояния российского высшего общества, гвардии и армии.

Зато остальное время суток, за исключением времени, потребного для сна, они с Сильвией-Макрай старательно работали над своей основной задачей.

На поле боя можно выиграть сколько угодно сражений, но войны, если они не тотальные, на полное уничтожение, выигрываются в кабинетах дипломатов.

Вначале Алексей, вспомнив свое полководческое прошлое, за два дня разрисовал на картах ход военных действий на юге Африки «в реале», но с учетом введения в сюжет «Братства» и его наличных вооруженных сил. Затем, используя «Шар» Сильвии-99, начал добавлять в схему результаты своих собственных интриг.

«Стратегический имитатор» остался на пароходе, но он Берестину сейчас был нужен не больше, чем электронный калькулятор для решения арифметических задач в начальной школе.

Для человека, руководившего фронтом, на котором сталкивались миллионные массы войск и много тысяч единиц невообразимой здесь техники, этот локальный англо-бурский конфликт чисто военного интереса не представлял. Он мог бы его выиграть с любой стороны, причем с заранее заданным результатом. Интерес был исключительно психологический — как добиться цели путем «стратегии непрямых действий».

Обе Сильвии сейчас рассматривались им просто как удобный и эффективный механизм воздействия на фигуры, назначенные на роль ключевых.

Что там у нас в исторических трудах написано? «По мнению правительства Ее Величества, лорд Китченер должен быть направлен в Капскую колонию как главнокомандующий войсками в Южной Африке». И он на самом деле сумел оправдать возложенные на него надежды, хотя и затянул войну на два года, несмотря на созданное под его руководством подавляющее техническое и численное превосходство. Так отчего не распространить в печати сведения о «не совсем нормальных» склонностях указанного генерала к собственным адъютантам и кадетам Сандхерста? По такому, вполне голословному, обвинению загремел сравнительно недавно на два года в тюрьму особо строгого режима великий писатель Оскар Уайльд.

Посадят или нет — неважно, но уж главкомом точно не назначат. А оставят в должности нерешительного и медлительного Редверса Буллера, психологического двойника российского Куропаткина¹.

¹ Куропаткин А. Н. — генерал от инфантерии. В 1904—1905 гг. — главнокомандующий русскими войсками в Маньчжурии. Из-за его пассивности и неуверенного управления были проиграны решающие сражения под Ляояном и Мукденом.

Следующим объектом был военный министр Гордон Ленсдаун. Тогдашние репортеры «желтых», но популярных в народе газет за жалкие десяток фунтов готовы были под своим именем напечатать абсолютно все, что угодно. А уж если текст сопровождался «документальными свидетельствами», а гонорар — сотнями, одновременно запустить несколько подвалов, а то и целых полос компромата — нечего делать.

Бедный министр. За неделю его стерли в порошок, сделав главным виновником всех бед. При этом абсолютная неготовность к войне британского комсостава, отсутствие настоящего плана кампании, неспособность наладить воинские перевозки морем даже не входили в перечень главных прегрешений. Упоминались постольку-поскольку. С учетом всех достижений информационных технологий, недоступных простодушным умам эпохи примитивного рационализма, между дежурных фраз вставлялось совсем другое.

Очень забавно было Алексею сидеть в глубоком кресле, партия которых была изготовлена за счет некоего Дж. Дж. Курва¹ из тысячелетнего баобаба, пораженного молнией в 1851 году в Кении. О чем свидетельствовали прибитые сбоку, но на видном месте серебряные жетоны. Перед овальным столом, обтянутым тщательно выдубленной и выскоубленной шкурой африканского слона, подстреленного полковником Флэнаганом в 1839 году в местах, которые намного позже будут названы Северной Родезией. И это подтверждалось аналогичными жетонами. Здесь благотворители желали навеки остаться в памяти грядущих поколений охотников.

Любой мог узнать, что ковры на стенах привезены из Афганистана и подарены клубу в 1880 году сэром Эндрю Стюартом. Так же тщательно были задокументированы

¹ Фамилия подлинная, в чем любой может убедиться, посетив приморский парк в г. Бомбее и посмотрев таблички, привинченные к скамейкам на бульваре.

тированы происхождение и источники поступления всех прочих украшавших комнаты и залы клуба паритетов.

Только вот никто, кроме самого князя Берестина, курящего сигару, пускающего дым в сторону пылающего камина с отличной тягой, переворачивающего большие листы газет, остроумно комментирующего особо изысканные места, не догадывался об одной мелочи. Что этому рафинированному джентльмену в отлично сшитой визитке и полосатых брюках известно не только очень многое из непубличной жизни соседей по столу, но даже и даты смерти каждого из них. Они, конечно, могли измениться под влиянием *привходящих обстоятельств*, но, по преимуществу, в сторону уменьшения.

И тем более ему известно — кому что, когда и каким образом сказать для достижения желаемого эффекта. Всегда получалось так, что собеседник слышал от князя то, что якобы смутно ощущал, но никак не мог достаточно отчетливо сформулировать даже для самого себя.

Вот сейчас, например, в окружении полуодюжины «сильных мира сего», Алексей разбирал статью обозревателя «Ньюс кроникл», посвященную текущей геополитике на континенте в связи с южноафриканскими событиями. В частности — пассажи, касающиеся англо-германо-российских отношений.

Он знал, что используемые им приемы нейролингвистического программирования непременно достигнут подкорки слушателей и закрепятся там настолькоочно, что все дальнейшие действия они невольно будут координировать с *благоприобретенными архетипами*.

В данном случае речь шла о том, что Великобритания совершает ошибку исторического масштаба, своим недальновидным и вызывающим поведением толкая царя Николая на тесный союз с кайзером Вильгельмом.

— Россия никогда и ничем не угрожала коренным историческим интересам Англии, да и не может им уг-

рожать в силу географического положения обеих держав. Ни на море, ни на суше, — мягко, без нажима и аффектаций говорил он, будто размышляя вслух. Причем говорил он на абсолютно правильном, изысканном языке, словно урожденный лондонец и выпускник Итона. Никого это не удивляло, хотя по идее — должно бы удивить.

— А как же Индия, Ближний Восток, Проливы? — возразил кто-то. — Именно там Россия бросает вызов британским интересам...

— Ах, оставьте! — легко рассмеялся князь. — Это у вас род национальной паранойи. Проникать в Индию у России нет ни желания, ни возможностей. Да и что ей там делать? Со своей бы Средней Азией в ближайшие полвека разобраться. Проливы — а какое ВАМ дело до Проливов? Для нас они — способ беспрепятственного экспорта продукции сельского хозяйства, и только. Ну, само собой — гарантия того, что больше никогда вражеские флоты не войдут в Черное море. Использовать их в агрессивных целях невозможно по определению. А вот с Германией дела обстоят совсем иным образом. Немцы теснят ваши колонии в Африке. С помощью Турции собираются отнять у вас господство над Ближним Востоком, затеваю строительство стратегической железной дороги Берлин — Константинополь — Багдад — Басра. Россия себе такой цели никогда не ставила. Египет, Судан, Месопотамия нам не нужны. Но самое для Империи неприятное — базы германского «Флота открытого моря», которые Тирпиц намеревается построить в самое ближайшее время: Гельголанд, Вильгельмсгафен, Куксгафен, — располагаются всего в паре сотен миль от Метрополии. Это вам не Тибет и не Кашмир.

Ну вот и представьте себе, в союзе с Россией, опираясь на ее бесчисленные ресурсы, людские и природные, Германия начнет большую войну! Франция будет раздавлена в часы, ваши войска даже не успеют прийти

ей на помощь. Затем немецкий и русский флоты начнут тесную блокаду островов. Вам, в лучшем случае, удастся кое-как организовать подвоз жизненно необходимых товаров из САСШ и Канады. Но не более того. Причем не факт, что американцы станут на вашу сторону. Филиппины они уже завоевали, почему не взять себе Сингапур, Гонконг, британские владения в Карибском бассейне?

И при этом многомиллионные сухопутные армии «Тройственного союза» — я говорю «тройственного», потому что Австро-Венгрия непременно присоединится к «старшим партнерам», — смогут делать на континенте, а также на всем Переднем Востоке и Северной Африке все, что взбредет им в голову. Как вам перспектива?

На самом деле Берестин говорил гораздо дольше, приводил на память данные по военным флотам держав, их сухопутным армиям, мобилизационному потенциалу, экономическим возможностям и тому подобному. На память цитировал высказывания политических деятелей истекающего века, а также кое-что из века грядущего. Ему задавали вопросы, он на них отвечал, умело прибегая к приемам софистики и демагогии.

Спорить с ним было трудно, да и не в обычаях завсегдатаев этого клуба дискутировать *ради процесса*. Давным-давно подразумевалось, что если человек о чем-то говорит, то он знает предмет и имеет в виду донести до слушателей некую истину. Примут ли ее целиком или частично, или не примут вообще — совершенно другой вопрос. Касается тема взглядов на вопросы престолонаследия, способов охоты на тигров в малайских джунглях или сравнительных преимуществ дульнозарядных штуцеров над магазинными винтовками — не суть важно. Практика — критерий истины.

На следующий день точка зрения русского князя стала известна всем, кто имел отношение к восточной дипломатии и разделял некие базовые убеждения «хан-

теров». В том числе и людям из окружения леди Спенсер-99. Им она как бы под большим секретом намекнула, что, по неофициальным сведениям, «дьюк»¹ Берестин — особа, пользующаяся личным доверием Российского императора, и едва ли он произнес свою речь просто так. Среди понимающих людей это называется зондаж.

Естественно, до поры до времени на официальный уровень поднятая проблема не выйдет. Более того, едва ли кто-нибудь вообще подтвердит сам факт причастности князя к императорской свите и даже — существование в природе такого человека.

Но приведенный выше эпизод — всего лишь задел на далекое будущее, с одной стороны, а с другой — способ повышения авторитета и веса Алексея в обществе. Теперь и к другим его словам будут прислушиваться с гораздо большим вниманием.

Еще одним хитрым приемом Берестина была демонстрация своих выдающихся аналитических способностей, граничащих с ясновидением. В застольных беседах за бриджем или преферансом он настолько часто предсказывал как развитие событий на фронтах Калпской колонии и Наталя, так и моменты политической жизни в Лондоне и в иных мировых столицах, что не слишком образованного человека это могло ввергнуть в пучину мистики. Зато хорошо образованные, да вдобавок привыкшие к постоянной игре вероятностей (хоть на бирже, хоть в парламенте) люди оценили такое свойство по достоинству.

И к моменту, когда Берестин получил от Басманова сообщение о вторжении монстров, почва была вполне подготовлена и хорошо унавожена.

В запасе у него было не меньше двух суток чистого времени, исходя из теоретической скорости прохождения информации от поля боя до Кейптауна, непремен-

¹ «Duke» — герцог (англ.), так же можно титуловать русского князя, не принадлежащего к правящей династии. Князь императорской крови — «prince», принц.

ной задержки для согласования в гражданских и военных инстанциях колонии, передачи удовлетворившего всех текста по Атлантическому кабелю и работы с ним надлежащих структур в самом Лондоне.

Сам же Алексей, посоветовавшись с Сильвией (М), впервые на этой неделе согласился принять приглашение на раут в загородном поместье леди Спенсер-99, между Брайтоном и Истборном, на берегу Дуврского пролива. Места там были великолепные.

Усадьба в полсотни гектаров, на которых еще в прошлом столетии был разбит классический английский парк с живописными аллеями, ручьями и искусственными водопадами. Двухэтажный дом из дикого серого камня, весь обвитый плющом, с черепичной крышей. Очень похожий на уменьшенную копию замка пятнадцатого века. Конюшня с чистокровными гунтерами. Небольшая поварня. Молчаливые вышколенные слуги. Занимающий половину первого этажа каминный зал, украшенный рыцарскими латами и средневековым оружием, едва ли не со следами саракинской крови на клинках.

Словно не молодая, элегантная, эмансирированная дама здесь обитала, а суровый джентльмен старых устоев, презирающий жалкую современность.

Леди Спенсер и Макрай, каждая по своим каналам, собирали на уик-энд пестрое, но по-своему гармоничное общество. Большинство — в пределах тридцати лет, старшие сыновья¹ очень хороших семей. Как-то, вроде бы случайно, получилось, что все они имели отношение к интересующим Берестина кланам, партиям или руководящим органам армии и флота.

Какой-нибудь капитан-лейтенант Мак-Ардл сам по себе в списках флота мог числиться на одном из послед-

¹ По английским «феодально-демократическим» законам старшие сыновья наследовали титулы и майораты (неделимые земельные имения) отцов. Все остальные должны были пробиваться, как получится.

них мест по старшинству производства и деловым качествам, но если его отец — председатель парламентской фракции тори от Шотландии, а сам он — адъютант Первого морского лорда, расклад получается совсем другой. С таким не грех в дартс сыграть, и хереса выпить (отчего все английские моряки так любят херес?), и на разные интересные темы попутно перекинуться.

Чтобы гостям было приятнее, Сильвия-99 попросила Берестина надеть парадный мундир российского дворянина.

Отчего нет? Белый китель, без погон, естественно, синие бриджи, высокие черные сапоги, фуражка с белым верхом и алым околышем. Чистый Вронский, в исполнении Ланового. Тем более что и возрастом, и статью, и типом лица актер с Алексеем были похожи.

Сам по себе его облик произвел на гостей нужное впечатление. Девяносто процентов англичан, даже из образованных слоев, представляли русских преимущественно по карикатурам времен Крымской и Русско-турецкой войн (1877—1878 гг.), где они изображались не лучше, чем большевики в геббельсовской пропаганде. А возможностей составить собственное мнение об «историческом враге» в XIX веке было не больше, чем в конце XX, хотя русские и англичане две мировые войны провоевали союзниками. Монтгомери получил редчайший орден «Победа», а британские моряки Северных конвоев и летчики РАФ¹ щедро награждались советскими орденами и медалями, от «За отвагу», до Красного Знамени и Ленина. Но — не помогло «боевое братство» закреплению «дружбы народов». Гитлеровцы им все равно оказались духовно ближе, прямо с мая 1945 года.

При том, что русские, в отличие от немцев, Лондон

¹ «Ройял аир форс» — Королевские воздушные силы, несколько их эскадрилий воевали на советском Севере, прикрывая Мурманск и маршруты конвоев.

и Ковентри не бомбили, а наоборот, спасли Острова от неминуемого вторжения «Зее лёве»¹.

— Скажите-ка, князь, — догнал Берестина на аллее, окружающей пруд с золотыми китайскими рыбками, и доверительно приобнял под локоть юноша с лошадиным, но при этом сравнительно симпатичным лицом и приятным голосом. — Вы на самом деле верите, что между нашими странами возможна дружба?

«Третий сын герцога Эдинбургского, Гарри, шансов на престол двенадцать процентов», — тут же идентифицировал нового знакомого Алексей.

— А разве мы друг другу уже представлены? — Берестин вложил в голос весь возможный тонкий яд из-девки над дурацкими принципами.

— Да ради бога, князь, зачем же вы повторяете всем давно навязшие в зубах глупости? — В его тоне прозвучала искренняя обида.

— Ай-м сорри, лорд, не я эти правила придумал! Приезжайте ко мне в Вологду или в Сухум, там вас никто не оскорбит вымученной деликатностью...

— Но мы можем сейчас поговорить поверх этикета?

— Сколько угодно. Хочу вам сказать, что в русском языке есть гораздо больше степеней этикета, чем в китайском или японском. Но при этом они вполне взаимопроникаемы и взаимодополняемы. Никогда в жизни самурай или мандарин не сможет говорить с черпальщиками сортиров на равных. А у нас государь с беднейшим крестьянином — свободно. Я — князь, с древностью рода куда большей, чем у нынешних Романовых. Вы видите, что мое владение вашим языком — безупречно. Так?

Гарри был вынужден согласиться, еще не понимая, к чему ведет Берестин.

— Так вот у нас великие князья и недавно в бозе по-

¹ «Морской лев» — план десантной операции по высадке вермахта в Англию.

чивший император Александр Третий Александрович владели исконно-сакральным языком лучше простолюдинов...

— К чему вы говорите все это? — спросил изрядно замороченный мелкий герцог.

«К чему — это не твое дело, — подумал Алексей, — много будешь спрашивать, королем не станешь!» А как раз на этого пацана ставка и была сделана.

— Для начала — чтобы вы сообразили. Очень трудно стать королем, не избавившись от массы предрасудков. В том числе и сословных. Нужно уметь думать раскованно. И не только в заданных границах. Очень важно научиться улавливать тенденции в полете. Пока они не долетели куда-нибудь не туда.

— Королем? — Изумление юноши стало несколько неприличным. Аристократ должен уметь держать себя в руках, даже под дулом пистолета на шести шагах. А тут всего лишь намек...

Берестин грустно усмехнулся про себя. Господи, как это на самом деле скучно! Он не Мефистофель, не Воланд, но и для него «играть людьми» не составляет труда.

— Простите, принц Гарри, вам не кажется, что мы слегка отвлеклись от заданной темы?

На лице юного «третьего сына» отразилось недоумение. Забыл, напрочь забыл хитросплетения Берестина. Чего же удивляться, на то они и были рассчитаны.

В густой массе блестящих листьев и ярких цветов мелькали птички, от воробьев до певчих дроздов, тени облаков, то темных, то прозрачных, стремительно скользили по лужайке.

Достав свой портсигар, Берестин взял сигарету, предложил принцу. Тот закурил, удивившись незнакомому вкусу и запаху.

Внезапно из-за кустов появилась веселая, чем-то возбужденная леди Макрай.

— Милейшие сэры! Как я рада вас видеть! Вы куда-

то исчезли, а без вас очень скучно! Как скучны люди, вы бы знали, — доверительно сказала она, наклоняясь неприлично близко к принцу Гарри, так, что ему стало видно все, что и так едва-едва скрывало глубокое де-
кольте.

— О мой будущий король! — слегка развязным тоном, подражая Элизе Дулитл¹, воскликнула Сильвия Макрай. — Не удивляйтесь, что я так вас называю. У меня есть кое-какие способности к ясновидению, одну из моих прарабабок по материнской линии сожгли на костре за занятия черной магией. Попомните мои слова — звезды выстраиваются так, что в самом непродолжительном времени трон освободится именно для вас!

Гарри почувствовал, что от нее попахивает джином или виски. И взгляд у нее такой... такой необычный, дурманящий.

— Но как же? Бабушка, дядя, отец, два брата. С ними должно случиться что-то ужасное, чтобы я...

— Совсем не обязательно. Звезды не обещают трагедий. А в остальном пути господни неисповедимы.

Голова у принца кружилась все сильнее, хотя не- приятным это ощущение не было. Все вокруг казалось подчеркнуто ярким и удивительно красивым. Особен- но — новые знакомые. Никто из окружающих раньше не относился к нему так хорошо.

Вот настоящие люди, без лицемерия, видят в тебе подлинную сущность, а не функцию девятивековых предрассудков.

Неподалеку под деревьями Алексей увидел столик, уставленный бутылками, пустыми и уже наполненными бокалами.

— Давайте, по русскому обычаю, за приятное и полезное знакомство.

¹ Героиня пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

— Нет, я пить не буду, — воскликнул Гарри, все еще под впечатлением прелестей Сильвии. — Я пьян от общения с вами! Вы изумительный человек, князь! А уж вы, леди Макрай! Как жаль, что мы не познакомились раньше...

«До того, как вы стали любовницей князя», — продолжил про себя его мысль Алексей.

— Хорошо, если сохраните это чувство, когда станете королем... — медленно, фиксируя взглядом зрачки Генри, сказала та.

Принц тут же забыл обо всем, что говорилось последние полчаса. И перестал видеть стоящую перед ним женщину, которую только что хотел схватить за руку, приспасть к ней губами, попросить разрешения объявить себя ее верным рыцарем. Совершенно как в романах Вальтера Скотта.

Но мысль о том, что он может, да, пожалуй, и должен стать королем после скорой кончины бабушки Виктории, в подсознании осталась. Накрепко.

Сильвия сделала шаг назад и скрылась в зарослях вечнозеленого древовидного вереска.

...Гарри взял из рук Берестина бокал шампанского, посмотрел на Алексея ясными глазами.

— Скажите, князь, вы на самом деле верите, что между нашими странами возможна дружба?

— Пока что не очень верю, но хотел бы надеяться. Иначе вашей Империи придется очень плохо. В исторической перспективе.

И, не давая принцу начать ту же никчемную дискуссию по второму (для него, Алексея) кругу, сделал незаметный со стороны жест.

На огибающей поляну дорожке появилась леди Макрай, якобы абсолютно не подозревающая о присутствии поблизости мужчин. Оглянулась, сошла на траву, остановилась под сенью раскидистого можжевелового

куста, непринужденно подняла юбку намного выше колен, чтобы подтянуть белый, вышитый красными розочками чулок и получше закрепить никелированные застежки.

— Ох, джентльмены, извините, — услышав звон хрустала, вскинула голову и стыдливо зарумянилась Сильвия, но, тем не менее, завершила начатое, изящно выставив вперед ножку, отчего юбка скользила вниз до щиколотки слишком медленно.

Гарри смотрел на эту вполне невинную сценку с таким возбужденным изумлением, что Алексей подумал: «Что бы ты, бедняга, делал на обычном сочинском или одесском пляже? Не говоря о самом дешевом стриптиз-баре».

— Извините, — повторила леди Макрай, подходя, и вновь посмотрела на принца обволакивающим взглядом. — Надеюсь, я вас не слишком шокировала. Но местоказалось таким укромным...

— Это мой хороший друг, — сказал Берестин, — можете называть ее просто Диана...

— Да-да, мы представлены, — не совсем впадая ответил Гарри, стараясь не смотреть на Сильвию.

«Теперь она будет сниться ему каждую ночь, — подумал Алексей. — Бедный парень...»

Он наполнил бокал и подал его Сильвии.

— За нашу дружбу...

И тут же продолжил, как ни в чем не бывало, начатую принцем тему.

— В исторической перспективе союзнические отношения между нашими странами возможны, — повторил Алексей, — при смене господствующей парадигмы¹. Зато дружба между вами, мной, Дианой начинается уже сейчас. Вам, наверное, в этом смысле не очень везло. А у нас в России дружба понимается именно как бескорыстные отношения между симпатизи-

¹ П а р а д и г м а — система представлений.

рующими друг другу людьми, более того — похоже мыслящими и чувствующими. Вам не приходилось замечать, что в английском языке есть только одно слово — «френд», на все случаи жизни. А в русском имеется несколько десятков, обозначающих разные, порой весьма тонкие нюансы этого понятия, — друг, приятель, товарищ, кореш, однокашник, односум, братела, земеля... и так далее и тому подобное...

— Увы, я русского совсем не знаю, — развел руками Гарри.

— Не беда, я тоже не знала, — мило улыбнулась Сильвия, — а теперь, с помощью князя, продвинулась уже довольно далеко. Хотите, будем заниматься вместе? — она улыбнулась очаровательнейшей из своих улыбок. — Да вы не смущайтесь. Я совсем не страшна для молодых людей, несмотря на слухи, которые обо мне распускают. Неужели вы не верите в возможность чистых отношений между мужчиной и женщиной? Эпоха ханжества, я надеюсь, подходит к концу...

Теперь слегка покраснел принц.

— Мне вообще как-то не приходилось... — признался он.

Так уж вышло. В колледже и в военном училище очень распространены были гомосексуальные отношения, но Гарри их ненавидел, как и тех, кто этим занимался. А с женщинами пока не складывалось. В бордели он тоже не ходил, девушки из подходящих семей о возможности внебрачных отношений и подумать не могли, дамы без предрассудков, вроде леди Макрай, внимания на бесперспективного принца до сих пор не обращали.

— Вот видите! — словно бы обрадовалась Сильвия. — У нас впереди много интересного. Но пока, джентльмены, извините, меня ждут. Я ведь тут оказалась совершенно случайно... — еще одна двусмысленная улыбка, и она упорхнула, оставив за собой запах духов, привезенных из совсем других времен, и полное

смятение в душе двадцатилетнего принца, с которым никогда еще не была так ласкова тридцатилетняя леди изумительной красоты.

Эта мизансцена была разыграна экспромтом. Впрочем, работа специалистов класса Сильвии на две трети состоит из экспромтов, главное, не прозевать подходящий момент. В самом начале раута она увидела, что Гарри заинтересовался экзотическим гостем и посматривает в его сторону с неприкрытым интересом. И тут же проскочила искра.

«Бабушка всей Европы», королева Виктория, последняя представительница Ганноверской династии, процарствовавшая шестьдесят четыре года, собиралась не далее чем через год отдать богу душу. Престол перейдет к Эдуарду Седьмому, первому из Виндзоров. А зачем? Вот же очень приличный претендент! Молодой, неиспорченный, достаточно умный, а главное — *внушаемый*. Если с ним правильно поработать, слегка *поторопить* бабушку, отодвинуть в сторону прочих наследников, получится хороший король.

Она сразу начала действовать.

Нескольких слов, сказанных Берестину суплерским шепотом, когда они невзначай оказались рядом, Алексею оказалось достаточно.

Если бы претендент не проявил инициативы к знакомству и разговору, пришлось бы сделать лишний ход, всего лишь. Но получилось так, как нужно. Само собой и безупречно.

В ближайшие дни нужно будет закрепить успех. Несколько встреч, разговоры на заведомо интересующие принца темы. Она, конечно, соблазнять Гарри лично и ложиться с ним в постель не собиралась. Если все остальное пойдет, как задумано, где-то незадолго до коронации это с большим удовольствием сделает здешняя Сильвия, для чего им придется поменяться обликами...

Но все это варианты достаточно отдаленного будущего. Иметь ручного короля в любом случае весьма по-

лезно. А там, глядишь, фаворитка леди Макрай, любовница и тайная советница, склонит его к восстановлению в Британии самодержавия. В стиле Генриха Восьмого, не побоявшегося даже католическую церковь упразднить.

Великолепная интрига!

После чего вполне можно будет на самом деле подумать об установлении теснейших союзнических отношений между Англией и Россией. Вроде тех, что связывали Британию и США во второй половине XX века. Геополитически — красивая комбинация.

Но это — дело не одного месяца, и даже года, а сейчас у Берестина была более конкретная цель.

Для ее достижения ему совсем не нужен был именно принц, но раз подвернулся он, пусть будет так.

— Собственно говоря, Гарри, когда вы ко мне подошли, я думал о вещах не столь возвышенных, как наши прелестные дамы. — Слово «наши» он едва заметно подчеркнул голосом. — К слову сказать, раз уж так получилось, я бы хотел обратить ваше внимание на хозяйку этого дома, леди Спенсер. С ней-то вы должны быть достаточно хорошо знакомы.

— Нет, встречались от случая к случаю на разных приемах. Так, мельком, — ответил принц, весь поглощенный воспоминаниями о волнующей полоске белой кожи, сверкнувшей ему в глаза выше края чулка «Прекрасной дамы». Рыцарские традиции, что вы хотите. Пусть ему никогда не доведется припасть к ней губами, обожать эту женщину и посвящать ей стихи и подвиги никто не в силах запретить.

— Я постараюсь сделать это «не мельком», — многообещающе сказал Алексей. — В отличие от леди Макрай, она сейчас свободна. Ничего не имею против того, чтобы вы с моей подругой изучали русский язык, но всему остальному... простите, Сильвия обучит вас гораздо лучше...

Гарри снова вспыхнул.

— Да оставьте, оставьте, принц, — Берестин позволил себе покровительственно похлопать юношу по плечу. — Вы напрасно придаете этой теме такое значение. Хочу вас немного просветить. Женщины увлекаются подразумеваемым процессом ничуть не меньше мужчин, а то и больше. Просто в вашем обществе господствуют, э-э... несколько «викторианские взгляды». Но я, повторяю, размышлял совсем о другом...

— О чём же? — стараясь быть вежливым, спросил принц.

— Да вот б о том, что мне некоторое время назад рассказывал профессор Челленджер, Джордж Эдуард. Интереснейшая, между прочим, личность. Мы с ним встретились в России. Вице-президент Британского Палеонтологического общества, хранитель Музея сравнительной антропологии в Лондоне, член десятков иностранных обществ подобной направленности, в том числе и Санкт-Петербургского географического. Список — десять строк петитом. Автор сотен трудов, в том числе столь забавных, как, например, «К вопросу о строении черепа калмыков». Этими исследованиями он и занимался на берегах Каспийского моря, не очень далеко от Астрахани. Не понимаю, чем череп калмыка может отличаться от такового же у бурят, монголов или урянхайцев...

— Я — тем более, — достаточно холодно ответил Гарри. — И к чему вы мне об этом говорите?

— Просто так. Профессор сообщил мне, что, по его сведениям, в неисследованных частях Африки и Южной Америки существуют (или могут существовать) целые цивилизации, сопоставимые по уровню с древнеримской, например, или греческой... Этакие «затерянные миры». И недалек час, когда мы можем с ними столкнуться.

— Ну, князь, это уже полная ерунда! О чём вы говорите? Мир исследован, изучен, пересечен нитками железных дорог. Через океаны проложены телеграфные

кабели! Век пара и электричества! Белых пятен давно не осталось... О чём я весьма жалею, — закончил тираду на неожиданно минорной ноте Гарри.

— Не горюйте, мой друг, — с энтузиазмом воскликнул Алексей, едва не силой вставляя в руку нового приятеля бокал шампанского, на третью разбавленного коньяком. — Не горюйте. Не прошло еще время ужасных чудес. И если мы услышим, что с Кордильер или из джунглей Замбези вдруг появятся новые могучие завоеватели... Да вы пейте, пейте, «немного дней нам здесь пробыть дано, прожить их без вина и без любви грешно». Так вот, если спустятся завоеватели...

Подумайте, кто в Европе просвещенного тринадцатого века мог вообразить, что из глубин Центральной Азии на нас хлынут миллионные орды Чингисхана? Так что не зарекайтесь, мой друг, не зарекайтесь.

Подобную мысль Берестин еще раз высказал часом позже, за бильярдом, в обществе гораздо более взрослых и эрудированных джентльменов. Дополнительно развив и детализировав. Здесь его (вернее, не его, а профессора, на которого он ссылался) тоже подняли на смех. Что, собственно, и требовалось. Главное, после получения первых телеграмм из Африки никто из тех, с кем разговаривал князь и кому они успели передать забавную теорию, уже не смеялся.

ГЛАВА 15

Общественный шок от известия о появлении вблизи от линии соприкосновении британских войск и буров несметных орд неизвестных существ, «гориллоидов», вооруженных огнестрельным оружием, был велик. Во времена всяческих смут, эпидемий и военных конфликтов люди вообще склонны к иррациональности. Активизируются фундаменталистские течения в традиционных религиях, расцветают ранее пребывавшие в ничтожестве секты, слухи становятся более авто-

ритетными источниками информации, чем официальная пресса. Все это давно известно.

А уж если эти естественные тенденции умело направлять...

Лондонские журналисты из «золотого пула», допущенные к освещению жизни высшего общества, словно бы собственным умом поняли, что сообщения о постоянных поражениях на далеком фронте читающей публике надоели. Следовало бы написать что-нибудь повеселее. Тема о русском князе и английском профессоре, предсказывающих скорую встречу с новым цивилизационным вызовом, вторжение из «затерянных миров» неких армад и орд, не уступающих численностью, силой и беспощадностью гуннам, монголам, зулусам Чаки¹, заняла первые полосы газет. Одни писали об этой теории вроде бы в шутку, другие — вроде бы всерьез. Но на два дня шума хватило.

«Высоколобым ученым», вздумавшим на третий день заявить, что никакого профессора Челленджера на свете не существует, как и учреждений, в которых он якобы трудится, во всех редакциях указали на дверь. Вежливо, и не очень.

— О чем вы, почтеннейший профессор Саммерли? — Редактор «Дейли мейл» протянул особенно агрессивному оппоненту, колотившему тростью по столу, великолепного качества фотографию. — Вот русский князь Берестин, вот Челленджер, видите — с бородой, а позади них калмыки и верблюды! О чем еще спорить?

О том, где находится целая тысяча фунтов стерлингов, полученная от публикатора, редактор обсуждать тем более не собирался. Есть Челленджер, нет Челленджера — кому какое дело?

¹Чака — зулусский (инкоси) правитель (1787—1828), создал сильное войско южноафриканских племен, заложил основы феодальной государственности. Исторически опоздал, хотя веком раньше мог бы стать африканским Чингисханом.

На следующий день и сдержанно-официозные, и скандально-бульварные публикации перепечатали провинциальные газеты. «Народу нужны здоровые сенсации...»

Сутками позже короткие телеграммы из Кейптауна легли на столы персон, на сенсации реагировать не склонных.

В любом обществе, во все времена, даже библейские, обязательно существовали люди скептические и здравомыслящие. Что следует из самого текста «Книги».

— Что вы на это скажете? — спросил у срочно собрannого совещания премьер-министр Солсбери. Отнюдь не у членов кабинета, совсем у других людей. Чьей волей он был поставлен на свой пост и вместе с которыми проводил политику, никакого отношения к воле «избирателей» не имевшую.

— Провокации исключены? — спросил один из «сильных мира», выдернутый с какого-то раута и не успевший сменить фрак на визитку.

— Да, исключены. За источник я ручаюсь. Тем более, в наличии имеются трупы этих «существ», любезно переданные нам участниками боя. И наши офицеры и солдаты, отпущеные из плена без всяких условий.

— Бурами?

— Я бы так не сказал. Буры бурами, но люди, сыгравшие в этом деле главную роль и наставившие на передаче пленных, были русскими. Безусловно. Лейтенант Адджернон не лингвист, но сотни две слов услышанного им языка он знает. И это совсем не голландский...

— Вывод, сэр? У нас нет времени на теоретизирование.

— Это — правильно. Что может быть проще? Там — русские волонтеры. Здесь русский князь. Здесь говорят о нашествии монстров. Там оно происходит.

— Из этого следует, любезный сэр, вы поверили всему? — спросил с совсем не любезной улыбкой господин, имеющий отношение к нескольким банкам, ве-

дущим свою историю с тех времен, когда в Европе вошли в обращение деньги в их условном выражении.

— «Всему» я никогда не верю, — с достоинством ответил премьер, спинным мозгом чувствующий, что на этом посту ему оставаться недолго, если не сумеет придумать чего-то эффектного и экстраординарного. А с хранить кресло хотелось до чрезвычайности. Отчего и острота мышления обострилась.

— Как же толковать ваши слова о русском князе и русских волонтерах? Уж не в том ли смысле, что они это все и устроили? Я не пытаю к русским никаких симпатий, но даже они на такое не способны. Не по моральным, по чисто техническим причинам, — спросил банкир.

— Простейшее ведь решение, — взял из рук лакея сигару, ответил премьер. — Если взять и пригласить прямо на наше совещание русского князя? Со всеми необходимыми фигурами изъявить ему глубочайшее уважение и прямо спросить обо всем, что нас волнует. Как?

Присутствующие господа задумались. Никто из них никогда не действовал «в лоб». Не британский это стиль. Немцы в тридцать девятом уже раздолбали за месяц союзную Польшу, проехали в сороковом слабень-кими гусеницами Францию и окрестности, а «гордые альбионцы» все думали, «а вдруг удастся даже от Дюнкерка вермахт в сторону ненавистной России повернуть».

— А почему бы и не позвать? — после долгого пыханья сигарой сказал лорд с длинными, свисающими до воротника усами, через пять лет тоже ставший премьер-министром.

— Если он захочет прийти... — саркастически усмехнулся джентльмен лет сорока, бритый, как актер. — Леди Спенсер и леди Макрай вы во внимание не принимаете? Они ведь могут и не позволить!

— Эфроим, не приумножайте сущностей, — пре-

мьеру все происходящее ужасно надоело. Он сожалел, что не решил вопрос единолично. Но что вышло, то вышло.

Вопреки всем сомнениям, после трех сделанных в разные адреса звонков князь Берестин нашелся и немедленно согласился на встречу. Правда, словно бы мельком, заметил, что у него в России слова значат только то, что значат. Если в гости и поговорить — одно. Если иначе — не обессудьте. Через полчаса буду.

Предпоследние слова были сказаны по-русски, и премьер, повесив трубку, немедленно потребовал у секретаря найти специалиста, который может перевести эту фразу, переполненную мягкими гласными звуками, однако прозвучавшую как-то неприятно. Он ее записал на листе бювара, как услышал, и довольно правильно.

Специалист нашелся, несколько раз уточнял фонетические оттенки, после чего подтвердил интуитивную лингвистическую тревогу маркиза Роберта Артура Толбота Солсбери. Данная фраза может означать многое, в том числе и обещание снять с себя любые нравственные ограничения, с возложением последствий на партнера.

Как-то эта консультация премьера расстроила. Нравственные ограничения с себя могла снимать Британская империя в его лице, но никак не кто-нибудь другой!

Князь явился, как обещал, через полчаса, с боем часов. В одежде, подходящей для загородной прогулки. Мол, извините, не ждал, не готовился, не собирался...

Раскланялся, сел в предложенное кресло и изобразил, что он весь — внимание.

— Я правильно воспроизвожу ваше выражение — «не обессудьте»? — спросил маркиз, когда слуги разнесли стаканы, бокалы, сигары.

— Очень похоже. Однако мой английский лучше вашего «русского». — Берестин мог позволить себе шутки такого рода. Тем более, половина из присутствующих в гостиной была ему знакома по «Хантер-клубу». Просто если они вида не подали, так ему зачем же?

— Князь, Алексей Петрович, — с усилием выговорил премьер, — можете ли вы объяснить нам, здесь присутствующим людям, от которых, не скрою, зависят судьбы не только Империи, а и всего мира, что на самом деле происходит?

Берестин не стал брать предложенную сигару (черт знает, что они в нее могут подсунуть, мы сами такие), медленно, старательно набил прямую трубку «Капитанским» табаком российского производства.

Зато бокал шампанского взял, потому что заметил: из одной и той же бутылки ему налили третьему. И далее соблюдал подобного рода простейшие предосторожности.

— Объяснить могу. Только не знаю, что именно вас интересует.

— Все. Вы понимаете, мы понимаем...

— Господа, представьте, хоть на минуту, что я не понимаю ничего из того, что непонятным мне образом волнует вас...

...В это же примерно время Басманов, после разгрома первой волны вторгшихся монстров чувствующий себя довольно неуверенно, решил действовать без оглядки. Ему теперь, как генералу Корнилову под Екатеринодаром, терять было нечего.

Отбитые здесь дугтуры немедленно совершили нападение на самый глубокий из тылов «Братства», базовую планету Валгалла, для отражения которого ему пришлось передать туда свою самую боеспособную и испытанную роту во главе с лучшими офицерами. «Отцы-командиры» обещали, что немедленно вернут ее об-

ратно, сразу по миновании надобности. Но любой фронтовик знает, что отдать часть своих сил на усиление соседа легко, а вот — вернуть...

На буров надежды стало еще меньше. Если несколько дней назад они не стремились к активным наступательным действиям против англичан просто в силу характера, то теперь у них появились куда более веские основания. К месту побоища ежедневно направлялись целые делегации, тщательно рассматривали горы быстро портящихся трупов, после чего, с пением псалмов, формировали сильно охраняемые обозы и отправлялись по домам. Совершенно как в России призывники старших возрастов разбегались с фронтов в семнадцатом году. Никак не реагируя на слова командиров о том, что в армии, все вместе они — сила, а поодиночке их кто хочешь к ногтю прижмет.

— А винтарь на что? — потрясали трехлинейками сорокалетние бородачи, пока еще чувствующие себя частицей той самой «силы», тысячными толпами бушующей на вокзалах.

И такие же, сорокалетние и старше, мужики-буры, в рядах своих командо вздымавшие к небу винтовки и ружья, искренне верили, что, вернувшись на свои фермы, смогут вернее защитить свои семьи и имущество, чем оставаясь в армии.

— Одно и то же! Всегда и везде одно и то же, — со-крушил качал головой Сугорин. — Древние римляне в четвертом веке дезертировали из легионов, надеясь выжить поодиночке, русские удельные князья не сумели поступиться принципами, встретившись с монголами на Калке, наши мужики слишком поздно поняли, что от комиссаров обрезом не отобьешься, теперь вот эти...

— Но мы же не станем повторять чужие ошибки? — спросил Басманов.

— Есть идея?

— Проще некуда.

...Собрав в один кулак свою бригаду, не вступая в дискуссии и переговоры с Крюгером и его генералами, просто поставив их в известность, Михаил с Сугориным нанесли внезапный, деморализующий англичан удар на юг вдоль линии железной дороги. Именно так, как мечталось — по-махновски!

За сутки они сформировали «группу прорыва», противопоставить которой англичанам было нечего. Прежде всего в моральном смысле, поскольку стотысячная регулярная армия, безусловно, смогла бы успешно парировать отчаянный бросок двухтысячного отряда.

Старая военная истина — «нельзя быть сильным везде», сэру Рэдверсу Буллеру и генералам, составившим его штаб: Уоррену, Коку, Келли-Кенни, Ноксу и Таккеру, одновременно командовавшим дивизиями и бригадами, стягивающимися для обороны Кейптауна, очевидно, в память не запала.

Так и воевать по-настоящему ни одному из них не приходилось. Вообразить бы этих элегантных господ, всюду возящих с собой резиновые походные ванны, в сражениях под Плевной и Шипкой, как русских, или при Седане, как немцев! В боях, где за несколько дней сгорает больше отважных солдат, чем насчитывает вся кадровая армия Империи.

Растянув свои силы на четырехсоткилометровом фронте, эти стратеги продолжали верить в возможность его удержать.

...Передовой отряд составили две мотодрезины с керосиновыми двигателями, к ним прицеплены обычные двухосные платформы, по двадцать рейнджеров на каждую. Они выехали из Блюмфонтейна около полуночи.

Через час за ними пошли два бронепоезда, один трофеиный английский, второй импровизированный, из угольных полувагонов, обложенных изнутри мешками с песком и тем же кардифским углем (защита и за-

пас топлива для паровозов одновременно). Они были вооружены, даже несколько избыточно, скорострельными пушками, пулеметами Максима, картечницами Гатлинга и Норденфельда.

Басманов, помня опыт Гражданской войны, приказал оснастить поезда надежными, длинными и прочными деревянными трапами, по которым почти в любом месте можно скатить пушки на землю. Иногда такой маневр оказывался чрезвычайно эффективным. Для огневого налета в спину противнику, например как на станции Кавказская летом девятнадцатого года.

И уже потом двинулись эшелоны открытых платформ, идущие один за другим на дистанции прямой видимости. Невзирая на пример старших и национальный менталитет, к русским и европейским волонтерам присоединились почти шестьсот отчаянных бурских парней, решивших порвать с традициями отцов. Бравые, умеющие воевать немыслимым образом, и при этом выживающие в любых переделках русские офицеры, в большинстве — почти ровесники, показались местным ребятам достойным образом для подражания.

Особенно когда на привалах заводились разговоры о будущем, после победы, государственном устройстве единой Южноафриканской республики. ЮАР — ЮР — очень близко по звучанию, и как модель весьма привлекательно.

Однако война еще длилась, и нужно было сражаться, всего лишь надеясь, что именно тебя пуля или осколок не зацепят. Шанс быть убитым на самом деле не так уж велик. Умные люди посчитали — в подобного рода вооруженных конфликтах погибает в среднем от пяти до десяти процентов личного состава. В масштабах всей войны, конечно.

Платформы неторопливо гремели колесами по стыкам, теплая африканская ночь очень похожа на кубанскую, только запахи, накидываемые ветром, совсем

другие. Если бы не это, отчего не вообразить капитану Мальцеву, что едет он со своей ротой от Ростова к станции Торговая или от Армавира к Невинномысской?

Та же платформа, те же товарищи вокруг, та же смерть, порхающая, порхающая вокруг, да все не решаящаяся присесть на старый затертый погон без путеводных звездочек.

— Колек, подай-ка мне гитару, — попросил он хранителя ротных традиций и ротного имущества.

Раньше гитары, передаваемой из рук в руки, до него дошла голландская баклага, внутри которой плескалось черт знает что.

— Ладно, господа офицеры, а также и господа сочувствующие, — сказал он, имея в виду буров, — последний раз или, лучше, крайний, спою-ка я вам одну вещичку, услышанную от такого, как мы, поручика Константинова, столетием позже служащего той же самой России. Мы преходящи, господа, а Россия — вечна!

Чужеземная самогонка слегка достала его бесшабашную голову, каким-то чудом все еще держающуюся на плечах восемь лет непрерывных войн.

Под ритм колесного перестука...

Спокойно, товарищ, спокойно!
У нас еще все впереди.
Пусть шпилем ночной колокольни
Беда ковыряет в груди —
Не путай конец и кончину:
Рассветы, как прежде, трубят.
Кручиня твоя — не причина,
А только ступень для тебя.
По этим истертым ступеням,
По горю, разлукам, слезам
Идем, склонив нетерпенье
В промытых ветрами глазах.
Виденья видали ночные
У паперти северных гор,
Качали мы звезды лесные

На черных глазницах озер.
 Спокойно, дружище, спокойно!
 И пить нам, и весело петь.
 Еще в предстоящие войны
 Тебе предстоит уцелеть.
 Уже и рассветы проснулись,
 Что к жизни тебя возвратят,
 Уже изготовлены пули,
 Что мимо тебя просвистят¹...

... Оставил Сугорина руководить операцией, Басманов лично повел передовой отряд. Офицеры были одеты в полное боевое снаряжение — бронежилеты, каски-сферы с ноктоворизорами, кроме автоматов имеются, на особый случай, пистолеты с глушителями. Вообще Михаил приказал стрелять только в самом крайнем случае. Убивать людей в то время, когда в любой момент может начаться очередное вторжение *нелюдей*, — глупо, если не сказать резче.

— Только для самозащиты, господа. Вы ведь умеете...

— Не извольте беспокоиться, господин полковник.

Английский патруль обнаружил первую дрезину в пяти километрах севернее городка Тоусрифир. Бабахнул предупредительный выстрел из винтовки, потом ярко вспыхнул прожектор. Перед станцией уже были выстроены каменные блокгаузы и, похоже, натянуты заграждения из колючей проволоки. Солдаты не открыли сразу огонь на поражение, потому что имелись сведения об оставшихся за линией фронта своих частях. Да и тихо движущаяся дрезина очевидной опасности не представляла.

Один из офицеров, сидевших в кабинке механика, выскочил наружу, выпрямился в луче света и начал, размахивая руками, кричать сорванным, что очень подходило к обстановке, голосом, будто он капитан второго батальона Линкольнширского полка, они прорыва-

¹ Слова Ю. Визбора.

ются от Виктория-Уэст, и за ними гонится бронепоезд буров.

Единственного, что могло его демаскировать — круглого, ни на что не похожего шлема, на рейнджере не было, а разобрать, какая на нем форма, за сотню метров невозможно.

Пока дрезина тормозила, сорок человек, оставаясь в неосвещенной зоне, легко поспрыгивали вправо и влево, насыпь дороги едва ли на фут возвышалась над вельдом.

Убивать никого не пришлось: офицеры стремительными перебежками окружили пост, просто выхватывая винтовки из рук ничего не понимающих солдат, добродушными толчками прикладов согнали к стене блокгауза.

— Вот так всем и стоять, — приказал Басманов. — Главное — не дергаться. Любая проблема может быть решена без крови при взаимном непротивлении сторон. — Эти слова были адресованы начальнику поста, худому лейтенанту в ботинках с обмотками. В русской армии обмотки тоже носили в конце мировой войны, но только рядовые, да и то из запасных и ратников второй очереди. Если каких-никаких сапог не имеешь, какой же ты офицер?

— Назовите себя, — предложил он лейтенанту, ногой подвигая к себе дубовый табурет в пустом отсеке блокгауза. Кроме грубо сколоченного стола и ящиков с патронами возле бойниц там ничего не было.

— Сначала — вы, — с вызовом ответил англичанин, принимая при этом из рук Басманова папиросу.

— Далеко зайдем, — меланхолично ответил Михаил, осматривая помещение и проскальзывая взглядом мимо военнопленного. — Я хоть Карабасом-Барабасом назовусь, вам это никак не поможет. А вы просто обязаны сообщить свое воинское звание, имя и фамилию, назвать часть, к которой принадлежите. Неужели я должен вам объяснять элементарные вещи?

После этого разговор постепенно начал приобретать конструктивный характер. Особенно когда полковник намекнул, что при следующем нападении монстров русские волонтеры не собираются становиться живым щитом «меж двух враждебных рас, монголов и Европы».

— Это один наш поэт так писал по поводу событий тринацатого века, — счел нужным пояснить Басманов.

В итоге англичанин согласился с доводами полковника, что им сейчас делить нечего и лучше сотрудничать, поскольку так называемую «Англо-бурскую войну» можно считать законченной ввиду вмешательства форс-мажорных обстоятельств.

— Вы же убедились, что ни один из ваших людей не пострадал, в условиях, когда могли быть убиты все? А сейчас подойдут еще несколько эшелонов, и мы, оставив вас на своей позиции, двинемся дальше. Если требуется какая-то помощь — скажите. Сделаем. Знаете, пожалуй, я подкреплю вас взводом моих людей. Они и оборону организуют, и послужат гарантией от опрометчивых поступков. Мало ли что в расстроенных чувствах вашим в голову прийти может...

Бригада Басманова без задержки проследовала через Тоусрифир и утром, сбив слабые британские заслоны вдоль железнодорожной линии, заняла городок Вустер с последней узловой станцией перед Кейптауном. До него оставалось всего сто миль.

Вустер теоретически обороняла 11-я пехотная бригада полковника Вудгарда в составе пяти батальонов, бессмысленно надерганных из разных по уровню подготовки и даже национальной принадлежности полков. Боевого сколачивания они не проходили, да это в тогдашней армии отнюдь не считалось обязательным.

Кроме всего прочего, английская армия, как, впр

чем, и любая ей современная, понятия не имела о боевых действиях ночью, малыми группами, работающими по заранее согласованному плану, не требующему непосредственного руководства в ходе операции.

Поэтому, когда десяток взводов рассыпался по окрестностям вокзала и трем радиально расходящимся от него улицам, не успевшие толком проснуться англичане начали массово сдаваться в плен. А что остается делать, когда часовые и дневальные сняты без звука, в казарму, прерывая самый сладкий предутренний сон, вламываются несколько человек, громко кричащих на непонятном языке, с потолка сыпется штукатурка от автоматных выстрелов (для непосвященных звучащих как пулеметные)? Попытки немногочисленных старослужащих и унтеров выхватить из кобур револьверы или прорваться к стоявшим вдоль стен пирамидам с винтовками пресекались беззлобно, но жестко. Ударами прикладов и просто кулаков. По чему придется.

— Куда ты, мать твою, лезешь, дурак? Куда? Жить надоело? Сиди, где сидишь, я сказал! — И хлесткая пощечина открытой ладонью, от которой непослушный навзничь летит на грязный земляной пол.

Едва ли «просвещенные бритты» были способны на подобный гуманизм. Они обычно предпочитали стрелять в любого сопротивляющегося, пусть даже словом или косым взглядом.

И не в русской кавалерии придумали мерзкую забаву под названием «подколем свинью», в которой десятки улан с гоготом и свистом пиками гоняли по полю пленных буров до тех пор, пока последний не будет пронзен стальным острием. После чего победители дружно отправлялись в походный бар отмечать «славную игру».

Если бы хоть один-единственный русский офицер до такого додумался, навек бы опозорил свой полк. Да прежде всего рядовые подобный приказ не стали бы выполнять. Бой окончен — значит, все!

Почти тысячу испуганных, слегка побитых, босых и в одних подштанниках солдат и офицеров согнали на площадь и кое-как построили. Но своему коллеге, полковнику Будгарду, Басманов позволил одеться, побриться, почистить сапоги. Из уважения и для контраста. По периметру редкой цепочкой стояли рейнджеры с автоматами на изготовку. Из окон ближних домов выглядывали перепуганные и одновременно изнывающие от любопытства местные жители.

Фактически столица Капской колонии и прилегающие к ней территории оказались в плотной блокаде, потому что и море стало недоступным. Даже первое и второе сражения в Атлантике Гранд-флита с одиноким рейдером не произвели такого шокирующего впечатления, как бесследное исчезновение крейсерской эскадры Балфура и бомбейского конвоя. Кое-кто в штабе Буллера вдруг вспомнил, что не так уж были и не правы адмиралы Нахимов и Корнилов, решившие затопить свой флот для блокирования подходов к Севастополю. Лучше использовать моряков и артиллерию на сухопутном фронте, чем бессмысленно их потерять в боях с абсолютно превосходящим противником.

Сравнивать, конечно, не совсем корректно, однако осажденные Одесса сорок первого года и Порт-Артур четвертого находились в куда более трудном положении, с военной точки зрения, чем Кейптаун, зато — понятном. Да и моральный дух защитников русских приморских крепостей был не в пример выше. Англичане «стоять насмерть» отнюдь не собирались, да и надежд на то, что оборона имеет какой-либо высший смысл, ни у кого почти не было.

Михаил вызвал по радио Кирсанова и доложил о своем успехе.

— Если у тебя есть возможность, передай самому

главному, кто там у них сейчас в состоянии принимать ответственные решения, что мы заняли Вустер без боя, гарнизон всего лишь временно разоружен. Для предотвращения возможных инцидентов. Масштабное наступление на Кейптаун не планируется, бурская армия остается на ранее занятых позициях. О том, что она сейчас практически небоеспособна, говорить необязательно. Скажи, что для сохранения статус-кво британские войска тоже не должны совершать никаких передислокаций.

— Молодцы! На таких условиях есть о чем договариваться, — восхитился Кирсанов. — У меня как раз имеются подходящие кандидатуры. Здравомыслящие. Думаю, часа через два смогу дать тебе предварительный ответ. А ты пока составь от имени господина Вудгарда достаточно паническое, но и вразумительное сообщение и допусти его к прямому проводу с главкомом. Чтобы мне было о чем предметно беседовать.

Время было раннее, солнце только-только поднялось над дальними холмами, но Кирсанов немедленно разбудил Ларису. Собиралась она ненамного дольше, чем десантник по тревоге, благо при ее внешности не было необходимости заниматься макияжем.

Павел едва успел позвонить по телефону Роулзу, предупредив, что минут через двадцать к нему заедет и надеется застать сэра Саймона в полной боевой готовности.

— К чему?

— Пока — к посещению одного высокопоставленного лица. Возникли интересные обстоятельства. Но это — не для телефона.

Затем он уведомил дворецкого адмирала Хилларда, что неотложное дело требует немедленной встречи с хозяином, так что очень желательно, чтобы сэр Мэнсон проснулся и привел себя в порядок.

— Сэр Мэнсон давно проснулся и работает в своем кабинете, — холодно ответил дворецкий. — Как прикажете доложить?

— Доложите, что звонил мистер Сэйпир. Он и миледи Отэм просят их принять через полчаса...

— Подождите, я доложу.

— Доложите, только ждать я не буду. Уже выезжаю.

— Вот и я, — вошла в комнату Лариса, элегантно, но просто одетая и полностью экипированная в своем обычном стиле, то есть в бронекорсете и с пистолетами. Кирсанов это сразу заметил наметанным глазом, хотя никто другой не обратил бы внимания на некоторую скованность движений изящной дамы.

— Вряд ли нам сегодня предстоит воевать, — мельком заметил он, целуя ручку.

— Ничего, я привыкла. Я знаю, что ты редко ошибаешься, но если вдруг... Предпочитаю быть готовой ко всему.

— Дело хозяйствское. Поехали.

— Что-то случилось? — спросил Роулз, садясь в карету. После того, как миледи его завербовала, а Сэйпир раскрыл карты, в знак полного доверия поделившись тайной поразившей комиссара амнезии, он все время ждал каких-то неприятностей, хотя Кирсанов заверил комиссара в абсолютной невозможности провала и дал очень веские гарантии пожизненной безопасности и блестящих перспектив карьерного роста.

Вот и сейчас, разбуженный ранним звонком, он чувствовал неприятный холодок в животе и медный привкус во рту.

Копыта вороной пары цокали по булыжнику, мягко шуршали резиновые шины колес, лорд Генри на облучке от нечего делать пощелкивал кнутом, не задевая лошадей.

Вдоль улиц тянул легкий утренний бриз.

Кирсанов с долей грусти в глазах смотрел поверх опущенного стекла на просыпающийся город.

— Ничего чрезвычайного, — ответил он после долгой паузы. — По крайней мере, монстры нигде больше не объявлялись. Зато отряд волонтеров недавно занял Вустер, его гарнизон капитулировал, и, как вы должны понимать, в случае неблагоприятного развития событий в городе через несколько часов могут начаться уличные бои. Укреплений со стороны суши Кейптаун не имеет, полевые части разбросаны на достаточно большой территории и вовремя подойти просто не успеют. Расквартированные в черте города силы значительно уступают ударной группировке буров качественно. Так что сами понимаете...

— Вы не забыли о флоте? — заботливо спросил Родулз. — На берег могут сойти до трех тысяч моряков, а корабельная артиллерия способна обеспечить мощное огневое прикрытие...

— Да, — согласился Кирсанов, — даже после исчезновения эскадры Балфура флот остается силой. Вот я и говорю — начнутся уличные бои, и от всей этой прелести мало что останется. Знаем, приходилось видеть.

— Где же это?

— Земля большая, все время где-то стреляют, — неопределенно ответил Павел. Задумавшись, он невольно проговорился. В этом мире в цивилизованных странах войн не было уже двадцать лет. — На Филиппинах, например, — уточнил он, имея в виду испано-американский конфликт. — Поэтому мы и подумали, что правильнее всего ничего подобного не допустить. Вы согласны?

— Смотря какой ценой...

— Сейчас и обсудим эту цену. Ваша задача на первом этапе переговоров — молчать, лишь обозначая свое присутствие. Дальше — видно будет. Я скажу, если потребуется ваше веское слово.

Только вчера вечером адмирал Хиллард получил из Адмиралтейства долгожданную телеграмму, где сообщалось о его производстве в чин вице-адмирала и утверждении в должности командующего южноафриканской эскадрой, а также старшего морского начальника на театре военных действий.

До этого он не до конца верил обещаниям и намекам миледи Отэм. Теперь его сомнения рассеялись. Если кто-то в Лондоне решил сделать ставку именно на него — отчего бы и нет? Там наверняка виднее.

Он проснулся очень рано, с желанием немедленно приступить к деятельности. Пока вестовые пришивали к кителям и мундирам новые знаки различия, сэр Мэнсон в форменных брюках и белой шелковой рубашке сидел перед открытым окном и набрасывал проект приказа о своем вступлении в должность и задачах флота в свете этого события.

Он собирался огласить приказ на шканцах только что вышедшей из сухого дока «Диадемы», на которой решил поднять свой новый брейд-вымпел, красный крест на белом поле с красным же кругом в левом верхнем квадранте. И только после этого ехать с представлением к губернатору и главнокомандующему сухопутными силами.

От мысли — как вытянутся у них лица, он радостно потер руки и выпил первую порцию виски. За успех, и чтобы мысль лучше работала.

Тут и явился дворецкий с известием о визите миледи и мистера Сэйпира.

— Этому-то что здесь делать? — поморщился адмирал. Он с гораздо большим удовольствием принял бы поздравления только от нее одной. Но, очевидно, без участия этого пронырливого типа здесь не обошлось. И неизвестно, личные связи миледи или деньги негоцианта оказались весомее.

Хиллард облачился в мундир с новыми нашивками, полюбовался собой в зеркале, приказал накрыть в гостиной стол. Едва ли его гости успели позавтракать.

Еще большее раздражение, чем присутствие Сэйпира, вызвал у адмирала второй сопровождающий дамы, комиссар Роулз. Вот уж кто совершенно неуместен в его доме. Никакого конфиденциального разговора теперь не получится, это ясно. Но ведь и просто так этот господин здесь появиться не мог. Значит, интрига закручивается еще туже.

— ... Таким образом, адмирал, — говорил Кирсанов, помешивая ложечкой кофе в тонкой китайской чашке, — выбор у нас с вами крайне ограничен. Или штурм города со всеми вытекающими последствиями, или — перемирие. Как я уже поставил вас в известность, в наших возможностях убедить буров оставаться на достигнутых рубежах и даже несколько отступить. После этого переговоры могут продолжаться неограниченное время. Вы прекрасно знаете, что Оранжевая и Трансвааль не в состоянии поддерживать нынешнюю боеготовность дольше нескольких месяцев. Но и ваша армия, в свою очередь, лишенная снабжения по морю, очень скоро начнет терпеть неприемлемые лишения. Не говорю о мирном населении. Вы не сможете ни прокормить его, ни эвакуировать. Это понятно?

— Очень понятно, — согласился Хиллард. После исчезновения эскадры Балфура каких-либо надежд на возможность не то чтобы овладения морем, но и обычной проводки конвоев с войсками и снаряжением не существовало даже в перспективе. Прорывы отдельных быстроходных кораблей под прикрытием ночи и плохой погоды еще возможны, но проблемы это не решало.

— Вы думаете, что буры будут препятствовать отправке в Метрополию невооруженных судов с мирным населением?

— Топить их они, безусловно, не станут, а вот воспретить выход в море — вполне. Под каким угодно предлогом. Вы представляете, что станет твориться в колонии, если тысячи людей сначала будут посажены на па-

роходы, а потом, убедившись, что собственный флот не в состоянии обеспечить их безопасность, вынужденно вернутся в уже покинутые дома? Лишившись последней веры и надежды.

— Картина очень печальная, даже — душераздирающая, — с болью в голосе промолвила Лариса. Только что кружевной платочек к глазам не поднесла.

— Хорошо, господа, — ответил адмирал, укрепляя душевное равновесие еще одним солидным глотком виски. — Нарисованная вами картина действительно печальна. Только я не совсем понимаю, почему вы сочли нужным обратиться именно ко мне? Не к главнокомандующему, не к губернатору?

— К ним мы обратимся сразу после того, как закончим беседу с вами, — сказала миледи Отэм. — Дело в том, что если названные персоны проявят меньше благородства, чем требуется в их положении, ваша новая должность и имеющиеся в распоряжении силы смогут повлиять на развитие событий в нужном направлении...

Хиллард снова покосился на Роулза. Черт возьми, он до сих пор не понимает, в каком качестве присутствует здесь этот господин. Британская разведка что, тоже на стороне заговорщиков? В существовании заговора он больше не сомневался, только его цель и движущие силы оставались скрыты «туманом войны».

— Мятеж? Вы предлагаете мятеж флота против правительства колонии и армии?

— Не пугайте сами себя словами, не имеющими смысла. Вы же не мальчик, адмирал, — улыбнулась Лариса. — Неужели вы столь наивны, чтобы думать, будто приказ о вашем назначении родился сам собой? Что те, кто его готовил, подписывал и отправлял, не знали, зачем они это делают? Хотите маленький эксперимент? Мы сейчас расстанемся, ни о чем не договорившись, а уже вечером вы и губернатор тоже получите телеграммы, дезавуирующие предыдущую, за номером... — она

назвала общий номер и другой, внутренний, многое говорящий посвященным.

— Ошибка, так сказать, вышла, и указанное лицо на самом деле отправлено в отставку с формулировкой «без объяснения причин», — поддержал Ларису Кирсанов.

Безусловно, это был удар ниже пояса. Хиллард почувствовал, что у него задергалось нижнее веко. Шантаж, самый настоящий шантаж.

— Да вы успокойтесь, — понял его состояние Кирсанов. И не такое приходилось видеть в богатой жандармской практике. — Это ведь — исключительно гипотетически. Мало ли ошибок совершаются в канцеляриях при прохождении бумаг. Но пока все сложилось исключительно хорошо? Весьма влиятельные персоны в высших кругах Империи видят вас на нынешнем посту, и крайне опрометчиво их разочаровывать. Грядут большие, очень большие перемены, сэр Мэнсон, и не стоит упускать шансы, которые имеют обыкновение не повторяться.

Адмирал подошел к окну, посмотрел на бухту, где теснились у пирсов и бочек вверенные ему корабли. Несколько крейсеров и миноносцев слабо дымили, поддерживая двухчасовую готовность, остальные стояли с погашенными топками.

Что ж, придется внести кое-какие изменения в приказ, добавить пункт о срочном формировании отрядов морской пехоты из строевого состава для обороны города и подготовке к перевозке на берег нескольких батарей скорострельной противоминной артиллерии и пулеметов.

— А отчего это ваш брат, миледи, не оказал мне честь своим посещением, а остался при карете, как простой кучер? — спросил адмирал, переведя взгляд на площадку перед домом.

— Ох, сэр Мэнсон, он у нас такой оригинал, — всплеснула руками Лариса. — Его совершенно не инте-

ресует политика, а скучать с утра за графином вашего превосходного виски считает вредным для здоровья. Знаете, чем он сейчас занят? Он сочиняет венок сонетов, посвященный одной особе...

— Наверное, он умнее нас всех, — проворчал Хиллард.

— А вот мы не отказались бы от стаканчика, — продолжила миледи, — поскольку мы ведь обо всем договорились?

Адмирал кашлянул, но не возразил. Что тут возразить? Лондон далеко. Задавать по телеграфу вопросы, которые прозвучат как минимум дурацки? Или бежать к губернатору за советом? Еще более глупо. Они с Буллером его разжуют и не подавятся, а потом в случае чего еще и свалят на него все свои ошибки и неудачи.

Лежит в сейфе предыдущая телеграмма, в которой рекомендовано прислушиваться к мнению доставившей ее особы, ну и достаточно. А вчерашняя предоставляет неограниченные полномочия в зоне его ответственности. Является Кейптаун военно-морской базой? Безусловно. Значит, можно смело считать, что в пределах городской черты, более того, вплоть до рубежей, с которых вражеская артиллерия способна обстреливать рейд и порт, он является безусловным единоначальником. До тех пор, пока Редверс Буллер не предъявит ему другого документа, прямо подчиняющего флот армии. Такого в истории Британии еще не было и, даст бог, не будет.

— Договорились, договорились, — после паузы сказал он, жестом приглашая комиссара Роулза присоединиться и поднять бокал. Не зря ведь его сюда привели.

— Скажите мне только одно, миледи и джентльмены, кого вы на самом деле представляете? Мы ведь с вами окончательно в одной лодке...

— Вы на самом деле хотите это знать? — изумилась Лариса. — Да к чему вам это, господи! Какие странные люди, — повернулась она почему-то не к Кирсанову, а к

Роулзу. — Две тысячи лет назад сказано — «умножая знания, умножаешь скорби». Что, казалось бы, еще нужно? Ваше непосредственное руководство простило вам прегрешения, пусть и мнимые. Вас возвели в очередной высокий чин, чем причислили к элите заслуживающих доверия. Вы должны догадываться, что такие решения невозможны без санкций с уровней, какие упоминать всуе неосторожно. Но вы действительно хотите знать больше, чем следует? «В одной лодке» — хороший образ. Но в лодках не только плавают, в них, бывает, и тонут...

Кирсанов смотрел на Ларису и настоящим образом восхищался. Умеют же люди! Что значит более чем полутораковая разница в возрасте и недоступный пониманию опыт! Общался он с членами «Братства» больше пяти лет, и мир их будущий посещал, книги читал, фильмы смотрел. А вот если не родился там, так очень многое все равно не доходит...

Молодая девушка, Лариса Юрьевна, ничуть не старше, чем те большевички, анархистки и эсерки, с которыми приходилось работать еще до Переворота. В тех хватало фанатизма, натасканности в текстах Маркса, Бакунина, Кропоткина, готовности пойти на каторгу и даже на виселицу, а вот ума — не наблюдалось. Эта — совсем другая. Если бы пришлось встретиться в качестве противников, в равных условиях, Павел честно себе признавался — за свою победу он не ручался. Слишком многое насчитывалось моментов, где она обходила его просто за счет способности не принимать во внимание вещи, ну — самоочевидные.

У Кирсанова и его врагов-революционеров были собственные убеждения, принципы, не всегда безукоризненные, но были. Их границы переходить считалось неприличным. С той и с другой стороны. Убить губернатора или даже царя — можно. Но при этом не бежать, не затевать игру со следствием, признать все, выкрик-

нуть несколько лозунгов и пойти на виселицу. В качестве компенсации и доказательства чистоты помыслов.

А Лариса исповедовала чистый прагматизм. Используя свой ум, характер, знание психологии и то, что философы XIX века называли «имморализмом», она легко переигрывала противников, такими качествами не обладающих.

Это же самое Павел отмечал и в натурах Новикова, Шульгина и других товарищей.

Как говорил один из персонажей «Хождения по мукам»: «Все виновные будут расстреляны, но без генеральского издевательства».

— Но если вы настаиваете, сэр Мэнсон, я вам отвечу. Мы представляем организацию, озабоченную тем, чтобы человеческая цивилизация сохранилась. Пусть и в ее нынешнем, несовершенном виде. Нам не нужны истребительные войны между людьми. Тем более — мы не хотим отдать Землю пришельцам извне. Вам не довелось лично видеть вторжение монстров? Ваше счастье. Зато можете посмотреть на трупы. Их, наверное, уже привезли. Я распоряжусь, чтобы вам продемонстрировали.

— Я бы не хотел... Верю на слово.

— Воля ваша. Тогда мы встретимся в десять часов в приемной губернатора? Он будет достаточно подготовлен.

— Да, — пересиливая себя, кивнул адмирал.

— Очень хорошо. Надеюсь, там вы не станете задумываться о посторонних вещах...

Отдав Роулзу необходимые инструкции в свете всего сказанного и им услышанного, Кирсанов захлопнул дверцу кареты.

— Куда поедем? — спросил он Ларису. — У нас еще почти два часа.

— Можно — на берег моря. Можно — в отель. Рас-

скажем Алексею и Сильвии, что у нас тут. Попросим совета. А ты как думаешь?

— Я думаю — к чему все это? Разве нельзя жить по-другому?

— Милый, — положила она руку в длинной перчатке ему на колено. — И жить — умереть, и не жить — умереть. Каждый выбирает по себе. Разве ты не выбрал? Как мне кажется, сюда, в Кейптаун, ты отправился добровольно. Значит, видел какой-то смысл в своей личной войне с англичанами?

— Видеть-то видел. Только с той поры кое-что поменялось. И вокруг, и во мне самом...

— С момента появления монстров?

— Наверное, да. После этого я живу и действую, словно по инерции.

— Они так тебя напугали?

— Не то слово. Напугать меня чем-нибудь достаточно трудно. И ты, и все остальные имели время убедиться. Но теперь все перешло в какую-то другую плоскость. Я настраивался на классическую войну с известными целями. Мы их почти достигли. Судя по действиям Басманова на фронте и наших здесь, Кейптаун действительно может быть взят в ближайшие дни... Вместо этого начались очередные дипломатические игры. Кто-то где-то взял курс на перемирие. Зачем? Мне это напоминает остановку наступления немцев на Дюнкерк. Что за выгода — позволить англичанам сохранить колонию и армию? В расчете использовать их в качестве ударной силы в случае нового нападения монстров и их хозяев?

— И это тоже. Если здесь появятся десятки или сотни тысяч гораздо лучше подготовленных к войне существ, нам выгоднее противопоставить им современную армию и флот, нежели разрозненные отряды буров, против таких чудовищ практически бессильных. Они разбегутся и будут переловлены поодиночке... Лучше сохранить здесь человеческий плацдарм, пусть он

по-прежнему будет называться Капской колонией, не-жели отдать всю Африку дуттурам.

Кирсанов покривился:

— Очень может быть, что в твоих словах есть логика. Только я не готов ее принять... Людям не нужно больше связываться с дуттурами и всякой другой нечистью. Нам лучше уйти.

— Это очень плохо, — не глядя на Павла, сказала Лариса. — Это сейчас творится почти со всеми. Все вдруг теряют интерес к жизни и к своему делу. Вот и тебя коснулось. Ты разочарован, без всяких объективных причин. Так бывает в отношениях женщин и мужчин. Вчера все было великолепно, а сегодня смотришь — и что я в нем находила? Скучный, неприятный тип, каждое слово и каждый жест раздражает... Пожалеешь?

Кирсанов молча кивнул.

— И что же это такое? Тотальная психическая атака? Артподготовка перед новым наступлением? Было, приходилось видеть последствия, — она усмехнулась. — Сейчас немного по-другому, но что мы знаем об их возможностях? А результат налицо. Буры разбегаются, английские солдаты сдаются в плен, адмирал уж очень легко купился на нашу игру. Ему бы открыто радоваться своему новому положению или послать нас ко всем чертям, как офицеру полагается, а он — ни рыба ни мясо. Теперь вот и ты!

— На тебя почему-то не подействовало, — с сомнением ответил Кирсанов. — На Басманова и его офицеров — тоже.

— У меня — иммунитет. Уж как возле пещеры ломали, а не получилось. А у тебя, наверное, слишком тонкая душевная организация. Как и у наших ребят. Психика в целом держится, с эмоциональной сферой хуже. Я за всеми наблюдала, симптомы одинаковые. Словно в игрушке завод кончается. Еще подпрыгивает, но нет былой прыткости...

— И что же дальше будет?

— Увидим. А сегодня надо жить и исполнять свои обязанности.

ГЛАВА 16

Лариса была права. На Басманова и его офицеров, прошедших несколько кругов ада, тяжелая, стучающаяся, как перед страшной грозой, психическая атмосфера вроде бы не действовала. А если и действовала, то не в том направлении. Они привыкли воевать с кем угодно, не задумываясь о шансах на победу. Пока ты в строю, в руках у тебя оружие, остается хоть какой-нибудь смысл в борьбе — ты не побежден.

Сейчас у Михаила все получалось. Он выигрывал на этом поле. Как когда-то говорил ему Шульгин: «Если ты отчетливо представляешь цель, готов ее добиваться, не задумываясь о достижимости, визуализируя результат, все будет так, как надо».

Англичане сдали свою «Каховку», даже не попытавшись ее защитить. Не то что красные¹. Остальное — не его дело. Прикажут — возьмет Кейптаун. Нет — займется чем-нибудь другим. В две тысячи пятьдесят шестой год съездить было бы интересно. Глядишь, там тоже могут «случиться обстоятельства».

Полковник Будгард после проведенной с ним «товарищеской беседы» согласился с доводами Басманова и Сугорина. Осознание того, что взвод этого противника способен, даже не убивая, принудить к сдаче батальон, весьма способствовал здравомыслию. Несмотря на то, что вполне дружелюбно разговаривавшие с ним русские офицеры деликатно уклонились от ответов на более чем естественные вопросы. Например — откуда у них такое оружие и где они научились *так* воевать?

¹ См. роман «Разведка боем».

— Неужели это, по-вашему, трудно? — с намеком на издевку ответил Сугорин, которого англичанин воспринимал как более заслуживающего внимания собеседника, нежели его напарника, непозволительно молодого. — Если ваши подчиненные не умеют исполнить поставленную перед ними задачу, какова цена вам как командиру?

После этого Вудгард предпочел затронутую тему не развивать.

Переговоры по прямому телеграфному проводу¹ с главкомом состоялись. Редверс Буллер, ошеломленный тем, что выступжал аппарат на узкой бумажной ленте, обрушил на своего полковника серию достаточно бессвязных и бессмысленных в сложившейся обстановке угроз. Басманову пришлось самому диктовать телеграфисту ответы, безусловно, приведшие генерала в еще большее замешательство. Они были дерзкими, с точки зрения субординации, и в то же время безукоризненно логичными.

«Вы, достопочтенный сэр, не озабочились обеспечением стратегически важного направления достаточными силами зап резервами зап не довели до моего сведения информацию о численности и возможных планах противника зап не отдали приказа об организации мобильной обороны на заранее подготовленных рубежах тчк Фактически бросили вверенную мне бригаду на произвол судьбы тчк Я счел себя вправе руководствоваться буквой устава тчк Прошу довести предложения бурского командования до сведения губернатора и сообщить ответ тчк В случае неполучения такового до шестнадцати часов противник продолжит наступление на всех фронтах тчк Вудгард».

¹ «П р я м о й п р о в о д» — способ связи по телеграфу Морзе (кодом точка-тире) или Бодо (буквопечатающий), напоминающий нынешний обмен СМС. Собеседники находятся у аппаратов, подключенных без промежуточных станций, и ведут диалог в режиме реального времени.

— Моя карьера кончена, — вздохнул полковник, пропустив между пальцами телеграфную ленту.

Басманов протянул ему портсигар:

— Не стоит драматизировать. Вы здесь воюете без цели и морального оправдания, а в таких условиях послать на заведомый убой тысячу с лишним человек гораздо большее преступление, чем почетная капитуляция. Да и вы сами при здравом размышлении поймете, что карьера и смерть — все-таки категории из разных смысловых рядов.

— Я это и так понимаю. Никогда не видел смысла в войне с бурами.

Басманов, вспомнив все прочитанные им книги (особенно по истории Второй мировой, которая его очень увлекала), подумал, что ни один из проигравших агрессивную войну и сдавшихся полководцев не писал в мемуарах, что по-прежнему считает свое дело правым. Хотя бы тот же Паулюс.

— Так это очень хорошо, — сказал Михаил. — Когда начнут судить организаторов, вы сможете выступить на стороне обвинения. Очень выигрышная позиция.

— Тем более — совсем неизвестно, чем все кончится, — добавил вечный скептик Сугорин.

Как в воду смотрел Валерий Евгеньевич.

Едва аппарат, по которому только что закончили говорить с Кейптауном, смолк, застремотал другой, подключенный к линии на Тоусрифир и дальше, до Виктория-Уэст.

Оставленный для присмотра за станцией и полуленными-полусоюзными англичанами поручик Лучников докладывал, что обстановка на его участке непонятным образом изменилась. С севера надвигаются черные грозовые тучи, захватывающие горизонт на всем протяжении. Это может означать приближение небывалого по силе урагана, переждать который в нескольких каменных строениях скорее всего удастся. Живот-

ные, включая лошадей, ведут себя очень беспокойно, что бывает в случае грядущего землетрясения и других катализмов. Люди, за исключением офицеров взвода, тоже нервничают. По этой причине поручик привел вверенное ему подразделение в полную боеготовность. Что гораздо хуже, телеграфная связь по северному направлению полностью прервана. Вследствие чего требуется указание — направить ли дрезину с несколькими бойцами на разведку или оставаться на месте, с правом действовать по обстановке?

— Он, наверное, в университете учился? — спросил Сугорин, дочитав текст на ленте. — Многословен, но четок в изложении фактов.

Басманов, как Николай Второй, знал всех рейнджеров первого призыва в лицо и по анкетным данным.

— Так точно, учился. Три курса Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, агрономический факультет. В шестнадцатом году — вольноопределяющийся, через три месяца — прапорщик, в восемнадцатом — подпоручик, в двадцатом — поручик. После окончания войны из армии уволился. Работал по специальности в Никитском ботаническом саду. По моему приглашению вернулся в строй. Как и вы, Валерий Евгеньевич...

Что-то, наверное, в оценке Лучникова полковником Михаила задело. Но куда сильнее его озабочило другое.

— Передавай, — приказал он телеграфисту. — Немедленно, повторяю — немедленно раздать оружие англичанам, использовать для усиления обороны. Гражданское население посадить в наличный подвижной состав, отправить на Вустер. Лично вам, оставив достаточные для собственной срочной эвакуации транспортные средства, наблюдать за обстановкой, в полной готовности...

— К чему? — отбил аппарат.

— Ко всему, — кроша табак из слишком сильно разминаемой папиросы, ответил Басманов. — От обычно-

го дождя и ветра найдете где спрятаться. Предполагаю возможность нового наступления известного противника. В течение получаса выезжую в ваше расположение. Если что-то начнется до моего прибытия, ориентируйтесь по обстановке. При явном превосходстве атакующих отрывайтесь на полной скорости, обеспечив необходимое тыловое прикрытие. Геройствовать не нужно. Как понял?

— Хорошо понял, господин полковник...

— Жди. Конец связи.

— И что, Михаил Федорович, вы сейчас подразумевали? — спросил Сугорин, по штабной привычке пряча телеграфную ленту в полевую сумку. Как документ.

— Не более того, что вы сами слышали. Я просто очень опасаюсь, — честно ответил Басманов, — что после того, как мы отразили первое вторжение монстров, оно может повториться десятикратно большими силами. Этими же монстрами или чем-то другим. Как на Валгалле, где Ненадо с Оноли снова погеройствовали. Но это, пожалуй, вряд ли — «медузами» бы они у нас в глубоком тылу высадились... В самом Кейптауне.

— При условии, если подобная акция соответствует их концепции войны, — скептически усмехнулся Сугорин.

— Согласен. Но их концепции нам неизвестны. Поэтому — исходим из собственных. В любом непонятном явлении, даже природном, предпочитаю подозревать самое худшее. Если очередная армада монстров атакует Таусрифир, своих бойцов на убой оставлять не намерен. Для чего и еду. Поручик из принципа или из зависимости к лаврам Оноли может упереться и стать насмерть. Я этого не допущу. Или вовремя отступим вдоль «железки», или сообразим фланговый маневр. Как получится. Но живыми вернемся обязательно, сегодня, или... Попозже.

Басманов машинально коснулся гомеостата на правом запястье. После боя с монстрами он предпочитал с

ним не расставаться. Не потому, что опасался за свою жизнь, просто сообразил — поймет шальную (а то и специально направленную) пулью, тут и всему делу конец. И волшебное устройство, способное заменить целый медсанбат, тоже пропадет. Его ведь товарищи под честное слово доверили, с возвратом.

— Допустим, ничего не случится, кроме урагана с тропическим ливнем. Речки разольются, дорогу смоет. Пешком добираться будем...

— Не имею возражений, — кивнул полковник. Что он думал на самом деле, осталось неизвестным. В его мемуары, по крайней мере, этот эпизод не вошел.

— Тогда я попрошу и вас немедленно озабочиться обороной Вустера. Считаем, — он посмотрел на часы, — до Тускрифира девяносто пять километров. Я смогу там быть через три часа, если выеду немедленно. При самом катастрофическом развитии обстановки противник доберется сюда через десять. Если нас сбьют с позиций и устремятся в прорыв полным аллюром. Поездами вряд ли воспользуются. Из этого и будем исходить. Конечно, хоть раз я с вами по радио связаться сумею... Но если вдруг... Начинайте прямо сейчас занимать позиции по северному фасу станции. Англичанам оружие пока не выдавайте, выдайте лопаты, пусть поправят те окопы, что есть, начинают рыть новые, на фланкирующих блокгаузы высотах. Всю артиллерию подготовить к работе на прямой наводке по северному берегу. Да, вот еще что! Распорядитесь мост заминировать. На всякий случай.

— Да что вы себе такое вообразили, Михаил Федорович?

— Читал я в одной книжке — если почуете запах серы, начинайте производство святой воды в промышленных количествах.

— Вы — почувствовали?

— К глубокому сожалению — да!

Поручик Лучников стоял рядом с английским лейтенантом Фицрой-Хартом возле мансардного окна по-настоящему крепкого трехэтажного здания на самом краю городка, в полуквартале от вокзала. Этот дом, сложенный из блоков тесаного камня в ярд длиной и по половине ярда в ширину и высоту, на хорошем известковом растворе, наверняка выдержал бы не только торнадо любой силы, но и артиллерийский обстрел из полевых орудий.

Только сейчас речь шла не об этом.

Лучников в академии изучал метеорологию, да и в обычной фронтовой жизни повидал немало. То, что он видел, не соотносилось ни с чем.

Примерно в двух километрах севернее страшные сами по себе тучи несли перед собой нечто сине-черное, больше всего похожее на колеблющийся театральный занавес. Так мог бы выглядеть фронт сильнейшего тропического ливня, но двигался он удивительно медленно, никак не со скоростью урагана или штормового ветра.

Английский лейтенант, которому был возвращен револьвер и бинокль, покосился на своего победителя, или, теперь, боевого товарища — не разберешь.

— У вас есть соображения по этому... поводу?

— Нет. Все определяется одним словом — «хреново», так вы русского не знаете и не способны оценить... Мой командир приказал поручить вам эвакуацию местного населения. А следом и самим сматываться... Чтобы под ногами не путались.

— А если я предпочту остататься? Мне мои командиры ничего такого не приказывали. И нужды в эвакуации жителей пока не вижу. Ну гроза, ну ураган. Они здесь сто лет живут, и ничего, как видите.

— Не пришлось тебе ту орду горилл видеть, — снисходительно сказал поручик.

— Вы же видели и, кажется, живы. Чем я хуже?

Лучников первый раз посмотрел на Фицроя с уважением. Однако спросил:

— А зачем тебе? Мы-то в любом случае выкрутимся, вы — сомневаешься.

Так оно, в принципе, и было. Взвод Лучникова, великолепно подготовленный, вооруженный и экипированный, готов был и к бою, и к отступлению, «зная свой маневр». Сотня английских солдат, хоть с винтовками, хоть без, при столкновении с неизвестным шансов не имела. Если это, конечно, не банальный ураган. Смешно будет, если действительно всего лишь ураган...

— Я сейчас пойду на берег, посмотрю, что там и как. Ты займись транспортом. Вытяни эшелон за выходной семафор. Начинай посадку гражданских, кого сумеешь. Действуй жестко, но на уговоры несогласных время не трать. С тобой пойдут двое моих. Один паровоз с платформой поставьте замыкающим. Для нас. Все понятно?

— Не все! Я прикажу, солдаты и сержанты спрячутся. А я с вами. Здесь наша территория, я — старший по команде...

Дискуссия, готовая вспыхнуть и не сулившая англичанину ничего хорошего, завершилась по не зависящим от сторон причинам.

В ста метрах от берега речки, большую часть года пересыхающей, но сейчас, по слухам весны, довольно полноводной, черная завеса вскинулась вверх, опять как тот же театральный занавес. Почему это случилось перед рекой, а не за ней, спросить было не у кого.

Фронтом шириной не менее километра к мосту, всего лишь одноколейному, но очень длинному, перекрывающему трехсотметровую пойму безымянной речки, хлынули тысячи омерзительного вида существ. Не гориллоподобные монстры, не гуманоиды прочих видов, а исключительно инсектоиды.

Поручик не имел возможности раньше познакомиться с подобными организмами, успешно уничтоженными его товарищами на Валгалле, где он тоже не был. Так что ему оставалось (бы) только позавидовать Оноли, Ненадо и прочим, целой ротой воевавшим при мощной технической, а также и идеологической поддержке знающих людей.

А он здесь сам-один, командир вроде бы едет, чтобы принять руководство, так когда приедет? Едва ли успеет. У поручика в распоряжении, кроме автоматов и пистолетов, всего три пулемета, два «РПГ-9», по четыре выстрела на ствол. Ну и вот эти несчастные англичане с винтовками и двумя пулеметами «максим» в блокгаузе.

Одно хорошо, сама по себе речка не широкая, но бурная, весело несущая мутные от глины воды в сторону океана. И с заболоченными, покрытыми многометровыми наслоениями вязкого ила берегами. Когда наступит лето, он высохнет и полетит, гонимый ветром. Но сейчас разве что слоны смогут форсировать этот зыбучий кисель, да и то — как повезет. Гигантские насекомые на своих тонких когтистых конечностях завязнут точно.

Предмостное укрепление, занятое всего лишь одним отделением рейнджеров, англичане построили на южном берегу весьма грамотно. Несколько соединенных ходами сообщения окопов, брустверы обложены мешками с песком, хорошие сектора обстрела.

Пока хватит патронов, узкая полоска моста почти непреодолима. Пешеходный настил, всего в две доски, идет вдоль правого края, огороженный тонким стальным леером, рельсы лежат только на шпалах, между ними — пустота. Не разбежишься.

Командир отделения заранее, до появления инсектоидов, руководствуясь боевым опытом, правильно сообразил, велел бойцам натаскать кучу хвороста и всякого горючего мусора к середине моста. И сейчас они уже запалили костер. Слабенькая, но все же преграда.

Доски сухие, даст бог, заполыхают, а там и пропитанные смолой шпалы займутся... Керосину бы бочку в огонь плеснуть.

Даже для бог знает чего только не повидашего поручика зрелище было страшное. Особенно — в бинокль. Что же говорить об англичанине! Десятикратная оптика уж очень приближала. И многочисленные фасеточные глаза тварей можно было различить, и мерзко шевелящиеся серповидные жвала, зазубренные вдбавок. Биологии Лучникова учили хорошо. На двух первых курсах все, что касалось беспозвоночных, он освоил и под микроскопом, и на планшетах, и в полевых поездках.

Так ведь одно дело — тарантул, пойманный в норке на приkleенный к нитке кусочек смолы, неприятный на вид, но безопасный. Совсем другое — он же, увеличенный до размеров коровы. Да не один, в составе дивизии (если брать по численности атакующих особей), при том, что стайность подобным видам не свойственна. И еще — поручик великолепно знал, что беспозвоночные в силу устройства их дыхательной системы не могут размером превышать ну хотя бы паука-птицееда. В мезозойскую эру, кажется, существовали гигантские стрекозы, по метру и больше, но тогда, говорят, содержание атмосферного кислорода было совсем другое...

Из левого окопа глухо (накатившийся влажный туман гасил звук) застучал пулемет. Короткими очередями. Поручик видел, как эффектно лопаются хитиновые мешки от попадания бронебойно-зажигательных пуль. Первые ряды инсектоидов, кажется, приостановились. Десяток-другой паукообразных помельче забегали вдоль берега, словно принюхиваясь. Вернулись обратно. Неужели эти чудища боятся воды?

Хорошо, если так. Два пулемета, четыре человека при них, три автомата. Много ручных гранат. Сколько-нибудь продержатся.

— Ты, бегом! — крикнул он остоубеневшему от жуткого зрелища Фицрою. — Дождался? Выгоняй поезда на линию! Загружайся, и вперед, по готовности. Мы постоим и оторвемся. Кто останется...

— Я вас поддержу, — с искривленным лицом ответил лейтенант, дергая застежку кобуры.

— Чем, дурак, чем? — сильно толкнул его в плечо поручик. — Увози людей! Мы постреляем, и за вами. Сейчас главное мост взорвать, понял? Я и займусь! А ты бегом, рысью, а то застрелю, к такой-то матери, — Лучников вскинул «АКМС». — Бегом!!! Чтоб дорога работала!

Лейтенант послушался, слишком уж яростная грифаса перекаивала лицо поручика, и невыносимо было смотреть на армады тарантулов, скорпионов, солыгут и тяжелобронированных жуков-рогачей, несколькими колоннами пытающихся прорваться к узкому входу. Они явно мешали друг другу, толкались боками, моментами даже вступали в короткие схватки. Размахивая клешнями, хвостовыми крючками, прочими конечностями.

Совсем неподходящий момент, но поручик хрипло рассмеялся. «У них что, тоже — первому орден?!»

Одновременно он лихорадочно прикидывал: а чем бы этот проклятый мост взорвать? Во всем взводе гранаты собрать, ну и что? Все сто штук «РГ» и «Ф-1» в кучу свалить — и то не хватит. Пролет железный, клепанный. А тола нет, ни единой шашки.

Но не бывает же безвыходных положений?

Он кинулся вслед за англичанином. Догнал, схватил за портупею.

— Стой, подожди. Я придумал. Ты здесь все знаешь. На складах боеприпасы есть?

Фицрой-Харт сообразил сразу.

— Да сколько хочешь. На всю армию запасали. Склады нам ни к чему, не успеем. На наше счастье, эшелон стоит, не разгруженный. Три вагона снарядов,

ружейные патроны, сигнальные ракеты... На ветке «С», совсем рядом, да вон они... Хотели на север отправить, не успели.

Здесь офицеры почти равного чина понимали друг друга свободно.

— А подорвать чем? Соломой обложить и поджечь? Может, керосин есть? Цистерну бы!

Фицрой улыбнулся. Теперь он владел ситуацией.

— Есть чем. Полвагона динамита в фунтовых шашках и куча мотков детонирующего шнуря. Ойтландеры заказали, давно, еще до войны. Шурфы бить.

— Ох ты! — задохнулся от восторга Лучников. — Да мы же сейчас... Что ты раньше молчал?

— А кто меня спрашивал? — вполне логично ответил Фицрой.

— Килограмм сто сгрузи, нам еще пригодится, остальное — туда...

Он послал второе отделение с последним пулеметом и РПГ к мосту, с собой оставил пятерых рейнджеров, лучше всех знающих саперное дело.

Англичане обленили вагоны и принялись их раскачивать, упираясь руками, плечами, используя рычаги из ломов и брусьев. Дружно, по команде ухали, ругались по-своему. «Дубинушки» только не хватало. Работать командой они умели, ничего не скажешь. Особен-но, когда близкая смерть потопрививает.

Двадцатitonную теплушку стронуть с места тяжело, а потом, в полном соответствии с законами Ньютона, она катится почти сама. Остановить будет куда труднее.

Пока вагоны прошли стрелку главного хода, Лучников, отличившийся при разминировании состава с колчаковским золотом¹, вместе с товарищами занимался тем же самым, но наоборот.

Это ведь дело тонкое, абы как не делается. Не хва-

¹ См. роман «Вихри Валгаллы».

тит детонирующего материала — раскидывает по округе снаряды, и все. Поэтому рассовали между снарядными и ракетными ящиками пакеты динамитных шашек по десять-двадцать фунтов густо, с расчетом и пониманием, где нужно — использовали пироксилиновые шнуры. Специально поставленный офицер отмерял и резал бикфорд, кусками по метру каждый. На сто секунд горения. Тот же динамит навалом грузили на тормозные площадки. Здесь обходились без запалов. И так сработает.

Со стороны реки накатывались волны почти парализующего страха. Сами по себе инсектоиды его генерировали или какое-то специальное оборудование — не имеет значения. В бою всегда страшно, особенно, если делом не занят. А если стреляешь или снаряды к пушкам подносишь, вроде и ничего, терпеть можно.

Пулеметы теперь били уже без пауз, но по очереди. Один смолкает, чтобы сменить ствол или ленту, вступает второй.

Кое-кто из англичан все-таки побежал, не выдержав. Не беда, на станции увидят паровозы, опомнятся сами. Или сержанты в ум приведут.

Среди мирного населения тоже вспыхнула паника. Люди с криками мчались по улицам, таща кто детей, кто наскоро прихваченное имущество. Хорошо, что всего населения — едва двести душ.

— Вагон с остальной взрывчаткой цепляем? — спросил лейтенант, успевший перемазаться в грязи и масле почти до неузнаваемости. — Там еще тонн пять...

— Оставим здесь. На всякий случай.

— А я бы сразу. Другого случая может и не быть.

— Ну давай...

Путь к мосту был проложен в глубокой выемке, прорезающей береговой откос, но уклон все равно был достаточно крутым. Идущие с севера поезда преодолевали его с трудом. Вагоны остановили ручным винтовым тормозом на самом краю спуска.

Лучников сбежал пониже, присел за бруствером отечной позиции, свистком подал заставе команду на отход. Пулеметчики успели навалить гору изорванных пулями хитиновых панцирей в узком пространстве между фермами первого пролета, и тем инсектоидам, что напирали сзади, приходилось карабкаться по трупам, проваливаясь и соскальзывая. Это замедляло движение чудовищного потока, все еще не преодолевшего сопряжения моста с берегом. Поручик со страхом представил, что они, если догадаются, могут сейчас кинуться верхом, по фермам и балкам, минуя неудобные шпалы и простреливаемое пространство вдоль рельсов. Тогда — конец.

— Гранатами — огонь! — закричал он.

Фугасные гранаты «РПГ» легли в самый центр шевелящейся, щелкающей клешнями и хелицерами кучи. Фонтаном полетели ошметки, обломки и обрывки. Минут пять у членистоногих уйдет, чтобы из этой каши выбраться и перегруппироваться.

Офицеры, пригибаясь, кое-где помогая себе руками, бежали, карабкались вверх по склону. Слава богу, пока все живые.

— Давай! — скомандовал поручик.

Рейнджеры подожгли шнурсы. И они, и англичане разом уперлись в борта и подножки. Тут-то проще, под уклон. Только импульс дать. Медленно-медленно колеса сделали первые обороты, а потом покатились, все быстрее.

— Ноль-раз, ноль-два... — отсчитывал вслух Лучников. Рассчитал он довольно точно. *Бикфорды* должны были гореть сто секунд. Как раз хватит, чтобы поезд-брандер доехал до места. А там его гора мертвых и живых инсектоидов обязательно притормозит.

— Ложись! — во всю силу командирского голоса закричал он, когда набравшие приличную скорость вагоны миновали въезд на мост. — Ложись, в ямы, за укрытия...

Большинство и так уже пряталось в складках местности и за гребнем высотки. Поручик обращался к тем, кто, задыхаясь, никак не мог достичь вершины, таща пулеметы и остаток патронных коробок. И сам распластался вдоль дренажной канавы, как учили, ногами в сторону взрыва.

Тут и ударило!

Шестьдесят тонн боеприпасов и десять тонн динамита рванули почти как тактический ядерный заряд. Осколки успевших взорваться снарядов, целые, не взорвавшиеся сразу, но с горящим порохом в гильзах, сотни тысяч винтовочных патронов, в ящиках и россыпью, свистящие ракеты всех цветов, куски рельсов, вагонные колесные пары разлетались на километр и больше.

Северная половина моста просто испарилась, от южной осталась исковерканная ферма, воткнувшаяся в илестое дно реки и вывернувшая наружу вмуранные в береговой бетон концы балок.

Контуженный Лучников встал, его пошатывало, голова гудела, будто по каске ударили кувалдой. Видел он разные взрывы, но о подобном даже не подозревал.

— Все целые? — спросил он, не слыша своего голоса.

Оказалось — не все. За полкилометра ударная волна и горячее железо достали трех офицеров и четверых англичан. Им наскоро оказывали первую помощь. Только одному британцу, самому любопытному, наверное, захотевшему посмотреть, что и как будет, снесло верхнюю половину туловища.

Зато «армию вторжения» просто сдуло с лица земли, на которую ее так опрометчиво послали хозяева.

Это нужно было видеть. Берег, на котором оборонялись русские и англичане, возвышался над противоположным метров на сто, и этот откос отразил значительную часть энергии взрыва. Вдобавок к первой, прямой волне.

Если к мосту рвались миллионы инсектоидов, так тех, что не сгорели и не распылились взрывом, унесло в сторону пустыни Калахари. Как саранчу порывом урагана.

— Получилось, друг, получилось! — как сквозь ватные заглушки в ушах разобрал Лучников голос Фицроя. — Но что это было? Вы что-нибудь понимаете?

— Чуть больше, чем ты...

Один из офицеров, с ног до головы заляпанный грязью, едва глаза и зубы видны, сунул поручику зажженную папиросу, другой протянул фляжку.

Он глотнул, передал англичанину.

— Поехали отсюда. Свое дело мы сделали, а там пусть начальство разбирается...

Инсектоиды исчезли, если сколько-то их уцелело на той стороне, опасности они больше не представляли, зоологического интереса — тем более.

Зато черные тучи никуда не делись, они словно ждали своего часа. Едва вчерашие враги, а ныне товарищи по оружию добежали до вагонов, грозовой фронт пересек условную границу реки. Под вспышки молний и непрерывные раскаты грома на землю обрушился невероятной силы ливень. Но это было уже почти безразлично пережившим страшный бой людям.

Есть крыша над головой, стекла целы, а на дорогу пусть машинисты смотрят.

Басманов совсем немного не успел к побоищу, его блиндированный поезд встретил эшелон Лучникова в пяти километрах от станции.

...Теперь в Вустере и Кейптауне царило совсем другое настроение. Английские власти окончательно поверили в существующую и вполне реальную угрозу, на фоне которой сама идея войны с бурами утратила смысл.

Рациональный девятнадцатый век приучил людей к

мысли, что мир познаем и любые случающиеся в нем события имеют научное объяснение. А наука, в свою очередь, способна найти ответы на любые вопросы.

Брошенная Берестиным идея о наличии в дебрях Африки «затерянных миров» вернулась в Кейптаун уже в виде достоверной теории, освященной авторитетом больших ученых. Оставалось только разыскать и предъявить публике первооткрывателя, профессора Челленджера. Или Берн-Мердоха, составившего описание космогонических представлений дагонов. На крайний случай можно использовать и Удолина. Этот, выпустив его на трибуну британского парламента, убедит в чем угодно самого Дизраэли¹.

Практически же вопрос стоял совсем иначе. Два нашествия с севера, сначала гориллоподобных монстров, а потом инсектоидов, могли означать, что земли Оранжевой республики и Трансваала рано или поздно будут ими захвачены, а коренное население, не способное к организованной обороне, окажется порабощенным или уничтоженным. Следовало ожидать, что в ближайшее время в колонию хлынут толпы беженцев, уже не помышляющих о войне, а только ищущих спасения.

И к этому следовало готовиться.

Оптимизм правительству и военному командованию внушало то, что и в том и в другом случае сравнительно небольшие силы состоявших на службе у буров русских добровольцев и рота англичан сумели уничтожить неизвестных науке чудовищ. Как и положено, в общем.

Штабисты, к которым присоединились Басманов с Сугориным, анализировали известные факты и намечали тактику противодействия очередному вторжению, если оно состоится.

¹ Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд, премьер-министр Великобритании 1868-го и 1874—1880 гг. Прославился экстравагантностью поведения, цинизмом и несравненным красноречием.

Пятьдесят тысяч регулярных войск, артиллерия, флот в тылу подготовленных позиций — наверняка достаточно, чтобы отразить набег любого числа неведомых существ. Если их удалось отразить пулеметами и всего одной полевой батареей, что будет, если начнут стрелять десятки тяжелых корабельных и сотни скорострельных орудий?

Басманов, впрочем, этих шапкозакидательских настроений не разделял, но своими мыслями с англичанами не делился.

...Сразу после возвращения Лучникова он доложил об очередном инциденте на Валгаллу. По этому случаю Левашов открыл для него переход. О серьезных вещах лучше разговаривать в спокойной обстановке. Часа два-три по крайней мере Михаилу не нужно будет вскidyваться при каждом телефонном звонке или стуке шагов вестового за дверью.

Да и вообще человек воюет третий месяц без отпуска. Надо на него посмотреть, если что — подменить на какое-то время. Не сорок первый год, на самом деле.

В отведенной ему двухкомнатной секции агрианского учебного центра Басманов принял бодрящий водно-ионный душ, переоделся в легкий гражданский костюм, вышел на лоджию, полюбовался курортного вида зеленью вокруг. Закурил мягкую ароматную сигарету с фильтром, ощущив вдруг естественную душевную слабость. И что ему там делать, в той Африке? Сколько можно воевать непонятно за что? Точно такое чувство посетило его в конце шестнадцатого года, когда довелось на неделю с фронта попасть в Петроград.

Когда он вошел в учебный класс, где его уже ждали, Михаил старался не выдать своего настроения, но и Новиков с Шульгиным, и Ирина его почувствовали.

На большом электронном планшете Михаил изобразил картину боя, как его описал Лучников.

— Не понимаю, — сказал Новиков. — Совсем ничего не понимаю. Раньше хоть какие-то соображения в голову приходили, сейчас — ноль. Или мы имеем дело с сумасшедшими, либо с нами в поддаки играют. В чем смысл этих идиотских вторжений?

— Опять пытаешься человеческую логику использовать, — недовольно пробурчал Удолин. Не первый это у них был разговор.

— Есть у нас специалист по нечеловеческой, и что? — поддержал друга Шульгин.

— Нечеловеческих логик больше, чем населенных миров в Галактике, — усмехнулся Антон. — И это при том, что все расы, входящие в Конфедерацию, для возможности взаимодействия выработали одну, общую. На уровне правительства. Большинству рядовых граждан она так же недоступна, как эскимосу — китайские иероглифы.

— Это мы давно знаем, — прервала его Ирина.

— Ну еще бы, — приложил руку к сердцу форзейль. Удолин придвигнулся вплотную к Михаилу.

— Пусть они пока поболтают, а мы давай причастимся. Я же вижу — тебе нужно. Заходи ко мне после собрания, помедитируем. Легче станет, ручаюсь...

— Мне и так ничего, — ответил Басманов, но налитую профессором чарку принял с благодарностью.

— Давайте, братцы, в конструктивное русло, — вмешался Левашов. — Вы сейчас дружно на меня накинетесь, а я все равно скажу. Мы с Виктором несколько ночей так, *тет на тет*, потрепались, *поверх барьеров*, кое-какие взаимно интересные темы помусолили. Знаете, до чего додумались?

— А где он, кстати, отчего не с нами? — спросил Новиков.

— Вместе с некромантами экипажи «медуз» по методике Константина Васильевича на интеллектуальные составляющие раскладывает.

— Тоже интересно, — согласился Андрей. — Так о чем ты?

— Всего лишь о том, что друг наш Саша с подачи Замка не связь с Гиперсетью отключил (нет, это тоже), а, грубо говоря, графитовые стержни из реактора выдергивал. Мы об этом, кажется, уже пробовали рассуждать, но несколько не в том ключе. Хороша там эта система была или плоха, не сильно важно. Но она была и кое-какой порядок нашего личного миrozдания обеспечивала. Теперь, как выражаются в нашем родном мире двухтысячных, на смену Закону, хотя бы и воровскому, пришел беспредел.

— Ретроспективно? — с явным интересом спросил Шульгин.

— Выходит, что так. Все выявленные и освоенные нами реальности сохранились, только регулирующих правил не осталось. Вот вам и перекрытие тысяча восемьсот девяносто девятым годом тысяча девятьсот тридцать восьмого, восемьдесят четвертого, две тысячи пятого и так далее. Тысяча двести тридцать седьмой сюда же... И обратно, разумеется. Слоеный пирог, господа.

— С взбитым кремом, печенкой и луком, — согласился Шульгин. — В свое оправдание могу сказать только одно, не мною и не сейчас придуманное. Пампассы, вельд, тайга, как вам будет угодно, с дикими зверями и причудами погоды на мой вкус лучше самой благоустроенной тюрьмы с подъемом по удару молотком по рельсу и отбоем прикладом поперек спины. Если даже там прилично кормят и каждую неделю выдают свежие подштанники. Доходчиво?

— Более чем. Так с этим никто из нас никогда и не спорил. Даже Игорь с Аллой.

— А если чуть-чуть короче? — спросил Басманов, имевший полноценный голос в собрании, но не так часто его использовавший. — Меня фронт ждет.

— Подождет. Через десять минут по тамошнему времени вернешься. Если будет сочтено необходимым. Продолжай, Олег. Надо, чтобы все наконец усвоили, с чем мы имеем дело.

Сказав это, Новиков начал старательно чистить забившуюся трубку. Сам он давным-давно все понимал, последний год по крайней мере, только никогда не получалось сделать свое понимание общим достоянием. Ни на последнем сборе в Замке, ни раньше. Все время что-то мешало процессу расставления точек. Одно дело, что пятнадцать человек, полностью равноправных, в ходе свободной дискуссии просто не в состоянии не то чтобы договориться до чего-то однозначного, а и дослушать до конца чужие доводы. Единоначалие требуется, в какой угодно форме, а его нет и быть не может.

— Вот мы и получили то, что имеем. Все случилось, как в науке химия. Те процессы, которые могут протекать, — протекают. Если так называемых «дуггур» каким-то образом сдерживали Игрохи (дуггуры не вписывались в устрашающую их картину мира), теперь они получили те же возможности, что несколько раньше — мы сами. Никто ведь не станет спорить — когда мы были никем, нашим коллегам жилось намного спокойнее. — Олег изобразил нечто вроде церемонного поклона в сторону Антона и Ирины. — Потом нас выпустили, и всем стало намного хуже...

— Не всем, — снова вмешался Басманов. — Мне и половине России — гораздо лучше.

Кажется, и Ростокин кивнул, но почти незаметно для окружающих.

— Это несущественно в рамках рассматриваемого вопроса. Сейчас дуггуры ведут себя аналогичным образом. Глупо, грубо, неквалифицированно. Они учатся, вы понимаете? Получили выход на новые горизонты и увидели непостижимое, с их точки зрения. Вот и реагируют как могут. Пытаются действовать в сфере собст-

венных представлений и обычаев... То, что мешает, подлежит уничтожению или переформатированию.

— Ну и как прикажешь нам на это реагировать? — с неприятной улыбкой спросил Шульгин, которому показалось, что Левашов снова начнет публично демонстрировать свое толстовство и призывать к этому остальных. — Они получили доступ ко всему вееру реальностей и везде стараются нас уничтожить. Мы их считаем насекомыми, но пока что дустом брызгают на нас, а мы с той или иной степенью прыткости ухитряемся прятаться под плинтусами. А посильнее брызнут, да чем-то покрепче, тогда как?

— Значит, мы должны их уничтожить раньше, — совершенно спокойно ответил Олег. — Если не найдем способа договориться. Игры кончились. Не тот случай. Агрессия идет с их стороны... Если бы мы дали хоть какой-нибудь повод...

— Уже хорошо, — облегченно вздохнул Андрей. — Помирать, так с чистой совестью. Остается договориться, что именно делать. Эвакуировать всех наших из Африки, Алексея с Сильвией из Лондона? Сосредоточиться здесь или в Новой Зеландии? Оставить все как есть, отвлекая внимание противника, а самим нанести удар в сердце, в нервный узел, в мозг?

— Это — самое правильное, — подал голос Удолин, что-то черкавший в своей ветхой записной книжке. — Иначе ничего не получится. Именно в мозг, который обязательно существует. Разрушить его или парализовать, лишить возможности выходить в иные измерения. И только после этого заняться научными исследованиями, которые обещают быть весьма интересными. А также и полезными. Вы ведь смотрите, господа, что выходит...

И он начал излагать свою теорию, достаточно непротиворечиво обобщающую все известные факты и вытекающие из них предположения.

ГЛАВА 17

Басманов вернулся с Валгаллы в Кейптаун, как и было обещано, через десять минут после отбытия, так что даже Сугорин ничего не заметил. Его посвежевший вид воспринял как должное. Умылся человек, побрился, одеколоном спрыснулся. Много ли тридцатилетнему мужчине нужно, чтобы взбодриться?

Пока что ничего не говоря Валерию Евгеньевичу о вновь изменившейся стратегической концепции, он полностью включился в деятельность, соответствующую его здешнему положению.

Положение, конечно, было довольно сомнительное. Во всех смыслах. Для ортодоксальных британских империалистов он оставался личностью вполне одиозной. Предводитель отряда русских добровольцев, воюющего на стороне буров и едва ли не главный виновник всех английских поражений и жертв.

То ли авантюрист, то ли действующий офицер Генерального штаба, реализующий здесь далеко идущие имперские притязания молодого (29 лет от роду) российского самодержца Николая Второго.

Он же — человек, внезапно перешедший на сторону противника под влиянием неожиданно возникшего фактора в виде нашествия наукой не объяснимых исчадий африканских дебрей.

Мыслящий аналитик не мог не соотнести феномен Басманова с не менее странным феноменом господина Сэйпира, милеми Отэм, их неожиданной дружбы с вначале опальным, а потом чудом возвысившимся адмиралом Хиллардом. И прочими загадочными событиями. Но даже самому вдумчивому человеку, не наделенному талантами Шерлока Холмса, а лучше — патера Брауна, не хватало информации, чтобы свести воедино, в рамках непротиворечивой версии все эти, по отдельности весьма любопытные факты.

Единственный человек, способный проделать нечто

подобное, комиссар Роулз, вовремя был нейтрализован, и все свои построения и выводы мог теперь делать только для собственного удовольствия, без всякой надежды применить их на практике. Даже для элементарного шантажа. Но и его неординарные догадки имели бы самое отдаленное отношение к истине.

Зато Лариса и Кирсанов в предложенных обстоятельствах испытывали настоящее удовольствие. Паутина интриг, наброшенная на высший свет и руководство колонии непосредственно на месте и через Лондон, откуда до заинтересованных людей время от времени доходили телеграммы и частные письма, позволяла им дергать за нужные нити, добиваясь желаемого эффекта.

Пожалуй, в обозримой истории не было столь регулируемого негласным образом и без применения насилия общества, чем Капская колония в декабре предпоследнего года девятнадцатого века.

После уничтожения армии инсектоидов у Кирсанова как рукой сняло всю его меланхолию, он снова стал бодр, энергичен, перестал задумываться о «смысле жизни». Это окончательно, по мнению Ларисы, подтвердило ее гипотезу насчет «психической артподготовки» дутгуротов. И о том, что неприятель по-прежнему во всех своих операциях действует «методом тыка», не имея единого стратегического плана и реального представления о возможностях людей.

Вместе с Басмановым они уединились в специальном кабинете для особо важных гостей в таверне Давыдова-Эльснера. Заведение процветало, особенно последнюю неделю, когда по идеи Давыдова был организован весьма приличный джаз-банд из двух безработных французов и трех евреев, владеющих наряду с другими языками и русским в одесском варианте. Шлягером, исполнявшимся ежечасно, стала пресловутая «Жанетта», разученная музыкантами с голоса Никиты.

В Кейптаунском порту
С какао на борту
«Жанетта» поправляла такелаж.
Но прежде чем уйти
В далекие пути,
На берег был отпущен экипаж.
Идут ссугулившись
По темным улицам,
Их клеши новые
Метут асфальт...

После нескольких романтических строф весьма приятная для национального самосознания постоянных клиентов кода:

...И больше не взойдут
На палубу и ют
Четырнадцать французских моряков...

А какая музыка! Контрабас, две скрипки, барабан и саксофон. Заслушаешься. Душеподъемный ритм, текст — через раз, на русском и английском.

Здесь было уютно и абсолютно безопасно даже в случае высадки десанта дуттуротов прямо во дворе. Как известно, «лорду Генри», потягивавшему свое пиво за столиком рядом с лестницей на второй этаж, не сможет причинить вреда, физического или психического, ни один из ныне известных видов дуттурских боевых организмов. Он же в любом случае обеспечит хозяевам нужное время для использования блок-универсала. В качестве оружия или способа быстрой эвакуации.

— Больше всего меня занимает достаточно забавный факт, точнее — серия фактов, и все они сводятся к одному, которому я не могу найти объяснения, хотя и очень стараюсь, — сказал Кирсанов. — Все доселе зафиксированные акты агрессии осуществлялись исключительно там, где уже располагались наши готовые к отпору силы. Более того — силы пропорциональные...

— Где же пропорциональные? — удивилась Лариса. — В каждом случае у них был многократный, несопоставимый перевес.

— С обычательской точки зрения именно так все и выглядело, — согласился Павел. — Но мы тут далеко не обычатели. По ночам я много думал, без помощи ваших компьютеров, чисто умозрительно. И у меня сложилось впечатление, что нам предложена очередная легкая партия, допустим — шахматная, Андрей Дмитриевич очень любит ссыльаться как раз на эту игру. В шахматах предполагается изначальное равенство фигур и пешек. Кто как этими силами распорядится — другой вопрос. Термин легкая означает, что партнеры играют для удовольствия, а не в смысле набрать очки и рейтинги в матчах. И вот мы видим, что начиная с самого первого инцидента нападения дутгтуров осуществлялись по указанному принципу. Никогда на доску не выставлялось, допустим, пять ферзей и шесть ладей. Всегда ровно столько, чтобы мы имели хорошие, но довольно равные шансы на победу. Не так? И самое главное — они появлялись тогда и там, когда и где мы были готовы «попытаться»... Ни разу не напали на англичан или буров, ни где не высадили десанта такого масштаба, чтобы с ним нельзя было справиться. Пусть с максимальным напряжением сил и способностей, но все же. И заметь, Михаил, атака всегда начиналась правильно, с фронта и с приличной дистанции. Скажи честно — ты бы удержался, сидел бы вообще тут с нами, если бы те же пять тысяч монстров или инсектоидов ударили ночью, с тыла, объявившись в ста шагах...

— Вот ты как на это смотришь, — избегнул прямого ответа Басманов, очевидно, боясь тайм-аут на размышления. Вместо этого начал пересказывать резидентам то, что обсуждалось на Валгалле.

— Господин Скуратов пришел к выводу, что высший управляющий орган дутгтуров, если он вообще есть, страдает, с человеческой точки зрения, глубочайшим психическим дефектом. Нечто подобное бывает с

людьми, у которых повреждены связи между лобными долями и остальным мозгом. При этом теряется способность к творческому мышлению, больной не в состоянии предвидеть последствия своих поступков, сопоставлять и анализировать факты, проводить аналогии... Я не медик, воспроизвожу, как запомнил. Удолин с ним в принципе согласен, хотя имеет еще и собственные теории...

— В *принципе* я тоже готов согласиться с академиком, — кивнул Кирсанов. — Приходилось книжки по судебной психиатрии листать. Довольно похожая картина. Очень многое объясняет в поведении *пациентов*. Все их боевые операции, рассмотренные с *этой точки зрения*, последовательно и в совокупности, выглядят именно как судорожные метания больного разума. Пять попыток вторжения на Землю нарастающей интенсивности, но без всякого учета предыдущих уроков. Три десанта на Валгаллу — то же самое. Однако... Не стоит замыкаться на одной теории, как бы убедительно она ни выглядела.

— На Земле тоже хватало полководцев и правителей, не умевших соотносить свои действия с текущей обстановкой, — не то чтобы возражая, а просто размышляя вслух, сказал Басманов. — Немцы и Антанта три года тупо долбили позиционную оборону друг друга в одних и тех же точках, не придумав ничего, кроме постоянного наращивания численности пехоты и мощности артиллерии. А генерал Брусилов в шестнадцатом году простейшим решением — атаковать сразу на десятке направлений и стремительно усиливаться там, где наметился успех, сокрушил неприступную, куда более сильную, чем на Западном фронте у французов, оборону австрийцев в Галиции... Пожалуй, я с тобой согласен, не так все просто.

— Допускаешь, что и у них свой Брусилов найдется?

— Почему бы и нет? Кстати, твои слова наводят на

мысль, что уже нашелся. Или всегда был. До сих пор ведь не выяснено, против кого они изобретали и использовали свои пулеметы... Инсектоиды точно созданы против врагов дотехнологической эры. Зато монстры с митральезами предполагают равнозначного противника. А все *странныости* — только для нас странности. С нашей закосневшей в рамках привычных стереотипов точки зрения. А если и вправду игра? Только не шахматы. Вроде того, где совсем другие принципы, а главное — цели. Поэтому вопрос об эвакуации рассматривался совершенно серьезно.

— Мне бы не хотелось просто так взять и сбежать, — сказала Лариса. Согласно парижской моде следующего сезона, которую она здесь усиленно насаждала, на ней была широкополая шляпа, украшенная голубой вуалеткой до середины лица, и длинные ажурные перчатки.

Как пошутил Басманов, увидев этот наряд: «Самое главное, Лариса Юрьевна, когда придется стрелять, противник не увидит направления вашего пронзительного взгляда».

Она шлепнула полковника веером по руке.

— Вы с дамой разговариваете, Миша, а не с киллером.

— Одно другому не мешает, — заметил Кирсанов.

— Пользуетесь, что вас больше? Пусть это остается на вашей совести, — Лариса на секунду капризно поджала губки. — Но как вы представляете себе нашу эвакуацию? Кстати, ребята, вам не надоело всю жизнь откуда-то эвакуироваться?

— Не мы первые, не мы последние, — ответил Басманов. — Если имеется выбор — лучше эвакуироваться, чем умереть у ближайшей стенки или в тюремной камере. Живой всегда что-нибудь может, мертвый — уже ничего.

— Что подтверждается опытом каждого здесь присутствующего, — резюмировал Кирсанов.

— Ну, будь по-вашему. Что ответишь на первый вопрос, Миша?

— Варианты предлагаются следующие. Немедленный, одномоментный общий отход. Как из Крыма в двадцатом в вашем варианте истории. Вызываем в условленное место Белли с «Изумрудом» и «Призрак», грузимся на них, за исключением тех бойцов, кто захочет остаться, и в открытом море Левашов открывает проход в Новую Зеландию. Все займет не больше двух суток.

— Остальных бросаем на произвол судьбы? После всего, что мы тут натворили? — изумилась Лариса.

— Что мы такого уж особенного натворили? — приподнял бровь Кирсанов. — Войну, которая должна была длиться еще два года, прекратили, считай. Буры получили Наталь. Англичан пока спасли от монстров и инсектов. Весьма оживили политическую жизнь, и здесь, и в Метрополии. Мировая geopolитика получила хороший стимулирующий пинок. За что нам себя осуждать? Могло быть значительно хуже. Для всех.

— Мы уйдем, сюда явятся дутггуры, и что тогда?

— Без нас они, очень возможно, и не явятся. Что им тут делать? Если их законы и инстинкты требуют, чтобы прежде всего были уничтожены действительно вредоносные факторы, представляющие опасность для их цивилизации, то есть мы с вами, этим они и будут заниматься. А вот когда справятся, тогда, может, и займутся чем-нибудь другим, — сказал Басманов и добавил: — Это не я придумал, так на совещании высказывались.

— Не новость, — отмахнулась Лариса. — О том же самом говорили, когда в Африку сбежать решили. Как видите — не помогло. Воронка нас затягивает и затягивает, благополучных вариантов все меньше и меньше.

— Было и другое предложение, — не дал себя отвлечь бесполезной, с его точки зрения, дискуссией Михаил. — Здесь пока оставить все как есть. Если вторже-

ний больше не будет, довести начатое до конца, дальше — по обстановке.

— До какого конца? — заинтересовался Кирсанов.

— Мира без аннексий и контрибуций, на ныне достигнутых рубежах, в политическом смысле. Дождаться, чем закончится лондонская интрига Алексея и Сильвии со сменой монарха и правительства. С учетом новых обстоятельств консолидировать власть в Капской колонии (или как там она будет называться).

— И после этого?

— Сказано же — далее по обстановке. Зачем вперед далеко заглядывать?

— Меня это гораздо больше устраивает, — сказала Лариса. — Сбежать мы всегда успеем. И вообще правильно говорила Скарлетт О'Хара: «Об этом я подумаю завтра».

— Если не сосредоточим всех своих людей в одном, надежно укрепленном месте, в полной готовности и к бою, и к эвакуации, можем и не успеть. Особенно если наши контрагенты на третий раз придумают что-нибудь оригинальное. — Кирсанов оперся щекой о кулак и изобразил задумчивость. — То есть лично мы, втроем, сбежим безусловно. Еще Давыдова с Эльснером, Сугорина, Белли постараемся захватить. Да и то не наверняка. Знаете, что при ночном налете на город крупной банды случалось? Связи нет, единого командования нет, сопротивление приобретает очаговый и мелкоочаговый характер, многие гибнут поодиночке, не зная, куда бежать и в какую сторону стрелять... — Басманову в такие переплеты попадать приходилось, и он поддержал Павла со знанием дела. — Поптычи махновцев, помню, в Люботин ворвались, там пехотный батальон из дивизии Май-Маевского стоял и обозы. В чистом поле, скорее всего, отбились бы, а по дворам и переулкам всех, считай, постреляли и порубили...

— Это верно. Представим, что я в своих теориях не прав. И они не в го с нами играют, а наши способности

к сопротивлению и стратегический потенциал вскрывают. Убедились наконец — привычные, не требующие настоящих жертв методики исчерпаны. Заодно узнали, чем мы располагаем. Ну и введут в бой такое, что и вообразить невозможно... — Кирсанов передернул плечами.

— Значит, договорились, — подвел итог Михаил. — Докладываем «наверх», что решение принято. Весь свой личный состав размещаем в пакгаузах за товарной станцией. Я уже присматривался, заборы там мощные, строения каменные. Предполье хорошо простреливается, внутренняя территория, в случае прорыва неприятеля, для обороны приспособлена почти идеально. И если англичане вдруг какую пакость задумают, вроде интернирования, трудненько им придется. Согласны?

...Чтобы не осложнять наметившегося согласия между верховными властями колонии и «волонтерами» (бурско-английские отношения временно оставляя за кадром), не привлекать излишнего внимания дуттуров, мало ли что, вдруг и у них здесь собственная разведка имеется (а почему бы и нет?), на новый опорный пункт перевели только остаток офицерского батальона, меньше сорока человек. Они должны были составить резерв на случай любого развития событий, имеющих отношение к очередному потустороннему вторжению или нет — неважно. Остальных волонтеров из этого времени, российских и иностранных, наравне с молодыми бурами, оставили в местах прежней дислокации.

Басманов без всякого удовольствия сообщил о своем решении генералу Девету. Именно ему, поскольку их связывало «войсковое братство» и «совместно пролитая кровь». С президентом Крюгером и остальными бурскими полководцами он теперь предпочитал не встречаться.

Сцена прощания вышла не очень приятной. В том смысле, что Михаилу было неприятно смотреть на не-

давно еще бравого и уверенного в себе, а сейчас *теряющего лицо* генерала, на которого совсем недавно наш полковник возлагал очень далеко идущие надежды.

Как ни дипломатничай, а если из двух сидящих лицом к лицу офицеров один... ну, не трус, а просто — не сумевший себя *проявить*, а второй — безусловный герой, какой может получиться разговор?

— Вы нас бросаете, Михаил! Вы переходите на сторону врага! Уж этого мы от друзей никогда не ожидали! Что угодно, только не это!

Девет кружил по небольшой комнате с земляным полом, где они встретились один на один. Сквозь косо-ватое окно в глинобитной стене неяркий предвечерний свет падал на деревянный стол и два трехногих табурета. Никакой другой мебели здесь не было.

— Христиан, друг мой, — Басманов старался говорить предельно мягко, сдерживая свой пресловутый «командирский голос» и желание *выдать* коллеге что положено попросту, известными словами. — Вы мне сейчас напоминаете одну женщину, с которой нас связывали достаточно нежные чувства. Потом она вышла замуж за другого, но при встрече во всем обвинила меня, заявив, что я был «недостаточно настойчив». С вами — та же история. Я опять виноват. Мы, русские, опять и снова виноваты! Перед всеми и за все! Как повелось! У вас, Христиан, хватит совести сказать мне в лицо, что мои солдаты плохо воевали? Что без их помощи вы выиграли бы несколько решающих сражений? Что я не говорил и вам, и Кронье, и Деларею, как следует воевать? Не будь вы столь трусливо ограниченны, мы бы сейчас пили шампанское во дворце губернатора Капской колонии и любовались океанским прибоем. Я не прав? Не мои ли бойцы, бескорыстно пришедшие вам на помощь, покоятся сейчас в могилах без памятников?

— Зачем вы так говорите, Михаил? — с надрывом

ответил Девет. — Я, мы все ценим вашу помощь. Никогда не забудем погибших за нашу свободу солдат. Лицо я не забуду спасших меня офицеров. Но почему же вы не хотите признать, что мы — такие, как есть? Для того, чтобы сделать из буров, хороших, но мирных людей, таких бойцов, как ваши, потребуется не одно десятилетие совсем другого образа жизни.

— Мирных? — зло рассмеялся Басманов. — Они не мирные! Если есть возможность убивать безнаказанно, они очень даже воинственные. Отчего же? Стрелять на полкилометра в беззащитных англичан и тут же сбежать, когда их пули засвистели над головой. Герои, мать вашу голландскую! И грабить умеете, как мало кто! Именно это я и признал, затевая крайне не радующий меня разговор. Вы все знаете куда лучше меня! Вы ничего не имели против, когда тысячи ваших «храбрых буров» отступали совершенно сознательно, убежденные, что сотня «этых не верующих в истинного Бога» еретиков (сам слышал слова вашего пастора, спасибо, что просто «еретики», а не «гои») прикроет их позорное бегство своими телами. Отступали, даже не предупредив тех, кто вынужден был стоять насмерть не за свои, за ваши интересы. Вы, генерал, хоть раз попытались сказать перед строем: «Солдаты! Не падет ли позор (или — проклятье Господа, как у вас принято божиться) на головы тех, кто отступит раньше, чем люди, которые приехали с другого конца света нам на помощь?!»

— Михаил, вы разрываете своими словами мое сердце! — Очень может быть, что генерал говорил искренне. Регулярное чтение Ветхого Завета вполне способно вызвать подобный эмоциональный настрой. Там вообще много ярких слов и выражений.

— Надеюсь — не окончательно. Подлечите свою сердечную мышцу. — Басманов долго ждал подходящего момента, чтобы откупорить фляжку. Правда, надеялся, что чокнутся прощальными чарками они по-мужски,

без дешевого надрыва. — Раньше думать надо было, — сказал полковник. — Последний шанс был в Блюмфонтейне. Ваш президент и вы сошлись во мнении, что наша помощь и наши советы вам не нужны...

— Нет, я повторяю, вы безжалостны, Михаил! Зачем превращать легкие недоразумения в непреодолимые противоречия? Между друзьями! Ну что такого? Пусть мы, в силу характера, отказались от ваших советов, но от вашей помощи мы отказываться не хотим... Не можем...

Басманов залпом выпил чарку, со стуком поставил на стол.

— Я хочу, Христиан, чтобы мы расстались друзьями. Но то, что вы сказали сейчас... Мерзость! Это в тюрьмах есть такая поговорка...

Он как сумел перевел с русского на голландский: «Сначала съедим твое, а потом каждый свое».

Помолчал, с трудом продолжил:

— Я окончательно понял — вы никогда не воспринимали нас как полноценных союзников. До поры это скрывая, считали, что мы — ваши ландскнехты, пушечное мясо. Причем — дармовое! Наемникам нужно платить, а эти — воюют бесплатно и еще нам оружие привозят, тоже бесплатно! Где еще таких союзников найдешь? Идиотов с возвышенными мыслями! Голландцы, родные по крови, вам талера не дали! Ни полка, ни роты не прислали, с Англией, в знак протеста, дипломатических отношений даже не разорвали! Так запомните, редкого союзника вы потеряли! Ни за что, от гонора дурацкого! Что ж, теперь советы давайте друг другу... У вас достаточно любителей этого вида спорта. Имейте в виду одно — воевать против вас мы ни за что не будем. Но и за вас — как-то расхотелось... Я не могу положить моих последних бойцов в тщетной надежде воодушевить ваших личным примером. Вдобавок появились другие заботы. Зато мы оставляем вам линию фронта,

наивыгоднейшую из возможных. Ее можно обронять, можно использовать для дальнейшего наступления, как сильнейший довод в предстоящих мирных переговорах. Сумеете воспользоваться — молодцы. Нет — значит, такова воля божья.

Девет вскочил, пытаясь что-то сказать, объяснить, исправить, может быть, напоследок... Видно, басмановские слова достали до какой-то тревожной точки. Михаилу показалось, что и на колени готов упасть, компенсируя наглое поведение своих товарищей и свои собственные слова, рассчитанные совсем на других людей. Не на русских с их никому не понятными принципами...

— Бросьте, Христиан, — с кривой усмешкой отошел к окну Басманов. — Вы так ничего и не поняли. Минуту назад у вас еще был шанс сломать игру. И я бы вас понял, и поддержал. Завтра могли бы стать Спасителем Отечества и Пожизненным президентом. Но шансы уже пролетели. Мимо. Не смею вас задерживать, минхер Девет... Не вышло у вас. Не сумели. Жаль. Очень жаль. Спокойной ночи...

Басманов медленно поднес ладонь к полям шляпы.

На том и расстались.

Отряд капитана Ненадо решили пока оставить на Валгалле. Потребуется — за полчаса вернется. Только ни Басманов, ни Кирсанов не думали, что такая необходимость возникнет.

Впервые за все прошедшие годы среди рейнджеров началось нечто похожее на брожение умов в армии и на флоте перед Февральской революцией. Люди потеряли смысл службы. Ничего похожего на то настроение, которое было еще две недели назад. Довоевать, взять Кейптаун с боя, вкусить плоды победы, сулящей яркие перспективы каждому лично и заодно так называемой «мировой истории».

Сейчас — совсем не то. Сильно повлияло последнее сражение с чудовищными насекомыми, выигранное, но весьма тяжело отразившееся на психике. Очень многие решили, что в третий раз им не устоять. Да и было бы ради чего идти на корм мерзким ракоскорпионам! Что косвенно подтверждалось решением командования отступить в тыловые казармы на территории недавнего противника. Обычно солдатами передышка между боями воспринимается как праздник, но здесь это скорее выглядело как капитуляция. Или — интернирование. Тем более, что увольнения в город были крайне ограниченны. Разве что вольным строем, без оружия — в таверну к старым друзьям Давыдову и Эльснеру.

Здесь пива наливали сколько хочешь, и бесплатно, да много ли в том радости?

Разнесшийся слух о том, что большая и сильнейшая часть батальона уже покинула пределы Африки, еще подлил масла в огонь.

Басманов с Сугориным слишком поздно сообразили, что допустили принципиальную, пожалуй что непоправимую ошибку. Что им тут же подтвердил и Кирсанов, всего один вечер послушавший офицерские разговоры, почти незамеченным перемещаясь от стола к столу. Это он умел. Все его знали в лицо как своего, но почти никто не представлял фактической должности и служебного положения. При штабе состоит, ну и достаточно, чтобы рюмку опрокинуть и парой слов перекинуться.

— Плохо дело, господа, — сообщил он, пригласив полковников в свой номер, куда вскоре зашла и Лариса. — Полная деморализация. И я не вижу способа с ней бороться. На фронт они больше не пойдут. Ни на какой. Если только действительно не случится прямого нападения на наш опорный пункт. Тогда они, безусловно, устроят «последний парад». Печально, но уж очень мне все напоминает лето семнадцатого на Кавказском

фронте или зиму двадцатого в Крыму. Вы строевики, а я жандарм. Какое сравнение вам больше нравится — газовая гангрена или лесной пожар?

— Павел, вы не драматизируете? — осторожно спросил Сугорин.

— Я вам не Чехов и не Станиславский. Мы совсем недавно рассуждали о глубоко теоретических проблемах, — он изобразил подобие полупоклона в сторону Басманова и Ларисы. — Я был очарован докладом Михаила Федоровича о блестящей победе при Тоусрифире, его сообщением о делах и мыслях, господствующих на Валгалле, нашими с Ларисой Юрьевной политическими успехами здесь. Поэтому... сохранил непозволительный оптимизм. Но теперь я считаю — если мы хотим сберечь для чего-то, что возможно в будущем, остатки реальной боевой силы — эвакуироваться нужно прямо сейчас. Сегодня. В крайнем случае — завтра.

— А как же... с настроениями? — спросил Сугорин. — Многие ведь высказывали желание остаться в этом мире.

— И вы в том числе, — жестко ответил Кирсанов.

— Откуда вы знаете?

— Догадываюсь. Ничего сложного. И мои верные паладины Давыдов с Эльснером об этом же задумывались. Да ради бога. Утром на разводе объявили — наша миссия закончена. Кто желает остаться здесь в качестве частных лиц — шаг вперед. Выходное пособие будет выдано немедленно. Остальные отбывают на соединение с главными силами. И все.

— Надо бы с Берестиным и Сильвией связаться, сообщить о нашем решении, — впервые не вступив в спор, сказала Лариса.

— Это — как вам будет угодно, — потягивая шрам на щеке Кирсанов. — Мой голос, как обычно, — совещательный. Если приняли во внимание — поступайте как знаете.

— Значит, придется признать, — с трудом заставил себя произнести эти слова Басманов, — мы с Валерием Евгеньевичем с возложенной на нас миссией не справились. Нам было позволено действовать по собственному усмотрению, в итоге кампания провалена. Мы не только не выполнили стратегическую задачу, мы довели вверенные нам войска до разложения. Что остается? В отставку подавать?

— Я, пожалуй, так и сделаю, — согласно кивнул Суторин.

— Ну началось, — Лариса едва удержалась от нецензурщины. Наверное, шляпка с вуалью помешали, несовместимые с солдатским лексиконом. Просто закурила, чересчур резко затягиваясь. — Глядя на вас, господа офицеры, с прискорбием вынуждена признать, что своей главной цели противник добился. Деморализованы не бойцы, а вы сами. Успокойтесь. Возьмите себя в руки. Мы все через такое проходили. Вот Павел совсем недавно вдруг осознал, что потерял смысл жизни. Шульгина с Новиковым накрывали такие приступы депрессии, что впору стреляться. Теперь вот вы... А настроение и поведение офицеров — всего лишь производное от ваших настроений!

— Но позвольте, — попытался перебить ее Валерий Евгеньевич.

— Я еще не закончила, дослушайте. Ничьей вины в происходящем нет, неужели вы не понимаете? Это опять психополе. Очень может быть — остаточное некробиотическое излучение уничтоженных инсектоидов. Представьте — этакая эфирная сусpenзия из предсмертного страха, ненависти, отчаяния, желания отомстить миллионов неизвестно как устроенных существ пропитывает все вокруг. Как трупный запах на поле боя... Надо держаться, господа, надо держаться. Ваше решение бежать прямо сегодня считаю ошибкой. Если враг за нами наблюдает, он сразу поймет, что на сей раз

его оружие подействовало. И сделает соответствующие выводы.

— Что предлагаешь ты? — спросил Кирсанов.

— Я не биолог, я историк. С этих позиций и рассуждаю. Нельзя уходить с чувством потерпевших поражение. Русская армия отступила с Бородинского поля и оставила Москву, но до сих пор большинство русских людей уверено, что Бородино было нашей победой. Что в итоге и подтвердилось. Точно так же оставили в сорок первом Одессу — непобежденными. Улавливаете, о чем я?

— Спасибо, Лариса Юрьевна, вполне, — не поднимая глаз, ответил Сугорин. — Очень возможно, что вы правы и мы стали жертвой психической отравы. Но на вас ведь она не подействовала отчего-то. Вы настолько сильнее?

Лариса рассмеялась.

— Сильнее или нет — не мне судить. А вот иммунитет наверняка лучше. Я перенесла «прививку», вроде как от оспы или желтой лихорадки. Никто, кроме меня, Андрея и Александра, «объектом воздействия» не оказывался. Били только по нам. Теперь в число целей «опознаны» и вы. Надо держаться. Бороться. Хотите, я сегодня проведу с офицерами «политбеседу»?

— «Оптимистическая трагедия», женщина-комиссар, — без иронии сказал Кирсанов. — Давай, попробуй. Это сильный ход — молодая хрупкая дама убеждает закаленных солдат сохранять мужество и верность законам чести... А я, наверное, съезжу к Хилларду, договорюсь, чтобы он не препятствовал заходу «Изумруд» в одну из бухт в полусотне миль восточнее Кейптауна. Заодно еще кое-какие моменты обсудим, на случай скорого расставания. Думаю, пора передать адмирала с рук на руки Берестину с Сильвией. Ему это наверняка понравится. Глядишь, за заслуги Первым морским лордом сделают.

Пожалуй, то, что они задумали, — попытка прорыва в самое гнездо непредставимо-чуждых обитателей параллельного мира, почти ничем, кроме общего происхождения, не связанного с этой Землей, — было самой рискованной авантюрой за всю историю «Братства».

В экзистенциальном смысле. Личный риск в счет не идет. Шульгин, к примеру, во время «Гамбита» вполне мог обычным образом влететь на мотоцикле под встречный или попутный грузовик, слишком он отчаянно нарушал правила уличного движения. Но такая опасность казалась нестойщей в сравнении с возможностью стать жертвой охотившихся за Ириной агтров. А какая, казалось бы, разница?

Любая из сотен тысяч пролетевших мимо пуль на Каховском плацдарме, в Москве, да где угодно еще, тоже воспринималась с обычной степенью фатализма. Велика ли разница — подцепить смертельную форму гепатита, поймать на голову случайно свалившийся с десятого этажа кирпич, погибнуть в авиакатастрофе или от взрыва бытового газа в соседней квартире? Как любил говорить старший брат Новикова: «Выражаясь научно — бывает».

Однако намерение взять и слетать на «медузе» в мир дуттуров изначально вызывало архетипичное отвращение. Вообразить только, что в том мире не сработает «верный АКМ», как в солдатской песне. А засадят тебя в узилище, где станут утонченными пытками добывать информацию или реконструировать в очередного полумонстра. Могут выгнать на арену Колизея, как первых христиан, — сражаться с инсектоидами, на потеху «руководящим товарищам». С другой стороны — есть ли варианты?

Сколько можно гонять нас, как затравленных борзыми волков? Отчего не сыграть мощно и окончательно? Кому-то забавно будет, кому-то — страшно. На са-

мом деле риск следует исчислять только в процентах. В случае его необходимости и соразмерности все остальное — одинаково.

Лететь над фронтом на фанерно-полотняном «Р-5», прыгать с парашютом на треугольник партизанских костров веселее или как? В кавалерийский рейд с Доватором идти, навстречу общему потоку. Пятимиллионная Красная армия — на восток, а три тысячи конников — на запад. Без конкретной задачи. «Погромите немецкие тылы, пока сил хватит, и по возможности возвращайтесь» — вот и весь приказ. Когда вернешься — неизвестно, героем сочтут или по Особым отделам замотают. «Чего это ты, сволочь, во временно оккупированной Белоруссии делал, когда все честные бойцы Москву обороныли?» Хорошо, если эскадроном через фронт пробился, а если вдвоем-втроем, так «десятку» вполне схлопотать можно было.

— Слыши, Андрей, — спросил глубокой ночью, когда все уже спали, куря на просторной лоджии, Шульгин. — Тебе не кажется...

— Что у нас горит сажа?

— Было уже. Не повторяйся. Впрочем, если нравится, можешь и повторять. Бабель знал, о чем писать. Когда писать вообще не стоило.

— Спасибо. Наверняка ты хотел сказать, что дуггеры наносят свои удары по территориям, которые они вообразили своими. На которые мы прав не имеем. Ведь ни разу же, начиная с тридцать восьмого, они не влезли на Главную Историческую... Только на параллели, где мы вдруг появлялись...

— Имеет смысл. И в силу своих возможностей, или ума, как бы показывали, что там нам делать нечего. Слушай, а здесь что-то есть! Почему наши мыслители не просекли столь простой закономерности? Сначала мне показали монстров на «Зиме». В тридцать восьмом они на Арбате выскочили...

— Наоборот, — меланхолично поправил Андрей.

— Неважно. Суть та же. Валгала, Земля-38 (два раза), Африка, снова Валгала и опять Африка... Ни разу они не влезли ни в двадцатый, ни в двадцать пятый, ни в двухтысячные.

— Это ничего не доказывает. Мы, кстати, до сих пор не знаем, кто устроил заварушку в две тысячи пятом...

— Вряд ли дуттуры. Там уж больно *по-человечески* все происходило. Но подумать можно. Если бы только нашелся какой-нибудь способ *мирно* поговорить с имеющими право принимать решения. Не может быть общества, в котором отсутствует центральная власть...

— Может, — тут же возразил Новиков. — Удолин к этой мысли давно уже склоняется, только не сформулировал как следует. Колеблется между двумя вариантами. Первый — коллективно-региональный разум. Что-то вроде того, что и на Земле присутствует, пусть — в других формах. Община, средневековый цех, вече. При возникновении проблемы она решается объединением индивидуальных воль того или иного количества особей. Подчас — на интуитивном уровне. У нас доводы приводятся в вербальной форме — кто кого перекричит, и зачастую выигрывает не тот, кто рациональнее, а тот, кто эмоциональней. Затем достигается консенсус и превращается в *общее дело*, смысл которого неясен большинству даже непосредственных участников принятия решений.

Для следующих поколений все это приобретает уже характер некоего завета, критике не подлежащего. Вот хотя бы взять Великое переселение народов. Гунны или монголы наверняка не читали трудов Льва Гумилева, однако двигались из Зауралья и с Алтая на Венгерскую равнину, к Адриатике и Новгороду в полном соответствии с его теориями. *Пассионарность*, видишь ли, у них внезапно проявилась.

Ну а у дуттуров вместо крепких глоток и пассионар-

ности — феромоны. У кого портянки крепче пахнут, тот и ведет толпу за собой.

— Идея не хуже прочих, только появления пулеметов все равно не объясняет. Ну а второй вариант?

— Программа. Та же самая Гиперсеть, просто другой Узел. Наш занимался экспериментами с индивидуальным разумом, этот — с инстинктами. Земная эволюция долго баловалась с ящерами и рептилиями, с моллюсками, якобы даже вплотную подошла к наделению их разумом. Осьминоги, например. Однако что-то не заладилось, теплокровные победили...

— У верующих — Господь экспериментировал. До этого Узла нам, конечно, не добраться, — не то в шутку, не то всерьез вздохнул Сашка. — А хочешь еще проще? Там у них имеется свой Замок. Единоутробный брат нашего. Он все и творит. И очень может быть, что находится с Арчибалдом в телепатической или какой-нибудь еще связи. Не могу сказать, сотрудничают они или воюют. А нам и так достается.

— Туда же и приехали, — рассмеялся Новиков. — Игрок черный, игрок белый...

— Зря смеешься. Было ведь сказано, что если игроки самоустраниются, нам играть все равно придется. Хоть на печи лежи тридцать лет и три года, хоть круглосуточно подвиги совершай. И ни одна сволочь не подсказала, каким образом это должно завершиться. Мат поставить — а как он должен выглядеть? Нужное число в «пугле» набрать? Сколько? Висты как считать будем?

— Опять мы, брат, с тобой в дебрях солипсизма... Самое время по стопке налить. За весь день так и не пришлось. Отчего ты вдруг о «сочинке» подумал? Мы, скорее, в «классику» играем. Пробьют часы полночь, тогда и начнем «горы», «пули» и «висты» считать. До тех пор играй, да не прокидывайся. Мизер, можно сказать, на руках, почти не ловленный, да только на десяти картах. А в прикупе два тузя к голым восьмеркам.

— Я так соображаю, — сказал Андрей. — Перед

очередной авантюрой пора бы с Георгием Михайловичем Суздалевым пообщаться. Небось заждался там, все думает, когда же Скуратов возвратится? Не прихватили ли мы его в свои тенета, как раныше Игоря?

— Едва успеет, — усмехнулся Шульгин, — папиросу выкуриТЬ, если у Антона и Олега все сойдется.

— Тогда пойдем. Попросим ребят, чтобы начали на пятьдесят шестой настраиваться. У Виктора, кажется, в смысле заявки на расчеты в своем институте все готово. А мы с тобой обращение к потомкам подготовим. Помнишь, как в комсомольские времена капсулы тем, кто будет встречать столетие Октября, закладывали?

— Еще бы не помнить. И все ж таки в этом действе что-то было. Воодушевляющее. В Идею уже не верили, а в лучшее будущее — хотелось.

Через два часа они с Сашкой составили устное послание Суздалеву, приложив к нему соответствующий видеоряд. Скуратов отчего-то волновался. Непривычно ему было, прожив в иных мирах несколько недель, вдруг снова увидеться с человеком, для которого полтора века спустя прошло лишь несколько минут.

— Может, Виктор Викторович, вернешься ты домой, да и все? — заботливо спросил Шульгин. — На новогодние празднования вполне успеешь. Психологические дуттурские задачки самостоятельно решишь, не полагаясь на сотрудников. Быстрее и лучше. А мы всегда на связи... — По его тону даже нобелизированному логику XXI века трудно было догадаться, иронизирует он или от всей души советует.

— Нет, Александр Иванович, придется вам потерпеть мое общество. Слишком вы ядовитую ауру вокруг себя распространяете. Отравляет настолько, что новогодний вечер в кругу сотрудников готов пропустить. Во избежание. Переберу немного и всех подряд начну в ваши adeptы вербовать. Мало вам некромантов...

— Значит, нет у тебя дома настоящей привязанности. Если б меня этакая фемина по ту сторону вечности ждала, чтобы под елочкой, с боем курантов шампанского выпить, я непременно...

— Хочется мне надеяться, коллега, что ваша, как вы сами обозначаете — *трепотня*, вполне онтологична, — Скуратов, как ему казалось, поймал нужную тональность. — Пока я не добрался до самых сакральных тайн дуттуров, возвращаться *неинтересно*. А когда и если доберемся, я вполне смогу вернуться домой до первого боя часов на Спасской башне.

— Абсолютно правильно думаэтэ, товарищ Скуратов. Правильно рассуждаэтэ, — интонацией и жестами Сашка точно скопировал Сталина в исполнении Новикова. — Нэт таких крепостэй, которые нэ могли бы взять большевыки, вооруженные самой пэрэдовой в мирэ тэориэй...

И снова Скуратов почувствовал, что Шульгин его переиграл. Хотя бы эмоционально. Трепотня трепотней, но ведь умным людям понятно, что за ней стоит *на самом деле*.

Чтобы выйти из тупика не потеряв лица, Виктор хлопнул тяжелой рукой по Сашкиному плечу.

— Когда мы сделаем, что собираемся, и вернемся в мой мир, у нас найдется время, чтобы поговорить на чисто абстрактные темы, не заботясь об их соотношении с проблемами физического выживания... Войны и мира, жизни и смерти...

— Королей и капусты, — тут же отозвался Шульгин.

— Не понял, — оторопел Скуратов.

— Да, это было очень давно. Писатель О'Генри. Можешь полистать. У нас в библиотеке. Короли к капусте не имеют никакого отношения. А книга — есть. Ладно, оставим это. Ты готов говорить с Суздалевым?

— Теперь — точно да.

— Это радует. А что мы надеемся получить из твоего института?

— Сведенные в несколько формул результаты моих и Константина Васильевича исследований психотипов всех видов оказавшихся в нашем распоряжении объектов.

— Все равно не понимаю, — признался Шульгин. — Скажи проще — что мы получим в итоге?

— Ты сказки «Тысячи и одной ночи» читал? — с долей понятной снисходительности спросил Скуратов.

— Читал когда-то. Не подряд. Скучным показалось. Восемь томов. Выбирал кое-какие эпизоды...

— И этого достаточно. Насчет «Сезам, открой дверь» помнишь?

— Еще бы...

— Так вот, если то, что мы подразумеваем, удастся правильно формализовать, мы станем хозяевами любых подвидов всех категорий дуттуров...

— Прямо-таки хозяевами? С трудом верится.

— Ну, тут ты в общем прав. Чтобы руководить столь разнообразно специализированными организмами по всему спектру их врожденных и запрограммированных функций, нам нужно знать не меньше, чем «высшие». Но уж в пределах блокирования ведущих инстинктов и отмены ранее полученных команд мы должны будем справиться.

— И то неплохо. Не зря хлеб едите. В критические моменты хоть время выиграем, внеся смуту и беспорядок в ряды врага. Так что, начинаем?

Левашов подтвердил: связь с компьютером, находящимся в квартире Ростокина, установлена. Можно включать.

Скуратов, опять отчего-то вздохнув, пересел в кресло перед терминалом.

На экране появился сначала инженер, приглашенный для изучения его машины, потом, когда он отступил в сторону, и сам Суздалев.

— День добрый, — поприветствовал его Виктор. — В контрольное время я уложился, Георгий Михайлович?

Увидев генерала, академик сразу успокоился и начал говорить по делу.

Трофейная «медуза» за два дня была досконально изучена с помощью пленного экипажа, Шатт-Урха и Удолина с его компанией. Естественно, устройство двигательной установки и систем жизнеобеспечения осталось непонятным, да ими никто и не собирался заниматься всерьез. Лишь бы управлять научиться, не полагаясь на добрую волю чужаков.

Вся конструкция целиком была чисто биологическая, никаких следов металла или керамики. Только органика, зато чрезвычайно разнообразная по свойствам. Имелась и мышечная ткань, гладкая и поперечно-полосатая, и подобие хитина, не уступающего прочностью стали. Представьте себе панцирь камчатского краба, толщиной двадцать-тридцать миллиметров...

Что касается способа перемещения, пространственного и межвременного, Константин Васильевич утверждал: он является почти точным аналогом методик движения сквозь астрал, которыми пользуется он сам и особо продвинутые люди, вроде Шульгина и Новикова. А слизистая структура, плавающая в цистерне размером с ядерный реактор, вызывающая негативные эмоции даже у привычных ко многому людей, — специально выращенные конгломераты мозговых клеток, предназначенные исключительно для создания нужных флюктуаций мирового эфира.

— Это значит, оно одновременно является и оружием, которое наносило психические удары? — спросил Андрей.

— Почти наверняка. А если не именно оно, то аналогичный орган. Известны ведь на Земле гигантские го-

ловоногие, генерирующие смертельное для высокоорганизованных существ психополе...

— Это, скорее, из разряда легенд, — возразил Ростокин. — Даже самые последние исследования мирового океана ничего такого не нашли.

— Да что вы говорите? — со всей возможной язвительностью воскликнул Удолин. — Такие эти кракены дураки, чтобы позволить людышкам с их батискафами себя обнаружить или поймать. Лично мне, и большинству специалистов достаточно косвенных улик и фактов. Хотя бы феномен «Марии Селесты»¹...

Левашов, посмотрев на эту неаппетитно функционирующую физиологию, только сплюнул и выругался. Отметив, впрочем, что если попробовать подключать к разным местам электроды, вполне можно (экспериментальным путем) наладить параллельную, не зависящую от основной, систему управления. И даже получить кое-какие, не предусмотренные конструкторами эффекты.

— Но не сейчас, конечно, — самокритично отметил он, — если б отпуск трехмесячный взять, тогда и поупражняться.

— Гораздо проще, мне кажется, — сказал Шульгин, в этих делах разбирающийся профессионально, — не «медузой» учиться управлять, а дуттурами. Чтобы они наши команды беспрекословно исполняли. Электроды куда нужно вживить... Кнут и вожжи, грубо говоря.

Палицын Федор Егорович, анатом-некромант, изъ-

¹ «Мария Селеста» — судно, ставшее нарицательным в истории необъяснимых явлений тем, что в середине XIX века было обнаружено в открытом океане покинутое экипажем. В камбузе был еще теплый обед, на столах в кубрике расставлены посуда, но ни одного человека на борту не оказалось. Спасательные шлюпки оставались на месте. Всякие следы природных катализмов, а также и нападения пиратов не обнаружены. До настоящего времени феномен «М.С.» используется для своих целей уфологами, мистиками и т.п.

явил немедленное желание приступить к препарированию второй захваченной по методике Ростокина «медузы».

— Так это же вам потребуется, кроме образованных ассистентов, бригада лесорубов с бензопилами, — со-стрил Шульгин. — Я патанатомией занимался, правда только в институте, но масштабы работы представляю. В объекте тонн сто живого веса? Равняется четырем ну оч-чень крупным китам. Помню, видел в детстве кинофильм о тружениках китобойной флотилии «Слава».

— Мы и поаккуратнее умеем, — парировал специалист. — Ножичком вокруг гиппокампа и ретикулярной формации. Остальной массив мышечной массы и нейроглии нас пока не интересует.

— Обождем немного, — охладил Сашка его пыл. — Она нам еще на ходу может понадобиться. Вы вправду подумайте над моей идеей. Слова словами, а хороший электрошок имеет большее воспитательное значение. Олег с механической частью поможет, а систему и интенсивность команд с Константином Васильевичем рассчитайте.

— Надо бы с Дайяной переговорить, — продолжил мысль друга Новиков. — Те «болегенераторы», которыми нас с тобой аггры пугали, здесь очень могут пригодиться.

В «медузу» свободно мог поместиться целый стрелковый батальон. Конечно, штатов нового времени, человек триста. А уж двадцать рейнджеров, назначенных в экспедицию, не должны были испытать какого-то стеснения. Тем более, исходя из сроков транспортировки (Шатт-Урх утверждал, что «перелет» до мира дуггуртов займет не больше земного часа), не требовались запасы воды и продовольствия. Воздух, пригодный для дыхания, пусть и с мерзким запахом, вырабатывался специальными органами этого квазиживого организма

исправно. На «той стороне» пища для людей, судя по метаболизму Шатт-Урха и его соотечественников, найдется. Значит, брать с собой придется только сухпаек на пару суток, оружие, боеприпасы и кое-какие технические средства. Достаточные, чтобы захватить «господствующие высоты» вокруг места высадки и диктовать свои условия тем, кто окажется способен к переговорам.

Ну а не рассчитаем соотношения сил — так тому и быть! Сколько можно ощущать себя волками, вокруг которых полупульный егерь натягивает веревку с красными флагами?

Капитан Ненадо, назначенный командиром десантной партии, долго ходил вокруг устройства-существа, пинал борта ногой, как шофер покрышку, несколько раз потрогал в разных местах штыком. Он первый сумел расстрелять такое чудовище из пулемета, теперь интересовался его защитными возможностями.

Шатт-Урх в роли всего лишь переводчика-консультанта (давно не полномочного посла) ответил равнодушно, но откровенно (на роль героя-разведчика в тылу врага, готового на смерть ради идеи, он явно не тянулся): — Если систему броневой защиты оболочки включить вовремя, она выдержит воздействие любого средства, имеющегося у нас и у вас...

— Так почему же я ее в Москве разделял как бог черепаху, и потом их все до единой пошибвали, или живьем захватили, как вот эту? — задохнулся от удивления капитан.

— Экипажи вовремя не получили нужных инструкций. Все «медузы» использовались в транспортном режиме.

Достойный ответ.

— Ты что мне вкручиваешь? — возмутился Ненадо. — Какой «транспортный режим», если на станции они вели с ребятами настоящий ракетный бой?

— Это действительно трудно понять человеку, особенно — вашей профессии, — вместо Шатт-Урха ответил сопровождавший его Удолин. — Подобные «существа», что саму «медузу», что ее экипаж перед выполнением очередного задания, нужно перевоспитывать. У нас, скажем, кавказская овчарка предназначена для одной конкретной функции, борзая — для другой, спаниель — для третьей. Переквалификация практически невозможна. У них транспортное «существо» можно переналадить в боевое, но требуются специальные процедуры. Сами по себе, *по обстановке*, они к этому неспособны. А что стреляли — так любая собака тоже умеет огрызнуться и укусить, но с разным эффектом. Вы должны это знать из собственного опыта. Если бы сюда прилетела «медуза-крейсер» или «линкор», едва ли мы имели бы сейчас возможность обсуждать этот вопрос.

Капитана многословие профессора не раздражало. Он был уверен, что ученый человек именно так и должен выражаться, не унтер же какой-нибудь, три слова с детства знающий, ими и обходящийся.

— А вот этого... эту — в боевой режим перевести можно? Нам же туда — не к теще на посиделки...

— Думать будем, — обнадежил Игната Борисовича Удолин.

— Вы уж постарайтесь, — с полным доверием попросил Ненадо. Идти за тридевять земель, в тридесятное царство и воевать, если придется, он не боялся, но хотелось — чтобы во всеоружии.

Накануне, собрав весь личный состав присутствующего на Валгалле экспедиционного отряда, Шульгин, почти так же, как много лет назад, проводил нечто вроде политинформации. Неплохая, между прочим, форма воспитательной работы, не дураки ее придумывали. Приказы приказами, а поговорить с людьми по душам,

доступными словами объяснить сущность «текущего момента», смысл того, что им предстоит совершить, в чем-то успокоить, где нужно — возвратить к «высшим побуждениям» — дорогого стоит. На вопросы ответить, помимо субординации заданные, собственными сомнениями поделиться и попробовать их по-товарищески разрешить.

В идеале функции нормальных комиссаров и замполитов в том и заключались — доходчивым, до души достигающим словом, а также и личным примером убедить бойцов сделать то, что выходит за границы требований уставов. «Велика Россия, а отступать некуда», — говорил эти слова политрук Клочков, командир «28 панфиловцев», или за него пропагандисты придумали — не суть важно. Главное — и не отступили, и фраза на века сохранилась.

Каждого из присутствующих на собрании офицеров Шульгин давным-давно знал в лицо, помнил, с кем и о чем говорил на вербовочном пункте в стамбульском переулке. С многими с тех пор и словом не пришлось перекинуться, география и должностные уровни разводили, но сомнений он не испытывал ни в ком. Не все из первоходников откликнулись на нынешний призыв, но те, кто услышал звук серебряной трубы, — вот они.

— Ничего лишнего, боевые товарищи¹, я вам говорить не собираюсь, — начал Сашка, одетый в полевую форму ударного батальона, с почти незаметными генеральскими зигзагами на камуфляжных погонах. — Мы с вами сейчас находимся очень далеко от Родины, что

¹ В данном контексте слово «товарищи» никакого отношения к принятому в КПСС — ВКП(б) официальному обращению к членам этой партии отношения не имеет. Начиная с российского Средневековья этот термин употреблялся применительно к соратникам и единомышленникам. Многие военные приказы от Петра до Нахимова и Скобелева начинались именно со слова «товарищи».

моей, что вашей. Но она все равно у нас общая. Под Каховкой, Курском и Тамбовом, в Москве тысяча девятьсот двадцать четвертого и в ней же две тысячи пятого вместе за нее воевали. Рядом с далекими потомками. Теперь — сегодня. Географическая точка этого места, — он пальцем указал себе под ноги, — не имеет никакого значения. Угроза вражеского вторжения остается и продолжает нарастать. Вы все это видели в Африке, видели здесь. Страшен немец, страшны большевики, но что они в сравнении с тем, что надвигается на нас сейчас?

— Да уж это точно, — раздался чей-то голос, — с красными кое-как, но договориться можно...

— А со скорпионами — хрен! — поддержал сидевший в первом ряду Оноли.

— И я о том же. Поэтому наш замысел — проще апельсина. Пока враг не ждет — «Достанем фашистского зверя в его берлоге!», как призывали плакаты Отечественной войны. Достать и уничтожить неподдающихся, поставить на колени тех, с кем можно о чем-то разговаривать...

— Прежде всего — о безоговорочной капитуляции, — снова сказал Оноли, несколько раз смотревший гревший его душу документальный фильм о подписании Кейтелем именно этого документа в Карлсхорсте. Первую мировую до ума не довели, так Вторую правильно закончили.

— Это как получится, — кивнул Шульгин. — При любом раскладе: что жить — умереть, что не жить — умереть. Но лучше в наступательном бою и на чужой территории. Вы видели своих товарищей, а особенно — девчонок, покусанных ракопауками? А если их нахлынут миллионы? В не прикрытые войсками города? Тогда нам подписывать капитуляцию? Нет, не нам, конечно, тем, кто выживет и будет представлять хоть какую-то власть...

— Да что вы нас агитируете, Александр Иванович? — громко удивился штабс-капитан Ястребов, двоюродный брат Анны и, значит, как бы шурин Шульгина.

— Не агитирую. Смешно бы было таких, как вы, — агитировать, уговаривать. Все не в пример проще. Нас здесь — сорок три человека...

Себя Сашка посчитал в общий строй.

— Половину придется оставить на планете. Базу и девочек защищать, — он позволил себе слегка двусмысленно усмехнуться. Демонстрируя, что разница в погонах ничего не значит. Все, мол, мужики. — Никто не может поручиться, что сюда завтра не нагрянут многократно большие силы монстров и тараканов. Значит, взвод прикрытия будет сдерживать их натиск до полной эвакуации базы. Задача как бы не потруднее, чем наш разведывательный рейд. Славой посчитаемся когда-нибудь позже. Поэтому в десант пойдут двадцать человек. Командиров я сам назначу... Назначил уже, но назову позже, — поправился он. — Добровольцы есть?

— В рейд?

— Наоборот. Только прошу, без всякого этого... Гусарства и кавалергардства. Где опаснее будет, и кто раньше «живот на алтарь» положит, только господу Богу известно. Думайте строго логически. Кто как себя ощущает, кто здравомыслие имеет, относительно личных качеств и соответствия их текущей обстановке... Вы же опытные бойцы, господа. Избавьте меня хоть от этой необходимости — пальцем указывать: «ты — пойдешь, ты — останешься». Понимаете, о чем я?

Офицеры понимали, каждому приходилось оказываться в подобной ситуации. Почему лучшим моральным выходом всегда оказывалось: «На первый-второй рассчитайся! Первая шеренга — шаг вперед!» И никаких душевных терзаний, в случае чего. Тем более, в мировую войну взводные и ротные командиры гибли бы-

стреে, чем среднестатистический солдат. В процентном отношении.

— Вы все понимаете, товарищи. Я вас оставлю на полчаса, сами обсудите и организуйтесь. Помните мои слова двадцатого года: «Вы все друг за друга отвечаете. С выбранным вами человеком вам же и придется в разведку идти, десять верст с пулеметом на плече по песку бежать, и все тому подобное...»¹ Вернусь — доложите решение.

— Почему именно двадцать, Александр Иванович? — спросил ротмистр Барабашов, бывший покойник и отважный преследователь разгромленных монстров. Он был совершенно уверен, что в рейд «за край земли» его возьмут. И не ошибался.

— Интересный вопрос. Даже слишком, по причине бессмысленности. Ответить на него разумно я не в состоянии. Понятно, что, ничего не зная о противнике, составить расчет потребных сил и средств невозможно. Бывало, танкового корпуса не хватало (это он вспомнил о своей встрече с комиссаром Попелем)², бывало — роты много. Вот интуитивно и решил: пять человек — головной дозор, еще пять — передовая походная застава. Остальные — резерв главного командования. Для того, чтобы в случае общей неудачи организованно отступить, — хватит. В качестве охраны дипломатической миссии — тоже. А наступления с решительными целями мы предпринимать не собираемся на этом этапе. Доходчиво?

Возражений не поступило.

Шульгин понимал, что его предложение в меру провокационно, какие-то обиды и конфликты среди офицерского братства непременно возникнут. Но они их непременно решат. Пусть — подбрасыванием монеты на «орел и решку».

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

² См. роман «Скорпион в янтаре».

С близкими друзьями сложнее. Здесь дело не в личном героизме и желании пойти в штыковую атаку впереди цепи. Иначе все, совсем иначе.

Прежде всего решили, что женщинам в этой операции делать нечего. Естественно, с мужской точки зрения. Из всех пятерых только Лариса и Ирина могли бы принести в экспедиции реальную пользу. Но Лариса далеко, а Ирину просто необходимо оставить здесь. Только она в состоянии обеспечить взаимодействие между «Братством» и Даяной с ее девушками.

Главное, что приведенные доводы приняла Ирина, пусть и не без сопротивления. Ей не хотелось в очередной раз отпускать на весьма рискованное дело Новикова, оставаясь в сравнительной безопасности. Как почти всякая женщина, она считала, что если будет рядом, то сумеет уберечь своего мужчину (и остальных тоже) от излишнего безрассудства. Да и ждать солдат с войны, как известно, намного мучительнее, чем разделять фронтовые тяготы и лишения вместе с ними.

Но этой стороны вопроса она как раз не касалась, упирая на то, что к подобным операциям подготовлена лучше многих. Что это вообще ее профессия, а на Валгалле и так есть кому распорядиться. Однако в конце концов Андрей нашел нужные слова.

Левашов и Воронцов сами понимали невозможность своего участия в походе, хотя Олег явно выглядел расстроенным.

— Ничего, ребята, — утешал друзей Сашка, — успеете. Я так думаю, что это у нас будет очень короткая рекогносцировка. Взглянем одним глазком, что там и как, да и обратно. Возможности «техники» проверим. Хорошо, если бы удалось через СПВ обеспечить наше постоянное сопровождение. Тогда риска вообще никакого. И ты, Ира, вместе с Даяной по своим схемам за нами присмотрите. Это уже двухсотпроцентная гарантия...

Некоторые сомнения у Андрея с Шульгиным вызывала кандидатура Ростокина. О деловых качествах речи не было, только ведь случись что с ним, да со Скуратовым вдобавок, практически прервется только налаживающееся взаимодействие с «крепостью последней надежды», как Новиков, вспомнив Толкиена, назвал «реальность — пятьдесят шесть». Но Игоря это не убедило.

Разговор происходил в чисто мужской компании, и деликатничать не было нужды.

— Если не вернемся, нам с вами горевать по этому поводу не придется. Олег с Дмитрием при содействии Аллы как-нибудь с Суздалевым договорятся. Зато в любом другом случае трое — лучше, чем двое. Я в таких местах бывал, что и вам не снилось. Не побоялись меня почти без подготовки на полтора века в прошлое забросить, и сразу — в бой? Не подвел, кажется. Так теперь о чем рассусоливать? Или у вас какие-то особые соображения имеются?

И Новиков и Шульгин сразу поняли, о чем он думает.

Не подозревают ли друзья, что после Селигера (то есть воздействия Ловушки) его подсознание несет в себе скрытую программу,ющую сработать в самый неподходящий момент роковым для всех образом? Пришлось ведь Шульгину в монастыре его *отключать* и вывозить оттуда в бессознательном состоянии.

— Нет, Игорь, особых соображений у нас нет. Сказали, что думали, за кадром ничего не оставили. Решил идти — пойдем. Лишний ствол, само собой, лишним не будет. Да и за Скуратовым лично присмотришь, как телохранитель...

Кандидатуры Скуратова, Удolina и Антона обсуждать было незачем. Без них сама экспедиция не имела смысла.

Кроме Ненадо, Оноли, Барабашова и еще семнадцати офицеров в боевую группу включили андроидов

«Артема» и «Аскольда», лично и весьма близко, через рамку прицела, знакомых с монстрами.

Кажется, предусмотрели все, что в человеческих силах. Если на выходе из внепространства-времени их сразу не накроют плазменным ударом, или чем-нибудь похуже, дальше они себя в обиду не дадут.

Через сутки после передачи Суздалеву памятных кристаллов на «Валгалле» включился компьютер, связанный с машиной Ростокина.

— Быстро управились, — словно бы удивился Новиков, извещенный о вызове Левашовым.

— Не знаю, сколько они управлялись. Могли и месяц. Я просто наладил программу так, чтобы сюда они вышли сегодня.

— Да понятно, понятно, это я так. По привычке. Да-вай, взгляни, что нам Георгий Михайлович пишет.

Суздалев последнее время чувствовал себя не очень хорошо. Мучила бессонница. Занимаясь обычными и привычными делами, он ждал ночи без всякого удовольствия. Знал, что снова придется или, лежа в постели, таращиться в потолок, по которому мелькают блики фар проезжающих по бульвару машин, или бродить по комнатам своей обширной резиденции. Вместо снотворного пить кофе, и думать, думать о вещах, совсем ему, по большому счету, ненужных. В свои семьдесят лет не отъехать ли в очень дальний монастырь, на Соловки, или в Тобольск (что еще лучше), оттуда и наблюдать, как все повернется.

Но боевой офицер постоянно брал верх над политиком и религиозным авторитетом.

Как только господин Поволоцкий из института Пределов знания доложил, что работа по предложенной Скуратовым теме завершена, он немедленно послал за ним Анатолия Арнаутова с автомобилем.

Инженер Всеволод Ильич ввел в машину все усвоенные им команды.

На экране появился незнакомый Суздалеву человек с внимательными, но грустными глазами. Поздоровался.

— Андрей сейчас будет. Виктор Викторович Скуратов тоже. Минут пять подождете?

— Конечно.

Георгию Михайловичу хотелось спросить, кем является его собеседник, но он удержался. Захотел бы — сам представился. А проявлять неуместное любопытство — не по должности.

Поволоцкий, увидев внутри монитора своего шефа, натуральным образом обалдел. И они едва ли не полчаса обменивались сериями фраз, малопонятных непосвященным. Единственно, что сообразил Суздалев, — между научными пассажами оба ученых, с той и другой стороны, проверяли, не подставой ли является его визави. И никому не известные, кроме них, эпизоды общей биографии шли в ход, и ссылки на труды друг друга и коллег в самых заумных отраслях и без того мало кому понятной науки.

По давней, почти сорокалетней привычке Суздалев автоматически запоминал все, что приходилось слышать, независимо от степени осмысления — агрессивные дискуссии суннитских имамов с шиитскими, степенные беседы толкователей Торы и Талмуда, коаны дзен-буддистов и тому подобное.

Научился извлекать из полученной информации то, что требуется ему, сегодня и сейчас, остальное отправлял в запасники памяти, чтобы воспользоваться, когда случится нужда именно в этом знании.

— Вы все обсудили? — жестким голосом спросил он у Поволоцкого, поскольку на ту сторону обращаться не хотел принципиально.

— Наверное, да, — ответил Самсон Фроимович. — Но столько еще осталось интересного...

— Виктор Викторович, — теперь Суздалев обратил-

ся к Скуратову, — нет ли у вас желания вернуться домой или пригласить к себе господина Поволоцкого?

— Вам это зачем? — привычно всторопщился академик.

— Мне — ни к чему. Я о пользе дела думать поставил. Мне бы хотелось обменяться мнениями с Андреем Дмитриевичем или Александром Ивановичем. А вы слишком долго линию занимаете.

Сказано было таким холодным, генеральским тоном, мало сочетавшимся с вполне интеллигентной внешностью, что Скуратов ощущил себя действительно крайне виноватым. Ну вот, словно бы стоишь в телефонной будке, болтаешь с подружкой, а в дверцу стучит человек, которому срочно надо позвонить в больницу...

ГЛАВА 19

Приземление произошло мягко, никаких агрессивных действий со стороны здешних сил ПВО «медуза», выйдя в нормальное пространство, не встретила. Приборы наблюдения, устроенные по принципу особым образом модифицированных и увеличенных до размеров автомобильного колеса глаз хищных птиц, давали вполне удовлетворительный круговой обзор. Механизм аккомодации вполне заменял обычный трансфокатор.

С высоты двух километров Земля-2 выглядела изумительно. Густо-синее, без единого облачка небо у далекого горизонта сливалось с взбескивающим солнечнымиискрами морем, тоже очень синим, как и положено Средиземному. Прямо по курсу из воды поднимались желто-серые отвесные скалы острова, выше стометрового обрыва сплошь покрытого девственным лесом. Судя по положению Солнца, здесь сейчас было около шести часов вечера.

— Интересно, — отметил Ростокин. — Мы вылетели утром, в пути были меньше часа...

— Ты еще спроси, какой здесь год, — ответил ему Антон. — Пора бы и привыкнуть.

...Собираясь в экспедицию, все подсознательно считали, что лететь им предстоит все в ту же Африку. Инерция мышления. Там была станция исследователей итакуатиара, там к ним прилетел парламентер, и оба вторжения монстров и инсектоидов случились там же.

Опять проявился главный недостаток структуры «Братства» — отсутствие единоначалия. План полета к дуггурям обсуждали все, и каждый зацикливался на теме, которую считал для себя ближе и интереснее. Сашка занимался снаряжением десантной партии и изучал устройство «медузы», в той степени, насколько это было возможно, Удолин со Скуратовым ему помогали и одновременно вместе с Левашовым отлаживали излучатель-передатчик дуггурских ментаволн.

Новиков с Антоном обдумывали, о чем собираются вести переговоры с истинными лидерами Земли-2, или, для простоты — Дугляндии, если удастся на них выйти. В качестве программы-минимум предполагалось просто полетать над планетой на относительно безопасной высоте, провести видеосъемки, а уже потом принимать окончательное решение.

Только вечером накануне намеченного старта Андрей зашел в коттедж, где под присмотром Удолина и его команды помещался Шатт-Урх. Следовало поставить его в известность о том, что завтра он вновь увидит свою родину, и спросить совета, где лучше всего приземлиться в интересах успеха миссии и безопасности его самого. Наверняка у вояк или сотрудников тамошних спецслужб на перебежчика имеются собственные виды.

Антон, например, успел убедиться, что кастово-феодальные принципы — улица с односторонним движе-

нием. Снизу они кажутся священными и нерушимыми, а сверху — не более чем предрассудком, специально внедренным, чтобы держать в узде дураков.

Новиков откинул крышку ноутбука и нашел в каталоге нужный лист карты. Дуттур отрицательно замотал головой и сделал отстраняющий жест.

— Здесь не нужно. Чтобы связаться с теми, кто способен выслушать и понять, полетим в другое место. Другая карта...

— Другая? — удивился Андрей и тут же чуть не хлопнул себя ладонью по лбу. Действительно, сами себе заморочили голову войной и прочими происшествиями. А Земля ведь большая, есть на ней места и получше африканских саванн. Цивилизация (то, что действительно является цивилизацией в человеческом понимании) у дуттуров весьма диффузна, разбросана по всей планете — мыслящие не живут в мегаполисах.

Он вывел на экран рельефную карту мира.

— Показывай.

Шатт-Урх ткнул пальцем в район Италии.

— Вот как? Впрочем, отчего бы и нет? Колыбель цивилизации.

Новиков выделил нужный квадрат.

— И где же?

— Здесь, — дуттур указал на Корсику.

— Очень интересно. Приходилось бывать. И что же у нас здесь размещается?

Шатт-Урх будто бы замялся, но буквально на несколько секунд.

— Здесь собирается Рорайма.

Андрей помнил, что этим термином собеседник называл учреждение (или что-то другое), исполняющее функцию Совета предводителей мыслящих варн. Если они правильно понимали друг друга.

— По крайней мере, между его словами и мыслями нет противоречия, — подтвердил Удолин. — Он счита-

ет, что так оно и есть. По-своему рад, что получит возможность к ним обратиться.

— Ну и слава богу. Для первого контакта то, что нужно. А как там насчет охраны, систем противовоздушной и противодесантной обороны?

Ни о чем подобном посланник интеллектуалов понятия не имел. На то существовали тапурукуара, профессиональные военные, о целях и смысле существования которых тоже толком ничего не знал.

...На Корсике из всей экспедиции единожды довелось побывать только Новикову, да и то почти случайно, на двое суток занесла его туда журналистская судьба, году, кажется, в восемьдесят первом.

— Вон там раньше находился город Бонифачо, достаточно интересный, — сказал Андрей, указывая на круглую бухту, отделенную от моря узким проходом. Над ней возвышалась гора с плоской вершиной. — На склонах сохранились итальянские береговые батареи Второй мировой, перекрывавшие все подходы к гавани. Только «макаронникам» это не помогло, союзники их оттуда без боя вышибли. Зато туристам очень нравилось фотографироваться на фоне амбразур и казематов.

— Воспоминания оставим на потом, — несколько нервно предложил Антон, управлявший с помощью изготовленного Левашовым излучателя работой пилотов «медузы». Формулы, переданные Скуратову его заместителем, действовали отлично. Следовало только подобрать нужное для выполнения того или иного действия сочетание должным образом модулированных сигналов. Любая команда проходила сразу в исполнительные центры, минуя любые промежуточные уровни. Что, кстати, очень удивляло Шатт-Урха. О таких способах управления «полумыслящими» он не догадывался.

— Куда садиться будем?

Шатт-Урх, потерявший способность читать в умах людей, не мог перевести свои представления в нормальные географические координаты. Указал рукой направление, и все. Как во флотском анекдоте.

— Вот так или левее? — спросил Новиков, подставляя ему ноутбук с подробной картой теперь уже только острова.

— Сюда...

Примерно там, куда указал дуттур, на *нормальной* Земле располагался городок Сартен, продолжавший свое существование с древнеримских времен, с мостом, построенным чуть раньше Рождества Христова. По этому мосту Андрей проезжал на взятом напрокат «Фольксвагене», а потом, сидя в кофейне напротив, погружался, как эта арка тесаного камня, перекинутая через бурную речку, до сих пор спокойно выдерживает даже большегрузные трейлеры, не считая туристских автобусов.

Да и вообще место великолепное, с какой стороны ни посмотри — хоть с эстетической, хоть со стратегической. Не дураки, значит, те самые Рорайма, кем бы они ни были.

— Если он говорит — «сюда», — прикинул Новиков, — давай влево на девяносто градусов. С резким снижением. Зайдем со стороны моря на бреющем, еще один разворот и садимся во-он там, левее речки...

— Сделаем, — ответил Антон, прикусив губу и чесцур тревожно переводя взгляд с пилотов «медузы» на дисплей зажатого в руке излучателя.

Новиков собрался спросить, в чем дело, но не успел.

«Медуза» резко просела, словно попала в воздушную яму, накренилась, выровнялась и как-то слишком грубо плюхнулась в проплешину посередине рощи дикарастущих пробковых дубов. «Первый пилот», очевидно, счел свою задачу выполненной, снял руки с панели управления и неторопливо откинулся навзничь в

своем ложементе. Не подавая признаков жизни. За ним то же самое проделали и все остальные.

— Это они чего? — спросил Шульгин одновременно у Шатт-Урха и Удолина. — Похоже — готовы?

— Готовы, — подтвердил Антон. — Электрическая активность мозгов и нервной системы отсутствует.

— Самураи, что ли?

Ответил Константин Васильевич:

— Ты, Александр, опять в точку попал. Самураи. Местные. Только им кишки ножом резать незачем. И так померли, волевым усилием.

— Чего ради?

— Шатт-Урх чувствует, что наконец сработал механизм самоуничтожения. Он не знает, какие волны излучает аппарат, которым мы управляли пилотами, но думает, что они нарушили некую балансировку нервных узлов. Точнее перевести не могу. Похоже, что у них предусмотрена такая «система безопасности» на случай, если конкретный индивид начинает вести себя несвоевременно своей функции...

— В принципе понятно, — кивнул Шульгин. — И у нас сильный гипнотизер вполне может запрограммировать человека на самоубийство. Не каждого, конечно, особо внушаемого. Нам здорово повезло, что они перед самой посадкой ласты не склеили. Мы бы не успели перехватить управление.

— Это вы мне спасибо скажите, — вмешался Антон. — Я их до последнего тянул. — Он показал пульт излучателя. — Как только на цель заходить стали, смотрю — управляемость теряется. Словно бы у них в нервах сопротивление начало расти, несущая частота, соответственно, слабеть. Паралич, одним словом. Олег, видать, как раз на такой случай тут движок реостата поставил. Ну я и начал «газу добавлять». Не знаю, что с ними в последние секунды творилось, но, судя по вольтметру, дым из «проводов» шел.

— И не жалко было? — сам не зная почему, спросил Новиков.

— А когда ты Сталиным работал, тебе не жалко было фронты и армии на смерть посыпать? — То, что можно было назвать улыбкой форзейля, выглядело неприятно. — Булькнули бы мы сейчас в море или в скалы вмазались, дуттуры бы о нас пожалели?

Андрей отвернулся.

— Тут, на мой взгляд, не в первом параличе дело, — прервал паузу Скуратов. — Очень может быть, это у них такая система навигационного контроля. Не имеешь права в данную зону залетать — тебя отключают. Возможно, что и не насмерть. Зависла бы «медуза» над морем и ждала, пока ее не отбуксируют куда надо... Мне другое немного интересно — как мы теперь обратно полетим? — спросил академик, сохраняя присутствие духа.

— Вопрос не первоочередной, — ответил Шульгин. — Если наша миссия увенчается хотя бы относительным успехом, я эту штуку как-нибудь подниму, нешибко сложная система управления. Опять же Левашов подстраховывает. Ну а... — продолжать он не стал, и так понятно.

— Ты-то, брат Урх, умирать не собираешься? И что по поводу слов Виктора Викторовича думаешь? — спросил Ростокин, стоявший рядом.

— Я — нет. О навигационном контроле ничего не знаю. Никогда не слышал. Если вы хотите выйти наружу — пойдемте. Я знаю как.

— Мы тоже знаем, как бы тебе это ни показалось удивительным, — ответил Шульгин.

Гибкая псевдоживая аппарель «медузы» вывалилась из-под мантии и легла на покрытую густой травой поляну.

Первыми по ней сошли «Артем» и «Аскольд», в полном боевом снаряжении. Стремительно обежали поляну, убедились в отсутствии каких-либо вредных су-

ществ, за исключением обычной лесной мелочи. Прoverили рельеф и плотность грунта.

Получив разрешение, медленно перематывая подтормаживаемые двигателем гусеницы, съехал «МТЛБ»,¹ настороженно поводя башенным пулеметом КПВТ. Четыре ПТУРСа на корме тоже были готовы к запуску. Остановился на самом выгодном с точки зрения обороны краю поляны. Из верхнего люка высунулся по пояс Оноли, призывно махнул рукой.

За ним легко скатился «БРДМ», вооруженный, кроме штатного «ПКТ», автоматическим гранатометом «Василек».

В дополнение к «бронетанковым силам» на вооружении экспедиции имелась и легкая техника: классический «БМВ» с коляской и пулеметом «ПКМ» и одиночный кроссовый «Судзуки». На таком Шульгин мог пробраться и через лес, и по горам.

Наконец, минуя трап, из люка выплыл самый маленький из имевшихся на Валгалле флигеров, покачался немножко на гравиподушке, развернулся, пересек лужайку, опустился напротив бронетранспортера, под деревом, похожим на ливанский кедр. И сверху незаметно, и гравипушка перекрывает почти сто градусов тылового сектора.

Тишина вокруг царила просто потрясающая. Листья деревьев чуть слышно шелестели, и речка внизу журчала, погромыхивая галькой на перекатах. И воздух! Воздух, особенно после удущливой атмосферы внутри медузы, был изумительный. Свежий, ароматный, какой-то... Сочный. Будто не вдыхаешь его, а пьешь.

— Кислорода здесь процентов на пять больше, чем у нас, — отметил Шульгин. — Предупреждаю о возможности немотивированной эйфории. Вторым след

¹ «МТЛБ» — «многоцелевой транспортер легкобронированный».

ствием является существование в Дугляндии гигантских насекомых...

— Не только в кислороде дело, — тут же вмешался Удолин. — Инсектоиды модифицированы, вместо трахеального дыхания у них подобие легочного. Что допускает создание организмов практически любого размера.

Ростокин негромко выругался. Насекомых, особенно паукообразных, он не выносил с детства, и его не заботило, что в смысле систематики пауки не имеют к насекомым никакого отношения.

— Ребята, что это с ним? — вскрикнул Новиков, указывая на Шатт-Урха. Тот повалился на траву и катался по ней, подобно поросенку в луже, обхватив при этом голову руками. Не то постанывая, не то повизгивая. — Не помирает, за компанию?

Сашка, которому клятва Гиппократа вроде как велела кидаться на помощь, оставался спокойным и неподвижным. Константин Васильевич тоже не выглядел озабоченным.

— Нормально, — сказал профессор. — Мыслефон услышал. Это как в пустыне до колодца дорваться. *Напьется — успокоится.*

— Так и его услышат, — встревожился Скуратов.

— А мы зачем сюда летели? Главное — чтобы *тебе, кому надо*, услышали.

Офицеры отряда, не имея других приказаний, кроме обеспечения высадки, расположились между транспортером и «БРДМ», закурили, оставаясь в полной боеготовности. По этому поводу и подошел к начальству Ненадо.

— Александр Иванович, нам как? Может, бронежилеты и шлемы пока снять? Тихо вокруг, да и жарковато.

Температура действительно была явно не ниже тридцати.

— Снимайте, пожалуй. Я сейчас «Аскольда» с «Ар-

темом» пошли в поиск, змейкой в пределах километра. Предупредят, если что...

— А с обедом как?

— Ужином, — поправил его Шульгин. — Вечер уже. Не видишь? Проголодались — сухпаем перекусите. Костиры разводить рановато.

— Есть! — Капитан, безжалостно топча желтые и сиреневые метелки неизвестных цветов, направился к бойцам.

— Я бы тоже в тенек перебрался, — сообщил Ростокин.

— Дело, — согласился Андрей. — И пива холоденького.

— Не будем подавать подчиненным дурного примера, — назидательно ответил Шульгин. — Сначала с обстановкой разберемся. Шатт-Урх очухался?

По всему было видно, что да. Он уже был на ногах и выглядел намного лучше, чем полчаса назад.

Сашка открыл карту-километровку на этот район. Земную, конечно, французского изготовления восьмидесятого года. Здесь она годилась только для того, чтобы оценить рельеф местности, оставшийся прежним, вся прочая информация не имела смысла.

— Давай, приятель, покажи, где твоя Рорайма располагается? Ты их не слышишь, кстати?

— Слышу. Здесь совсем недалеко. По-вашему — десять километров. Нам очень повезло. Я не могу на таком расстоянии различать отдельные мысли, но чувствую, что там — большое собрание. Может быть — все-планетное. Очень много мыслящих.

— Не по поводу наших с вами разборок они собирались?

— У Рорайма всегда много дел. Ваши — могут входить в их число.

— И что, братва, делать будем? — спросил Новиков.

— А мы зачем летели? — осведомился Антон.

— А за что Каин Авеля убил? — тут же вмешался Шульгин.

— Это к чему? — удивился форзейль.

— К тому. За то, что отвечал вопросом на вопрос.

Скуратов с Игорем засмеялись. Но им простительно, а вот почему Антон не знал этого бородатого анекдота — странно. Не в тех кругах вращался?

— Я в том смысле, — пояснил Андрей, — каким образом организуем вручение верительных грамот? Всей армией двинемся или особо доверенных лиц пошлем? Ты как, Шатт-Урх, можешь гарантировать, что нас примут с распростертыми объятиями или хотя бы не расстреляют на поддете?

— Не расстреляют. Я имею право присутствовать на Рорайма. В ближней зоне резиденции меня опознают. А вы, господин, — обратился он персонально к Антону, — сделайте так, чтобы вас не услышали раньше, чем меня. Это исключит недоразумения.

— Свободно, — успокоил его форзейль. — Но на всякий случай, если почувствуешь неладное, громко кричи и «размахивай белым флагом», в переносном смысле, конечно. Одновременно сообщая, что мозги выжечь всему высокому собранию мы можем при первом недружелюбном движении.

— Я это помню, господин Антон.

— Значит, так, ребята, — предложил Новиков. — Оптимально — летим я, Шатт-Урх, Антон, один робот. Кто пятый? Константин Васильевич или Виктор Викторович?

Шульгин спорить и доказывать необходимость своего присутствия в составе делегации не стал. Излишним любопытством он не страдал, зато знал, что в случае непредвиденного развития событий его, как коменданта операционной базы, никто не заменит.

Зато между Скуратовым и Удолиным дискуссия возникла мгновенно. И у каждого имелись свои, весьма веские доводы.

Академик утверждал, что общаться с собранием мудрецов ему будет куда сподручнее: коллеги, и все такое.

Профессор, в свою очередь, резонно заявлял — полноценно контролировать Шатт-Урха может только он, и техникой выхода в астрал уважаемый Виктор Викторович не владеет, и так далее и тому подобное.

О кандидатуре Ростокина речи даже не возникло, отчего он молча обиделся. Но решил немного подождать.

Новиков и Шульгин в итоге поддержали Удолина, счтя, что при первом контакте пользы от него действительно будет больше, а Скуратов свое возьмет при следующей, наверняка более конструктивной и ответственной встрече с мыслящими.

Тогда Игорь сказал и свое слово:

— Флигер, конечно, пятиместный, только кресла не на нас рассчитаны. Слишком широкие. Среднее сзади выбрасываем, и шестой человек свободно поместится. То есть я. Как военный журналист и представитель отдельной цивилизации, а также специалист по контактам с ВРАГами¹, категорически настаиваю.

Новиков усмехнулся и коротко кивнул. Почему бы и нет, в самом деле?

Из кругового поиска вернулись роботы, вооруженные крупнокалиберными помповыми дробовиками. Ничего заслуживающего специального внимания они не обнаружили, зато нашли подходящие для проезда бронетехники маршруты.

— Кое-где топором поработать придется, а так — местность вполне доступная.

— Молодцы, — похвалил Шульгин. — Ты, Аскольд, остаешься в моем распоряжении. Артем полетит на флигере. Под командой поручика Оноли прямо сейчас начинайте прокладывать тропу для выдвижения в этот вот квадрат. Десять человек хватит?

¹ ВРАГ — внеземной разумный гуманоид.

— Да я бы и один справился, — застенчиво ответил андроид. Его характер предполагал, что нельзя позволять людям-хозяевам делать то, с чем можешь спрашивать сам.

— Нет, господа, прошу, конечно, прощения, — заявил капитан Ненадо, — я бы так посоветовал. Лететь сейчас никому не надо. Вечереет, и сильно вечереет. Я в Месопотамии в шестнадцатом воевал, знаю. Через час совсем темно станет. Куда лететь? Надо грамотно. Перед самым рассветом. Часиков этак в четыре-пять. Кто бы там вас ни ждал, предутренний сон — самый крепкий. Будете иметь лишние минутки на какой-нито случай. А сейчас — если нас до сих пор не обнаружили, лучше здесь пересидеть. Предполье обеспечено, зенитная оборона «Иглами» — тоже. Аскольд с Артемом за двадцать верст опасность обнаружат. Я извиняюсь, Александр Иванович, вы, конечно, дивизиями и армиями командовали, а взводом и ротой — наверняка нет. Господин Берестин меня быстрее бы понял.

Упрек был тщательно замаскирован округлыми выражениями, но смысл был ясен каждому, кто слышал.

— А ведь действительно так лучше. Придется согласиться, Игнат Борисович, — как можно более дружелюбно ответил Шульгин. — По-вашему и поступим. Начинайте налаживать и обеспечивать оборону, а мы на самом деле утра подождем. Вам, как опытному солдату, не следует объяснять, что костры лучше разводить под самыми густыми деревьями, поверх натянуть маскировочную сетку, и так далее?

— Объяснять не нужно, Александр Иванович, — ученые. Только, мне так представляется, те, к кому мы прилетели, захотят — под любой маскировкой нас увидят. Сиди мы в блиндажах или полевые пляски на поляне устраивай. Им — одинаково.

— Что твой командир заставлял Лермонтова наизусть учить — это я помню. Так он вас еще и в оперу водил?

— Нет, в оперу — это я сам. Когда в Москве воевали, пригласили меня... в Большой театр. Как раз на «Князя Игоря», — отчего-то вдруг смутился боевой офицер, от рода чуждый интеллигентских сантиментов.

«Неужто аристократочка какая? — внутренне удивился Сашка. — А почему и нет? После победы под Берендеевкой обласканных и награжденных лично Государем офицеров наперебой приглашали в лучшие дома. Вроде как лейб-компанцев¹ Елизаветы, дщери Петровой».

— От половецких плясок все-таки воздержимся, а в остальном ты прав. Обеспечь охрану территории по уставу караульной службы, и можете отдыхать. Винная порция — как положено, но ни грамма больше.

— Да о чем вы, Александр Иванович? — ответил капитан, весьма довольный, что удалось обойти скользкую тему. — Все будет в лучшем виде. А воздух-то здесь какой! — повел носом старый вояка.

— Как будто на Валгалле хуже? — с подначкой спросил Ростокин.

— Не хуже, пожалуй, а другой. Неужто сами не чувствуете?

Ненадо ушел к отряду, оставшиеся решили, что и им костерок не помешает. Темнело действительно быстро.

— Константин Васильевич, вы с Шатт-Урхом ничего не чувствуете? — спросил Новиков. Он уже успел, на несколько минут отойдя к краю обрыва, сосредоточиться и создать совсем несложную, локальную мыслеформу, по идее как бы накрывшую их стоянку куполом невидимости. Этакий меловой круг очертил. На Земле зачастую срабатывало. Насколько этот прием будет действенным против местных специалистов, Андрей не

¹ «Лейб-компания» — группа военнослужащих гвардии, поддержавших восшествие на престол Елизаветы Петровны, свергнувшей в 1741 г. императора Ивана VI. Все рядовые были произведены в поручики, офицеры — в полковники. Кроме того, все, кто не имел, получили потомственное дворянство.

знал (вдруг у них собственный Вий имеется), но надеялся на лучшее.

— Нет. Эфир на удивление чист. Ваша защита надежна, бесспорно, но я к ней и своей добавил. Шатт-Урх опять ничего не слышит. Значит — до утра доживем... Скорее всего, — немножко подумав, добавил профессор.

Снова вокруг была черная южная ночь, между набежавших с запада, со стороны Атлантики облаков просверкивали необыкновенно яркие в здешней прозрачной атмосфере звезды.

«Каково на них смотреть Антону? — неизвестно почему вдруг подумал Новиков. — Как заключенному из тюремной камеры на огни города, или наоборот, как из города на фонари вокруг тюремного забора?» В разговорах они ни разу не касались деликатной темы, однако должен ведь испытывать какие-то чувства «человек», привыкший считать своим домом всю Вселенную и вдруг навеки заточенный на одной-единственной захолустной планете? Как если бы Воронцова, лишив диплома капитана дальнего плавания, сначала сколько-то поддержали в тюрьме, а потом назначили командовать буксиром в речном порту.

Из валявшихся вокруг в изобилии сосновых сучьев и прочего хвороста собрали свой костер, вокруг расселись впятером, пристроив поблизости никому, казалось бы, не нужное оружие. Против зверя в тайге или лихого человека оно бы непременно пригодилось, а против целой планеты? Но неизменно человеческое чувство — хоть бронзовый меч на поясе, хоть копье с кремневым наконечником, а тем более хороший пулемет — и ты уже почти на равных с окружающим миром. В конце концов, Кортес с несколькими сотнями конкистадоров половину Америки завоевал, две империи покорил, Стенли с однозарядной винтовкой считал себя доста-

точно вооруженным, чтобы Африку исследовать, не боясь ни диких зверей, ни людоедов.

Не до изысков было, в большом котелке растолкли и заварили, будто в давних турпоходах, пять брикетов концентрат «Гречневая каша с говядиной». Вкуснейшая, если кто не пробовал, вещь. Особенно если есть ее с дымком и деревянными ложками.

— Оно конечно, — говорил Шульгин, — ночью высадиться тоже неплохо. Управились бы — ноктоворы есть, прожектора, осветительные ракеты. Для местных — малопривычные штучки. Взяли бы мы их, как группа «Альфа» дворец Амина в семьдесят девятом.

— Ну и что? — лениво возразил Антон. — Игнат, при всей его простоте, — прав. Утро ведь в натуре вечера мудренее?

С этой максимой спорить никто не стал. Да никому и не хотелось.

Разговаривали неторопливо, прикидывали, с чего начинать переговоры и в каком ключе их вести.

— Хорошо с квангами было, — вспомнил Шульгин, — те нас сразу почти как родных встретили, и никаких недоразумений.

— Ну, кванги — особый случай. Мы к ним в роли спасителей явились, а тут — совсем наоборот, — ответил Андрей. — Неужели, Антон, среди ваших Статей так-таки ничего подобного здешней многослойной цивилизации не встречалось? Удивительно даже.

— Ничего удивительного, — вместо Антона сказал Скуратов. — Я все больше склоняюсь к мысли, что никакой цивилизации дутгуротов вообще не существует. И все мы — жертвы собственной наивности и хорошо организованной дезинформации, рассчитанной исключительно на нас. Только еще не понял — кем.

— Галлюцинация глобального масштаба, — полуувопросительно продолжил Шульгин.

— Я бы иначе выразился, — выбирая в костре уголь.

лек, подходящий для раскуриивания трубки, сказал Андрей. — Помнишь «Миллиард лет до конца света»?

— Похоже, очень похоже, — задумчиво кивнул Сашка. — Только чем тогда все это отличается от пресловутых Ловушек?

— Принципиально. Ловушки субъективны и работают исключительно против чужих мыслеформ внутри Гиперсети, как нам объяснили. Я так понимаю, одновременно на всех нас, столь разных по психотипам, культуре, способам мышления, они действовать не могут. Что общего между тобой, Виктором, эстетом-хамом Оноли, простодушным Игнатом? Следовательно, мы имеем дело с объективной реальностью.

— Тут ты прав. Главное — роботы ведь тоже воспринимают монстров, инсектоидов, Шатт-Урха и тому подобное как данность... Правда, есть у меня контрдровод, заумный такой, а все же. Ничего на самом деле вообще не происходит. Каждый находится внутри индивидуального бреда. Вы все кажетесь мне, говорите и делаете то, что я воображаю, оставаясь там, откуда вы меня вроде бы вытащили. Любой из вас — в том же положении, если вообще существует в природе...

— «Слег»¹, короче. В таком плане конечно, никто никому ничего доказать не в состоянии. Лем подробно объяснил, что, находясь внутри совершенного фантомата, убедиться в ложности или истинности окружающего невозможно².

— Эй, о чём это вы? — несколько встревоженно спросил Ростокин. Книг, на которые ссылались друзья, он не читал. Удолин со Скуратовым тоже, но они промолчали, усваивая и осмысливая значащую, с их точки зрения, информацию.

Новиков вкратце объяснил Игорю, о чём шла речь в

¹ След — волновой наркотик. См. повесть А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века».

² См. С. Лем, «Сумма технологий».

«Милиарде лет». Природа, мол, она же — мироздание, в целях поддержания *высшего равновесия*, способна менять собственные законы и создавать любые артефакты, от локальных до глобальных.

— Додумался ведь Энгельс до формулы: «Человеческий разум есть инструмент, с помощью которого природа познает самое себя». Следовательно, изначально неспособная к познанию природа тем не менее сумела создать человечество, миллион лет назад уже зная, что появятся письменность, университеты, синхрофазотроны, звездолеты, теория эволюции, диалектический и исторический материализм. И если так оно и есть, то что стоит *природе*, в широком смысле этого слова, раз уж мы от Гиперсети отключились, создать «Дуглядию», чтобы все ж таки нас *опустить*? Сидите, шелупонь, под нарами возле параши и не высовывайтесь...

— Принцип Фразибула¹ в бесконечности пространства и времени, — уточнил Скуратов.

— Стоило возиться, — презрительно фыркнул Ростокин. — Банальной молнии хватило бы, одной на всех. Или тайфуна в пятьдесят баллов. Накрыл «Валгаллу» в океане — и адью!

— Неисповедимы пути господни. Бог тоже, вместо того чтобы напускать на весь Египет известные казни, мог просто провести с фараоном профилактическую беседу. Как в КГБ практиковали. Многим помогало, без ненужного кровопролития, — засмеялся Шульгин.

— Очень вовремя вы эту тему подняли, — впервые нарушил свое сосредоточенное молчание Антон.

— Очень вовремя, — повторил, а также и подтвердил Константин Васильевич. — Скоро полночь, — ска-

¹ Тиран одного из древнегреческих островов. Один из коллег попросил его поделиться секретом долгого и успешного правления. Фразибул пригласил его на прогулку в поля, во время которой как бы между прочим сбивал посохом колосья, возвышавшиеся над другими. «Теперь понял?» — спросил он, когда они вернулись во дворец.

зал он, не глядя на часы. — Не только в хронологическом, но и в сакральном смысле. Скоро полночь нашего мира, пора бы демонам полнолуния вступать в свои права...

— Приехали, — заявил атеист и одновременно агностик¹ Скуратов. — А подходящие заклинания против этих демонов у вас имеются?

— Завтра узнаем, — зевнул Удолин. — Пора бы и спать ложиться.

ГЛАВА 20

Новиков с Шульгиным долго не могли заснуть. Сначала они отошли в сторонку, под прикрытие корпуса БРДМ, чтобы наедине сказать друг другу кое-что, касающееся завтрашнего дня, не предназначеннное для посторонних ушей: во избежание превратных толкований и деморализации личного состава. Да так и проговорили больше двух часов.

Приняли по чарочке. Кто знает — не последней ли за тридцать лет дружбы? Под это дело вспомнили несколько ярких эпизодов, и все — из «раньших времен», лежащих за гранью «Одиссеи».

Слышно было, как роботы, не нуждающиеся в сне, не боящиеся каких бы то ни было демонов (если у них и были свои суеверия, вроде того, что боевые вертолеты — это души погибших танков, люди об этом ничего не знали), обладающие круглосуточным зрением, трудятся в лесу. К утру намереваясь расчистить просеку, выводящую на ближние подступы к территории Рорайма.

— Слушай, надоели мне эти досрочные поминки, — вдруг сказал Шульгин. — Что будет, если так, а что бу-

¹ Агностицизм — философское учение, ограничивающее роль науки лишь изучением явлений, отрицающее познаваемость объективного мира и достижение абсолютной истины.

дет, если эдак. И вообще: «Вы помните, каким он парнем был?» На хрен. Забыл, как ехали из Карачаевска до Домбая, тринадцать человек в одной «Волге»? Трубой по дороге скребли, а все же доехали. Ну и сейчас. Флигер не «Волга», ему одинаково, что шестерых тащить, что семерых. Всего-то десять километров. По-любому там все решаться будет! Хоть и надоел ты мне не меньше широко известной редьки, но остаток жизни провести исключительно в сентиментальных воспоминаниях и душевных терзаниях — еще хуже. Здесь от меня толку ноль. Для координации? Было бы что координировать. Для нанесения «удара возмездия»? Игнат сам справится, а Олег с Ириной помогут. Никому мало не покажется. Хоть всю планету спалят — а нам-то что? Полегчает? Летим вместе, короче говоря, хочешь ты этого или нет...

У Андрея если не камень с души свалился, то скрещущие сердце кошки убежали. Все сразу. Он якобы руководствовался пользой дела, принимая свое решение. А какое, к черту, дело и какая польза? Как выдумывали всякие приключения тела и духа, гуляя с девушками по ночному кисловодскому парку, так недалеко оттуда и ушли. Сто раз могли разбиться всмятку, за двадцать часов проскочив на мотоцикле от Москвы до Кавказских Минеральных Вод. И в чем сейчас разница, ежели весь мир, особенно этот — только наше представление?

Обретя душевное равновесие, они прилегли, вздремнули часок вполглаза.

Новиков подумал, что он проснулся раньше всех, тихо прошел через кусты, обильно осыпавшие его крупной росой, и посередине поляны увидел капитана Ненадо, бодрого и подтянутого, в старательно начищенных ботинках, выбритого и пахнущего тройным одеколоном. Никаким другим не приучился пользоваться.

На инстинктивное движение руки к виску, за кото-

рым должен был последовать рапорт, Андрей ответил отмашкой.

Сказал шепотом:

— Пойдем в сторонку, перекурим и обменяемся...

Рядом с открытой кормовой дверью МТЛБ Игнат Борисович указал на предназначеннное для сидения бревно перед излучавшим тепло, не успевшим перегореть до золы костром.

— Значит, мы сейчас полетим, — продолжил Новиков начатую фразу. — Планы чуть меняются. Александр Иванович — с нами. Ты, выходит, — старший по команде. Начнешь выдвижение к опушке леса по готовности. Связь будем поддерживать через «Артема» с «Аскольдом», их диапазон труднее запеленговать. Остановишься вот здесь, — он указал место, примерно в трех километрах от предполагаемого расположения резиденции Рорайма. — Ждешь дальнейших распоряжений. Если с нами что-то случится, «Артем» в любом случае сообщение передать успеет. Даже в случае полной и окончательной гибели...

Капитан не стал произносить принятых в подобных случаях у гражданских лиц восклицаний-заклинаний: «Да о чём вы говорите?! Все будет хорошо! Вы еще нас переживете и т.п.». Молча кивнул.

— Геройски мстить за нашу безвременную кончину не надо. Без толку. Стрелять и обнаруживать себя — только в безвыходной ситуации. Вернешься к «медузе» — и улетайте. «Аскольд» знает, как управлять. На Валгалле доложишь. Это в случае, если господин Левашов вас своим способом не вытащит. Ясно?

— Чего неясного? — пожал плечами капитан. — Одно скажу... — Тут Ненадо очень к месту припомнил митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, с обер-церемониймейстером и динамитом срифмованного, подходящей прокладкой полупочтенных слов переложенного.

— Плотно выражаясь, Игнат Борисович, прият-

но слушать. Надо будет потом для нашего «Братства» курсы русской словесности организовать. Есть у меня на примете боцман с линкора «Двенадцать апостолов», и профессорша из Москвы, моего, конечно, времени, дама семидесяти лет. Диссертацию на этом деле защищила. Секретную, к публикации запрещенную. Один раз шла по улице, ограждение открытого канализационного люка не заметила. Но не упала, слава богу. Из него вылез мужик и с детства известными тремя словами ее обляял. Она удивилась, остановилась, назидательным тоном объяснила, как в таком случае выражаться следует. Именно в таком и применительно именно к данному *объекту*, персонально к ней то есть. В противном случае грубая брань никакого сакрального смысла не несет и нести не может...

— И что? — крайне заинтересовался капитан.

— Водопроводчик обратно в люк упал. А она дальше пошла, очень возможно, что следующую главу для своей монографии продумывая.

— Монография — это что? — спросил любознательный капитан.

— Это такая толстая книга, посвященная исследованию одной темы. Например: «Роль портняк в победах русской армии XVI—XX веков». Семьсот страниц текста с картами и иллюстрациями.

Новиков развлекался, но Ненадо отнесся к его словам, и этим, и предыдущим, с полным доверием и серьезностью.

— Неуж и такое написали? Ну молодцы! Что значит — наука! Да я бы сам им такого понарассказывал... А с профессоршей вы меня непременно познакомьте, если вернетесь, конечно...

Сообразил, что сказал несколько не то, кашлянул, но извиняться не стал.

— Насчет боцмана спорить не стану, у них свои морские обычай, однако — теория суха, как говорил Гете... Или Гейне... — Игнат Борисович снова впал в тягостное

раздумье. — Настоящей жизни ваша старушка знать не может. Второе место я у нее отобью!

«Счастливый человек, — обрадовался Андрей, — такие детали его до сих пор волнуют. Перед боем!»

Однако капитан мгновенно собрался, поняв, что лишние рассуждения как минимум неуместны, при всей их интересности, оборвал тему.

— Давайте закурим, Андрей Дмитриевич, и будем подъем играть.

Сказано было в переносном смысле, трубача для исполнения названного и всех других сигналов в отряде не имелось.

Шульгин поднял флигер вертикально, и он мгновенно растаял в предрассветном небе. С километровой высоты снова стало видно море по обе стороны острова, справа подкрашенное красноватыми лучами готового появиться из-за горизонта солнца.

— Вон туда, — показал Удолин, еще на земле установивший плотный ментальный контакт с Шатт-Урхом именно для этого случая. Вблизи соотечественников оставлять его без контроля не стоило. Мало ли что ему напоследок может в голову прийти?

Среди сплошного массива темного леса смутно просматривалось нечто вроде неправильной многолучевой звезды, слегка поблескивающей своими гранями. От нее на запад, к морю, и на север, в глубь острова, уходили две белесые ленты, похожие на автострады. Слишком широкие, пожалуй, для затерянного в дебрях мес-течка.

— А это не взлетные полосы? — спросил Ростокин.

— Для стратегических бомбардировщиков? — Шульгин продолжал удерживать флигер на месте, аппарат лишь слегка покачивался в потоках утреннего бриза. — Константин, вы с клиентом что-нибудь слышите?

— Нормальный мыслефон, никаких признаков тревоги или паники.

— Они там что, действительно спят?

— Кто-то спит, кто-то нет. Как обычно. И мы прилично заэкранированы.

— Ну, начинаем? — Сашка спросил, как бы давая друзьям последний шанс передумать и вернуться обратно.

У Ростокина мелькнуло, что так, может быть, было бы лучше. Вернуться и попробовать выйти к базе пешком, с необходимыми предосторожностями. А то спикируем как раз в защитное поле. Один пшик останется от флигера вместе с экипажем...

— Давай, — выдохнул Новиков, словно прочитав мысли Игоря. — Чего уж теперь...

— Куда садиться будем?

Ответил Удолин:

— Шатт-Урх предлагает — прямо напротив главного входа, там, где кончается приморская дорога.

— Так, значит так. Поехали!

Сашка научился пилотировать виртуозно, да и машина была изумительно послушная, в отличие от самолета практически лишенная инерции. Стремительно, с приличным ускорением обрушившись вниз, Шульгин остановил флигер в пятидесяти метрах от изломанных крыш низкого, но огромного по площади здания. Сориентировался, развернулся так, чтобы гравипушка смотрела на вход, образованный несколькими переплетенными дугообразными арками разной высоты, коротким импульсом подал машину вперед и посадил на фиолетовый, в желтых разводах и спиральях, бетон. Или нечто, его заменяющее, столь же твердое и гладкое. До витражных дверей оставалось метров тридцать.

— Лихо, — перевел дух Скуратов, не привычный к такому пилотажу.

Первым, с пулеметом на изготовку, из флигера выпрыгнул «Артем».

— Саш, остаешься на месте. Игорь — к орудию. Остальные выходим, — распорядился Новиков. И не удержался от шутки: — Я — за коммодора Перри¹ буду...

— Служба у них хреново поставлена, — сказал Антон, осматриваясь. — Мы уже минуту назад могли их раздолбать с воздуха, а они даже не засуетились...

— Шатт-Урх, передавай на всех каналах, кто мы такие и что прибыли с миссией мира и дружбы, — велел Андрей. — И шутить не советуем.

— Уже передает, — доложил Удолин, словно бы принюхиваясь к здешней атмосфере, а на самом деле зондируя эфир доступными ему способами.

«Артем» по собственной инициативе смеялся левее, чтобы не заслонять Шульгину и Ростокину линию огня, одновременно расширяя свой сектор наблюдения.

— Вот, кажется, и комиссия по встрече приближается, — сказал Антон, первым заметив мелькание фигур за остеклением дверей и фасада. — Переговоры я начну?

— Кто же еще? Шатт-Урх пускай нас представит, а дальше — как умеешь, Тайный посол.

Отсутствие нормальной для подобного места охраны удивило Шульгина и Новикова. Ей полагалось быть — хотя бы в чисто статусных целях. Или у них действительно абсолютно безопасная планета, или оборонительный периметр вынесен за пределы острова. Столько нервничали насчет возможного огневого контакта — и ничего.

Но удивляло это только их, отнюдь не Антона. Ни на административных, ни на курортных планетах его миров о вооруженной охране силами спецназа, и даже о

¹Перри, Мэтью, коммодор флота САСШ, под угрозой военной силы вынудивший японское правительство подписать договор 1854 г., открывший, после двухвековой строгой изоляции Японии от внешнего мира, порты Хакодате и Симода для американских кораблей.

гражданской полиции никто и понятия не имел. Име-
лись другие способы, в чем форзейль убедился на лич-
ном опыте.

Так и здесь — зачем нужны «поддержатели поряд-
ка», если каждое существо обеспечено системой само-
ликвидации, срабатывающей не только при возникно-
вении *прямого умысла*, при обыкновенном сбое про-
граммы.

Антон, идя на два шага позади Шатт-Урха, с которого Удолин только что снял все «стопора и ограничите-
ли», как выразился бы Воронцов, думал не о нем. И не о том, что скажет вон тому, черноволосому, одетому в бе-
лую тогу с красной полосой (чистый римлянин эпохи
Республики), выступившему на два шага вперед от тес-
нившейся за спиной толпы.

Он удивлялся, как здесь все похоже на планету Лань-
линь, где у персон его ранга принято было проводить
отпуска, краткосрочные и длительные. Похожее содер-
жание кислорода в воздухе, близкая по стилю архитек-
тура. Что бы это значило? Та планета находилась от
Земли намного дальше, чем Валгалла, и Антон совер-
шенно точно знал, что за обозримый исторический пе-
риод никто из граждан Конфедерации здесь не бывал и
появиться сам по себе физически не мог. А поименно
известные ему сотрудники Департамента активной дип-
ломатии, если и могли, то никаких документов и запи-
сок на эту тему в открытых фондах не оставили.

И все же...

Точно так некогда удивили космобиолога Альбу аб-
солютно земные сосны на Валгалле.

Антон шел, выпрямившись во весь немалый
рост, развернув плечи, оставив за пределами всех пре-
дыдущих миров и событий тяжелые и просто ненуж-
ные воспоминания. Без всякого рекондиционирования
ощутив себя именно Тайным послом. Не какой-то там
параллельной Земли, а могучей Галактической конфе-
дерации.

Верно и вовремя Новиков о его титуле напомнил, сориентировал в нужном направлении. Так и будем работать. Андрей с Шульгиным тоже здорово сбили с толку агтров при самом первом контакте, выдав себя за представителей «третьей силы»¹. Он же и на самом деле таковым является. И не только «третьей» — четвертой, если не пятой. Как считать. Шатт-Урх это сразу усвоил, «величайшим» назвал. Отсюда и пляшем. У вас тут свои мелкие разборки, а я прислан порядок навести.

Довольный собой, Антон разжал пальцы на цевье автомата, позволил ему свободно повиснуть на ремне под левым локтем.

Эмоции Шатт-Урха он мог контролировать не хуже Удолина, только несколько в другом спектре и проекции. Их приятель, кажется, не потерял себя, держался с достоинством, поскольку побывал там, где никто из присутствующих не был, узнал много нового и интересного и вдобавок привел с собой людей, с которыми можно разговаривать.

Времени на то, чтобы анализировать дальнейший обмен мнениями дутголов, считающих себя мыслящими, не осталось.

В трех шагах носитель тоги остановился и протянул вперед правую руку с раскрытой навстречу ладонью.

Антон на всякий случай сделал то же самое.

— Господин, сними защиту с твоего мозга, тогда... сможет говорить с тобой голосом и по-русски, — сказал Шатт-Урх.

— Пожалуйста...

— Меня зовут Суних-Ерм, — отчетливым голосом диктора московского радио представился дутгур. — Я — председатель Совета мыслящих, Рорайма, руководящих правильным функционированием народа нашей планеты.

«Вот и зацепка, — мельком подумал Антон, зная-

¹ См. роман «Гамбит бубновой дамы».

ший сотни языков межпланетных рас, пользовавшихся фонетикой: агглютинирующих, корнеизолирующих, инкорпорирующих, верзоаффических и прочих. — Не могут носители таких личных имен принадлежать к той же расе, что и их правители, которых мы ищем. Элементарный признак колонизации, или — симбиоза. Суннх-Ерм, Шатт-Урх и — «ророайма», «итиакуатиара». Аналогично — Иван Обносков, начальник Рейхсзихергейстдинстамт¹. Кто в этой ситуации ведущий, кто ведомый — с ходу не угадаешь, но фонетика не обманет». Однако заниматься еще и исторической лингвистикой ему было некогда. Сделал пометку в памяти — и достаточно.

— Крайне приятно. Меня — Антон. Я — представитель Галактической конфедерации Стальных миров, носящий высочайший ранг Тайного посла, экстерриториального и свободного от предрассудков! Мне поручено выяснить, что за конфликт разразился между близкими расами этой планеты. Мы прибыли к вам с миссией дружбы и сотрудничества. Мы готовы забыть обо всех случившихся на этой планете недоразумениях, к которым вы, Рорайма, надеюсь, не имеете отношения. Итиакуатиара вас неправильно информировали, тапурукуара совершили несанкционированное нападение, уарикуэра не обеспечили теоретической базой. Это прискорбно, поскольку повлекло массу ненужных жертв. Однако несовершенная система управления не может быть поставлена в вину исполнителям. Здесь нужно спрашивать с руководителей. Согласны?

Слова Антона, подкрепленные исходящей от него нравственной силой, очевидно, расстроили Суннх-Ерма. Где-то в его организме, пожалуй, тоже сидел предохранитель, препятствующий возможности помыслить о наличии каких-то руководителей, высших по администрированию.

¹ Имперское управление государственной безопасности (нем.).

стративному, а то и биологическому уровню, чем он, Председатель.

— Мы не знаем, что такое «галактическая конфедерация ста миров», — ответил дуттур. — Ощущая твои мысли, я догадываюсь, что ты имеешь в виду звезды, наполняющие ночное небо. Но звезды — это звезды, на них не может быть жизни. Или я тебя не понимаю, или ты вводишь нас в заблуждение... Другие сказанные тобой слова тоже не имеют смысла в мире, куда ты пришел. Здесь — свои законы и правила. Тебе это понятно?

«Ах ты, сволочь, — подумал Антон, причем так, чтобы хоть это определение оказалось в сфере восприятия Суннх-Ерма. — В заблуждение! У вас тут, значит, и Джордано Бруно не было? И правильно! Зачем насекомым теория множественности обитаемых миров? Им и соседнего муравейника выше крыши...»

— Придется предъявить свои верительные грамоты, — с легким сожалением ответил Антон и повторил то, что раньше проделал с Шатт-Урхом. Не в полную силу, но основательно ударил ему по мозгам своим *нечеловеческим* стилем мышления и пакетом *неземной космогонии*. Для того чтобы понял, чтобы сообразил, с кем дело имеет.

Но фильтры между мыслящей и руководимой инстинктами частями личности у *председателя* были помощнее, чем у *жалкого интеллигента* Шатт-Урха. Не зря он был поставлен на свой пост, под который был специально заточен.

Так, вполне можно предположить, что в грамотно организованной, безопасной для обеих сторон дискуссии личность типа Сталина, правильно подобрав систему доводов, можно было бы в чем-то убедить и даже переубедить, а вот Кагановича — едва ли. Лазарь Моисеевич был абсолютно самодостаточен внутри раз и на всегда усвоенной мыслеформы. Чувствовал там себя комфортно и в рамках роли — чрезвычайно успешно.

Так и Суних-Ерм. Что-то до него дошло, но основ не коснулось. По крайней мере — внешне.

— Я бы предложил вам пройти в зал Совета и там обсудить интересующие нас вопросы, — сказал дуттур. Он был вальяжен и представителен. На голову выше Шатт-Урха. Лицо его, гораздо более европеоидное, чем у любого ранее виденного представителя этого племени, выражало достоинство. По принципу: первый парень на деревне — я. Тоже верно. Члены руководящей касты должны зрительно отличаться от нижестоящих. Как брахман от неприкасаемого, как первый секретарь обкома партии от председателя сельсовета. Всем понятно и никому не обидно. Никаких погон не надо.

Так примерно понимал о себе Суних-Ерм. К его глубокому, только не осознанному пока сожалению, Антон принадлежал совсем к другому типу не только людей, а биологических существ. Не всем и не всегда это было ясно, отчего на всей Главной исторической последовательности за полтораста лет только три человека сумели общаться с форзейлем сначала на равных, а потом и с иной позиции.

— Ваши слуги пусть остаются на месте, — сказал дуттур, и в его тоне прозвучали командные нотки. С чего вдруг?

Почти три десятка сотрудников, клерков или полноправных членов Совета толпились за спиной председателя, и лица их не выражали ничего, кроме неприязни и готовности к никакими нормами не ограниченной агрессии. Хоть клыками глотки рвать!

«Неужто я где-то слабину дал? Не стоило, наверное, говорить о дружбе и желании забыть о прошлом. Не совпало. Очень возможно, что в его системе координат посредник — не та фигура. Андрей, вспомнив о Перри, был куда более прав. Разнести для начала половину их дворца гравипушкой, потом и предложить *товарищеские* переговоры с позиции силы, на фоне горящих раз-

валин, безголовых трупов и воюющих, агонизирующих от безнадежных ран советников...»

— У меня нет слуг, — жестко ответил Антон. — Все, кто здесь, — такие же, как я. Или — сильнее, поскольку — полноправные хозяева своего мира. В отличие от тебя. Мы не хотим уничтожать вас лично и вашу цивилизацию, но если придется — сомнений не испытаем. Хотите жить — сложите оружие. Не хотите — ваш выбор. Шатт-Урх! — со всем напряжением мысли позвал стоящего рядом на подгибающихся от нервной перегрузки ногах парламентера Антон. — Покажи им Хиросиму! Или Дрезден, на твой вкус. И объясни, что это такое...

— Не слуги? — проигнорировав следующие слова Антона, спросил Суних-Ерм. Ему и Хиросима была не столь интересна, как факт равноправных взаимоотношений «высшего» существа с существами гораздо менее организованными. Или с «Артемом», от которого не исходило вообще никаких ментальных посылов. «Глиняный Голем», сказал бы кто-то, знакомый с данным уровнем мистики и некромантии. — Как же не слуги? Они не понимают мыслей и слов.

— Специально. Зачем им твои мысли? Они специально закрыли свои мысли, чтобы не мешать разговаривать нам с тобой. В зал Советов мы пойдем все. И уже там будем разговаривать, кто и как захочет. Или — не будем...

Антон увидел, как одобрительно кивает ему Удолин, приближаясь неспешными шагами, чтобы не вызвать вспышки агрессии членов Рорайма, совсем не понимающих, что происходит.

— Хорошо, пойдемте...

В словах Суних-Ерма прозвучали нотки, очень не понравившиеся Антону. Он снова поддернул автомат в положение, удобное для стрельбы.

Вслед за Константином Васильевичем подошел Новиков, прикрывавший тыл. Робот «Артем» переместил-

ся к левому краю входных арок, направив пулемет во фланг толпы облаченных в разнообразные плащи, на-кидки, тоги и туники дутгуртов. Длинная очередь, если последует приказ, — и все они тут и лягут кучей изорванных пулями тел.

А потом на их место придут другие, вообще не способные к диалогу, которых будет гораздо больше, чем патронов в ленте?

— Пойдем, — вместо Антона сказал Андрей, без всякой телепатии, и уж тем более — толерантности посмотревший на председателя тяжелым, не обещающим снисхождения взглядом.

«Неладно получается, очень неладно, — подумал он. — Что-то они крутят. Ждут помощи извне, или мы на чем-нибудь должны сорваться?»

— Как там насчет «демонов полуночи»? — спросил Андрей профессора, пока они пересекали громадный, как крытый стадион, вестибюль.

— Психофон сгущается, — ответил Удолин. — Не пойму пока — это они нас так боятся, или их самих пугают... Помнишь, как при Яшке Агранове люди, готовые кандидаты на роль светил мировой науки, с собственными комиссарами из дворников остерегались лишнее слово сказать? Я с ними после этого разговаривать перестал, а многие уж так хотели объясняться... Тюрьмы, мол, боюсь, а Горький пайки академические раздает и ордера на квартиры и дачи. Не успеешь, так и не хватит.

— Как не помнить, — согласился Новиков. — Зато ты у нас герой. В училище сидел, а не поддался. За что и люблю, при всех твоих невыносимых чертах характера. Моя б воля — на Соловки сослал, для развития истинно научного, не замутненного прозой материализма стиля мышления.

— Чем бы, скорее всего, и вошел в историю грядущих веков. Как просвещенный гонитель разума... Сей-

час предлагаю примолкнуть. Нас начинают доставать. Пока — только отраженный сигнал. Не чувствуешь?

— Кроме смутной тревоги — нет, — ответил Андрей. — Я мыслеформу прикрытия держу, сил хватает.

— Я тоже. Но главное — впереди. Только, упаси бог, не вздумайте стрелять раньше времени.

— Мы не будем. А Сашка — может. В нужное время и в нужном направлении...

Они говорили, идя по длинному коридору, местами безусловно растительно-животного происхождения — из переплетенных лиан, каких-то мягких стенок, передергиваемых судорогами перистальтики. А местами, неожиданно — в стиле хай-тек. Светлый металл и разноцветное стекло, требующие для своего производства развитой промышленности как минимум земного типа.

Зал для заседаний Рорайма вполне отвечал назначению. Огромный, с амфитеатром расположеными сиденьями, окружающими подиум для председательствующих. Только, в отличие от подобных помещений на Земле, каждое место отделялось от прочих высокими глухими переборками. Никто не мог видеть своих соседей. В этом имеется свой смысл, подумал Андрей. Нужно будет, персональный ракопаук высунется из-под кресла, перекусит пополам *несоответствующего*, и никто ничего не заметит.

Поэтому они, не обращая внимания на слова и жесты хозяев, сразу прошли к столу президиума. С шумом сложили перед собой автоматы. «Артем» с каменным лицом стал сзади и сбоку, положив ствол «ПКМ» на согнутую руку так, чтобы под прицелом находились и сцена, и амфитеатр.

— Зачем это? — явно с подсказки Суннх-Ерма спросил Шатт-Урх. Иначе откуда бы ему знать о назначении этих металлических изделий? Интеллектуалы ведь с теми, кто заведовал производством и использованием

здесьного оружия, якобы не соприкасались? И Шатт-Урх будто бы не подозревал, откуда и для чего их монстрам митральезы. — Здесь вам ничто не угрожает.

— Вам тоже, — ответил Антон, демонстративно обращаясь к Шатт-Урху. — Главное, чтобы никто не делал резких движений. Иногда ошибка бывает хуже преступления. Ты сообщил хозяину, что гравипушка флигера разнесет этот цирк шапито в пыль, независимо от нашей личной судьбы?

— Да, я довел это до его сведения. Как и то, что случилось со всеми отрядами, посланными на Землю. Почтенный Суних-Ерм мне не хозяин, всего лишь *первый среди равных*, как я уже говорил. Он был очень удивлен, что такое мощное вторжение могло произойти без его ведома.

— Что еще раз подтверждает — имеется кое-кто выше и вашей Рораймы, и даже, так сказать, тапурукуара, имеющих право стрелять по *старшим товарищам* без предупреждения. Переведи на свой язык, доступный ему русский не передаст всех нужных эмоций. Задно и спроси, так, чтобы непременно ответил: почему эта военная каста остается вне власти Рорайма? Кому она подчиняется? У них бывают совещания *равных* в присутствии *высших*? — Антон спросил и тут же почувствовал, как электрические мураски забегали по спине. И это у него, много чего повидавшего в разных жизнях, на разных планетах.

Бледнокожий председатель явным образом посерел лицом. Значит — опять попали!

Удолин толкнул Новикова коленом под столом. Приготовься, мол.

— Давайте, уважаемый Суних-Ерм, перейдем наконец к делу, — начал Андрей. — Не менее уважаемый Шатт-Урх, прилетев к нам в Африку (если вы знаете, что это и где), объявил, что от имени касты урагикуэра желает заключить с землянами мирный договор. Мы пошли ему навстречу, приняли как друга и тут же полу-

чили плазменный удар. Не будем говорить о том, что для нас подобные штуки не опаснее укуса мелкого инсектоида. Это очевидно. Но как акт агрессии мы подобную выходку восприняли. Удержавшись при этом от нанесения ответа, могущего превратить в пар целый континент. Понадеялись, что переговоры будут продуктивнее тотального уничтожения.

— Что следовало бы оценить по достоинству, — неожиданно вставил Удолин, потихоньку занимавшийся своими некромантскими приемами в отношении всего «высокого собрания» и окружающей мыслесферы.

— Совершенно верно. Мы также не ответили достойным образом на последующие, никак не приемлемые в отношениях между равноценными партнерами атаки на нашу межзвездную базу. Просто уничтожили явившиеся с явно враждебными целями десантные отряды, и все. Но вы не остановились, как требовала бы нормальная логика. Вы стали наращивать силы вторжения. Нам это надоело, и мы прилетели специально, демонстративно на захваченном десантном корабле. Для того, чтобы глядя друг другу в глаза, спросить — что вам от нас надо? Если есть достойные обсуждения претензии — мы их обсудим. Если вы воюете только по причине инстинктивной агрессивности — наш ответ не заставит себя ждать. Земле не нужны соседи, не умеющие правильно мыслить и вести себя приемлемым для нас образом.

Очевидно, слово «инстинктивной» (в переводе на местные языки, для присутствующих «дугтуров» и их хозяев безусловно разные) переполнило чью-то чашу терпения. Вернее, не слово, а понятие. В любой культуре, особенно супертоталитарной, есть вещи, которых нельзя касаться безнаказанно.

«Товарищ Сталин, гений всего прогрессивного человечества» — звучит правильно в заданной системе координат. Ничего не гарантирует, но и поводом к репрессии не является. Если чуть изменить тональность:

«Некий Джугашвили, кровавый тиран, прорвавшийся к власти», — десять лет «без права переписки» за такие слова — нормально. «С правом переписки» — это уже неизреченная милость¹. Каприз вождя.

... — Слушай, может, я выйду, прогуляюсь тут вокруг? — спросил Ростокин у Шульгина. Ему надоело сидеть в кабине флигера, медленно нагревающейся от выкатывающегося из-за крыш Совета солнца. — Осмотрюсь, систему охраны прикину. Должны ведь быть у них какие-то посты? Куда дороги ведут, тоже интересно...

— Сиди, — сквозь зубы ответил Сашка. Очень ему происходящее не нравилось. Ребята ушли внутрь здания, и, значит, стрелять по нему нельзя, если что-то начнется. Других подходящих целей, разрушение которых могло бы деморализовать противника, здесь нет. Это тоже плохо. Враг не того сорта, чтобы угрожать ему уничтожением (или пленением) не представляющих ценности функционеров.

Что бы такое придумать, сразу ломающее всю схему, разработанную, возможно, тысячи лет назад и продолжающую безупречно функционировать до сегодняшнего дня?

Так в этом и беда тех самых пресловутых «высших», неважно, существуют они на самом деле или нет. Всей Системы в целом, пусть хоть миллион лет она процветала. Потому что не сталкивалась с историческим вызовом на совершенно другом уровне. Теперь вот столкнулась. Кто проявит больше гибкости и творческих способностей, тот и победит.

¹ В советское время до 1953 г. включительно термин «без права переписки» в сочетании с приговором суда или ОСО означал расстрел. Немедленно после вынесения приговора и без права апелляции или прошения о помиловании. «С правом переписки» — как кому повезет.

Мыслеформу Шульгин начал выстраивать под влиянием буквально только что пришедшего озарения. Раньше было бы надо, да что поделаешь? На фронте, на передовой часто такие решения приходят, о каких в тылу, сидя над картой со стаканом чая с лимоном, даже и не подозреваешь.

Вопреки предыдущей договоренности (переговариваться через роботов), он включил обычную полевую радиацию, настроенную на такую же в МТЛБ. Мысли перехватывать дуттуры умеют, пусть не всегда, и очень редко — правильно, а КВ-сигнал, глядишь, прозевают. Если нет — тоже не беда.

— Игнат, ты на месте?

Ненадо ответил, что да. С дерева наблюдатель видит юго-восточную часть крыши. Вокруг все спокойно.

— Что и настораживает. Давай так. Машины с интервалом пятьдесят метров выводи вперед еще на километр. Пехота редкой цепью — следом. В пределах зрительной связи. ПТУРсы и «Василек» — на прямую наводку. «Аскольд» пусть идет самостоятельно, пока не увидит мой флагер из надежного укрытия. После этого — стоп. В полной готовности к открытию огня по любой цели. За исключением нас, — напоследок солдат стрил он.

— Будет сделано. Не подведем, Александр Иванович.

Поговорив с капитаном, Шульгин нажатием кнопки на приводном маячке посигналил Левашову. Без обозначения пространственно-временных координат Олегу найти их в чужой реальности было бы затруднительно, слишком сильно сказывался принцип неопределенности. Несмотря на все старания, после пересечения барьера ведущий луч СПВ «медузу» потерял. Как радиолокатор теряет цель, скрывшуюся за грозовым фронтом.

— Живы? — облегченно спросил Левашов, увидев

по ту сторону «окна» флигер и товарищей в отсеке управления с откинутым колпаком.

— Вроде этого. Сколько сможешь канал открытым держать?

— Сколько генераторы «Валгаллы» напряжение давать будут. Если гравитационная буря не случится.

— Ну и славно. Переключись на одностороннее окно и сиди, за мной присматривай. Я тут, как бывший циркач, хочу тебя в роли «бога из машины» поэксплуатировать. Наблюдай очень внимательно, я не знаю, что случиться может, вдруг на слова времени не останется. Самому тебе соображать придется. По месту. Ребята внутри, — он показал на «Дворец съездов», — переговоры ведут. «Артем» с ними, и они не дураки, так что от внезапных физических акций почти застрахованы. Нам с Андреем в двадцатом году на Николаевском вокзале труднее пришлось. Однако атмосфера вокруг — очень тяжелая. Душу выворачивает. Противно. Физически и психически.

— Коньячку хлебни, — посоветовал Олег.

— Хлебну, когда обстановка позволит. Ты вот давай, от пульта не отходя, человек пять роботов к себе отсвистай по тревоге. Пусть за спиной стоят. Кто со «Взломщиком», кто с ручными гранатами. И... — Сашке-специалисту внезапная светлая мысль пришла в голову, — химия нужна, боевая и демонстративная. Рысью кого-то на склад — вторая палуба, отсек шестнадцать-бэ. На стеллажах справа имеются баллоны с дихлораргином, прямо так и написано. Чудесная штука, особенно при здешней перенасыщенной кислородом атмосфере. Убить не убьет, но минимум сутки кашель, рвота, слезы и сопли обеспечены любому количеству пациентов в радиусе километра. Включая инсектоидов. Тем вообще трахеи выжжет. Чуть дальше — шашки лежат с разноцветными ядовитыми дымами. Кого надо — напугает, нас — прикроет.

— А как же вы сами?

— В Политбюро не дураки сидят, как говорил товарищ Брежнев. В наших боекомплектах респираторы есть...

— Ты чего, Саш, с кем воевать собрался? — спросил внезапно появившийся за спиной Левашова Воронцов. Весь разговор он явно слышал, только до поры не вмешивался.

— На кой они мне сдались — воевать? Попугать если, поскольку к тому все идет. Ты, Олег, еще и мой карабин ртутный возьми. Ртуть, исходя из таблицы Менделеева, получше серебра должна по нечистой силе работать...

— Ну, вы там уже до этого дошли? — с явной иронией, направленной не на то, чтобы уязвить собеседника, а, напротив, его подбодрить, спросил Дмитрий.

— Спускайся к нам, сам и сообразишь, что, почем и как...

— Настаиваешь?

— Зачем? Не хочешь — просто постой у окошка, погляди. Сочтешь нужным — примем как родного...

— Из всего вышесказанного, уважаемые Рорайма, — сказал Антон голосом, независимо от наличия микрофонов достающим до самых верхних кабинок амфитеатра, — следует, что я, как представитель цивилизации, предназначенный сохранять мир, порядок и взаимопонимание между любыми разумными существами Вселенной, предлагаю высоким договаривающимся сторонам, — он широким жестом указал на Сунных-Ерма и землян, — приступить к переговорам без всяких предварительных условий. Сначала пусть выступит хозяин здешнего Совета с изложением всех имеющихся претензий и пожеланий в адрес своих соседей по планете. Затем мы выслушаем другую сторону.

Предупреждаю об одном условии, обязательном в Галактике, — совещание может закончиться только

достижением взаимного согласия. В противном случае, я облечен полномочиями разрешить спор по собственному усмотрению.

Сказано было сильно, тем более, что свои слова Антон сопроводил должного уровня ментальным посылом.

Форзейль сознавал, что не к этим существам, выглядящим почти как люди, он обращается. Надеялся, что его слова тем или иным образом доходят до истинных хозяев здешней реальности. Совершенно правдивые слова, кстати, за одним несущественным исключением — объявленные только что права Антон потерял вместе со званием Тайного посла. Но кто об этом мог знать, кроме... Кроме директора-распорядителя Галактического цирка.

— Тревога! Ложись! — не своим голосом вскрикнул Удолин, будто опытный солдат, услышавший свист падающей прямо на позицию авиабомбы. Одной рукой с невероятной силой дернул за пояс Новикова, другой — Антона, между которыми сидел. И свалил их на пол, под крышку обширного, наверняка не сколоченного рука-ми, а выращенного стола.

На зал обрушилась темно-коричневая, вся пронизанная оранжевымиискрами и пронзительно-сиреневыми сплохами, вроде северного сияния, мгла.

— Держим, держим защиту, — не то кричал, не то беззвучно бормотал Удолин прямо в ухо Андрею, которого он накрыл своим костлявым, но очень крепким телом.

Новиков и так свою держал, не совсем понимая, от чего именно. Вроде как Портос уперся могучей спиной в оседающий, грозящий раздавить всех каменный свод. На одних инстинктах держал. «Как самый примитивный дуттур», — мелькнуло краем сознания.

Тут же услышал, как ровной строчкой бьет пулемет «Артема». Работу было наплевать на психический удар любой мощности, его позитронный, а может и ней-

тринный процессор, нерасторжимо связанный с главным сервером «Валгаллы», не реагировал на посторонние воздействия. Обстановка вышла из-под контроля людей-хозяев, и он выполнял последний по времени приказ.

«Артем» даже в этой безусловно мистической, не имеющей отношения к нормальным законам природы и оптики тьме видел как днем. Приподняв ствол «ПКМ» вверх на нужный угол и присев на одно колено, робот стрелял. Через каждые пятнадцать выстрелов он на секунду отпускал спусковой крючок, потом нажимал снова.

В его поле зрения по залу метались существа-предметы, больше всего похожие размером и видом на солдатские байковые одеяла. С шаровыми молниями по углам. Робот-андроид-киборг умел включать, в случае крайней необходимости, такие органы чувств, о которых люди-хозяева не имели понятия.

Разве может охотничья собака объяснить даже тому, кто ее с щенячьего младенчества на своих руках вырастил и воспитал, как в зарослях высокой гречихи удается перепелку сначала учゅять, невзирая на массу посторонних, куда более сильных запахов, стойкой поднять, указав хозяину, выстrelа дождаться, а потом убитую найти и принести?

«Артем» видел сущность использованного врагом порождения тьмы. Для него предыдущее слово большой буквы не требовало. Тьма — отсутствие света, всего лишь. Зато «одеяла» на рвущие их трассирующие пули реагировали. Не нравилось им это. Те, что не падали, начали сворачиваться в длинные прямые рулоны и улетать, прямо сквозь потолок.

Передавая, согласно приказу, своему дублеру «Аскольду» суть и смысл происходящего, «Артем», чтобы и хозяин-Александр понял, выпустил остаток ленты в том же направлении. Если еще не услышал, так увидит зеленые трассеры, вылетающие наружу.

Выплюнув десять пуль, лента кончилась. Робот отскочил на другую, более удобную, на его взгляд, позицию, отбросил пустую коробку и пристегнул новую. Люди, в темноте лежащие под столом, живы. Команды «отбой» не поступило, и он готов был продолжить. Но не в кого стало. Тех, что в ужасе лежали сейчас на полу своих кабинок, трогать приказа не было.

Новиков чувствовал, что в отличие от инцидентов, имевших место на Валгалле, сейчас происходящее не действует на психику. Только на периферические нервы, которые, впрочем, болели невыносимо. Все сразу. Пульпит в тридцати двух зубах, распространенный на остальные две кости.

Шульгин увидел неизвестно откуда возникшую тучу (опять тучу! Все африканские эскапады дуттуров ими непременно предварялись!), безусловно грозовую, судя по структуре и конфигурации, возникшую над восточной стороной горизонта и налетевшую в минуту, а то и быстрее. Только о существовании коричневых туч он никогда в жизни не слышал. Не тот цвет. А заметив, что она выпускает снизу вьющийся, похожий на торнадо жгутик, становящийся все толще и страшнее, направленный прямо в центр крыши здания, скомандовал Ростокину:

— Бей. На полную!

Кто его знает, была бы туча нематериальной — может, тут же всем и амбец! Но если стократная гравитация способна, по Эйнштейну, отклонять орбиты звезд, не говоря о жалких фотонах, то выстрел гравипушки, педаль которой Игорь не отпускал до самого конца батареи, сделал свое дело. Левую сторону дома Рорайма, попавшую в зону захвата луча, всей мощью направленного в центр тучи, размазало по земле в мелкий строительный мусор, самые крупные обломки вдавив до куполов подземных карстовых пещер. По центру здания

Игорь не стрелял, опасаясь поразить своих, и он выглядел целехоньким.

— Все, Александр Иванович. Заряда секунд на десять осталось, — доложил Ростокин, откидываясь на спинку кресла оператора.

— Ну и хер с ним! — отозвался Шульгин. — Где туча? Нет тучи...

Действительно, небо снова сияло яркой синевой. А то, из чего могла состоять «туча», превратилось в мезонный пар или и того мельче.

— Нормально у нас все получается, — сказал Ростокин почти спокойным голосом. Только никак не мог попасть пальцем в кнопку портсигара. Руки тряслись, будто после удара тока в триста восемьдесят вольт. Задело и их с Сашкой каким-то излучением. Но не сильно.

Шульгин ему помог. И себе взял сигарету.

Дым и пепел над площадью оседали медленно. Шульгин перебросил ноги через вырез борта, чтобы рвануться в рушащееся здание, помочь, если не опоздал, ребятам.

И прямо перед собой, в десятке метров, не больше, увидел солнечного красавца двухметрового роста, с рассыпанными по плечам золотыми волосами. Один в один как те, о которых рассказывала с замиранием сердца Лариса.

Только Шульгин к таким зихерам был нечувствителен. Ему бы лучше мрачного неумытого типа с темным ежиком от бровей и руками до колен сплошь в наколках предъявили. Интереснее, на его вкус.

На всякий случай Сашка приготовился выдернуть из кобуры пистолет быстрее, чем часы сделают «тик», но не успеют стукнуть «так».

— Достаточно, Александр Иванович, — ярко улыбнулся «ангел». — Вы свои способности показали, мы — свои. Пора поговорить на равных...

Сашка ухмыльнулся одной из своих знаменитых

улыбочек. Специальной. Друзья знали, что она означает. Прочим обычно не хватало времени, чтобы оценить.

— Конечно, парень, конечно. Как иначе? Только разобраться бы следовало, что значит «на равных»? И кто на чьей сейчас территории. Мы на твоей или ты на нашей?

— Это важно? — удивился юноша.

Шульгин прикинул — ему никак не могло быть больше восемнадцати лет.

— Крайне! — назидательно поднял он вверх указательный палец левой руки, поскольку в правой так и держал направленный в лоб «ангелу» пистолет.

Одновременно, дернув головой в сторону невидимого за «окном» Левашова, бросил по-немецки (первый язык, что на язык попросился):

— Срочно сюда Ларису. Пять минут... А ты присядь, потолкуем немного, — указал, куда именно. — Если мои друзья живы-здоровы — один разговор получится. Если нет — совсем другой...

Ростокин бежал к полуразрушенному зданию, с ужасом представляя — вдруг он своим бесшабашно-страшным ударом друзей зацепил. Или их еще раньше...

Остановился в вывернутом наизнанку коридоре, облегченно вытер пот со лба. Порядок. Все здесь и все живы. Удолин шел впереди как ни в чем не бывало, непрерывно изрекая при этом нечеловеческие заклинания пополам с обычными матерными. Для пользы дела или просто в ажиотаже. За ним Антон вел, обняв за поясницу, прилично контуженного, но самостоятельно переставляющего ноги Новикова. «Артем» прикрывал отступление. Шатт-Урха с ними не было. Да и кому он сейчас (и теперь) нужен?

Ростокин подхватил Андрея с другой стороны.

— А это у нас тут кто? — спросил Антон, опустив Новикова на теплый бетон возле флигера и с интересом оглядывая дуттура непривычного типа.

— Да вот, появился наконец товарищ из *всерьез* мыслящих. Добились мы своего... — ответил Шульгин.

— Хорошо... — Антон не успел закончить фразу, как на площади через на секунду приоткнувшееся окно возникла Лариса.

Злая, как мифическая фурия.

Нет, ну вы себе представьте — только что сэр Мэнсон Хиллард, войдя в полную силу, организовал собственный бал (пир во время чумы, если Пушкина вспомнить), миледи Отэм на нем царила, и слухи перелетали, будто она скоро адмиральшей станет. Танцует с увлечением и азартом. И вдруг возле уха — тихий голос мужа: «Быстро отойди за ближайшую колонну!»

Она привыкла повиноваться боевым командам. Выпустила из пальцев руку кавалера, что-то сказала, не задумываясь о смысле. Скрылась за колонной, и тут же — рамка прохода. Один шаг — уже «Валгалла».

— Что случилось? — раздраженно выкрикнула она в лица Левашова и Воронцова.

— Потом объясним. Туда! — Олег подтолкнул ее к окну, открывшемуся совсем в другое измерение.

— Да что вы...

И она уже стоит на бесконечной плоскости яркого бетона.

Вот секунды назад Лариса была царицей бала! Куда там пресным английским дамам, на которых нормальному человеку без внутреннего протеста смотреть невозможно! Сама собой редкая красавица, и последние парижские туалеты, и туфельки на десятисантиметровых шпильках, от которых ее предостерегал Кирсанов, а она удержаться не смогла. Макияж такой — Клеопатра отдыхает. Восхищение, злоба и зависть кейптаунского общества сочетались примерно в равных пропорциях.

И вдруг — появилась здесь ниоткуда, повела вокруг сверкающими глазами, взмахнула тщательно накрашенными ресницами, попутно выражаясь один в один

с боцманом славного крейсера «Рюрик». Достали ведь, со своими эскападами историческими... Зацепилась взглядом за только что вышедших из очередной заварухи друзей и тут же увидела ЕГО!

Рефлекторно шлепнула ладонью по бедру, но под этим платьем у нее пистолетов не было.

Но и без этого все сейчас выходило наоборот. «Ангел», или, скорее, «ангелочек» поплыл при виде этой женщины. Своей мечты. Его не слишком отягощенное печатью интеллекта лицо Нарцисса повело гримасой плотского вожделения. Чему удивляться — тщательно культивируемые для других инстинкты не могут не зацепить и «культиваторов». Тем более что такие инстинкты — они и в Африке не слабее, чем в странах развитой эротической культуры, вроде Индии.

Тот раз они накрыли Ларису волной невыносимой сексуальной жажды, сейчас она ответила тем же. Не зря в пещерах пропускала по нервам генерируемые «дисками» сигналы, запоминая и усваивая то, что может пригодиться в предстоящей войне. Большинство обычных людей под невыносимым психологическим напором, страха ли, алчности, чего другого, просто сдаются на милость победителя. Меньшая часть держится, пока не сломается, вроде твердого дерева. А Лариса была как бы ивой — пригнуть можно, но не больше. А уж разогнется — не взыщите.

Юноша смотрел на нее, едва ли не слюни пуская, а что там у него под тогой творилось...

Сейчас из всех присутствующих только Шульгин сохранял полный самоконтроль и мог оценивать обстановку. Кажется, они выигрывали. Выигрывали по всем статьям. Лариска была зверски хороша своей ефремовской раскованной сексуальностью. Но он ее видел и в других вариантах. Посложнее и покруче. Где она умела быть просто страшной. Без оговорок.

— Иди ко мне, *мальчик*, — поманила рукой Лариса, медленно отступая к флигеру. — Будешь себя хорошо

вести — полетим сейчас в наши края. Там куда интереснее, чем в пещерах. Ты был там — с теми, что меня ловили? — она выбросила вперед руку.

— Был, — покорно согласился «ангел», как готовящийся к порке гимназист. — Отцы нас послали. Они сказали — вам пора знакомиться с женщинами. У нас для «высочайших» подходящих женщин мало. Зато мы умеем делать послушными женщин из вашего мира.

— Промазали, мальчики, ох как промазали, — сказала Лариса, внезапно успокаиваясь. Она думала, что с самими «высочайшими» встретилась, а тут — детишки. В старые времена для таких специальных горничных нанимали, чтобы научили чему надо, и без последствий.

— Придется вас в другом месте повоспитывать. Игорь, ты в порядке? Помоги пареньку в портал войти...

Левашов, из предосторожности так и державший «окно» в одностороннем режиме, при этих словах его открыл.

Ростокин ощутимо ткнул «ангела» прикладом в поясницу.

— Я сам пойду, — он не отрывал глаз от Ларисы, все больше убеждаясь, что «отцы» не ошибались, устраивая охотничью экспедиции за земными женщинами.

Только Удолин остался равнодушен к происходящему. Гораздо больше его волновало другое.

— Ребята, когда нас в зале накрыло, я еще кое-что почувствовал. Даже для меня с трудом переносимое. Шатт-Урх ментально визжал, как поросенок. Ихний «спецназ» за нами идет. Пора сматываться. Этот пацаненок, попросту говоря, сдуру высунулся. Решил себя в «настоящем деле» испытать. Заодно и выяснить, как бы с Ларисой еще раз повидаться... Он сам там не был, но картинки, привезенные салагами постарше, видел. И запал, как у вас говорят...

— Тогда — бегом, — распорядился Шульгин. — Сами живы, заложника имеем. Будет о чем с «папашами» поговорить.

— Да-да, быстрее, парни, быстрее, — непривычно суетился Удолин. — Вий приближается... Совсем скоро полночь, часы начинают бить... Пятый удар, кажется...

— Какая, на хрен, полночь? — возмутился вставший на ноги Новиков. — Утро в разгаре...

— Это здесь — утро. А там...

Константин Васильевич, не соблюдая больше никаких правил этикета и субординации, изо всех сил толкнул Андрея в окруженную сиреневым ободом рамку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	40
Глава 4	63
Глава 5	85
Глава 6	109
Глава 7	136
Глава 8	164
Глава 9	186
Глава 10	210
Глава 11	227
Глава 12	251
Глава 13	271
Глава 14	291
Глава 15	312
Глава 16	339
Глава 17	361
Глава 18	378
Глава 19	398
Глава 20	416

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

СКОРО ПОЛНОЧЬ

Том второй

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Подписано в печать 26.10.2009.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 28 100 экз. Заказ № 7997.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 978-5-699-39131-8

9 785699 391318 >

ISBN 978-5-699-39134-9

9 785699 391349 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksamo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksamo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksamo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksamo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksamo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksamo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрязерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СКОРО
ПОЛНОЧЬ

Где бы они ни появились в надежде на тихое пристанище, через некоторое время туда приходит война, и неважно, в какой из реальностей Новиков, Левашов, Шульгин и их соратники по «Андреевскому братству» оказываются на этот раз. Что это – страшная закономерность, жестокая судьба или гипотетические Держатели Мира снова и снова решают проверить их на прочность или выявить пресловутый предел возможностей? Калейдоскоп миров и времен на этот раз переносит друзей из охваченного боями Трансвааля на Валгаллу, в одночасье превратившуюся в «поле брани», заставляя наконец принять решение о последнем и решительном сражении с дуггурями, чье нашествие угрожает самому существованию человечества. Однако не все так просто и однозначно, и победа в битве не всегда означает выигранную войну...

ISBN 978-5-699-39131-8
9 785699 391318 >
